

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АНТИЧНЫЙ ГОРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. И. БОЛТУНОВА

История античного мира, это в значительной степени — история античных городов. Культура античного мира, внесшая бесценный вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры, это — культура, созданная античными городами.

В процессе многовекового развития античного города его социально-экономический, политический и культурный облик претерпевал значительные изменения. Кроме того, географические условия, этническое окружение, исторические судьбы сильно влияли на формирование особенностей каждого отдельного города. Однако в развитии социально-экономической и политической структуры и культурного облика античный город подчиняется некоторым общим закономерностям развития античного рабовладельческого общества. Изучение античного города-государства как в прошлом, так и в настоящее время стоит в центре внимания археологов-антиковедов.

Наша отечественная дореволюционная наука имеет ряд серьезных достижений в области изучения античных городов и их культуры, особенно изучения античных городов Северного Причерноморья. В течение ряда лет велись раскопки Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, курганов и грунтовых могильников вокруг этих городов и на Таманском полуострове; накоплен большой археологический материал, собраны и опубликованы найденные в пределах нашей Родины греческие надписи, издан свод текстов античных писателей о Скифии и Кавказе, написан ряд ценных исследований по истории и истории культуры античных городов. Советские ученые с уважением и благодарностью относятся к научному наследию своих предшественников и учителей, Ф. Ф. Соколова, И. Помяловского, В. В. Латышева, Б. В. Фармаковского, С. А. Желобелева, и таких неумолимых тружеников археологической науки, какими были К. К. Косцюшко-Валюжинич и В. В. Шкорпил.

Однако, только в годы Советской власти для археологов-антиковедов нашей страны стали возможными постановка и исследование основных проблем античного города-государства. Правильное марксистско-ленинское понимание законов исторического развития человеческого общества, твердая теоретическая основа, создание больших научных центров, всесоюзных и республиканских, планирование и координация археологических исследований создали предпосылки для широкого развертывания работы археологов по изучению античных городов на территории нашей Родины. Усовершенствование методики полевых исследований, внимательное изучение состава культурного слоя, исследование истории городов в неразрывной связи с окружающей их сельскохозяйственной территорией дали возможность решить ряд важных вопросов социально-экономической, политической и культурной жизни античных городов-государств, что было не под силу дореволюционной науке. Значительно расширились и территориальные рамки работ; наряду с систематическими исследованиями основных античных центров Северного Причерноморья — Тирь, Ольвию, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Танаиса, ведутся исследования и малых античных городов, как Керкинитиды, Калос-Лимен, Мирмекий, Тиритака, Нимфей.

Илурат, Китей, Кефы, и сельских поселений, составлявших сельскохозяйственную экономическую базу античных городов. Кроме того, только за последние десятилетия стали известны античные городские центры в Средней Азии и Закавказье и начаты их систематические исследования; вышли в свет труды советских ученых, посвященные античным городам западного и южного Причерноморья.

Данный сборник статей об античных городах-государствах содержит ряд исследований как по общим вопросам развития античного города-государства, так и по различным вопросам истории отдельных городов, их экономики и культуры. Особое значение имеет статья В. Д. Блаватского «Античный город», вводящая в широкий круг основных проблем рабовладельческого города-государства. Остальные статьи построены почти все на материале археологического изучения Северного и Восточного Причерноморья. Для советских историков-антиковедов было бы очень ценно освещение вопросов экономики и культуры эллинских городов-метрополий, выведивших свои колонии на северное и восточное побережье Черного моря или имевших экономические и культурные связи с изучаемыми городами, такими как Милет, Афины, Гераклея, Родос, эллинистические города Малой Азии и Ближнего Востока. Статья И. Б. Брашинского освещает торговую деятельность Синопы — одного из основных эллинских центров, поддерживавших интенсивные связи с городами Северного Понта. Г. А. Кошеленко в своей статье связал вопрос об архитектуре жилых домов Парфии с общей проблемой эллинизма на Востоке.

Малоисследованному периоду угасания античной культуры на территории Боспора посвящена статья И. Т. Кругликовой. Большой интерес представляет статья А. М. Апакидзе, подводящая итоги исследований античных городов Грузии. Статья Д. Б. Шелова об экономической жизни Танаиса вскрывает специфику этого греко-варварского города-эмпория на далекой окраине античного мира. Принципиально важный вопрос о причине греческой колонизации и характере раннего ее этапа поставлен В. В. Ламиным на материале раскопок древнего античного поселения на острове Березань. Однако основные положения статьи, крайне спорные и недостаточно аргументированные, остаются дискуссионными. Очень интересный и важный вопрос о культурном наследии античности, воспринятом ранне-средневековыми городами, освещает на материале раскопок в Херсонесе А. Л. Якобсон.

Советскими антиковедами проделана большая работа по изучению античного города; но результаты этой работы далеко еще не достаточны. Работа по археологическому изучению античных городов Армении и Колхиды лишь начинается. При интенсивной работе по исследованию городов Северного Причерноморья изучение таких городов, как столица азиатского Боспора — Фанагория, или такого крупного центра, как Горгипсия, явно недостаточно. Исследование Гермонассы по существу еще не начиналось. Далеко недостаточны работы по изучению сельскохозяйственных территорий, принадлежащих городам, хозяйственной базой которых они являлись. Кроме того, если сельские поселения Нижнего Побужья и Поднепровья, Гераклеяского полуострова и восточного Крыма изучаются довольно интенсивно, то о сельскохозяйственной округе городов азиатского Боспора мы знаем еще мало. Статья Н. И. Сокольского, изложившего добытый им новый и яркий материал раскопок города Кеф, показала, какие важные вопросы истории Боспора встают перед исследователем Таманского полуострова.

При успешной разработке нашими антиковедами вопросов экономики античных городов, ремесленного производства, промыслов, торговли, денежного обращения, сельского хозяйства следует признать, что безусловно недостаточно внимания уделяется в наших исследованиях вопросам культуры, в частности — религии, культов.

Перед советскими антиковедами встает задача более широкого планомерного изучения античных городов Причерноморья, Средней Азии и Закавказья в связи с общей историей городов античного мира и основными закономерностями развития античного рабовладельческого общества.

АНТИЧНЫЙ ГОРОД

В небольшом вводном очерке, разумеется, невозможно исчерпать все многообразие вопросов, связанных с античным городом, или хотя бы с его экономикой и культурой. Не претендуя на это, мы попытаемся лишь в общих чертах обрисовать некоторые главнейшие проблемы и наметить пути их разработки.

Предметом нашего очерка являются греческие и римские города эпохи рабовладения, т. е. полисного типа или, по крайней мере, порожденные полисной системой. Такие города не были однотипными, они представляли собой различные варианты, но ведущим среди них всегда был полис.

Конечно, каждое исследование, посвященное генеральным проблемам истории античного мира, в том числе проблеме урбанизма, не может замыкаться в рамки только греко-римского общества, а требует также включения в орбиту исследования и иранского мира — державы Ахеменидов, Аршакидов и ранних Сассанидов, ибо судьбы Ионии были тесно связаны с Персией, Селивкиды владели иранскими городами, а в позднеэллинистический период и во времена Римской империи исторические судьбы Востока и Запада сплелись в очень сложный клубок. Однако, так как предметом нашего преимущественного внимания будут города типа полисов, нам представляется возможным ограничиться рамками средиземноморского и черноморского бассейнов. Непосредственной же задачей нашего очерка является попытка общей характеристики средиземноморских античных городов, дабы показать, какое место среди них принадлежало городам на Северном Понте.

Сначала коснемся терминов, означающих город. Древнегреческое слово *ἄστυ* отвечает санскритскому *vastu* (жительство) и славянскому «весь» (село). Термину *ἄστυ*, означающему населенный пункт, противостоит наименование *πόλις* (*πόλις*), этимологию которого можно сопоставить с глаголом *πολέω*, имеющим значение «переворачиваю», «пашу» и «населяю», «обитаю». Таким образом в понятие *πόλις* входят ¹ пашня, т. е. территория, и населенный пункт.

Латинский термин, означающий город, особенно большой — *urbs*, имеет довольно прозрачную этимологию ² от *urbare* — *urbare* — «очерчивать», «опахивать округность» — обряда при основании города. Менее ясна этимология термина *oppidum*, который прилагался к небольшому провинциальному или даже варварскому городу.

¹ Ср. русское слово «место», от которого происходит термины «местность» и «местечко»; напомним, что в юго-западном крае так именуется небольшой город.

² Dig., L, 16, 239, § 6 (Pomponius, libro singulari Enchiridii): *Urbs ab urbo appellata est; urbare est, aratro definire; et Varus ait, urbem appellari curvaturam aratri, quod in urbe condenda adniberi solet.*

Латинские авторы давали различные толкования этого термина. Согласно Варрону, термин *oppidum* означает укрепленное поселение³.

На протяжении длительной истории античного мира значение названных терминов не оставалось неизменным. Напротив, с течением времени в них вкладывалось новое содержание, коль скоро в общем ходе развития общества претерпевал некоторое изменение и характер населенных пунктов.

Имеющее параллели в индоевропейской терминологии понятие *ἄστυ*, обозначавшее населенный пункт, видимо существовало еще до возникновения полиса, возможно еще в III тысячелетии до н. э. Во II тысячелетии до н. э. этот термин засвидетельствован линейным письмом В, где он читается как *wa-tu* — *Ἄστυ*⁴. Примечательно также наименование сына Гектора Астианактом.

Ἄστυ представлял собою *refugium* для населения сравнительно небольшой округи. Еще мало развитое ремесло такого города обычно имело локальное значение. Хозяйство носило полунатуральный характер. Рабство еще было мало развито. Пережитки таких убежищ встречаются в северном Эпире вплоть до эллинистического времени. Это было обусловлено застойным характером жизни глухой горной местности, где обитали разделенные горными хребтами, мало связанные между собою общины.

Однако каково бы ни было происхождение рассмотренных терминов, в дальнейшем в период развитой городской жизни античного общества названные слова употребляются без особой отчетливости; разве только слова *πόλις* и *ἕρως* подчеркивают, большие размеры населенного пункта, но и то далеко не всегда. Так, например, употребление слов *πόλις* и *ἄστυ* Геродотом не отличается отчетливостью: он прилагает термин *πόλις* и к небольшому городу Феспиям⁵ и к весьма значительному⁶ городу — Афинам⁷. Вместе с тем⁸ тот же город — Афины он называет *ἄστυ*⁹. Равным образом Геродот именует город Борисфенитов и *ἄστυ*¹⁰ и *πόλις*¹¹.

Переселение дорян в XII в. до н. э. и последовавшие за ним события создали предпосылки для формирования государств-городов—полисов, прежде всего Спарты. Спарта, первоначально представлявшая собой дорийский лагерь, была обществом, экономика которого базировалась на сельском хозяйстве. Этот период спартанской истории скудно освещен древними источниками и сильно затемнен новыми гиперкритиками; восстановлению его может способствовать ретроспективный прием; например, наблюдения над праздником *Καρυῖα*, справлявшимся в Спарте после летнего солнцестояния. Как известно Аполлон *Καρυῖος* является покровителем стад, а совершавшийся во время праздника обряд *σταφυλοδρόμοι*¹² был тесно связан с виноградарством. Вместе с тем в ритуал этого праздника входила жизнь в палатках, подчиненная строгой организации лагерного порядка.

По всей видимости, именно в таких условиях родилось понятие полис — объединившее представление о государстве в целом и его политическом центре. Именно в этот период формирования спартанского общества представление о сельскохозяйственной территории и населенном пункте, заключавшееся в самой этимологии слова *πόλις*, дополнилось новым смысловым содержанием, неразрывно связанным с возникшей в это время новой социальной структурой— раннегреческим государством.

³ V a r r o., De lingv. lat., V, 141.

⁴ В. Георгиев. Словарь крито-микенских надписей. София, 1953, стр. 74, 81.

⁵ H e r o d., VIII, 50.

⁶ V. E h r e n b e r g. Der Staat der Griechen, I. Leipzig, 1957, стр. 24 и сл.

⁷ H e r o d., VIII, 41.

⁸ Кроме того, термин «полис» употребляется Геродотом и для обозначения Афинского государства (H e r o d., VIII, 49).

⁹ H e r o d., VIII, 51.

¹⁰ H e r o d., IV, 78.

¹¹ H e r o d., IV, 79.

¹² В. В. Л а т ш е в. Очерк греческих древностей, II. СПб., 1899, стр. 158 и сл.

В пользу весьма древнего происхождения понятия πόλις, имевшего значение — город, политический центр, свидетельствует и Фукидид¹³, сообщающий нам, что еще в его время афиняне называли Акрополь городом, ибо он был заселен в древнее время: καλεῖται δὲ διὰ τὴν πολλὰν αὐτῆ κατοίκησιν καὶ ἡ ἀκρόπολις μέχρι τοῦδε ἔτι ὑπ' Ἀθηναίων πόλις.

Переход дорийского военного лагеря времен так называемого возвращения Гераклидов (т. е. XI в. до н. э.) к городу классического периода полисов был длительным и сложным процессом, который протекал не везде одинаково. Различные общины нередко в том или ином отношении обгоняли своих соседей или же отставали от них. В Спарте очень рано (еще в IX в. до н. э.) появились общественные институты, известные по законодательству Ликурга¹⁴, ее храмовое зодчество свидетельствует о раннем переходе семейно-родового культа Артемиды Орфии в культ гражданской общины¹⁵. Вместе с тем Спарта оставалась весьма консервативной в отношении градостроительства; во времена Фукидида¹⁶ она еще не была объединена синоикизмом и по старине состояла из селений (κῶμαι).

В VIII—VII вв. до н. э. возникает и формируется большинство эллинских государственных образований — полисов. Они состоят из двух компонентов: 1) экономического и политического центра — города (также именовавшегося полисом) и 2) сельскохозяйственной территории — хоры. Полисная хора является собственностью гражданской общины, а владеть землей обычно имеет право только гражданин данного полиса.

Первоначально греческие полисы повсеместно имели земледельческий характер, а среди населения городов было много земледельцев. Да и в дальнейшем основная масса античных городов сохраняла тесную связь с ближайшей земледельческой округой.

Ставшие центрами полисов греческие города иногда были прямыми преемниками эгейских ἀστῆ. В городах сосредоточилось ремесло каждой общины, имевшее по большей части локальное значение, что отчасти было обусловлено слабым развитием рабства. Города являлись также политическими и культурными центрами сельскохозяйственной территории — χῶρα, а нередко также и культовыми.

Греческая культура и в дальнейшем имела городской характер, во всяком случае в основных чертах¹⁷. С эллинскими городами были связаны главнейшие достижения греческого искусства, науки и техники.

В рассматриваемое время полисы были экономически разобщенными, замкнутыми общинами, являвшимися небольшими частями обширной этнической общности. Грандиозный союз племен времени Троянской войны сменяется множеством полисов, обязательно небольших по территории, всегда с ограниченным числом граждан. Эти строго лимитированные возможности роста населения в государстве полисного типа с полной отчетливостью выступают в теоретических построениях Платона¹⁸ и Аристотеля¹⁹. Однако политическая децентрализация эллинов отнюдь не устраняет наличия «племенных» союзов, таких как объединение ионийских городов

¹³ Thuc., II, 15, 6.

¹⁴ К. Петер. Хронологические таблицы греческой истории. М., 1893, стр. 23 и сл.

¹⁵ В. Д. Блаватский. О развитии эллинского храма. Сб. «Гаврил Кадаров», часть первая. София, 1950, стр. 71, 74.

¹⁶ Thuc., I, 10, 2.

¹⁷ Правда, нужно оговориться, что, помимо «большой» городской культуры, в эллинском мире существовала еще «малая» культура деревень, картину которой нам дают некоторые комедии Аристофана и другие письменные источники. Представления об этой сельской культуре отчасти пополняются исследованиями территорий, принадлежавших северо-понтским городам-государствам, которые велись последнее время. Однако вопрос об этой отрасли античной культуры не входит в задачу настоящего очерка.

¹⁸ Platon., Leg., V, 737, D — E; 740, D — E.

¹⁹ Arist., Polit., VII, 4, 7.

Малой Азии, преследующих культовые и отчасти политические цели, или более универсальная по программе Дельфийская амфиктиония.

В политическом отношении рассматриваемое время было периодом спартанской гегемонии; это была *ἡγεμονία* в буквальном смысле слова, т. е. военное предводительство, почти не отражавшееся на экономической и культурной жизни союзников ²⁰. Находившийся под эгидой Спарты Пелопонесский Союз в основном был племенным союзом дорян ²¹ метрополии, сохранявшим автаркию входивших в него общин.

Экономические условия периода возникновения эллинских рабовладельческих государств отличаются малой производительностью рабского труда, в частности в сельском хозяйстве. Это приводило к сравнительно небольшому количеству излишков сельскохозяйственных продуктов ²², лимитируя рост городов. Появившиеся в таких условиях, характерные для Греции многочисленные, по большей части небольшие, городские центры сохранялись в течение долгого времени, чему способствовали и географические условия, усиливавшие разобщенность небольших государственных образований.

Вопрос о пище для прокормления рабов и, разумеется, рабовладельцев всегда был первостепенной экономической задачей в условиях рабовладельческого строя. Уже очень рано с появлением значительных центров ремесла — крупных ремесленно-торговых городов — наблюдаются попытки обеспечения их хлебом, приобретенным у варваров через посредство торговых факторий — эмпориев или основанных в варварских странах городов — апойкий.

Крупные ремесленно-торговые центры во времена архаики не были особенно многочисленными. Как уже было отмечено, большинство государств-городов — полисов представляло собой небольшие экономически самостоятельные и мало связанные одна с другой единицы, основу экономики которых составляло сельское хозяйство.

В культурной жизни описываемого времени заметны некоторые черты локального своеобразия. Так, в художественном творчестве выступают особенности, присущие отдельным эллинским племенам (дорьянам, ионянам, эолиянам), племенным ответвлениям (например, западным дорьянам, северо-восточным эолиянам) или даже полисам (Спарта, Коринф, Родос, Самос, Милет, Афины). Эти особенности наблюдаются в типах храмов и местных вариантах ордеров, своеобразии скульптурных школ, большим числе центров, изготовлявших расписные вазы в VIII—VI вв. до н. э. (пока эти центры не были заглушены расцветом аттической вазописи в V в. до н. э.).

В религиозной жизни, при наличии всеэллинского олимпийского пантеона, местные боги — патроны гражданской общины — нередко выступали в различных аспектах; еще более локальный характер имели нимфы — обитательницы различных урочищ, и особенно герои родоначальники. С этим, лишенным универсализма и отвлеченности, узко локальным характером эллинских божеств, возможно, связана свойственная грекам конкретность мифологических образов, обусловившая антропоморфное восприятие богов и вместе с тем способствовавшая зарождению и развитию скульптуры с ее характерными чертами.

Мы, разумеется, вовсе не намереваемся отрицать наличие определенного единства самобытной греческой культуры, отчетливо выступающей и в дополисный период.

Обычной особенностью города раннеполисного времени (VIII—VII вв. до н. э.) является наличие двух элементов: 1) убежища-акрополя *ἄστυ* и 2) неукрепленного нижнего города с экономическим центром — рыночной площадью — агорой. По-

²⁰ Можно только отметить, как характерную особенность спартанской политики, стремление поддерживать те группы населения, которые стремились к ниспровержению тираний.

²¹ П. Б и б и к о в. Очерк международного права в Греции. М., 1852, стр. 63 и сл.

²² О сравнительно невысокой производительности сельского хозяйства в ряде областей в рассматриваемое время говорит хотя бы положение аттических гектемориев. Ведь необходимость для должников отдавать займодавцу шестую долю урожая ставила гектемория в крайне тяжелое положение (P l u t., Solon, XIII). Другими словами труд земледельца едва обеспечивал существование его вместе с семьей.

добный облик греческий город имел во времена господства эллинской родовой аристократии — приемницы ахейских анактов.

Такой характер большинство древних городов сохраняет ²³ до VI в. до н. э. (а иногда и позднее), когда появляются оборонительные стены нижнего города, что в значительной мере изменяет функции акрополя и теснейшим образом связано с большими социальными сдвигами VI—V вв. до н. э.

Усиление экономической и политической роли разбогатевшей рабовладельческой демократии, нужно думать, было тем фактором, который вызвал увеличение общественного значения нижнего города и повлек за собою обнесение его оборонительными стенами. Согласно мнению Аристотеля ²⁴, высказанному им в трактате «Политика», наличие акрополя подходит для олигархических и монархических государств, одинаковое укрепление всех частей города — для демократических, а для аристократических лучше, когда имеется несколько укрепленных пунктов (οἷον ἀκροπόλις ὀλιγαρχικὸν καὶ μοναρχικόν, δημοκρατικὸν δ' ὀμαλότης, ἀριστοκρατικὸν δὲ οὐδέτερον, ἀλλὰ μᾶλλον ἰσχυροὶ τόποι πλείους). Так или иначе, но с VI—V вв. до н. э. оборонительные стены, за редкими исключениями, становятся характерной особенностью античного города, которая сохраняется и в городах феодальной эпохи.

Значительным новым фактором развития урбанизма в VIII и особенно в VII—VI вв. до н. э. были большие колонизационные волны, устремлявшиеся из метрополии на восток, запад и северо-восток, в частности на северные берега Понта.

Вопрос об избытке свободного населения, постоянно порождаемом полисной структурой общества и вызывавшем принудительную эмиграцию, достаточно разработан. Здесь отметим, что одной из предпосылок колонизации нередко была экономическая экспансия городов метрополии. Конечно, наиболее интенсивной она была в центрах со значительно развитыми ремеслом и торговлей. В описываемое время уже намечаются определенные экономические ареалы, связанные с колонизационной деятельностью крупных полисов метрополии, как, например, Милета на Понте или Коринфа на Западе.

Расстояния, которые преодолевали греческие купцы в архаическое время, иногда бывали довольно значительными. Таковы, упомянутое Геродотом плавание самосцев в Тартес ²⁵ или, засвидетельствованное надписью ²⁶ на сосуде примерно начала VI в. до н. э. путешествие купца (вероятно, с Борисфениды или из Ольвии) вверх по Бугу на 300 км. Позднее, в IV в. до н. э., такие плавания иногда простирались на очень далекие расстояния, как, например, массалиота Пифея ²⁷ на «остров» Фулу.

Еще дальше, чем греческие купцы, проникали греческие товары, продвигавшиеся далеко в варварский мир через руки ряда посредников; отметим античные бусы в Белоруссии, греческую керамику конца VI — начала V в. до н. э. в районе Курска, ольвийские бронзовые зеркала около Орска. Однако, хотя греческие изделия завозились на значительные расстояния от эллинских центров, они все же не оказали сколько-нибудь значительного воздействия на хозяйственную жизнь варваров.

Характерной особенностью старых ²⁸ городов метрополии была стихийно складывавшаяся беспорядочная планировка нижнего города, наглядным примером которой могут служить жилые кварталы Афин. Колонизационная волна VII—VI вв. до н. э., вызвавшая основание многочисленных новых городов, строившихся по единому плану с регулярной нарезкой одинаковых участков для переселенцев, могла породить

²³ A. v. Gerkan. Griechische Städteanlagen. Berlin und Leipzig, 1924, стр. 18 сл.

²⁴ Arist., Polit., VII, 10, 4.

²⁵ Herod., IV, 152.

²⁶ Б. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища. СА, 1959, № 1, стр. 259 сл.

²⁷ D. Stichtenoht. Pytheas von Marseille über das Weltmeer. Weimar, 1959.

²⁸ Arist., Polit., VII, 10, 4.

и в конце концов породила новую систему планировки, обычно связываемую с именем милетского архитектора Гипподама. В Северном Причерноморье эта система засвидетельствована с VI в. до н. э. в Ольвии²⁹ и в Фанагории³⁰. Регулярную систему планировки имел также и Херсонес Таврический³¹, возникший в последней четверти V в. до н. э.

В V в. до н. э. эта система была распространена в ряде городов; ярким образом ее является планировка Олинфа. Существует мнение, что названная система представляет собой наглядное проявление равенства граждан в демократическом полисе. В связи с этим следует напомнить, что в демократическом полисе имелась нередко значительная масса свободного бесправного населения типа афинских метеков, испытывавшая не только политический, но и экономический гнет со стороны граждан.

То же самое, по всей видимости, имело место и в демократическом Олинфе. Там северная часть города расчленена на прямоугольные кварталы, состоящие из домов³², каждый площадью около 280 кв. м. В южной части города, вероятно населенной метеками, находились небольшие двухкомнатные дома, площадь которых была в три-четыре раза меньше, чем в домах северной части³³.

В начале V в. до н. э., после разрушения Милета и ряда других событий, способствовавших подъему Афин, создаются особо благоприятные условия для афинской экспансии. В дальнейшем Афины, захватившие гегемонию в союзе морских полисов, постепенно превращают прежних союзников в своих подданных. Так образуется афинская *ἀρχή*.

Становление ее знаменует коренные изменения в экономическом положении как Афинского государства, так и подчинившихся ему полисов. Все это приводит к значительному нарушению прежней экономической замкнутости многих полисов. Тяжелые повинности, которыми облагают афиняне «союзников» в виде уплаты фороса и необходимости подлезать суду афинских заседателей, приводят к тому, что значительная часть эллинских полисов утрачивает экономическую и политическую независимость, лишаясь автаркии. На Северном Понте эти тяготы выпали на долю Тиря, Ольвии³⁴, Нимфея³⁵, а возможно, и еще некоторых городов.

Сделаем попытку выяснить, в какой степени была нарушена экономическая независимость полисов, подчинившихся афинской *ἀρχή*, и вместе с тем в какой мере форос, поступающий в аттическую казну, способствовал увеличению материального благосостояния Афин. Для этого необходимо установить, каковы были масштабы эксплуатации афинянами их союзников. Мы отнюдь не беремся полностью разрешить этот вопрос, коль скоро проблема истории труда в античном обществе еще далеко не разработана. К тому же мы не располагаем достаточными сведениями, чтобы во всех подробностях восстановить картину снабжения населения в греческих полисах классического времени.

Не касаясь, вероятно, менее постоянной статьи доходов³⁶ — как беспринципное ограбление богатых граждан «союзных» полисов путем возбуждения процессов в афин-

²⁹ Б. Ф а р м а к о в с к и й. Розкопывания Ольвии, р. 1926. Одесса, 1929, стр. 40.

³⁰ В. Д. Б л а в а т с к и й. О строительном деле Фанагории. ДСИФ МГУ, кн. 10. М., 1950, стр. 35.

³¹ Г. Д. Б е л о л. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 41.

³² D. M. R o b i n s o n. Excavations at Olynthus. Baltimore — London — Oxford, II, 1930; VII, 1938 и XII, 1946.

³³ D. M. R o b i n s o n. Указ. соч., XII, табл. 272.

³⁴ В. В. Л а т ы ш е в. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 45—46, примеч. 18.

³⁵ Т. В. Б л а в а т с к а я. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, стр. 68 сл.

³⁶ Свидетельство Аристофана (Vespas, 660) позволяет сделать вывод, что в 422 г. до н. э. афинские доходы, получаемые от союзников, составляли 2000 талантов, т. е. примерно $\frac{2}{3}$ составлял форос и $\frac{1}{3}$ получали в результате судебных процессов или в виде различных пошлин и прочих поборов.

ском суде и иных поборов, рассмотрим только более точно известные размеры форо́са.

Согласно свидетельству Фукидида, в начале Пелопонесской войны афиняне ежегодно собирали 600 талантов форо́са³⁷. По эпиграфическим данным³⁸, в 425 г. до н. э. форо́с возрос до 1300 талантов³⁹. Эти цифры сами по себе, или перевод их на современные валюты по золотому эквиваленту, мало что говорят; слишком изменились все экономические и социальные условия за прошедшие тысячелетия. Мы постараемся применить, правда, тоже несколько условную меру, однако, как представляется нам, более показательную. Попробуем определить, какой труд должен был быть вложен, чтобы выручить те 600 талантов, которые вымогались в виде форо́са в 30-х годах V в. до н. э. В основном рабы, игравшие ведущую роль в производстве при рабовладельческом строе, были малоквалифицированными работниками⁴⁰. Доход от труда таких работников, а именно рабов-горнорабочих в Лаврионских рудниках обычно равнялся 1 оболу⁴¹ в день⁴². Следовательно, такой раб мог дать доход в год около 360 оболов, т. е. 60 драхм, а 100 рабов—6000 драхм, т. е. 1 талант. Таким образом 600 талантов в год мог доставить труд примерно 60000 рабов (малоквалифицированных), а для 1300 талантов требовалось располагать доходами от труда 130000 таких же рабов.

По словам Ксенофонта⁴³ в его трактате *Πόρος ἤ περί προσόδου*, написанном около

³⁷ Т h u c., II, 13, 3.

³⁸ С I A, I, № 37.

³⁹ Согласно Плутарху, форо́с, которым Аристид обложил союзников, составлял ежегодно 460 талантов; Перикл довел эту сумму до 600 талантов, а демагоги после смерти Перикла увеличили эти поборы до 1300 талантов (P l u t., Aristid., XXIV).

⁴⁰ Другим эквивалентом может служить сводка цен различных товаров (в том числе предметов первой необходимости и роскоши), а также сведения о размерах заработка у представителей различных профессий.

По свидетельству Плутарха (De tranq. an., 10), в Афинах во времена Сократа считалось дорогим хносское вино, за которое приходилось платить 1 мину (очевидно, за одну амфору, т. е. примерно 20 литров); следовательно, литр такого вина обходился в 5 драхм. Согласно тому же источнику пурпуровая одежда стоила 3 мины, а котла (0,27 литра) меда — 5 драхм. От этих дорогих предметов роскоши резко отличались цены дешевой пищи и одежды: гемизакт (4,5 литра) ячменной муки стоил 1 обол, хойшиак (1,1 литра) маслин — 2 халка, эскомида (хитон рабочего) — 10 драхм. Недорого стоили также простые сорта вина. Так, амфора косского вина ценилась в 2—3 драхмы (J. T o u t a i n. Vinum. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. Dictionnaire des antiquités, V, Paris, 1873, p. 923).

Из предметов обихода отметим цены посуды—кратер стоил 4 оболы, меньшие по размерам сосуды ценились в один обол и даже в 1/2 оболы. (H. H a k l. Merkantile Inschriften auf Attischen Vasen. «Münchener archäologische Studien, dem Andenken A. Furtwängler gewidmet», München, 1909, S. 98). При продаже имущества, конфискованного во время процесса гермокопидов, клина (ложка) была оценена в 6 драхм 4 оболы, небольшой стол (трапедза) — 6 драхм 2 оболы, дротик — 2 драхмы 5 оболы (W. K e n d r i k P r i t c h e t t. The Attic Stelai. «Hesperia», XXII, Baltimore, 1953, № 4, p. 253). Весьма различной была стоимость дома или жилья (οἰκία), начиная с 105 драхм и до более тысячи, а также земельных участков, начиная с 40 драхм (W. K e n d r i k P r i t c h e t t. The Attic Stelai, p. II. «Hesperia» XXV, 1956, p. 276).

Из слов Аристотеля (Ath. polit., LXII, 2) можно заключить, что на кормление обедаящих в афинском притане государство ежедневно расходовало по одному оболу на человека. Средний дневной заработок афинского ремесленника составлял примерно 1 драхму (В. Б у з е с к у л. История Афинской демократии. СПб., 1909, стр. 198). Дневная плата голлита колебалась от 4 оболы до 1 драхмы (P. M o n s e a u x. Exercitus. Ch. Daremberg et Edm. Saglio. Dictionnaire..., II, 2, 895, n. 237), обычное жалование афинских моряков было равно 3 оболы в день (Т h u c. VI, 31, 3; VIII, 45, 2).

По свидетельству Аристотеля (Ath. polit., LXII, 2), афинские заседатели на обыкновенном народном собрании получали в день 1 драхму, члены совета — 5 оболы, судьи — 3 оболы.

⁴¹ X e n o p h., De vectigal., IV, 14—15, 23.

⁴² Считаем необходимым подчеркнуть, что мы говорим о доходе, который давал труд неквалифицированных рабов. Рабы-ремесленники доставляли своим хозяевам значительно больший доход. Попутно отметим, что и цена рабов была весьма различной. Согласно Ксенофону, она колебалась от 50 до 1000 драхм (W. K e n d r i k P r i t c h e t t. The Attic Stelai, p. II. «Hesperia», XXV, 1956, p. 277).

⁴³ X e n o p h., De vectigal., IV, 17.

середины IV в. до н. э.⁴⁴, можно заключить, что этот автор видел залог процветания афинского полиса в следующем мероприятии: государству следует приобрести общественных рабов в таком числе, чтобы их приходилось по три на каждого афинянина.

Возвращаясь к Афинам времен расцвета первого Морского союза, отметим, что поденное жалование афинского судебного заседателя составляло три обола⁴⁵; эта сумма, нужно думать, отвечала прожиточному минимуму семьи. Таким образом 600 талантов фороса (отвечавшие годовому доходу от труда 60000 малоквалифицированных рабов) были достаточны, чтобы просодержать 20 тыс. свободных, т. е. значительную часть, афинских граждан. Попутно отметим, что и согласно «Афинской политике» на форос и другие поборы содержалось более 20 тыс. человек⁴⁶.

В силу всех этих обстоятельств основу материального благополучия Афин составляли преимущественно те средства, которые поступали от «союзников».

Именно на такой экономической базе осуществлялись и постройки Акрополя, потребовавшие громадных средств. Так, Пропилеи, сооруженные Мнесиклом в 337—332 гг. до н. э.⁴⁷, по свидетельству Гарпократиона, обошлись в 2012 талантов⁴⁸. Чтобы выручить такую сумму был нужен труд рабов (малоквалифицированных) в размере 201 200 человеко-лет, т. е. в течение пяти лет, пока сооружалось здание, 40 тыс. рабов должны были обеспечивать необходимые средства для покрытия расходов на строительство.

Завершая наш экскурс об эксплуатации афинянами их «союзников», мы еще раз подчеркиваем, что все приведенные расчеты носят условный характер, ибо труд рабов-горнорабочих не может служить всеобъемлющим мерилом при изучении экономики античного общества, коль скоро в хозяйстве его играли большую роль рабы, занятые в других отраслях производства, да и свободный труд также занимал определенное место, особенно в архаическое и классическое время⁴⁹. Все же приведенные расчеты показывают, сколь значительную роль в экономической жизни полисов, входивших в афинскую *ἀρχή*, играло перемещение средств «союзников» в афинские руки.

Так или иначе, обширные экономические ресурсы Афин времени *ἀρχή* позволили настолько богато украсить город, что, по словам Фукидида⁵⁰, он производил впечатление более могущественного, чем был в действительности.

В результате строительной деятельности на афинском акрополе в V в. до н. э. последний совершенно изменил свой облик и, в значительной мере утратив характер укрепленного убежища (*refugium*), стал парадным общественным центром столицы аттической *ἀρχή*, в котором Парфенон, претендовавший на значение главного храма морского союза, стоял возле Эрехфейона — хранилища различных местных святынь, наивно отражавших самые примитивные представления седой старины.

Богатство Афин во многом обеспечило их культурный расцвет; оно позволило афинянам привлекать лучших мастеров со всей Эллады в такой мере, в какой это никогда не наблюдалось до того времени. Там работали Полигност Фасосский, Мирон из Элевфер, Кресилай Кидонский, Фидий, Калликрат, Иктин, Мнесикл и другие художники. Представители различных художественных школ приносили в Афины свои традиции. В это время в Афинах делались попытки выработать особый стиль, претен-

⁴⁴ W. Christ. Geschichte der Griechischen Litteratur. München, 1908, S. 487.

⁴⁵ Arist., Ath. polit., LXII, 2.

⁴⁶ Arist., Ath. polit., XXIV, 3.

⁴⁷ Как известно, здание Пропилей не было достроено, что, очевидно, было вызвано невозможностью продолжать постройку в условиях начавшейся Пелопонесской войны, а равно и после нее, когда афиняне потеряли возможность пополнять свои средства за счет «союзников». В дальнейшем художественные вкусы настолько изменились, что ни один из меценатов-эллинистических царей не считал нужным достраивать незавершенное здание.

⁴⁸ Πατροσγатиον πρόβλημα.

⁴⁹ Кроме того, Афины, разумеется, располагали и своими ресурсами, в частности доходами с Лаврионских рудников.

⁵⁰ Thuc., I, 10, 2.

дующий на паналлинское значение; в нем наблюдается сочетание разнохарактерных приемов и форм, созданных различными локальными школами. Таково, например, применение дорийского и ионийского ордеров в одном сооружении, а равно и переработка дорийского ордера в духе ионии или воздействие дорика на ионийский стиль в аттической архитектуре. Та же черта несколько раньше выступила и в аттической трагедии, сочетающей дорийский и ионийский диалекты и в известной мере традиции дорийской и ионийской поэзии.

Таковы были экономика и культура Афин времени их расцвета в период афинской *áoχη*. В это время ресурсы, поступавшие в «союзную» казну, в значительной мере поглощаются Афинами, ставшими как бы столицей обширной морской державы. Таким образом устанавливается новый модус для античного города, ранее служившего экономическим, политическим и культурным центром сравнительно небольшой округи. Теперь сфера деятельности новой столицы становится несравненно шире, а в дальнейшем за Афинами последуют Сиракузы, Пантикашей и другие столицы протоэллинистических и эллинистических государств и, наконец, Рим, далеко оставивший позади своих предшественников.

Конец V и IV вв. до н. э. был временем значительного подъема ремесел, обеспечивавшего преимущественно рабским трудом. Развитие ремесла обусловило рост городов. В это время наблюдается значительное увеличение площади ряда окраинных городов, например, Сиракуз при Дионисии Старшем (406—367 гг. до н. э.) и Пантикашей при ранних Спартокидах.

Одним из последствий роста ремесленного населения в городах метрополии был острый недостаток в хлебе. Это вызвало необходимость ввозить хлеб в метрополию в небывалых масштабах, ярким примером чего может служить широко известный импорт боспорского хлеба в Афины.

С ростом рабовладения и неравномерностью развития производства эргастериев связан кризис в метрополии; в числе проявлений его был излишек свободного населения в полисах метрополии, вынужденного уходить в наемники или переселяться в колонии. Однако этот кризис и в метрополии не был повсеместным; так, например, он не наблюдается в экономически менее развитой земледельческой Фессалии⁶¹.

Совершенно иную картину в это время можно видеть в ряде окраинных стран — в Карии, Македонии, Фракии, на Боспоре, в Сицилии.

В этот период там протекают социально-экономические процессы близкие тем, которые происходили в начале эллинистического времени, но не идентичные им. Нам уже неоднократно приходилось говорить о периоде протоэллинизма⁶², характерной особенностью которого был тесный контакт в области экономической, а также культурной жизни между греческими полисами и прилежащими территориями, населенными варварами, отчасти находившимися в подчинении у греков, но по большей части независимыми от них. В отличие от кризиса в передовых полисах метрополии, названные окраины в это время испытывают заметный подъем. Это, в частности, сказывается в дальнейшем развитии урбанизма, основании новых и росте старых городов, что может быть отмечено в Сицилии и на Боспоре. Так, в это время увеличиваются размеры Пантикалея, намечается подъем в его градостроительстве, появляются новые формы в архитектуре склепов с уступчатыми перекрытиями, расцветает торевтика. Вместе с тем незначительное количество городской монументальной скульп-

⁶¹ Полупутье отметим, что процесс сивойкизма, задолго до этого имевший место в Аттике, только в это время (да и то при иных условиях) произошел в Аркадии. А в Эпире и в это время сивойкизм еще не наблюдался.

⁶² W. D. B l a w a t s k y. Il periodo del Protoellenismo sul Bosporo. Atti del settimo Congresso Internazionale di archeologia Classica. Roma, 1961, III, p. 49 e segg.: В. Д. Б л а в а т с к и й. Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 14 сл.

туры⁵³ в богатом Пантикапее говорит о заметной варваризации вкусов верхов боспорского общества уже в это время.

Другим примером протоэллинистического столичного центра может служить Галикарнасс во времена Мавзола. Витрувий⁵⁴ сохранил нам очень ценные сведения о расположении, основных принципах планировки и силуэте этого города. Галикарнасс был расположен на склоне по форме напоминающем очертания зрительного зала античного театра (*curvaturae theatri*); внизу вдоль гавани была расположена агора (*agora*), по середине склона холма была проложена главная улица. В средней части этой улицы стоял знаменитый Мавзолей, считавшийся одним из семи чудес света. Выше по склону, в верхней части города стоял храм Арея, с акролитной статуей бога. Также наверху, у правого края находилось святилище Афродиты и Гермеса, а соответственно ему с левой стороны — дворец Мавзола.

Наиболее значительным сооружением Галикарнасса был Мавзолей. Назначением этого грандиозного надгробного монумента было увековечить героизированного правителя. Вместе с тем в архитектурных формах этого величественного здания отчетливо сочетались элементы зодчества эллинского и восточного.

Общий облик столиц Мавзола и ранних Спартокидов был весьма различным. Мы уже говорили о бедности Пантикапея скульптурой, в то время как в Галикарнассе Мавзолей был богато украшен статуями и рельефами, не говоря уже о других памятниках. Однако можно отметить одну любопытную общую черту основных принципов городской планировки, а именно, в Галикарнассе, строившемся в первой половине IV в. до н. э., выступает наличие террасного принципа планировки. То же самое явление — сложную систему террас (опоясывавших Митридатову гору, на которой находился город) — мы наблюдаем в Пантикапее в IV в. до н. э. (между тем как в доархеанактидово время там террас еще не было).

Македонское завоевание и возникновение вслед за ним больших эллинистических государств и особенно громадных монархий Селевкидов и Птолемеев резко изменили всю историческую обстановку в Восточном Средиземноморье и прилегающих странах. Вместе с тем решающим фактором в формировании этих новых государств, обладавших большой экономической и военной мощью, а также способностью вести активную внешнюю политику, был большой скачок в развитии урбанизма и притом скачок не только количественный, но и качественный. Этот скачок выразился в появлении многочисленных греческих или чаще греко-восточных городов, основанных правителями на обширных сельскохозяйственных территориях, населенных варварами⁵⁵. Такие города, хотя и носили наименование полисов, но с самого своего основания не обладали автаркией, имея лишь городское самоуправление.

Эллинистические города нередко были весьма значительными по размерам. Особенно выделялись своей величиной столицы больших монархий, как, например, Александрия примерно с миллионным населением.

Экономический потенциал наиболее крупных эллинистических городов с их сильно развитыми ремеслами и торговлей заметно превосходил гораздо более скромные возможности большинства самостоятельных полисов классического периода.

⁵³ W. Blawatsky. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noire. XI Congrès International des Sciences Historiques, Rapports II. Göteborg—Stockholm. Upsala, 1960, p. 112.

⁵⁴ Vitruv., II, 8, 11 и 13.

⁵⁵ Задачей настоящего очерка является изучение только античного города, а не его сельской территории. Здесь, однако, нельзя не отметить существенное отличие в той обстановке, которая была характерна для городов греческой метрополии и эллинистического востока. Первые были окружены землями, населенными эллинами. Основная масса земледельческого населения, обитавшего по-круг эллинистических городов Востока, была не греческой по этническому составу и обладала рядом особенностей в социальной структуре.

Заметно возрастает интенсивность экономических взаимоотношений городов. Возрастают как масштабы торговых операций, так и ареал ⁵⁶ экономической активности городов. Например, Александрия ⁵⁷ ведет торговлю не только со Средиземноморско-Черноморским бассейном, но и с отдельными восточными и южными странами.

Усиление внешних экономических связей сопровождается перемещением важнейших торговых артерий. Так, на Северном Понте в III—II вв. до н. э. Афины уступают свою торговую роль Родосу и городам малоазийского побережья, а со времен Митридата устанавливается внутрипонтийский рынок в результате развития тесных связей между северным и южным берегами Черного моря.

Выше уже был отмечен рост массового ремесленного производства, наблюдавшийся в греческих городах в IV в. до н. э. Дальнейшее развитие ремесла в эллинистическое время немало способствовало еще большему увеличению экономической роли городов, а также сосредоточению в них значительных материальных ценностей, что тем не менее сопровождается уменьшением их прежней политической роли.

Важнейшей предпосылкой для развития ремесла и роста товарного производства является дальнейший рост рабовладения а также возможности накопления огромных богатств в руках отдельных владельцев ⁵⁸.

О громадном значении ремесла в экономической жизни эллинистического периода наглядно свидетельствует институт царских монополий в Пергаме. Попутно отметим, что первые попытки таких монополий, вероятно, имели место в противозеллинистических государствах; такова боспорская монополия на черепицу и, возможно, торговлю ⁵⁹.

В градостроительстве эллинистического периода господствует так называемая Гипподамова система планировки, что, как уже говорилось, выше не было каким-либо новым явлением. По всей видимости, не претерпела особых изменений по сравнению с IV в. до н. э. и общая картина города, характеризующаяся храмами на акрополе и компактной застройкой нижнего города, в основном состоявшего из жилых кварталов с одноэтажными или двухэтажными домами.

Однако при сохранении общего облика наблюдаются заметные изменения, особенно в нижнем городе. Эти изменения прежде всего затронули жилищное строительство, на котором отчетливо отразилось усиление имущественной дифференциации. И в Средиземноморье (например, на Делосе) и на Северном Понте (например, в Ольвии) наряду со многими небольшими или даже совсем маленькими, скромными домиками встречаются многочисленные обширные, роскошно отделанные, комфортабельные дома. Таков, например, так называемый Дом Масок на Делосе, занимающий площадь около 2000 кв. м.

Помимо этого заметно увеличивается число различных общественных зданий, служивших местом заседаний (булетерии, экклезиастерии), для зрелищ (стадионы, театры), торговли или для прогулок и досуга (стои). Подобные сооружения, в большем чем прежде числе, группируются возле агоры.

⁵⁶ Обычно греческие кушцы использовали расположенные поблизости торговые артерии, за редкими исключениями, например, для жителей Танаиса плавание по одноименной реке было недоступно (S t r a b o, XI, 2, 2).

⁵⁷ М. Х в о с т о в. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

⁵⁸ О том, каких размеров могло достигать имущество богачей эллинистического периода можно судить хотя бы по такому факту: имяне Аполлония — двойкета Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.) по площади равнялось территории небольшого государства-города. Таким образом его богатство равнялось богатству целого полиса классического времени.

⁵⁹ W. B l a w a t s k y. Le processus..., стр. 105. Новая находка, четвертая по счету, горита (Чертомлыцкий, Ильинецкий, Мелитопольский и Елисаветовский) ярко рисует нам, что даже производство таких дорогих изделий, как гориты, употреблявшиеся скифскими царями, носило серийный характер, подтверждая большой размах торевтического производства Пантикапея, явно находившегося в руках очень крупного собственника, скорее всего боспорского правителя.

Сильно изменяется и внешний облик агоры, которая теперь обычно со всех сторон обрамляется многоколонными портиками, приобретая характер большой перистильной площади. Подобные перистили нередко также обрамляют площади, на которых стоят храмы или иные значительные сооружения.

Однако строительство более пышных чем прежде общественных зданий и более богатая чем раньше архитектура агоры нередко сопровождается утратой этими сооружениями бывшего политического значения. Теперь прежние органы государственного управления в значительной мере становятся органами городского самоуправления.

В ансамбли столиц эллинистических монархий входят более или менее пышные царские дворцы. Особенной грандиозностью отличалась резиденция Птолемеев, занимавшая, согласно Страбону⁶⁰, четверть или даже треть площади Александрии. Должно, однако, отметить, что наличие дворцов правителей не было вполне новым явлением для античного мира: они существовали уже в столицах протоэллинистических государств.

Характерной чертой эллинистического города является высокий уровень благоустройства, в частности специальное законодательство⁶¹, упорядочивающее нормы городской жизни (например, в Пергаме⁶²). Эллинистический период характеризуется не только дальнейшим развитием урбанизма, но и пресыщением богатого горожанина городской жизнью, тоской по природе, что приводит к появлению пышных загородных парков (например, Дафна около Антиохии⁶³) с многочисленными источниками и купальнями. В таких парках устраивали бассейны, сооружали павильоны, ставили статуи и скульптурные группы (типа так называемой садовой скульптуры с мифологическими сюжетами по большей части из круга Диониса и Афродиты или с жанровыми сценами). Стремление к природе также способствовало распространению в эллинистическом искусстве картин и рельефов, изображающих пейзажи, а в поэзии — сцены из жизни пастухов.

Выше мы уже говорили о том, что международные экономические взаимоотношения в эллинистический период стали значительно более интенсивными, чем в предшествующее время. Это обстоятельство, а также переселение больших количеств людей при основании новых городов, передвижения наемных солдат из одной страны в другую и путешествия с иными целями, все это способствовало оживленным культурным связям и приводило к значительным взаимодействиям не только между различными частями греческого мира, но также между эллинами и варварами.

Отмеченный процесс был столь глубоким, что на смену прежним племенным диалектам пришло общегреческое *κοινή*. Многие локальные явления в искусстве быстро получали широкое, или даже повсеместное, распространение, например, так называемый александризм в скульптуре. На смену полисному патриотизму стали выступать космополитические тенденции, особенно ярко проявившиеся в стоической философии.

В связи с этими явлениями отметим одну любопытную черту эллинистического Египта — отнесение к эллинам не только греков по происхождению, но также и египтян, прошедших обучение в гимназии; другими словами, культурная принадлежность считается более важной, чем этническая.

В рассматриваемое время прежние протоэллинистические государства отходят на второй план, занимая примерно такое же место, как второстепенные эллинистические монархии⁶⁴. Сохраняется в это время и ряд полисов. Некоторые из них представляли собою своего рода небольшие *ἀρχαί*; таковы Родос, Фасос, Византий, а в Северном Причерноморье — Херсонес Таврический.

⁶⁰ Strab., XVII, 1, 8.

⁶¹ Впрочем, должно отметить, что такого рода городское законодательство было известно в Греции уже в VI в. до н. э.

⁶² Dittenberger. *Orientalis graecae inscriptiones selectae*. Lipsae (t. I, 1903), 483.

⁶³ Strab., XVI, 2, 6; Liban., *orat.* XI, 236—241.

⁶⁴ Ср., например, Боспор и Вифинию.

До сего времени мы останавливались на истории восточного греческого мира, однако помимо него существовало и западное эллиниство, прежде всего города южной Италии и Сицилии. О значении этой части эллинизма ярко свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что юг Италии ⁶⁵ иногда вместе с Сицилией ⁶⁶ послал наименование Великой Греции — *μεγάλη Ελλάς* или *Magna Graecia* ⁶⁷.

Западное эллиниство, не оказавшее сколько-нибудь заметного воздействия на северо-восточную часть эллинского мира, сыграло значительную роль в формировании римской культуры, а равно и оказало немалое воздействие на соседние народы — сикулов, месапов, этрусков, галлов, иберов, карфагенян и др.

Разбросанные по Западному Средиземноморью, соприкасавшиеся с весьма различными по характеру варварскими мирами, эти греческие города имели значительные локальные особенности, особенно в культурном облике. Отстоявшие обычно на немалом расстоянии один от другого, эти города были довольно компактно расположены только в пределах Великой Греции. В политическом отношении они представляли собой по большей части единичные полисы. Сильным объединением городов была только могущественная протоэллинистическая сицилийская держава, столица которой Сиракузы являлась наиболее значительным из греческих городов даже после появления столиц греко-восточных монархий. В одной из речей против Верреса Цицерон ⁶⁸ назвал Сиракузы самым большим из греческих городов и самым красивым из всех (*Urben Syracusarum maximam esse Graecarum, pulcherrimam omnium...*).

Однако Сиракузы были не единичным, а только наиболее ярким проявлением расцвета урбанизма, который наблюдался в Сицилии и Южной Италии. Так, в Акраганте уже в V в. до н. э. было 80 тыс. жителей ⁶⁹. Обилие рабов, захваченных после разгрома карфагенских войск в 480 г. до н. э., помогло ⁷⁰ акрагантянам построить ряд общественных зданий, соорудить подземные каналы для отвода сточных вод из города, вырыть обширный пруд, имевший в окружности семь стадий (около 1,3 км) и 20 локтей (9,25 м) глубины, который служил рыбным садком.

Значительными размерами отличались города Южной Италии. Так, площадь Тарента превосходила 7 кв. км ⁷¹, а Сибарис, согласно Страбону ⁷², имел 50 стадий (9,35 км) в окружности. Число жителей Сибариса было очень велико, но, к сожалению, античные авторы сообщают о нем сбивчивые сведения — от 100 тыс. ⁷³ до 300 тыс. ⁷⁴.

Как известно, греческие апейки нередко превосходили свои метрополии более высоким уровнем городского благоустройства и жилищного строительства. Сравнение Олинфа с Афинами в этом отношении весьма показательно. В сильной мере это можно отнести к городам Великой Греции. Сиракузы, Акрагант, Сибарис и другие города отличались высоким уровнем городского благоустройства. Об этом свидетельствует рациональная система каналов ⁷⁵, осушивших сырую местность, в которой был расположен Сибарис, и ряд различных мероприятий ⁷⁶ в этом городе: например, защита улиц особыми навесами от палящих лучей солнца, усовершенствование терм, законодательство о вынесении за городскую черту ремесленных производств, причиняющих неудобства жителям. Далее у сибаритян можно наблюдать стремление

⁶⁵ Polyb., II, 39, 1.

⁶⁶ Strab., VI, 1, 2.

⁶⁷ Plin., N. H., III, 10 (95). (D. Detlefsen. Berolini, 1866—1882).

⁶⁸ Cicer., In Verr. Secund., IV, 52 (117).

⁶⁹ Diog., Laert., VIII, 7, 63.

⁷⁰ Diod., XI, 25; XIII, 82.

⁷¹ T. J. Dunbabin. The Western Greeks. Oxford, 1948. p. 88.

⁷² Strab., VI, 1, 13.

⁷³ Ps. Skymn., 341.

⁷⁴ Strab., VI, 1, 13; Diod., X, 23.

⁷⁵ Fr. Lenormant. La Grande Grèce. Paris, 1881. I, p. 261.

⁷⁶ Там же, стр. 287 сл.

к утонченному комфорту — сооружение за городом искусственных гротов, служивших местом отдыха в жаркое время.

Культура городов Великой Греции уже с эпохи архаики имела ряд характерных особенностей, отличающих ее от культуры восточного эллинизма. Греки Балканского полуострова, Эгейских островов и западного побережья Малой Азии создали полную поэтических образов эллинскую мифологию, а в VII—VI вв. до н. э. в Милете появились первые попытки научного истолкования явлений природы — наивно-материалистические построения милетских натурфилософов.

В отличие от этого западные эллины внесли более скромный вклад в создание мифологии, а философия, сложившаяся на Западе, пошла иными путями, чем на Востоке. Так, Пифагор и его школа направили свое внимание на исследования в области математики и астрономии, впервые преодолев геоцентрическое представление о вселенной.

В последующее время в городах Южной Италии и Сицилии наука и техника достигают значительной высоты. Это проявляется в создании военных механизмов, подъеме кораблестроения, развитии математики и механики, появлении таких ученых, как Архит Тарентский и Архимед.

Расцвет кораблестроения, приводящий к сооружению таких колоссов, как описанный Афинеем ⁷⁷ корабль Гиерона Сиракузского (269—215 гг. до н. э.), в сущности представлявший собой плавучую виллу, отражал характер наземных вилл и, может быть, даже отчасти воздействовал на их строительство. Во всяком случае богато отделанные комфортабельные жилища с полами, украшенными мозаиками, и стенами, покрытыми живописью, применение озелененных площадей и бассейнов, конюшни и иные службы, — вся эта роскошь корабля Гиерона позволяет думать, что те изменения, которые испытало римское жилищное строительство при переходе атриумного дома в атриумно-перистильный, были обусловлены воздействием не восточного эллинизма, а западного.

О преимущественном воздействии на Рим западного эллинизма, а не восточного, говорит весьма заметное число дорийских форм среди греческих слов, проникших в латинский язык. Именно у западного эллинизма следует усмотреть истоки науки, техники, инженерного дела, живописи, зодчества и градостроительства с присущими им рационализмом и практицизмом.

Перейдем теперь к Риму. Мы не будем останавливаться на древнейших временах существования этой общины, когда основу ее экономики составляло сельское хозяйство. Мы обратимся сразу ко времени римского господства — периоду поздней республики и империи.

Это время, когда государство-город Рим стал центром всего Средиземноморья и сопредельных стран, расширив свои границы до максимальных пределов. Античное рабовладение достигло тогда небывалого до той поры размаха, а экономическая дифференциация вступила в фазу наибольшей поляризации. Источники этого периода пестрят упоминанием о громадных состояниях, которыми владели римские богачи. Принадлежавшие им земли и денежные средства нередко значительно превосходили по размерам территорию и казну эллинского полиса. Так, по свидетельству Плиния Старшего ⁷⁸, писавшего о губительной роли латифундий для Италии и провинций, половина провинции Африки принадлежала шести владельцам, казненным по приказанию Нерона: — *Verumque confidentibus latifundia perdidere Italiam, iam vero et provincias. Sex domini semissem Africae possidebant, cum interfecit eos Nero princeps...*

Труднее сопоставлять денежные средства, находившиеся в распоряжении римских рабовладельцев, с одной стороны, и греческих собственников или государств

⁷⁷ Athen. Deipn., V, 40—42.

⁷⁸ Plin., N. H., XVIII, 6 (35)

периода классики — с другой. Измерять и те и другие в талантах незакономерно, ибо за прошедшие несколько столетий изменилось многое: покупательная сила денег, отчасти потребности людей и производительность труда. Так же, как и при нашем анализе афинских финансов, мы попытаемся взять за основу размер прибыли, которую давал в день труд горнорабочего в серебряных рудниках. Свидетельство Страбона ⁷⁹ позволяет сделать вывод, что доход от одного работника в год составлял 900 сестерциев ⁸⁰. Пользуясь этим модулем ⁸¹, можно сказать, что состояние триумвира Красса ⁸², равнявшееся 7100 талантам, т. е. 85 200 тыс. сестерциев, возможно было приравнять доходу от примерно 95 тыс. человеко-лет труда рудокопов, а состояние Нарцисса, фаворита Клавдия, достигающее 400 млн. сестерциев, отвечало приблизительно 450 тыс. человеко-лет.

Рядом с этими грандиозными цифрами не покажется удивительной такая обыденная сделка как покупка дома ⁸³ за 13 400 тыс. сестерциев, являвшихся эквивалентом примерно 15 тыс. человеко-лет.

О суммах, находившихся в распоряжении римских императоров, свидетельствует Светоний ⁸⁴, по словам которого Калигула менее чем в год истратил на несуразные затеи колоссальные суммы, в том числе 2 700 млн. сестерциев, оставшихся от императора Тиберия. По предложенному нами эквиваленту эти деньги отвечали доходу от 3 млн. человеко-лет труда.

Тот же автор ⁸⁵ сообщает, что Веспасиан в начале своего правления заявил, что для поправления государственной казны ему нужно 40 000 млн. сестерциев (что, согласно нашим расчетам, равнозначно 45 млн. человеко-лет).

Если последнюю цифру сопоставить с противостоящей ей цифрой, которую мы получили, анализируя доходы от афинского флота в тридцатых годах V в. до н. э., то мы должны будем прийти к выводу, что отношение их равно 750 к 1. Разумеется, это наблюдение отнюдь не дает нам оснований для далеко идущих выводов о соотношениях между бюджетами Римской империи I в. н. э. и афинской *ἀρχή*. Здесь мы можем лишь судить о них, как о двух примерах очень крупных денежных сумм, засвидетельствованных для Афинской державы и Римской империи во времена их расцвета.

Равным образом напомним еще раз, что приводимые нами цифры 60 тыс. и 45 млн. человеко-лет труда, а равно и прочие им подобные, носят условный характер. Разумеется, что бюджеты древних государств обеспечивались не одним трудом рудокопов и малоквалифицированных рабов, но также и трудом представителей профессий, дававших значительно больше дохода.

Так или иначе источники богатств, притекавших в Рим и обеспечивавших колоссальные состояния правивших кругов, были весьма различны; в них входили доходы

⁷⁹ Strab., III, 2, 40.

⁸⁰ Мы исходим из следующего расчета. По словам Страбона, на серебряных рудниках близ Нового Кархедона трудилось 40 тыс. рудокопов, которые ежедневно доставляли 25 тыс. драхм дохода. Следовательно, на одного работника в день приходилось $\frac{5}{8}$ драхмы, что составляет $\frac{5}{16}$ денария или $2\frac{1}{2}$ сестерция. Таким образом в год один работник давал 900 сестерциев дохода ($2\frac{1}{2} \times 360 = 900$).

⁸¹ Так же, как мы это сделали при изучении материальных ресурсов Афин в V в. до н. э., приведем данные о стоимости продуктов первой необходимости. Цены последних были невысокими. Так, в Спидии в 73 г. до н. э. модий (8,75 литра) хлеба стоил от 2 сестерциев до 1 денария (Cicero, in Vegem., III, 74, 75, 81, 84 и 85; Lydia Spraventa-Novellis. Il prezzi in Graecia a Roma nell' Antichita. Roma, 1934, p. 101). Надпись на рельефе из Эсерия (в Самнии) сообщает нам о цене недорогого ужина для одинокого путника: сектарий (0,55 литра) вина вместе с хлебом — 1 асс, приправа к хлебу (pulmentarium) — 2 асса; все вместе — 3 асса = $\frac{3}{4}$ сестерция. Охалка сепа для мула стоит 2 асса (CIL, IX, 2689). От этих цифр резко отличается цена предметов роскоши. Так, по свидетельству Афиняев, в XXVI книге своей истории Полибий упомянул, что Катон возмущался тем, кто покупал за 300 драхм керамий понтийской рыбы (Athens. Deipn., VI, 109).

⁸² Plut., M. Crass., II.

⁸³ Этот дом был куплен консулом Мессалой в 61 г. до н. э. (В. И. Кузнецов. Цицерон-домовладелец. «Вестник Московского Университета», 1960, № 5, стр. 76).

⁸⁴ Suet., Calig., XXXVII.

⁸⁵ Suet., Vesp., XVI.

с огромных поместий, обрабатываемых многочисленными рабами, и городских домов, сдаваемых внаем, поборы от непомерных ограблений провинций римскими администраторами и различными дельцами, а, кроме того, от разнообразных финансовых и торговых операций.

Характерной особенностью экономической роли города Рима в период поздней республики и империи первых веков нашей эры является то, что он становится центром римского ростовщичества и крупнейших торговых операций, связывающих его со всеми концами Средиземноморья. Обширные денежные операции не только превратили знаменитый *Forum Romanum* в своего рода биржу, но, кроме того, создали необходимость пристроить к нему для той же цели пять больших императорских форумов: Цезаря, Августа, Веспасиана, Нервы и Траяна. Морская торговля Рима вызвала бурный рост его гавани Остии, ставшей большим городом с ее грандиозными портовыми сооружениями, обширными складами, казармами для обслуживающего персонала, различными сооружениями, связанными с торговой деятельностью и, наконец, растянувшимися на широком пространстве жилыми кварталами с монументальными многоэтажными домами.

Римская торговля еще в конце VI в. до н. э.⁸⁶, не говоря о IV⁸⁷ и III⁸⁸ вв. до н. э., вызвала тревогу такого сильного морского торгового государства, как Карфаген. После подчинения Римом Италии деятельность римско-италийских купцов за пределами республики приобрела еще более широкий размах, сопутствуя продвижению римских легионов и, можно думать, в ряде случаев предвзяря их вторжение. Так, по всей видимости, она шла рука об руку, а может быть, даже предшествовала завоеванию Дунайского бассейна и проникновению римской экспансии в Эгейское море. О числе римских купцов, ростовщиков, откупщиков и их подручных в пределах только одной провинции — Азии — свидетельствует широко известная расправа с ними, учиненная Митридатом Евпатором в 89 г. до н. э., когда было убито 80 тыс. италиЙцев.

Римская торговля далеко выходила за пределы империи. Через посредство Александрии и городов великого караванного пути⁸⁹ был установлен обмен с отдаленными странами вплоть до Индии⁹⁰ и Китая⁹¹.

Согласно свидетельству Плиния Старшего, закупка предметов роскоши из Индии, Китая и Аравии ежегодно обходилась римлянам по минимальному расчету в 100 млн. сестерциев. Эта сумма примерно отвечала доходу от труда 111 тыс. человеко-лет (почти вдвое превосходила обычный фороС афинской *ἀρχή*).

Торговля с Центральной, Северной и Восточной Европой хорошо засвидетельствована обилием римских монетных кладов в этих странах и, как нам представляется, большим числом северных зверей, погибавших в амфитеатрах. Наконец, большое число экзотических зверей, также умиравших на аренах, видимо в значительной части доставлялось из стран, соседивших с римскими провинциями в Африке⁹².

Весьма примечательно также, что в Дигестах⁹³ под рубрикой предметов, подлежащих постоянной пошлине (*species pertinentes ad vectigal*), мы находим упоминания об индийских львах, львицах, барсах, леопардах и пантерах (*Indici leones, leonae, pardī, leopardī, pantherae*). Если это законоположение засвидетельствовано Марцианом, нужно думать, что во всяком случае во времена Каракаллы ввоз крупных хищ-

⁸⁶ О торговом договоре Рима с Карфагеном 509 г. до н. э. см.: Polyb., III, 22, 1—13; 23, 1—6.

⁸⁷ О торговом договоре Рима с Карфагеном 348 г. до н. э.: Polyb., III, 24, 1—16.

⁸⁸ О торговом договоре Рима с Карфагеном 280 г. до н. э.: Polyb., III, 25, 1—9.

⁸⁹ M. H o s t o w t z e f f. Caravan cities. Oxford, 1932.

⁹⁰ P l i n., N. H., XII, 18 (84); см. также VI, 23 (101).

⁹¹ Отметим вывоз стекла из римской империи в Китай (J. M o r i n. Vitrum. Ch. Darernberg et Edm. Saglio. Dictionnaire des Antiquités, V, p. 937).

⁹² М. Х в о с т о в. Указ. соч., стр. 7, 87.

⁹³ Dig., XXXIX, 4, 16, § 7 (Marcianus).

ных зверей из Индии был постоянным явлением и достигал весьма значительных размеров ⁹⁴.

Доступные нам материалы позволяют утверждать, что римская торговля по своим масштабам далеко превзошла греческую. Об этом говорят упоминавшиеся выше клады римской серебряной монеты, в большом числе обнаруженные в Центральной, Северной и Восточной Европе. Весьма показательно, например, что в Скандинавии до сего времени не было найдено греческих монет, а число римских монетных кладов весьма велико.

Экономические связи Римской империи со славянскими и германскими племенами были настолько значительны, что, усиливая рост имущественной дифференциации, не могли не способствовать ускорению происходивших там процессов внутреннего развития, результатом которых явились грандиозные передвижения народов.

Доходы от обширных торговых операций, а равно и все те редкостные товары, которые поступили из далеких стран в империю, обогащали обитателей городов и поступали в пользование также в города и отчасти в расположенные поблизости роскошные виллы, являвшиеся придатками городов. Импортные товары обеспечивали самый уточенный комфорт и расточительную роскошь быта богачей, пышную отделку общественных зданий, а также грандиозные зрелища для массы городского люда. Что же касается обитателей деревень, то они, во всяком случае в подавляющем большинстве, даже косвенным образом не могли пользоваться результатами этих торговых операций.

Мы уже касались вопроса о римской роскоши, которой способствовали громадные состояния римских богачей. Роскошь в античном мире росла и развивалась с развитием рабовладения. Для V в. до н. э. большой роскошью было сооружение афинского Акрополя. В эпоху эллинизма сооружались грандиозные архитектурные ансамбли, богато украшенные корабли, давались пышные празднества. Апогея своего развития роскошь достигла в Риме во времена поздней республики и империи. Проявления ее были весьма разнообразны: строительство различных общественных зданий: терм, театров, цирков и амфитеатров, и организация зрелищ. Огромных средств стоило устройство гладиаторских боев, навмахий и травли диких зверей, лов и доставка которых требовали громадных средств. Например, при открытии Колизея было убито около десяти тысяч зверей ⁹⁵; император Коммод ⁹⁶ в один день, помимо множества других животных, убил 100 львов.

Наряду с этой роскошью в общественной жизни не менее расточительной была роскошь и в частном быту. Там предметом роскоши стали прежде всего дорогостоящие рабы-специалисты (философы, врачи, архитекторы и т. п.), а затем многочисленная familia — дворня, иногда насчитывавшая несколько сот человек. Далее следует назвать обширные, богато отделанные дома или виллы со стенной живописью, мозаиками и скульптурами, садами и парками, с бассейнами, фонтанами, павильонами, различной дорогой утварью, изделиями художественного ремесла, в частности произведениями торевтики и глиптики, дорогой мебелью из ценных пород дерева, металлов, янтаря, различных пород мрамора и пр.; отметим также роскошь стола, припасы для которого, стоившие огромных денег, нередко доставлялись со всех концов империи.

В противовес этой весьма дорогостоящей роскоши книги были сравнительно дешевы. Так, роскошно оформленная рукопись Марциала ⁹⁷ стоила всего пять денариев (т. е. 20 сестерциев).

⁹⁴ Говоря о ввозе диких зверей в Империю из стран, находившихся за ее пределами, мы отнюдь не собираемся отрицать того факта, что немалое число животных для травли в амфитеатрах доставляли и некоторые римские провинции.

⁹⁵ Dio. Cass., LXVI, 25, 1.

⁹⁶ Herodian., I, 15.

⁹⁷ Martial., Epigr., I, 117, 16—17:

...Rasum pumice purpuraque cultum
Denaris tibi quinque Martialem.

Перейдем теперь к вопросу о римской культуре, которая подобно греческой в основном была тесно связана с городом и имела городской характер⁹⁸. Вместе с тем в отличие от эллинской, римская культура представляла собою значительно более сложное явление, в формировании которого приняли то или иное участие (также городские) культуры ряда народов. Традиционное представление о ней, как о культуре латинян, испытавшей ряд воздействий этрусков, греков и т. д., в результате которых она приобрела эклектический характер, нуждается в кардинальном пересмотре. Здесь прежде всего следует отметить, что в Риме периода его расцвета нельзя видеть столицу только Лациума, а римлянами нельзя считать только обитателей города Рима⁹⁹.

С ростом Римского государства в состав его населения входили новые этнические группы; постепенно романизуясь, они вносили в римскую культуру свой вклад подобно тому, как отдельные ручьи и речки, впадая в большую реку, образуют в результате единый мощный поток. Такие вклады были привнесены этрусками (в VI в. до н. э.), обитателями Великой Греции (вероятно, также еще с VI в. до н. э.¹⁰⁰, хотя бы через посредство этрусков, и особенно с III в. до н. э.), отчасти карфагенянами (перевод во II в. до н. э. трактата Магона), восточным эллинизмом (II в. до н. э.), эллинистическим Египтом (I в. до н. э.), обитателями восточных и северных провинций (преимущественно в III—IV вв. н. э.).

Таким образом римская культура складывалась не только в результате испытанных ею влияний, сколько в ходе внесения в нее новых компонентов. Эти компоненты подвергались сильнейшей творческой переработке, и из них в результате выковывались качественно новые явления, однако всегда остававшиеся в основном русле римско-латинской культуры. Таким образом римская культура, испытывавшая сильные изменения, тем не менее сохраняла единство и целостность на протяжении всей истории, и черты эклектизма в ней, если и наблюдались, то отнюдь не определяли ее сущность.

В Риме, столице колоссального государства, в новом, небывалом большом масштабе появились примерно такие же явления, которые несколькими столетиями раньше имели место и в Афинах в те времена, когда делались попытки создать всеэллинский стиль, или же несколько позднее в столицах огромных эллинистических монархий.

Тем не менее Рим всегда оставался латинским городом, несмотря на значительную пестроту этнического состава его населения и заметную склонность верхов римского общества приобщиться к греческой культуре.

Все вышесказанное относится только к городу Риму и вовсе не означает, что мы намереваемся отрицать значительные локальные варианты римской культуры в различных провинциях, население которых было весьма разнородным. Более того, мы сталкиваемся не только с этими вариантами и не только с различной степенью рома-

⁹⁸ Хотя культура римлян в основном имела городской характер, тем не менее уже с периода поздней республики в Италии, как и раньше на эллинистическом востоке, намечается некоторое пресыщение шумной городской жизнью и тяга к природе, а во времена Римской империи эта черта получает еще большее развитие. Это обстоятельство вызвало появление пышных загородных вилл римских богачей. Среди подобных сооружений наиболее значительной была вилла Адриана в Тибуре, в которой архитектурное творчество сочеталось с садово-парковым искусством. Вместе с тем не будет преувеличением сказать, что в этой вилле едва ли не с наибольшим размахом нашло свое проявление художественное творчество времени Адриана.

⁹⁹ Правда, права гражданства первоначально распространились на очень ограниченное население, обитающее на небольшой территории. Однако со временем оно охватывало все более и более широкий круг населения, занимавшего более обширное пространство. Напомним хотя бы о таких юридических актах, как распространение прав римского гражданства на всех италиков после союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) или почти на все свободное население империи при Каракалле (в 212 г. н. э.).

¹⁰⁰ Мы имеем в виду римский алфавит, несомненно восходящий к греческому, скорее всего халкидскому письму Кампаньи (Ф. В и д е м а н. Печатки исторического греческого письма. Лейпциг, 1908, стр. 6 сл.).

визации провинций. Не менее примечательны такие явления, как большая устойчивость местных традиций (в Египте или в Дура—Европос) и даже почти полное сохранение своих местных этнических культур отнюдь не в глухих местах¹⁰¹. Эти более или менее ярко выраженные локальные особенности проявлялись в своеобразных чертах экономики, языке, местных обычаях, художественном творчестве, культах и т.п.

Но на все это легла печать римской культуры, особенно четко сказавшаяся в градостроительстве, строительной технике и архитектуре. В свою очередь римские провинции, как уже отмечалось, оказывали немалое воздействие на Рим, особенно в III—IV вв. н. э., что, кстати сказать, сопровождалось усилением роли провинциалов в жизни империи и перемещением большого числа их в столицу.

Рим в период империи представлял собою город с сильно развитой центральной частью (район Форумов), которая из общественно-экономического центра постепенно превратилась в своего рода биржу, где производились крупные сделки финансового и торгового характера.

К форумам примыкала грандиозная резиденция императора — Палатин, а по всему остальному городу были разбросаны различные общественные здания, среди которых выделялись термы с их обширными парками.

Но наибольшее своеобразие Рима заключалось не в этих сооружениях, увековечивавших роскошь и богатство империи. Особенно характерной чертой Рима, резко отличавшей его, в частности от эллинистических городов, были жилые кварталы, сохранявшие старую стихийную планировку. Там наиболее четко выступила сильная имущественная дифференциация, свойственная рабовладельческому обществу, когда оно достигло своего наибольшего развития и позднее начало склоняться к упадку. В Риме в это время наблюдаются два основных типа жилища: обширный одно- или двухэтажный особняк — *domus* — обиталище богача, и многоэтажный доходный дом — *insula*, где ютилось малоимущее население. В силу таких особенностей застройки силуэт города имел очень сложный, несколько беспорядочный характер. В нем уже не было строгой упорядоченности греческого города времен расцвета полиса, отражавшей принципы гражданской общины. Рим времен империи был рабовладельческим городом периода поляризации социально-экономических отношений.

В пределах империи существовали города различных типов. Вдоль границы в различных провинциях появились широкоизвестные так называемые города-лагери. Генезис этого типа населенного пункта связан с палаточным лагерем, обрамленным валом и рвом. В дальнейшем не только палатки были заменены домами, а валы крепостными стенами, но населенные пункты такого типа оказали широкое воздействие на градостроительство.

Города, возникшие на такой основе, отличались строго выраженной планировкой с двумя главными осями — *cardo* и *decumanus*, — нередко превращенными в дальнейшем в грандиозные колоннады, что способствовало завершению планировочного замысла архитектурным единством ансамбля. Вариантом подобной улицы является знаменитый проспект в Пальмире. На основе плана римского лагеря создается укрепленный город-дворец, сооруженный Диоклетианом в Солоне, нынешнем Сплите. Должно впрочем отметить, что иногда стройный план римского лагеря в дальнейшем ходе истории несколько нарушался; но все же первоначальная основа его обычно просвечивала достаточно четко. Нередко в черту города позднее включался пригород — *капаба* (первоначально поселение ремесленников и конкубин легионеров).

В старых провинциальных городах в западной и восточной частях государства, сохраняющих свое значение в период империи, реконструируются общественные центры; в них появляются здания новых типов: термы, базилики, амфитеатры и пр.

¹⁰¹ Отметим хотя бы, что сестра Септимия Севера, уроженка Лептис, с трудом говорила по-латыни — *vix Latine loquens*, как это отметил Элий Спартиан (*A e l. S p a r t. , Sev. , XV, 7*).

Во второстепенных городах сооружение новых общественных центров получает меньшее развитие; но повсеместно получает большое распространение римская строительная техника и связанные с нею строительные материалы.

Исключительный размах получает градостроительство во Фракии, особенно со II в. н. э.¹⁰² Во фракийских городах сооружаются грандиозные общественные здания, и строительная деятельность в таких центрах как Марцианополь, Никополис-ад-Иструм, Эскус по размаху соперничает с последней в «*Ἀδριακὸς καὶ οὐχὶ Θησαῖος πόλις*», пристроенном императором Адрианом к «Тезеевым» Афинам. Эти большие провинциальные фракийские центры были предшественниками Второго Рима — Византии, новой столицы империи времен тетрархов.

Мы уже говорили о том, что роль провинциалов и даже варваров, недавно переселившихся в пределы римского государства, заметно возросла в III—IV вв. н. э. не только в провинциях, но и в самом Риме. Аналогичные процессы имели место и в Причерноморье, однако они начались там значительно раньше. Широко известно свидетельство Диона Хрисостома¹⁰³ о том, что в восстановленных после гетского разгрома западнопонтийских городах от Ольвии до Аполлонии дела эллинов пришли в упадок и в эти города нахлынуло много варваров. Города Боспорского государства (Пантикапей, Феодосия и некоторые другие), также разоренные в конце II—I вв. до н. э., по восстановлении подверглись заметной сарматизации.

Большие изменения, наблюдаемые в градостроительстве различных частей римской империи, лишь в небольшой мере коснулись северопонтийских городов. Римскую строительную технику, да и то в довольно примитивных вариантах, мы можем наблюдать в одном Хараксе. Римское градостроительство лишь в небольшой мере отразилось на облике Херсонеса; значительно сильнее сказалось воздействие Византии в последующий период. Еще меньшей была роль римской культуры на Боспоре. Исследователь может лишь с некоторым трудом улавливать ее в архитектурном декоре или в статуарных мотивах, засвидетельствованных нумизматикой. В облике боспорских городов сарматского периода мы наблюдаем в значительной мере сохранение старых градостроительных традиций предшествующего времени. В общественных зданиях и богатых жилых домах они следовали греческим средиземноморским образцам. В небогатых жилищах уже давно наблюдалось огрубение техники, которое отчасти объясняется чисто экономическими причинами, а в некоторых случаях (например, в Танаисе) связано с неэллиническими элементами. Параллельно с сарматизацией в боспорских городах выступает рустификация последних, сопровождаемая появлением укрепленных деревень. Эти явления связаны с натурализацией хозяйства, знаменующей начало формирования новых отношений в недрах угасающего рабовладельческого общества.

Крушение рабовладельческой формации сопровождалось разрушениями и упадком многих городов. Однако примечательно, что значительная часть старых городов не прекратила своего существования в эпоху феодализма, и многие из них продолжают жить и в настоящее время.

Таким образом, на всем протяжении истории античного общества город неизменно имел большое экономическое значение и всегда был основным центром культурной жизни.

Античный город по всей видимости по началу зарождался как *refugium*, служивший убежищем для окрестного сельского поселения. В дальнейшем основание городов было связано с различными причинами, что и определяло разнородный характер этих городов (апойкии времени великой колонизации, города, основывавшиеся эллинистическими царями, римские города-лагери и т. д.).

¹⁰² В. И. В е л к о в. Градът в Тракия и Дакия през късната Античност. София, 1959, стр. 111.

¹⁰³ Dio. Chrys., XXXVI.

Рост и развитие раннегреческого города были тесно связаны с усилением его экономического и политического значения. Город становился центром ремесла, торговли, а иногда и сельского хозяйства; вместе с тем он стал средоточием политической и культурной жизни, центром, где создавались и находились художественные ценности. В первые времена своего существования эллинские полисы по большей части были довольно замкнутыми единицами. Однако уже в то время происходила оживленная колонизационная деятельность, приведшая к появлению многочисленных апоекий.

По большей части греческие города, особенно в раннее время, были небольшими. Значительных размеров достигали сравнительно немногочисленные города, обычно с сильно развитой ремесленно-торговой деятельностью, и именно такие города по преимуществу были метрополиями, выводящими переселенцев в апоекии (Милет, Коринф и др.).

В дальнейшем полисная автаркия была сломлена афинской *ἀρχή*, экономическое благосостояние и богатство столицы которой строились на эксплуатации «союзников». На смену ей приходят протоэллинистические столицы, подъем которых был обусловлен экономическим контактом греческих городов с варварской территорией. Внешний облик большей части этих столиц несколько отличался от чисто эллинских городов, что находилось в прямой зависимости от той роли, которую играли в них варварские элементы, несмотря на сильнейшую эллинизацию последних.

Позднее в эллинистических монархиях взаимодействие античных городов с варварской территорией достигло еще большего размаха. Наконец, завершающий этап в развитии античного города связан с Римом периода поздней республики и империи, когда он стал столицей всех средиземноморских и сопредельных с ним стран. В это время рабовладельческое общество достигло апогея своего развития.

Ни один город до того времени не располагал такими экономическими возможностями градостроительства (напомним хотя бы о термах, обслуживающих все население), городского хозяйства (акведуки) и общественных празднеств. Вместе с тем — это период основания многочисленных городов нового типа, составляющих единое целое (так называемые города-лагери), и сильного воздействия принципов римского градостроительства на все интенсивно живущие провинциальные города; в это время особенно развиваются экономические связи с варварским миром. Заключительный этап — угасание рабовладельческого общества повлекло за собою натурализацию хозяйства и в значительной мере захирение урбанизма.

В заключение скажем несколько слов о характере внешних взаимоотношений городов дофеодального времени. Среди этих городов можно наметить три основных типа (что, разумеется, не исключает многочисленных видов и вариантов), которые примерно отвечают трем периодам его исторического развития.

Самый ранний — это восточный город (преимущественно еще бронзового века), который характеризуется сравнительно малой внешней экономической активностью и слабыми культурными воздействиями, не выходящими за пределы стран Древнего Востока. Хотя, как правило, ареал деятельности его сравнительно небольшой, однако отдельные предметы, происходящие из этих городов, могут проникать в довольно отдаленные от них страны. Но в общем эти города живут довольно замкнутой экономической и культурной жизнью.

Второй тип — это греческий полис, т. е. город того периода, когда античное рабовладение еще не достигло апогея своего развития. Экономически наиболее развитые из числа этих городов проявляли довольно значительную экспансию в пределах эллинского мира. Более того, экономическая экспансия греческих городов сравнительно далеко простирается за пределы эллинской ойкумены; но за пределами эллинского мира количественный потенциал ее малозначителен и оказывает на расположенные там страны небольшое воздействие. Ближайшие соседи, разумеется, испытывают

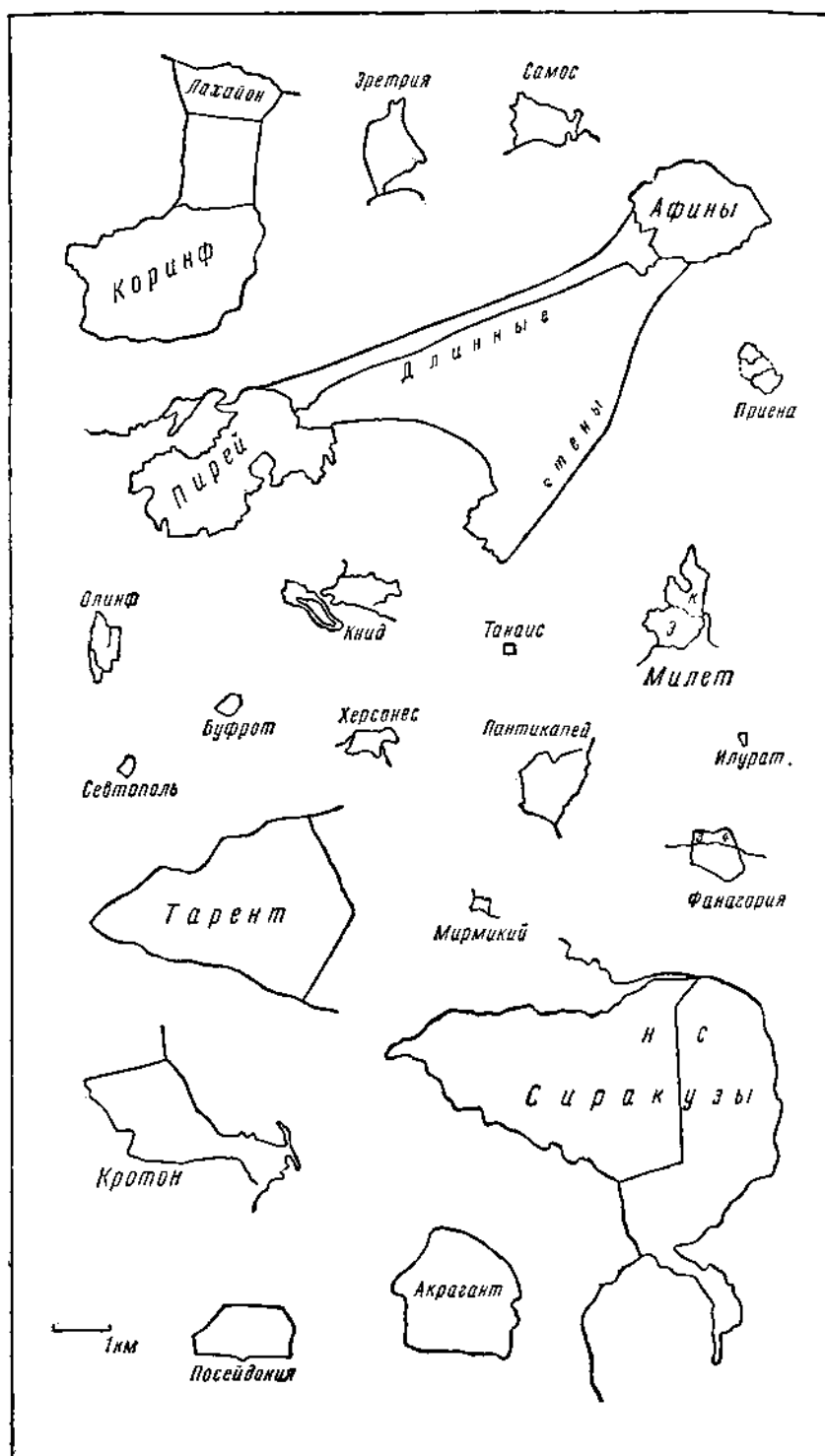

Рис. 1. Планы древних городов (в одном масштабе)

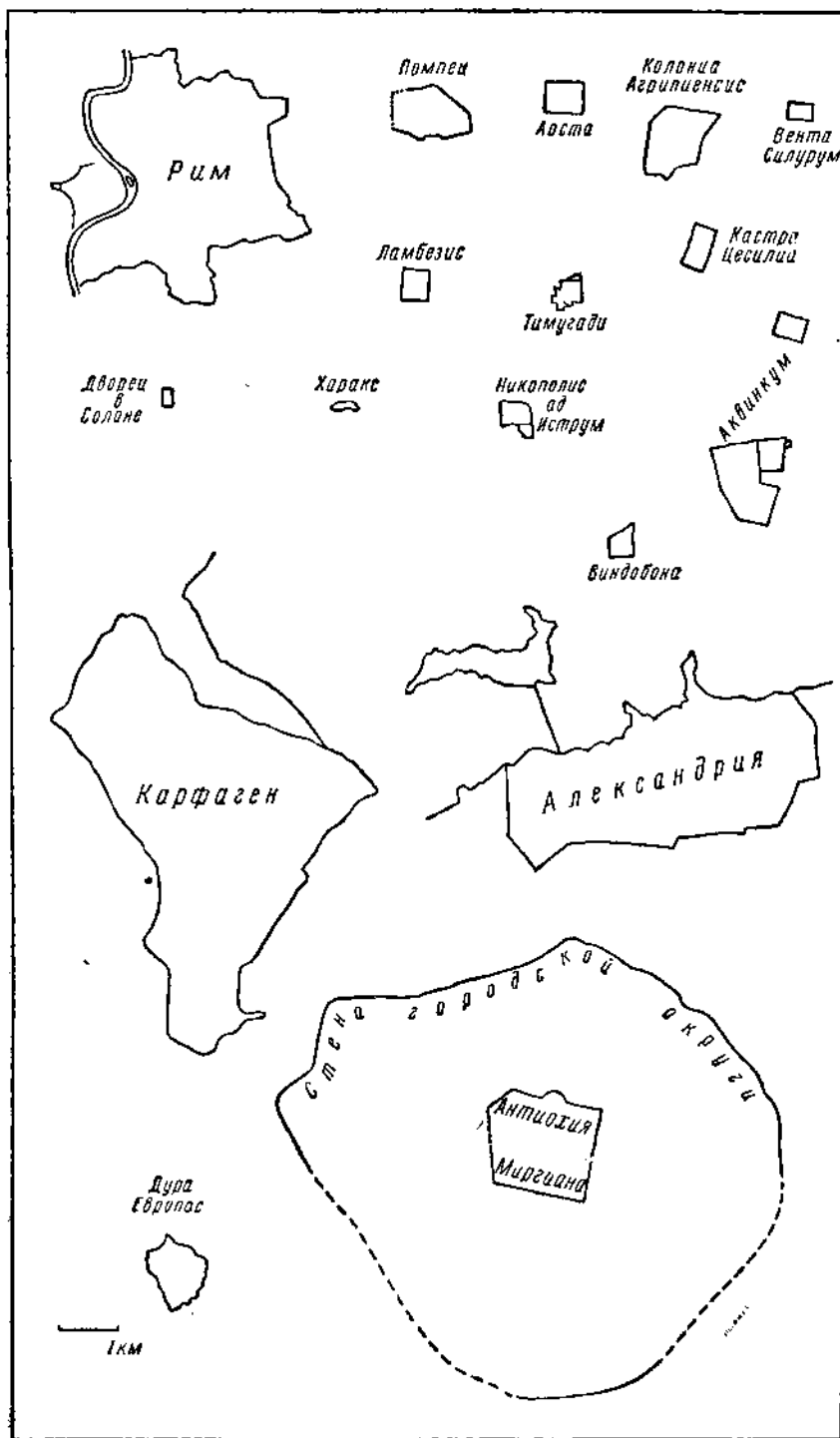

Рис. 2. Планы древних городов (в одном масштабе)

довольно сильное экономическое и культурное воздействие греков, но более отдаленный варварский мир Восточной и Средней Европы не вступает в сколько-нибудь заметное взаимодействие с эллинскими городами.

Наконец третий тип города приходится на период наибольшего размаха античного рабовладения, усиления экономических связей и политического объединения, а именно период поздней Республики и Римской империи. На этом этапе развития античного общества иррадиация античной культуры в сопредельные страны, начавшаяся еще во времена колонизации, достигла своего апогея. Экономический контакт Римской империи с варварским миром в Центральной, Северной и Восточной Европе, Северной Африке, а равно и с народами Азии, получает небывалый до того времени размах (восточная торговля империи, монетные клады Северной и Восточной Европы, культура полей погребений).

В результате этих событий процессы внутреннего развития в варварских обществах протекают более интенсивно. Вместе с тем и сами варвары, особенно обитатели Центральной и Восточной Европы, гораздо активнее чем прежде принимают участие в жизни рабовладельческого общества. Целые племена селятся в пределах империи, а отдельные варвары поднимаются до императорского трона.

Для всестороннего освещения исторического процесса развития античного общества, особенно этого времени, совершенно необходимо отказаться от традиционного ограничения его рамками Римской империи; в этот период параллельное развитие античного и варварского миров приводит к тесному взаимодействию их, а в последующее время происходят грандиозные вторжения варваров: в Западную империю — германцев, а в Восточную — славян.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В

опрос об экономической жизни античного поселения на острове Березани неоднократно затрагивался в работах исследователей, проводивших на острове археологические раскопки — Э. Р. Штерна и М. Ф. Болтенко, и авторов ряда работ, посвященных раннему этапу греческой колонизации (С. И. Капошина, Д. И. Нудельман, Я. В. Доманский, Ф. М. Штительман и др.).

Этот интерес к поселению, еще далеко недостаточно изученному, вполне понятен. Березань — наиболее раннее из открытых на территории нашей родины греческих поселений. В этом смысле исследование березанского поселения дает материал для освещения ряда вопросов, связанных с причинами и характером греческой колонизации Северного Причерноморья.

Обычно принято рассматривать Березань как торговую факторию — эмпорий. Ряд исследователей дополняет эту характеристику, отмечая также значительную роль рыболовства в экономике поселения. Такое представление о Березани находится в полном соответствии с существующим пониманием процесса греческой колонизации: от эпизодических наездов средиземноморских купцов и пиратов к основанию сначала временных, а затем и постоянных торговых пунктов; от них — к основанию торговых городов. Схема эта возникла еще в XIX в.; существующие разногласия в применении ее к конкретным памятникам несущественны. Например, исключение среднего (эмпориального) звена в применении к Ольвии не меняет дела, так как этим звеном является поселение на Березани. Признание важной роли земледелия и ремесла в экономике колоний предполагает прямо или косвенно их подчиненную роль по отношению к торговле, по крайней мере в начальный период колонизации. В результате возникает ряд серьезных противоречий между правильным, основанным на марксистской методологии, пониманием характера и причин греческой колонизации, с одной стороны, и описанием конкретного процесса колонизации с односторонним выдвижением на первый план торгового фактора — с другой.

В теоретическом плане это нашло выражение прежде всего в появлении теории «двухсторонности» процесса колонизации и теории «эмпориального периода», по существу содержащихся уже в работах дореволюционных историков второй половины XIX — начала XX в. (В. В. Латышев, В. Н. Юргевич, Э. Р. Штерн и др.). Обе эти теории неразрывно связаны между собой. Ныне теория «двухсторонности» отвергается большинством современных исследователей, но критика ее ведется в основном по линии пересмотра отдельных частных положений при сохранении ее основы — преувеличения роли торговли в процессе колонизации.

Однако любая непоследовательность в этом вопросе приводит к новым, порой еще более серьезным, ошибкам. Так, С. Ф. Стржелецкий, признавая неправильными

выводы А. А. Иессена о «двустороннем процессе» греческой колонизации, заключает: «Возникновение античных городов Северного Причерноморья обусловлено развитием древнегреческих государств Средиземноморья и вытекающими из него экономическими причинами древнегреческой колонизации, с одной стороны, и хозяйственным экономическим развитием племен Северного Причерноморья — с другой»¹. Несмотря на кажущееся повторение точки зрения А. А. Иессена, С. Ф. Стржелецкий дает совершенно новое решение вопроса, а именно: процесс возникновения городов нельзя смешивать с процессом греческой колонизации. Таким образом, С. Ф. Стржелецкий считает, что возникновение городов Северного Причерноморья — это процесс естественный, обусловленный прежде всего степенью общественного развития, разделения труда, товарных отношений среди местных племен. Недаром С. Ф. Стржелецкий говорит об «экономической необходимости» возникновения городов.

Многолетние полевые исследования советских археологов дают нам богатейший материал по экономической истории северопричерноморских античных городов. Этот материал нуждается в правильном истолковании. Маркс, определяя экономическое содержание античного общества, настойчиво подчеркивал, что история классической древности — это история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии².

Что касается березанского поселения, то, по общепринятому мнению, торговый (эмпориальный) характер его не подлежит сомнению. Однако попытки ученых отыскать следы эмпориев на месте греческих городов, таких, как Ольвия, Херсонес или Пантикапей, до сих пор не увенчались успехом и, следовательно, Березань является единственным «достоверным» эмпорием Северного Причерноморья. Поэтому проверка истинности этого положения представляется весьма важной.

Первая попытка оценки березанского поселения как торговой фактории принадлежит Э. Р. Штерну, который принял это положение без доказательств в соответствии с существовавшей теорией колонизации, изложенной, в частности, самим Э. Р. Штерном в работе «Значение керамических находок на юге России»³. По его словам, милетскую колонизацию нужно понимать, в основном, как учреждение в существующих уже поселениях торговых складочных факторий для сбыта привозных товаров и закуски сырых продуктов. Точка зрения Штерна послужила основой для создания представления о Березани, как эмпорие, хотя материалы последующего изучения как самого острова, так и ближайшего к нему района не дали ничего существенного для ее подтверждения.

В ближайшем к Березани районе нам до сих пор не известны синхронные ей поселения местных племен, на материалах которых прослеживались бы торговые связи Березани. Основание березанского поселения относится ко второй половине, точнее к последней трети VII в. до н. э., наиболее же раннее из поселений Бугского лимана — поселение у Широкой Балки близ Ольвии — датируется первой половиной VI в. Однако и это единственное поселение первой половины VI в. вряд ли не было греческим.

В качестве доказательств обычно приводятся полуземлянки или землянки как основной тип жилища этого поселения и наличие в нем лепной керамики. Но лепная керамика, как уже признано, не может определять этническую принадлежность ее создателей; что же касается полуземлянок и землянок, то они характерны для гре-

¹ С. Ф. Стржелецкий. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 65. См. также: А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 89.

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 14 и 15; е г о ж е. Капитал, т. 1, стр. 341.

³ Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. ЗООИД, т. XXII, 1900, стр. 6 сл.

ческих поселений архаического и раннеклассического времени. Местоположение поселения у Широкой Балки всего в 1,5 км от Ольвии, греческое домостроительство, предметы греческого материального быта, наличие теснейших экономических связей с Ольвией и даже общий с Ольвией некрополь — все это с несомненностью указывает, что поселение у Широкой Балки — неотъемлемая часть Ольвийского полиса.

Доказательством торговой деятельности Березанского «эмпория» не могут служить и находки единичных греческих архаических вещей вдали от Нижнего Побужья, у северной окраины степей, ибо вполне закономерно возникает вопрос: почему эти находки не обнаружены вблизи Березани, где их естественнее всего было бы ожидать? С. И. Капошина, тщательно изучившая следы доколониационной торговли в бассейне Нижнего Побужья, вынуждена признать: «Первый период в истории заселения Березани характеризуется некоторым «изолированным» положением Березанского эмпория по отношению к прибрежным степям»⁴. С этим выводом нельзя не согласиться⁵. Да и сама Березань не производит впечатления торгового пункта. Строительные остатки раннего поселения отличаются простотой и скромностью. Это чаще всего небольшие по размерам жилые сооружения (землянки и полуземлянки) с соломёной или глинобитной кровлей (любопытно, что на более, чем 80 тыс. амфорных обломков, найденных здесь во время раскопок 1960 г., приходится всего лишь 102 черепичных обломка, но и те, несомненно, идут из классического, а не из архаического слоя). Жилища эти, разумеется, не могут быть домами богатых купцов.

На Березанском поселении не найдено различных хранилищ и складских помещений, необходимых для посреднической торговли.

Относительно строительных сооружений Березани сложилось несколько неверное представление.

Я. В. Доманский, опираясь на данные Э. Р. Штерна, констатирует два строительных периода в развитии строительства жилых домов на Березани: первый период (до середины VI в. до н. э.) — стены из крупных, хорошо отесанных каменных плит, уложенных насухо, сооружались на тонком слое золы и глины; второй период (конец VI — начало V в.) — стены из мелкого камня на глиняном растворе возводились прямо на насыпи. Наряду с этими зданиями существовали полуземлянки, которые, судя по многочисленным обломкам лепной посуды, принадлежали местному населению, продолжавшему жить на острове⁶. Однако вывод о принадлежности каменных жилищ грекам, а полуземлянок аборигенам, сделанный на основании находок лепной керамики в засыпи полуземлянок, неубедителен: лепная керамика в меньшей пропорции содержится в засыпи и каменных домов.

Далее, добротность каменных сооружений в первый период и их невзрачность во второй, в случае правильности нарисованной здесь картины, служили бы важным аргументом для доказательства первоначально торгового характера поселения. Однако в данном случае необходимо учесть неправильную датировку Э. Р. Штерном строительных остатков Березани, согласно которой стены первого периода лежат на материке или на субструкциях (доведенных до материка), стены второго периода — на культурном слое. Эта датировка не может быть принята, так как сравнительно поздние стены подвальных и полуподвальных помещений, а таковые на Березани не являются редкостью, попадают в разряд ранних. Еще очевиднее ошибка Штерна относительно стен, лежащих на субструкциях. Ведь субструкции не воздвигаются на материке, а впускаются в уже существующий культурный слой, следовательно о ран-

⁴ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 238.

⁵ Хотя объективности ради следует говорить не о «некоторой», а о безусловной изолированности Березани.

⁶ Я. В. Доманский. Нижнее Побужье в VII—V в. до н. э. Автореферат канд. дисс. Л., 1955, стр. 3—4.

нем характере этих степ не может быть и речи. Особенности домостроительства Березани не составляли исключения из нормы, а претерпели эволюцию, общую для всего Северного Причерноморья; от более чем скромных землянок, полуземлянок или небольших каменных домов, стены которых выложены на глине из небольших плоских камней, — к капитальным домам классического и эллинистического времени, с применением тесаного квадратного камня и сухой кладки.

Некрополь Березани вполне соответствует жилым сооружениям раннего поселения и отражает в основном невысокий жизненный уровень обитателей. Правда, относительно некрополя Березани необходимо сделать серьезную оговорку. Исследование его производилось Г. Л. Скадовским еще в те времена, когда методика раскопок была весьма несовершенной. Поэтому Г. Л. Скадовский не понял, что при раскопках некрополя ему приходилось иметь дело не только с могильником, но и с остатками каких-то иных построек.

Г. Л. Скадовский неправильно истолковал культурный слой на некрополе, объяснив его как скопления кострищ, наслаивающихся одно на другое, и не смог правильно объяснить многочисленные каменные развалы и каменные сооружения, перекрывающие подчас одно другое. Вряд ли права С. И. Капошина, объясняющая эти каменные сооружения как погребальные⁷. Так, например, никаких погребений не было обнаружено под прямоугольными сооружениями А и С; лишь случайно краем заходят три погребения под монументальный ступенчатый стилобат В. Следовательно, в какой-то период при расширении границ поселения территории некрополя использовалась под застройку. Поскольку каменные сооружения перекрывают собой могилы второй половины VI — первой половины V в., это расширение границ поселения следует относить к V в. до н. э.

Логически правильно следовало бы считать вывод, что с появлением крупного торгового центра (Ольвия) дублирующий его функции мелкий торговый пункт (Березань) прекращает свое существование. В основном эта точка зрения на хронологические рамки березанского поселения сохранилась и в настоящее время. Высказана она была еще в 1901 г. Э. Р. Штерном на основании материалов раскопок Г. Л. Скадовского: поселение на Березани в V в. до н. э. прекратило существование. Березанский эмиорий был поглощен развитием торговли в Ольвии и окончательным утверждением греков в этом районе⁸.

Между тем, изучение материалов Березани показывает, что поселение в действительности продолжало существовать в классическое и даже в раннеэллинистическое время. Об этом свидетельствует весьма многочисленный керамический материал: краснофигурная керамика, амфоры позднеклассических и эллинистических типов, в частности гераклеяская клейменная тара, и даже обломки «мегарских» чап. Несомненно, что ряд грунтовых погребений из некрополя относился к V и IV вв. до н. э. К этому же времени относился и ряд открытых Э. Р. Штерном строительных остатков, в частности помещения на участке Б⁶, открытые в 1905 г.⁹. Помещение позднеклассического или эллинистического времени открыто нами в 1960 г. на раскопе V, расположенном вблизи участка Б⁶ Э. Р. Штерна¹⁰.

Таким образом, с возникновением Ольвии жизнь березанского поселения не прекратилась. Ольвия и Березань не только сосуществовали на протяжении нескольких сотен лет, но и находились в каких-то экономических связях, что подтверждается находками на Березани ольвийских литых монет — ассов, многочисленных дельфинчиков и ольвийских чеканных монет (из 38 монет, найденных в 1928 г., 24 принадле-

⁷ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 218, 219.

⁸ Э. Р. Штерн. О новейших раскопках в г. Аккермане и на о. Березань. ЗООИД, т. XXIII, 1901, Протоколы, стр. 90.

⁹ Дневник Е. Г. Кагарова за 1905 г. Архив ОГИМ, 59189.

¹⁰ В. В. Лапин. Раскопки поселения на острове Березань 1960 г. КСИА АН УССР, в. 11, Киев, 1961, стр. 48—49.

жат Ольвии VI—III вв.¹¹). Отсюда следует, что экономическая жизнь Березанского поселения не зависела от торговой конкуренции Ольвии.

Изучение материалов раскопок Г. Л. Скадовского, Э. Р. Штерна, М. Ф. Болтенко и сопоставление их с материалами раскопок 1960 г. дают возможность нарисовать следующую, правда, пока еще схематичную, картину развития поселения. Количество строительных остатков возрастает при приближении к северо-восточному углу острова. Не случайно, именно здесь сосредоточено наибольшее количество раскопок: раскопы А и В⁸ Штерна, раскопы 1927—1931 и 1946 гг. Болтенко и др. То же следует сказать относительно хронологического диапазона культурного слоя: северо-восточный угол дает большое разнообразие памятников различного времени, тогда как более удаленные участки содержат строительные остатки классического и эллинистического времени, но бедны архаическими сооружениями. Мощность культурного слоя также постепенно сходит на нет в южном направлении. Выше уже отмечалось, что строительные остатки на территории некрополя, возможно и культового, но не погребального характера, относятся ко времени не ранее V в. Строительные остатки раннего времени не найдены и в раскопе Б⁸ Э. Р. Штерна. В нашем раскопе V, расположенном еще далее к юго-востоку, найдены остатки дома V в. до н. э. На раскопе I 1960 г., еще далее к югу, наиболее ранние остатки представлены ямой с материалом второй половины VI — первой половины V в. до н. э., строительные же сооружения на этом участке датируются еще более поздним временем. Таким образом, в V в. до н. э. наблюдается расширение поселения в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях.

Более или менее детальное ознакомление с археологическими материалами березанского поселения приводит нас к выводу, что перед нами — поселение земледельцев и ремесленников. Ранний слой Березани отличается темным цветом земли и содержит большое количество золы, углей, керамических, железных и медных шлаков. Однако перечисленные признаки характерны не только для Березани, но и для раннего слоя других греческих центров Причерноморья; отсюда следует, что колонизация Березани не шла какими-то особыми «торговыми», «эмпориальными» путями, а являлась частью единого процесса выселения беднейшей, в первую очередь трудовой части населения за пределы Греции.

Сельскохозяйственная жизнь березанского поселения представлена обильным и разнообразным археологическим материалом. Сюда должны быть отнесены прежде всего ямы-зернохранилища, раскрываемые в большом количестве в каждый раскопный сезон.

Не редкостью являются на Березани и находки зернотерок. Так, в 1960 г. найдено четыре больших фрагмента зернотерок обычных двух типов, встречающихся у нас в Северном Причерноморье: круглых и прямоугольных.

Находки сельскохозяйственных орудий в античных поселениях Северного Причерноморья вообще единичны. Однако на Березани даже при кратковременных работах 1960 г. в раскопе IV была найдена рабочая часть мотыги¹². Среди предметов, имеющих отношение к сельскому хозяйству, встречаются также ступы — «каменные цилиндры для протирания припасов». Кроме того, были найдены остатки хлебных лепешек и эолийская ойнохоя, наполненная пшеном.

Многочисленные находки костей животных свидетельствуют о занятии скотоводством. Кости крупного рогатого скота, используемого, в частности, и для обработки земли, составляют довольно значительный процент.

К числу косвенных доказательств аграрного характера поселения должны быть отнесены многочисленные следы земледельческого культа.

¹¹ П. О. Карышковский. Монеты острова Березани. КСИА АН УССР, в. 9, 1960, стр. 85—89.

¹² В 1961 г. в этом же районе обнаружен железный лемех плуга прекрасной сохранности. Мы не находим оснований сомневаться в его принадлежности античному слою.

Основным препятствием для признания аграрного характера поселения считается современное островное положение Березани. Гипотеза о том, что Березань в древности была полуостровом, воспринимается обычно как досадное недоразумение. Между тем еще в 1910 г. С. Д. Пападимитриу приводил ряд убедительных доводов для обоснования своего предположения, что во времена колонизации Березань соединялась с сушей¹³. Сильной стороной гипотезы С. Д. Пападимитриу является трезвая оценка условий жизни поселения на острове: невозможность существования жителей без пастбищ, пахотной земли, и т. д. (добавим, что С. Д. Пападимитриу не учел еще одного важного обстоятельства — отсутствия в настоящее время на острове питьевой воды). Другим важным доводом С. Д. Пападимитриу является незначительность глубины пролива (1—2 м), отделяющего остров от материка. Далее он отмечал, что первое упоминание о двух островах на Черном море появляется лишь у Страбона, который говорит о существовании гавани на острове, между тем, как в настоящее время гавани там нет.

Современная геология с неоспоримостью доказывает, что в настоящее время в Северном Причерноморье наблюдается процесс наступления моря на сушу; объясняется это или подъемом уровня воды в Черном море, или эпейрогеническим процессом. Подсчитано, что в течение сотни лет уровень суши опускается на 0,14 м. В течение двух тысяч лет, т. е. приблизительно от времен Страбона, это составляет 2,80 м, т. е. почти три метра. Учитывая, что в настоящее время глубина пролива между островом и близлежащей Викторовкой не превышает двух метров, мы можем допустить, что даже во времена Страбона остров был соединен с сушей перешейком, выступающим над водой на один метр. Это, однако, противоречит данным Страбона, определенно называющего Березань островом. Следовательно, остается предположить неравномерность протекания эпейрогенического процесса, т. е. меньшую интенсивность его в наше время, или наличие параллельного ему процесса намывания песка в пролив между островом и сушей. И то и другое одинаково реально.

Даже гипотеза С. Д. Пападимитриу относительно катастрофы, т. е. более или менее быстрого внезапного отделения острова от материка, в свете последних геологических данных не представляется абсолютно нереальной. Наблюдения последних лет показывают большую неравномерность тектоники в интересующем нас районе: если некоторые участки находятся в состоянии относительной стабильности, как в районе Одессы, то на других участках, например, в районе Днестровского лимана, замечаются колебания очень большой интенсивности.

Тем не менее, поскольку речь идет о времени в геологических масштабах незначительном, геологи не могут решить интересующий нас вопрос без привлечения данных других наук и, прежде всего, археологии. Заметим, что еще первый исследователь Березани, геолог Р. А. Прендель ставил окончательное решение вопроса о полуостровном положении Березани в связь с археологическими исследованиями¹⁴.

Данные археологических исследований острова вполне согласуются с данными геологии. Как отмечено выше, в настоящее время остров не имеет питьевой воды. Между тем, в северо-восточной части острова было открыто большое количество колодцев. Сейчас в эти колодцы поступает морская вода, непригодная для питья. Остается нерешенным один важный вопрос: откуда же жители получали питьевую воду? Несомненно, в древности колодцы снабжали жителей питьевой водой, а позже, в процессе опускания суши, их уровень достиг уровня моря и в них стала поступать морская вода. В 1958 г. мы выяснили, что в античном колодце в Ольвии теперь содержится морская вода¹⁵.

¹³ С. Д. Пападимитриу. Древние сведения об острове Березани. ЗООИД, т. XXVIII, 1910, Протоколы, стр. 97—112.

¹⁴ Р. А. Прендель. Археологические исследования на острове Березань. Труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г., т. 1. Одесса, 1886—1888, стр. 219.

¹⁵ В. В. Липин. Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии. КСИА АН УССР, в. 10, 1960, стр. 91—102.

При разрешении вопроса нельзя не учитывать и большую разрушительную силу моря, размывание берегов. Так, Э. Р. Штерпом в 1906 г. было подсчитано, что за последнее столетие в результате размыва остров уменьшился по береговой линии приблизительно на 25 м. М. Ф. Болтенко отмечает, что в течение 18 лет (до 1927 г.) берег у раскола В⁸ был размыт на три метра. Если учесть, что в древние времена процесс размывания протекал с меньшей силой и что ему в равной мере подвергался противоположный материковый берег, то и в таком случае расстояние между островом и сушей в период колонизации должно было быть по крайней мере в два раза меньше чем сейчас.

Итак, следует думать, что во времена колонизации Березань являлась частью материка.

Материальная культура березанского поселения свидетельствует о высоком развитии и распространении различных ремесел. Металлообрабатывающее ремесло находит свое подтверждение в многочисленных находках металлических шлаков и литейных форм. Правда, поскольку в литейных формах отливались обычно мелкие вещи, главным образом украшения, то они еще не могут служить показателем значительной роли этого ремесла в экономике поселения. Гораздо важнее то, что мы можем констатировать на Березани железоделательное производство. Прекрасной иллюстрацией этого положения является открытие раскопками 1960 г. комплекса, связанного с производством и обработкой железа. Пока удалось выявить два больших круглых бассейна, связанных между собой узким каналом. Цементированное плотным беловатого цвета глинистым составом дно одного бассейна в момент раскрытия было покрыто слоем железной ржавчины толщиной до 0,5 см. В засыпке, перекрывавшей эти сооружения, было обнаружено громадное количество железных шлаков, больших кусков древесного угля превосходного качества, несомненно приготовленного для металлургических целей. В засыпке было найдено также очень много железных предметов. Среди них предметы домашнего обихода, орудия производства, предметы вооружения и т. п. Медные вещи встречены в засыпке в несколько меньшем количестве. Найденный там керамический материал весь относится к последней четверти VII — первой половине VI в. до н. э. О назначении бассейнов пока еще трудно судить, однако не исключена возможность, что в них производилась первичная обработка сырья, например, очистка железной руды от различных примесей и пород.

Гончарное производство березанского поселения представлено находками керамических шлаков, обломками сероглиняной керамики с признаками брака (деформация, избыточные вздутия на стенках, образующиеся от сгорания при обжиге крупных древесных включений), находками полуфабрикатов (при раскопках 1960 г., например, был найден светлоглиняный алабастр, подобный глиняным понийским алабастрам, совсем необожженный и, к сожалению, разрушившийся). Несомненно, местными греческими мастерами изготовлялась значительная часть лепной керамики, воспроизводящей формы греческой гончарной посуды (светильники, миски, так называемые культовые ритоны и т. д.). В материалах Гошкевича имеются упоминания о гончарных печах Березани. Домашнее ткацкое ремесло обильно представлено глиняными и свинцовыми пряслицами и керамическими намотками.

Роль рыболовства в жизни березанского поселения, по-видимому, преувеличена. Некоторые исследователи прямо называют его «рыбацким» поселением, другие — торгово-рыболовецким. Однако отрицать рыболовецкий промысел не приходится, ибо он подтверждается весьма частыми находками в культурном слое рыболовных крючков, гарпунов, глиняных грузил и костей рыбы. Надо предполагать существование в поселении своих каменщиков, плотников, шорников, кожевников, костерезов и т. д.

В раскопках неоднократно были найдены различные медные и железные инструменты, назначение которых не всегда удается определить, железные орудия труда, керамические профилированные поделки, служившие, возможно, для декоративных штукатурных работ, орудия из кости и рогов животных и т. д. Среди находок упоми-

наются большие и малые иглы, бронзовые «медицинские» инструменты, щипчики, бронзовый молоток, костяные проколки, оленьи рога, полированные и заостренные в виде шила и др.

Суммируя все вышесказанное, кажется можно утверждать, что экономическая жизнь березанского поселения определялась производством, т. е. сельским хозяйством и ремеслами, а не посреднической торговлей. Это придавало поселению прочную, устойчивую базу, не зависящую от превратностей торговли. К березанскому поселению, так же как к любому другому поселению нашего Причерноморья, — можно отнести известную характеристику Маркса, как нельзя более рельефно выражающую самую суть античной цивилизации: «Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, работающее на непосредственное потребление; промышленность (Manufactur) как домашнее побочное занятие женщин и девушек (прядение и ткачество), или как промышленности, обособившаяся только в отдельные самостоятельные отрасли производства (fabri {ремесленники} и т. д.)».¹⁶

Полностью отрицать роль торговли в жизни березанского поселения, конечно, нельзя. Речь идет лишь о правильном определении его экономики, основанной, по нашему мнению, скорее на производстве, а не на торговле, тем более посреднической торговле. Торговая жизнь Березани, судя по известным нам материалам, не отличается от торговой жизни других греческих поселений Северного Причерноморья, исследованной весьма основательно, и на ней мы останавливаться не будем. Заметим лишь, что торговля эта была вызвана, прежде всего, экономическими потребностями самого поселения и развивалась по трем направлениям: связи с метрополиями Греции, связи с ближайшими греческими колониями с момента их возникновения, связи с племенным окружением. Именно последние прослеживаются наименее отчетливо. Для доказательства их пока нет никаких данных. Это в равной мере относится и к лепной керамике, принадлежность которой негреческому населению далеко не бесспорна. Обычный педифференцированный подход к лепной керамике, на основании которого вся она относится к производству окружающих племен, представляется методологически неверным, поскольку этнографами многократно засвидетельствовано, вплоть до настоящего времени, сосуществование у одного и того же народа бок о бок производства лепной и гончарной керамики.

Вывод о наличии интенсивных торговых связей с окружающим племенным миром представляется нам слишком поспешным и неубедительным. Еще менее вероятным кажется вывод о сосуществовании на острове двух этнических групп населения: греческой и местной. Наличие скорченных захоронений в некрополе Березани, равно как и в равнинных некрополях Ольвии, Боспора и Херсонеса и т. д., как кажется, не дает для этого оснований. Мы эти захоронения рассматриваем как специфически греческие.

При рассмотрении вопроса о торговых связях населения Березани большой интерес представляют так называемые монеты-стрелки. Находки монет-стрелок на Березани могли бы быть истолкованы, как свидетельство связи Березани с Фракией. Для этого, однако, особых оснований, по-видимому, нет. Хотя на территории Фракии находки монет-стрелок встречены неоднократно, иногда в очень больших количествах (одна находка у Бургасского залива насчитывала несколько сот стрелок), однако все эти находки пока не удается связать с каким-либо определенным культурным слоем; вследствие этого они были неправильно датированы болгарскими археологами IV—III вв. до н. э. Во Фракии они встречаются чаще всего в виде кладов. Клады же, как известно, могут перемещаться на очень большие расстояния и не служат доказательством обращения этих монет в районе их находки. В районе Нижнего Побужья

¹⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 12.

и Поднепровья монеты-стрелки встречаются ничуть не в меньшем, а скорее, в значительно большем количестве. Но здесь их находят в культурном слое порознь, а не кладами, и учитываются они не как монетные находки, а вплоть до настоящего времени определяются как бракованные двухлопастные стрелы; это дает повод скифологам, например, ставить эти находки в связь со скифским литейным производством.

Между тем, изучение материалов, дневников и отчетов о раскопках березанского поселения позволяет судить, что находки монет-стрелок в раннем слое здесь не случайны, а являются вполне закономерной составной частью, характерной для этого слоя. О находках двухлопастных стрел археологи упоминают неоднократно. Поскольку в действительности настоящие двухлопастные стрелы на Березани встречаются сравнительно редко (в 1960 г., например, из 29 стрел лишь три оказались двухлопастными), можно полагать, что значительная часть упоминаемых стрел является монетами-стрелками. Это находит подтверждение и в том, что двухлопастные стрелы зафиксированы здесь в качестве «обола Харопа» (например, в дневнике Е. Г. Кагарова 1906 г., курган К²).

Интересное соотношение находок дельфинчиков и монет-стрел дали раскопки 1960 г.; на 34 дельфинчика—19 монет-стрел, т. е. соотношение 7 : 4. Среди стрел и дельфинчиков из раскопок Э. Р. Штерна 1913 г. нами было выделено семь монет-стрел. В коллекции Одесского археологического музея имеются как большие куски спаявшихся монет-стрелок, так и отдельные экземпляры. Большинство из них происходит, по-видимому, с Березани. Многочисленность этих монет на Березани, а также однотипность их с известными ольвийскими дельфинчиками, дают нам возможность поставить вопрос о принадлежности их к ольвийской монетной системе или, что не менее вероятно, Березани.

Таким образом, изучение монет-стрелок, находимых на Березани, не может подтвердить наличие торговых связей этого поселения с окружающими племенами.

Подводя итог всему сказанному, заметим, что вопрос об экономическом облике березанского поселения не является частным и мелким вопросом в сложной и многоплановой проблематике отечественной античной археологии. Это — вопрос о путях греческой колонизации Северного Причерноморья, вопрос об экономической и социальной структуре раннегреческих поселений на территории нашей родины, об их последующей экономической и социальной эволюции. Решительно выступая против теории «торговой колонизации», мы опираемся на опыт наших предшественников, в той или иной степени и в том или ином аспекте подвергавших критике эту теорию. Однако, частный пересмотр отдельных положений не дает эффективных результатов и в большинстве случаев приводит авторов к исходным позициям. По-видимому, подобные компромиссы не решают, а запутывают вопрос о стимулах и о самом характере греческой колонизации. Существующая на протяжении многих десятилетий схема развития греческой колонизации «от торговых эмпориев к торговым городам» нуждается не в «уточнениях», а в коренном пересмотре в соответствии с тем огромным археологическим материалом, которым мы уже располагаем.

АНТИЧНЫЙ ГОРОД ТИРА

Вопрос о местоположении Тира в течение длительного времени оставался спорным¹. Окончательное ее местоположение было установлено Э. Р. Штерном² в начале XX в., обнаружившим в результате раскопок 1900 и 1912 гг. на территории дворов Аккерманской крепости и прикрепостной площади мощный слой античного периода. Раскопки Тира не были систематическими и носили эпизодический характер. В 1918, 1927—1930 гг. исследования проводились румынскими археологами³, в 1932, 1935, 1940 гг. — ученым хранителем б. Аккерманского музея В. А. Шахназаровым. После Великой Отечественной войны к систематическим исследованиям Тира приступил Институт археологии АН УССР. С 1945 по 1950 гг. работы велись под руководством Л. Д. Дмитрова⁴. В 1953, 1958—1960 гг. эти раскопки были продолжены под руководством автора⁵.

Литература, посвященная истории города невелика. Результаты послевоенных раскопок опубликованы не полностью.

Основанная на правом берегу Днестровского лимана Тира занимала весьма выгодное географическое положение. Ученые определяют дату возникновения Тира различно. Одни⁶ — В. Н. Юргевич, Е. Миниз, М. Эберт, Э. Диль⁷, П. Никореску относили возникновение Тира к VII—VI вв. до н. э.; другие⁸ — Э. Р. Штерн, А. Н. Зограф, Л. Д. Дмитров⁹ и В. Д. Блаватский¹⁰ считают, что о Тире как о городе можно говорить лишь с V в. до н. э.

¹ И. А. С тем и ков с к и й. Исследования о местоположении древнегреческих поселений. СПб., 1826, стр. 21—23; П. В. Б е к к е р. Тира и тириты. ЗООИД, т. II, 1848, стр. 418, 419; Ф. К. Б р у н. О местоположении Тираса. ЗООИД, т. III, 1853, стр. 49; е г о ж е. Черноморье, ч. I. Одесса, 1879, стр. 3—13.

² Э. Р. Ш т е р н. О последних раскопках в Аккермане. ЗООИД, т. XXIII, 1901, стр. 33—61; е г о ж е. Раскопки в Аккермане летом 1912 г., ЗООИД, т. XXXI, 1913, стр. 92—101.

³ P. N i c o r e s c u. Scavi e Scoperte a Tyras. «Ephemeris Dacoromana», II, 1924, p. 378—415; е г о ж е. Fouilles de Tyras. «Dacia», III—IV, 1933, p. 557—601.

⁴ Л. Д. Д м и т р о в. Білгород-Дністровська археологічна експедиція. АП УРСР, т. II, 1949, стр. 39—52; е г о ж е. Розкопки в м. Білгород-Дністровському в 1947 р. АП УРСР, т. IV, 1952, стр. 59—64; е г о ж е. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—50 рр. АП УРСР, т. V, 1955, стр. 111—123.

⁵ А. І. Ф у р м а н с к а я. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери. «Археологія», т. X, 1957, стр. 80—93; А. И. Ф у р м а н с к а я и Е. В. М а к с и м о в. Раскопки в Белгороде-Днестровском. КСИА АН УССР, т. 5, стр. 64—67; А. І. Ф у р м а н с к а я. Розкопки Тіри в 1958 р. АП УРСР, т. XI, стр. 123—138.

⁶ Т. Д. З л а т к о в с к а я. О начальном периоде истории Тира. СА, 1959, № 2, стр. 61.

⁷ E. D i e h l. RE, s. v. Tyras. Stuttgart, 1860.

⁸ Т. Д. З л а т к о в с к а я. Указ. соч., стр. 61.

⁹ Л. Д. Д м и т р о в. Тира. «Нариси страдодавньої історії УРСР», Київ, 1957, стр. 271.

¹⁰ В. Д. Б л а в а т с к и й. Процесс исторического развития античных государств в Север-

Сведения древних авторов о Тире очень скудны. По словам Псевдо-Скимна (vv. 798—803): «Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой, а грузовым судам безопасное плавание. На реке лежит соименный город Тира, основанный милетянами».

Последнее подтверждается тем, что жители Тиры пользовались милетским календарем, сохранившимся в надписях из сел Чобручи и Коротного и почти полностью совпадающим с календарем Милета и его колоний¹¹. Между тем, основание милетских колоний на западном и северном побережье Черного моря относится к VII—VI вв. до н. э., а к концу VI в. до н. э. процесс колонизации этих берегов был в основном завершен. Появление крупных поселений на берегах Днестровского лимана в это время подтверждают и раскопки Роксоланского городища¹². Все это позволяет считать, что Тира, как и ближайшие ее соседи — Ольвия и Истрия, была основана не позднее VI в. до н. э., что, впрочем, археологическими данными подтверждается пока недостаточно. Упомянутые в литературе находки ионийской керамики¹³ и найденная в 1960 г. ручка ионийского кувшина¹⁴ VI в. до н. э. лишь косвенно подтверждают вероятность этой даты.

Данные раскопок и случайные находки монет, античной керамики, памятников скульптуры позволяют определить, что в древности город занимал площадь свыше 20 га. Остатки древней Тиры находятся под средневековой аккерманской крепостью, прикрепостной площадью и ближайшими к крепости улицами. Прилиманная часть города разрушена как водами лимана, так и позднейшими сооружениями. Акрополь занимал возвышенное и защищенное место, где позднее была сооружена средневековая крепость.

Некрополь города до сих пор не обнаружен.

Местоположение так называемой Скифской могилы и могилы у с. Салганы¹⁵ позволяет высказать предположение о том, что в первые века нашей эры некрополь находился на берегу лимана в 1,5—2 км к юго-юго-востоку от города.

На современном этапе археологических исследований Тиры воссоздать общую социально-экономическую историю города пока еще трудно. В настоящей работе мы попытаемся на основании литературных сведений и нового археологического материала наметить лишь в общих чертах ход исторического развития города.

Ранний этап истории города (VI—V вв. до н. э.) мало известен. Строительные остатки VI—V вв. до н. э. пока не найдены. В настоящее время мы располагаем лишь единичными находками вещей VI — начала V в. до н. э. и относительно большим количеством материала второй половины V в. до н. э. Это преимущественно чернолаковая и краснофигурная аттическая керамика, указывающая на связи Тиры с Афинами, особенно усилившиеся в конце V в. до н. э. Вряд ли следует объяснять расширение этих связей результатами экспедиции Перикла в Понт и предполагаемым некоторыми учеными включением Тиры в число членов Афинского морского союза. Последнее вообще весьма сомнительно.

ном Причерноморье. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 13, 14.

¹¹ В. Н. Ю р г е в и ч. Открытая в 1867 г. в с. Чобручи греческая надпись древнего города Тиры. ЗООИД, т. VI, 1867, стр. 15. В. В. Л а т ы ш е в. О календарях Ольвии, Тиры и Херсонеса Таврического. «ПОНТИКА», СПб., 1909, стр. 25—40; F. V i l a b e l. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, S. 70.

¹² М. С. С и н и ц ы н. Роксоланское городище по раскопкам 1958—1960 гг. Доклад, прочитанный 18 марта 1961 г. на Научной сессии Одесского Государственного университета и Одесского Государственного археологического музея, посвященный итогам полевых археологических исследований 1960 г.

¹³ Э. Р. Ш т е р н. Раскопки в Аккермане летом 1912 г., ЗООИД, XXXI, стр. 100; P. N i c o г e s c u. Scavi e Scoperte..., p. 383—384.

¹⁴ Фонды Ин-та археологии АН УССР, инв. № 328.

¹⁵ Л. Д. Д м и т р о в. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—50 рр. стр. 117.

Осветить вопрос о характере экономики Тиры этого этапа нелегко, так как вещевой материал почти полностью отсутствует. Можно лишь согласиться с высказанным Т. Д. Златковской¹⁶ предположением о сельскохозяйственном характере экономики Тиры раннего времени и мнением А. Н. Зографа о том, что хозяйство Тиры «как сложившегося городского организма, строилось преимущественно на земледелии и торговле хлебом»¹⁷. И действительно, типология ранних монет Тиры с изображением Деметры, колоса, венков из колосьев свидетельствует о развитии земледелия, изображения взнузданного коня и быка — о немаловажном значении скотоводства. Учитывая местоположение Тиры между Ольвией и западнопонтийскими городами, взаимные связи которых посредством каботажного плавания подтверждаются рядом памятников, представляется возможным предполагать, что в экономике города на этом раннем этапе определенное значение имела и посредническая торговля.

Большой интерес представляет вопрос о взаимоотношениях Тиры с населением Поднепровья. Результаты раскопок позволяют утверждать, что ко времени появления греческих переселенцев, среднее и частично верхнее Поднепровье было заселено оседлым земледельческим населением. Местных поселений VII—VI вв. до н. э. на Нижнем Днестре мы не знаем. Картина расселения племен в этой части Причерноморья становится более ясной лишь с IV в. до н. э. При исследовании поселений Среднего Поднепровья памятников античной культуры раннего периода до последнего времени обнаружено не было. И лишь недавно, в 1958—1960 гг. при раскопках земледельческого поселения у с. Иване Пусте Мельнице Подольского района Тернопольской области, О. Д. Ганиной обнаружено небольшое количество фрагментов амфор второй половины VI — начала V в. до н. э. Необходимо также учесть и отдельные находки античного материала из курганов Западной Подолии¹⁸ и юга Молдавии¹⁹.

Если на этом раннем этапе по своим размерам и количеству населения Тира представляла собой город менее значительный, чем ближайшие ее соседи Ольвия и Истрия, то, несомненно, начальный этап ее истории подготовил расцвет экономики и культуры города на последующем, втором этапе его развития (V—III вв. до н. э.). Раскопки последних лет дают возможность проследить рост городской территории с конца V — начала IV в. до н. э. Открытые на крепостной площади подвальные помещения зданий IV в. до н. э. свидетельствуют о включении этой площади в состав города в V—IV вв. до н. э. Город был расположен террасообразно, причем поперечные улицы шли вдоль лимана, а продольные — перпендикулярно. На этой площади в IV в. до н. э. размещались общественные здания. Одноэтажные планы подвальных этажей зданий, разделенных небольшим переулком (шириной в 1,60 м), большие размеры самих помещений позволяют рассматривать их как общественные здания. Для строительства в Тире, так же как и в Ольвии, характерно сооружение подвальных этажей. Стены подвальных помещений сложены на выровненной скале, причем в материке были вырублены специальные котлованы, к стенам которых вплотную примыкали бутовые кладки подвалов, изнутри облицованных плитами. Плиты уложены на глиняном растворе, почти насухо. Стены этих помещений отличаются монументальностью (толщина наружных стен 0,80 м, а внутренних — более 1,0 м) и тщательностью квадратной кладки из хорошо отесанных прямоугольных плит.

Эпиграфические памятники этого времени позволяют судить о государственном строе, экономических связях и культурной жизни города.

Надпись конца IV—III вв. до н. э.²⁰ представляет собой декрет совета и народно-

¹⁶ Т. Д. Златковская. Указ. соч., стр. 66 сл.

¹⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, М., 1949, стр. 111.

¹⁸ T. Sulimirski, Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936, str. 119.

¹⁹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья. МИА, № 64, М., 1958, стр. 90.

²⁰ П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. ВДИ, 1959, № 4, стр. 112.

го собрания о награждении золотым венком некоего гражданина Тиры с последующим увенчанием его во время всех празднеств совместно с другими «благодетелями» за доблесть и благожелательность к народу. Наряду с советом и народом упомянуты также коллегия архонтов и агонифеты, т. е. обычные для греческого полиса органы власти и должностные лица. Данная надпись наряду с другой почетной надписью конца III—II вв. до н. э.²¹ свидетельствует о дальнейшем росте имущественного неравенства, о выделении богатых граждан, оказавших «благоденствия» городу.

Ко второй половине IV в. до н. э. относится начало чеканки собственной монеты города Тиры. В отличие от Ольвии, но подобно большинству других городов Причерноморья, первые монеты Тира чеканит из серебра²². К концу III — началу II в. до н. э. появляются золотые статеры лисимаховского типа, что свидетельствует, по мнению А. Н. Зографа²³, о попытке Тиры выйти на арену более широких торговых связей. Это предположение А. Н. Зографа вполне подтверждается упомянутой надписью, в которой засвидетельствованы связи Тиры с Ольвией, Кизиком и Родосом.

Сельское хозяйство по-прежнему остается основой экономики города. К этому времени относится возникновение большинства поселений на прилегающей к городу территории: у нынешнего с. Переможное, у с. Південне-Сарии, Семоновки. Ряд поселений возникает к югу от Тиры у с. Шабо, Будаки и в других местах. По материалам разведок сотрудников Одесского музея²⁴, поселения западного берега Днестровского лимана датируются IV—II вв. до н. э.; из них наибольший интерес представляет поселение у ст. Бугаз (Затока). Поселение IV—II вв. до н. э. было обнаружено и вблизи каменного карьера, между Белгород-Днестровским и с. Салгашы. Античная керамика встречается вдоль всего побережья лимана. Появление этих поселений свидетельствует о расширении сельскохозяйственной округи города, усиленном развитии сельского хозяйства и, возможно, даже о его специализации.

Ряд данных свидетельствует о развитии различных ремесел. У пригорода Переможного в довоенные годы были открыты керамические обжигальные печи, в них были найдены амфоры с клеймом ΔΙΟΝΥΣΙΟ[Υ] на ручках. В небольшом количестве найдены формы для изготовления терракот.

Единичные литейные формы, медные и железные шлаки указывают на развитие металлообрабатывающего ремесла. Находки пряслиц свидетельствуют о ткацком ремесле. Широкий размах городского строительства позволяет предполагать существование местных каменотесов и строителей.

Как мы уже отмечали выше, к концу VI — началу V в. до н. э. следует отнести начало экономических связей Тиры с населением Поднестровья. Клад металлических предметов V—IV вв. до н. э. (шлемы, кнесиды, светильники), найденный в Олонешты, близ ст. Бессарабская (хранятся в музее в г. Кишиневе), вероятно, попал сюда также через Тирю, как и более ранние предметы. В IV—III вв. до н. э. эти связи становятся более регулярными и интенсивными. На поселениях появляется античная керамика (например, на Сахарнянском городище, на поселениях у сел Выхватинцы, Голерканы)²⁵. На Бутученском городище, Оргеевского района, на поселении вблизи этого городища²⁶ и у с. Роксоланы, расположенного на противоположном берегу, почти напротив Тиры, найдены монеты Тиры IV—III вв. до н. э.²⁷

²¹ А. И. Фурманская. Новый эпиграфический памятник из Тиры. СА, 1960, № 4, стр. 173—179.

²² А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 19—26.

²³ Там же, стр. 27.

²⁴ И. Б. Клейман, К. И. Ревенко. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману. МАПП, в. II, Одесса, 1959, стр. 118.

²⁵ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 95 сл.

²⁶ О находках этих монет нам любезно сообщил Л. Л. Полевой в 1959 г.

²⁷ А. Г. Салгашкин. До питання про торговельні зв'язки стародавніх поселень на узбережжі Дністровського лиману з Грецією в VI—II ст. до н. е. МАПП, в. III, Одесса, 1960, стр. 31.

Среди монет Истрии, Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, найденных на Каменском городище, встретилась также монета Тиры второй половины IV в. до н. э.²⁸

Рост сельскохозяйственной округи города и установившиеся регулярные связи с населением Среднего Поднестровья обеспечили экономическую базу развития широких связей Тиры. Тира продолжала торговать с Афинами. В конце V и в течение IV в. до н. э. в Тире поступает краснофигурная и чернолаковая посуда; а в III в. до н. э. аттический импорт вытесняется сосудами, орнаментированными росписью, панесенной разжиженной желтой глиной и белой краской по темному фону, изготовлявшимися в городах Малой Азии. Тира торговала с Фасосом, Гераклеей, Синопой, Родосом, Кизиком, Книдом, Ольвией, Херсонесом и, по-видимому, с городами Боспора, в которых встречены серебряные монеты Тиры²⁹; кроме того, единичные фрагменты боспорской черепицы найдены в Тире. Количество фасосского импорта в Тире и прилегающих к ней поселениях не очень велико; датируется он IV—III вв. до н. э.³⁰ Ввоз гераклеийских амфор датируется тем же временем.

Херсонесские клейма в Тире относятся в основном к III в. до н. э. Импорт синопской черепицы, архитектурных деталей и амфор датируется в основном IV—II вв. до н. э., а ввоз из Родоса, превышающий ввоз из других центров, — III—II вв. до н. э. Много найдено в Тире и колесообразных клейм неизвестного происхождения.

Из монетных находок засвидетельствованы монеты Истрии, Ольвии, Том. Монеты Тиры IV—III вв. до н. э. найдены в Херсонесе. Надпись конца III — начала II в. до н. э. из Тиры свидетельствует о том, что в конце рассматриваемого этапа Тира была непосредственно связана и с Кизиком; сужение ее экономических связей начинается, по-видимому, в начале или даже в середине II в. до н. э.

Датировка косских клейм, найденных в Тире, точно не установлена; по утверждению Е. М. Штаерман, Тира поддерживала тесные связи с Косом во все периоды античности³¹, однако количество косских клейм в Тире невелико и, судя по клеймам, связи Тиры с Косом относятся в основном ко времени позднего эллинизма (II в. до н. э.).

О культуре Тиры этого времени можно судить по городскому строительству, терракотовым изделиям, единичным памятникам скульптуры и монетам.

Изображения на монетах³² и отдельные эпиграфические памятники этого времени позволяют сделать вывод о распространении тех или иных культов. Из античных божеств на монетах Тиры чаще всего встречаются изображения Деметры. Нередко встречаются также изображения Аполлона, Диониса, Геракла. О существовании в Тире культа Аполлона-врача свидетельствует надпись III в. до н. э. — посвящение Аполлону-врачу³³. Монеты Тиры были найдены и в главных центрах культа Ахилла Понтарха³⁴ (на о-ве Ловке и на Тендре). Позднеэллинистические монеты свидетельствуют о распространении в городе культов Асклепия и Гермеса. Найдена в Тире и герма Приапа³⁵ — покровителя виноградарства и садоводства.

Данные раскопок и нумизматические материалы последних двух веков до нашей эры, предшествующих нашествию гетов, отражают постепенное нарастание экономического кризиса Тиры.

Во II в. до н. э. наблюдаются перестройки пришедших в упадок зданий; при этом используются остатки старых стен, к которым пристраиваются новые. Перестраи-

²⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, М., 1954, стр. 146, табл. VIII, 6.

²⁹ А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 57.

³⁰ Раскопки А. Г. Сальникова на городище у с. Південке-Сария в 1960 г.

³¹ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 44.

³² А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 44 сл.

³³ П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей..., стр. 116.

³⁴ А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. СА, VII, 1941, стр. 153.

³⁵ P. Nicogescu. Scavi e Scoperte..., p. 382, fig. 7.

ваются и подвалы. Кладка стен небрежная и состоит из плохо обработанных камней разных размеров. Горизонтальность рядов кладки местами не выдержана. Между большими плитами вклинивается и мелкий бутовый камень, а иногда и куски мрамора. Ухудшение техники кладки следует объяснять еще и тем, что самой кладке большого значения не придавалось: стены богатых домов покрывались расписной штукатуркой. Раскопками 1960 г. открыто помещение богатого дома. На полу его — обвал кровли, состоящий в основном из синопских черепиц III—II вв. и единичных экземпляров еще IV в. до н. э., под ними лежали куски расписной штукатурки с орнаментом: растительным и зооморфным. На некоторых фрагментах роспись воспроизводит рисунок мрамора с прожилками; другие покрыты темной краской. Аналогичная стенная роспись открыта и в Ольвии в 1960 г. Подобная роспись стен известна в Пергаме, Приене, на Делосе, в Александрии в III—II вв., на Боспоре (Пантикапее, Фанагории)³⁶ и соответствует так называемому второму помпейскому стилю.

За последние годы открыты подвалы с вкопанными в них амфорами и собраны многочисленные фрагменты амфор поаднеэллинистического времени. Преобладают родосские, меньше синопских; хотя среди привозной черепицы преобладает синопская, встречаются и фрагменты косских амфор. Последние найдены вместе с обломками светлоглиняных и красноглиняных амфор с двуствольными ручками из центров Южного Причерноморья. В составе керамики преобладают обломки чернолаковых и буrolаковых малоазиатских расписных сосудов, «мегарские» чаши и сосуды ольвийского производства.

В середине II в. до н. э. круг внешних связей Тире сужается. Тем не менее к этому времени еще относится декрет города Томы II—I вв. до н. э. в честь гражданина Тире Нила, свидетельствующий о связях Ольвии и Том и о посреднической роли Тире в торговле этих городов. В разрушенных зданиях поаднеэллинистического времени встречаются монеты г. Амиса и Тире митридатовского времени (120—63 гг. до н. э.). Типология одной из серий монет Тире этого времени, как было отмечено еще А. Н. Зографом, совпадает с типологией групп монет последней митридатовской чеканки Пантикапее³⁷. Это обстоятельство вместе с упомянутыми находками в Тире монет Амиса того же времени может свидетельствовать о подчинении Тире Митридату VI Евпатору. Наряду с сокращением торговых связей материалы этого времени отражают наличие в Тире местного ремесленного производства. Так, среди фрагментов керамики можно выделить сосуды местного производства, изготовленные по типу поаднеэллинистических: шаровидные чаши, двуручные кувшины, с применением лощения в обработке поверхности. В небольшом количестве встречаются медные и железные шлаки и единичные металлические предметы.

Статуэтка из рога благородного оленя, водившегося в Поднестровье, изображающая женщину в местном остроконечном головном уборе, указывает на наличие в городе местных мастеров-костерезов.

Особенно обращает на себя внимание в поаднеэллинистических комплексах обилие лепной керамики гетских форм: дакийские вазы, одноручные кружки, миски с почти черным или серовато-коричневым лощением, в то время как ранней лепной керамики конца VI—V вв. до н. э., близкой скифским формам, найдено очень мало. Появление гетских форм керамики, близких к найденным в поселениях Поднестровья, относится к IV—III вв. до н. э. Аналогичные формы сосудов известны в Ольвии, на Козырке (гетские кружки), на поселениях Нижнего Днестра в Золотой Балке, Гавриловке и даже на поселениях Среднего Поднепровья. Лепная керамика из Тире ближе всего керамике поселений Подунавья.

³⁶ АДЖ, стр. 119, сл., табл. XXXVIII — XLI; В. Д. Блаватский, Фанагорийская стенная роспись. МИА, № 57, М., 1957, стр. 168 сл.

³⁷ А. Н. Зограф. Монеты Тире, стр. 30.

Если упадок торговли, сокращение торговых связей, прекращение жизни на всех близлежащих поселениях свидетельствуют об экономическом кризисе, переживаемом городом с середины или со второй половины II в. до н. э., то разрушенные и не восстановленные здания, в засыпи которых преобладают материалы II—I вв. до н. э., указывают на особо тяжелые времена, переживаемые городом в этот период. Кризис города был связан с общим кризисом эллинистического мира. Спустя два десятилетия после поражения Митридата VI Евпатора Тира, как и Ольвия, подверглась нападению гетов. Разрушением Тиря гетами около середины I в. до н. э. завершается первый период ее истории.

История Тиря последующих веков характеризуется политическим, экономическим и культурным влиянием Рима. Судя по данным раскопок последних лет (1958—1960 гг.), город сравнительно быстро оправился после нашествия гетов. Керамический материал — амфоры рубежа нашей эры, фрагменты сосудов типа *terra nigra*, *terra sigillata* с клеймами первой половины I в. н. э. малоазиатских и галльских мастерских, подобные найденным в Ольвии, позволяют говорить о быстром восстановлении городской жизни в начале нашей эры. Восстановление города начинается с перепланировки городской территории. Разрушенные здания эллинистического времени на первой террасе засыпаются. Мощный пласт засыпи (около 3 м) подстилает жилые и хозяйственные сооружения римского времени. Раскопанные жилые дома, хозяйственные постройки, улица, водостоки дают представление о планировке города, благоустройстве и домостроительстве.

Богатые дома этого времени состоят из пяти-шести помещений и одного или двух внутренних дворов. Средний размер зданий — около 120 кв. м. В плане они представляют собой вытянутый с севера на юг прямоугольник, длинные стены которого одновременно являлись подпорными стенами террас. Размеры помещений 15—25 кв. м, дворов — 11—20 кв. м. Помещения между собой не сообщались, и имели выход во внутренний дворик, а оттуда — на улицу. Дворы чаще всего вымощены плоским камнем, изредка вымостка поправлялась обломками стенок амфор. Во дворах сооружались каменные цистерны с желобами для сбора дождевой воды и водостоки, соединившиеся с уличными сточными каналами.

Кладка стен свидетельствует об упадке каменотесного и строительного дела. Стены сложены на глине из необработанных камней разных размеров. Фундаменты стен из больших каменных плит, выбранных из разрушенных зданий более раннего времени. Полы земляные, крыши двускатные, черепичные. Как и в зданиях эллинистического времени здесь наблюдаются перестройки, часто и перепланировки (в одном из помещений западного здания был обнаружен домашний жертвенник). Наилучшие в глинистой подсыпке под зданием II—III вв. н. э. монеты Адриана позволяют считать, что такая перестройка была произведена в 20—40 х гг. II в. н. э. Наблюдается постепенное ухудшение техники кладки стен.

Хорошо сохранилась улица II—III вв. н. э., вымощенная большими прямоугольными плитами, по краям которых уложены мелкие камни и даже обломки керамики. Протяженность сохранившейся части улицы — 27 м, ширина 2,5 м. Под улицей проходил водосточный канал, стенки которого состояли из больших вертикально поставленных плит, ложе его выложено такими же плитами.

Эпиграфических памятников Тиря первых веков нашей эры, в сравнении с предыдущим периодом, гораздо больше (37 надписей). Некоторые надписи Ольвии и Херсонеса для истории Тиря также представляют интерес, дополнительно освещая взаимоотношения этих городов с Тирой.

В декрете в честь Коккея (181 г. н. э.³⁸) упоминаются обычные магистраты и органы городского самоуправления: архонты, совет и народное собрание. Из другого

³⁸ ИРЕ, I², № 2.

документа-надписи из Коротного (201 г. н. э.³⁹) мы узнаем о фактическом ограничении Римом прав городского самоуправления. Подтверждая прежний обычай освобождения городской общины тиритов от пошлин, надпись сообщает, что повопринятые граждане будут пользоваться этими привилегиями лишь в том случае, если правители провинции особым декретом подтвердят их права гражданства. Из этих надписей видно, что основные должности занимала богатая романизированная часть греческого населения и римляне. Секретарем совета (булэ) в 181 г. был римлянин Валерий Руф, архонтом-эпонимом в 201 г. — римлянин П. Элий Кальпурний.

Надпись из Коротного, как и другая плохо сохранившаяся надпись начала III в. н. э., найденная в самой Тире⁴⁰, представляет собой послание римского правителя провинции, в котором говорится о торговых судах, пошлинах, надчеканках на монетах; упоминаются также и «варвары». Эти надписи важны при оценке значения торговли в экономике города II—III вв. н. э. Кроме того, они свидетельствуют о внимании, которое уделялось Римом прибрежным греческим городам, в том числе и Тире, в экономическом и стратегическом отношении игравшим важную роль во внешней политике Римской империи, в ее экспансии на Восток, начавшейся со времени Нерона. Города эти служили опорными пунктами на границах империи в борьбе с варварскими племенами, наступавшими с Востока. Включение Тире в сферу политического влияния Рима подтверждают монетные находки⁴¹.

Следует, однако, признать, что установившиеся взаимоотношения с Римом благоприятствовали восстановлению жизни города в начале нашей эры.

57 г. н. э., как видно из приведенных выше надписей, считается первым годом нового летоисчисления Тире. После крымской экспедиции Плавтия Сильвана зависимость Тире от Рима усилилась. В правление Домициана в Тире возобновилась регулярная чеканка медной монеты, по внешнему виду не отличающейся от обычной монеты городов, входивших в состав Римской империи. Императорская чеканка Тире продолжалась с отдельными перерывами до правления Севера Александра.

Ряд латинских надписей начала II в. н. э. из Тире и клейма на черепицах подтверждают пребывание в городе римских гарнизонов частей I Итальянского, XI Клавдиева и V Македонского легионов⁴², задолго до включения его в состав римской провинции Нижней Мезии. В папирусе, относящемся к концу правления Траяна, указывается, что в Тире, в состав римского гарнизона, расквартированного в городе, были отправлены два всадника когорты I Hispanorum Veterana⁴³. Тем не менее, город описывается как лежащий вне провинции (*extra provinciam*). Таким образом, Тира формально еще долго оставалась независимым городом и была включена в состав провинции лишь при Антонине Пие, что подтверждается как надписью из Коротного, так и монетами Тире⁴⁴. В составе провинции она оставалась вплоть до конца правления Севера, когда из города был выведен римский гарнизон.

II в. и первые десятилетия III в. н. э. характеризуются новым непродолжительным расцветом экономики города. Торговля, по-видимому, занимает значительное место, и не только посредническая между западнопонтийскими городами и Ольвией, но и с населением Поднепровья. Экономические связи западнопонтийских городов с Ольвией и роль Тире в укреплении этих связей засвидетельствованы ольвийским декретом II — начала III в. н. э. в честь Феокла, сына Сатира⁴⁵, и нумизматически-

³⁹ Там же, № 4.

⁴⁰ P. Nicoret et Scavi e Scoperte..., p. 394—396; П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей..., стр. 115.

⁴¹ А. Н. Зограф. Монеты Тире, стр. 31.

⁴² Е. В. Максимов. Новый памятник первых веков нашей эры в Тире. КСИА АН УССР, 5, 1955, стр. 80—82.

⁴³ G. Cantasuzène. Un papyrus latin relatif à la défense du Bas Danube. «Revue historique du Sud-Est européen», V, № 1—3, 1928, p. 38 сл.

⁴⁴ А. Н. Зограф. Монеты Тире, стр. 15.

⁴⁵ ИРЕ, I², № 40.

ми находками. В Тире встречаются ольвийские монеты I, II, III вв. н. э. Значение Тиря как посреднического торгового пункта и существование сухопутного пути в первые века нашей эры подтверждаются известным итинерарием⁴⁶ (подорожной), начертанным красками на кожаном щите воина, найденном в Дура — Европос. В нем обозначена переправа через Дунай, затем дорога через Тиру на Ольвию и Херсонес.

О связях с Херсонесом говорят найденная в Тире монета Херсонеса III в. н. э.⁴⁷ и обломок мраморной плиты из Херсонеса с надписью⁴⁸ [ἐν]/Τύρα τῶ [πόλει]; по мнению В. В. Латышева, это — часть декрета, составленного в честь лица, имевшего какое-то отношение к Тире⁴⁸. Другой обломок надписи аналогичного содержания был найден в Херсонесе после войны⁴⁹. Некоторым подтверждением этих связей могут служить и найденные в здании II — начала III в. н. э. красноглиняные горшочки, украшенные растительным орнаментом и с греческими надписями белой краской *καίτε εὐφραίνου*, считающиеся изделиями херсонесских мастерских⁵⁰.

О связях Тиря с западнопонтийскими городами, кроме упомянутого выше декрета в честь Феокла, свидетельствуют надгробие гражданина Тиря, найденное в Томах или в древнем Одессе⁵¹, и некоторые особенности, общие монетам Тиря и этих городов, например знаки ценности на монетах. Вместе с товарами из западнопонтийских городов в Тиру попадали и монеты фракийских царей. Общую картину внешних сношений Тиря в первые века нашей эры дополняет найденная в Тире редко встречающаяся монета, по определению П. О. Карышковского, чеканки фракийского, царя Римиталка, времени Августа. О значительной роли торговли в экономике города говорит и надпись II в. н. э., найденная на прикрепостной площади, т. е. между крепостью и лиманом. В ней говорится об уплате за фрахты известных товаров, доставлявшихся варварами, и о каких-то ограничениях для иностранцев⁵².

В Тиру на рубеже и в первые века нашей эры продолжает поступать в большом количестве пергамская краснолаковая керамика (кубки, блюда) и узкогорлые амфоры, происходившие, по-видимому, из центров южного Причерноморья; многие из них с клеймами и надписями красной краской. Таких амфор находят очень много также в Ольвии и Танаисе, причем встречаются и одинаковые клейма. Завозилась в Тиру и кипидская краснолаковая посуда. На связи с Египтом указывает александрийская монета императорского времени⁵³, амулеты, скарабей и другие образцы мелкой египетской пластики. Эти находки можно сопоставить с найденной в Тире посвяжительной надписью Серапису и Исиде⁵⁴. На основании Ольвийского декрета в честь Феокла можно предполагать, что Тира в первые века нашей эры была связана со всеми упомянутыми в этой надписи городами. О связях с Милетом в первые века нашей эры свидетельствует найденное на Афинском акрополе надгробие с надписью: «Лафаея тирянка, Гермей сын Эрота, милетянин».⁵⁵

В денежном обращении наряду с местной медью имели хождение римские серебряные денарии; наиболее ранние из них датируются 30-ми годами I в. до н. э. —

⁴⁶ F. Cumont. Fragment de bouclier portant une liste d'etapes. «Syria», VI, 1925, p. 11 сл.

⁴⁷ Э. Р. Штерн. Раскопки в Аккермане летом 1912 г., стр. 96—97. Монета была неправильно датирована I в. н. э.; датировку уточнил В. А. Анохин.

⁴⁸ В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. ИАК, в. 3, 1902, стр. 23.

⁴⁹ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. МИА, № 34, М.—Л., 1953, стр. 194, рис. 43; доклад Э. И. Соломовик на Ученом Совете Института археологии АН УССР в январе 1960 г. Текст надписи восстановлен Э. И. Соломовик.

⁵⁰ Отчет К. К. Косцюшко-Валюжинича о его раскопках в Херсонесе. ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 187, рис. 567.

⁵¹ П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей..., стр. 120, № 9.

⁵² ИРЕ, I², № 3.

⁵³ А. Н. Зограф. Монеты Тиря, стр. 60.

⁵⁴ ИРЕ, I², № 5.

⁵⁵ П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей..., стр. 121.

чеканки Марка Антония для римских легионов. В составе трех кладов, найденных в Тире, — римские серебряные монеты и медные монеты городской чеканки. Такой же по составу клад был найден в 1949 г. между Овиднополем и Роксоланами⁵⁶. Наличие в составе кладов монет, чеканенных в течение двух и трех столетий свидетельствует о том, что эти монеты не выходили из обращения в течение длительного времени. Количество римских монет в кладах невелико (например, в кладе, найденном в 1958 г., — 31 серебряный денарий и 150 монет Тиря).

Как и в предшествующий период, в римское время ведущее место в экономике города занимают хлебопашество и виноградарство. Свидетельством этому по-прежнему являются изображения на монетах и особенно надчеканки на монетах Домициана и Севера Александра в виде колоса и виноградной грозди. Материалы исследования поселений у сел Мологи и Чаиры II — начала III вв. н. э. указывают на расширение сельскохозяйственной округи города в это время. В самом городе, в домах находят зерноотерки и большое количество крупных амфор, более 1 м высотой и около 2 м в окружности, с перегоревшими зернами пшеницы, проса и ячменя. Немалое значение имел и рыболовный промысел.

Для характеристики ремесленного производства города мы располагаем небольшим материалом. В Тире найдена одна керамическая печь, встречаются фрагменты бракованных амфор. В слое этого времени находят медные и железные шлаки. Металлических изделий найдено мало: небольшое количество бронзовых фибул II — III вв. н. э., единичные обломки зеркал сарматского типа; из хозяйственных предметов — медные ключи, железные замки, скрепы, дверные ручки, гвозди, ножи; из предметов вооружения — один железный наконечник копья. Встречаются и изделия из кости: накладки от рукоятей ножей, стили, иглы.

Есть все основания считать, что Тира и в первые века нашей эры была связана с поселениями Поднепровья. Недалеко от Тиря, у с. Тудорово открыт ряд поселений, где найдено большое количество фрагментов амфор. Поселения исследователи относят к памятникам черняховской культуры. В Боканьском сарматском могильнике найдена краснолаковая посуда⁵⁷. Это — небольшие одноручные и двуручные горшочки, ничем не отличающиеся от производимых в Тире. Встречаются на Поднепровье и светлоглиняные узкогорлые амфоры. Все эти изделия, находимые на поселениях черняховской культуры в первые века нашей эры, завозились туда, несомненно, непосредственно из Тиря.

Монеты Тиря римского времени указывают на почитание культов Геракла и Диониса — главных божеств-покровителей императорского дома Северов. Большое распространение получают культы Кибелы и Сераписа. Находки монет Тиря на Березани, где в первые века нашей эры находилось святилище Ахилла Понтарха, свидетельствуют о почитании в городе этого божества.

Для изучения культуры Тиря этого периода дают материал найденные при раскопках предметы искусства, преимущественно мелкие скульптуры, как герма Диониса, фигурка Гигеи, часть торса Афины (?), скульптурная группа — две женские фигуры, сидящие в позе Кибелы, плита с изображением Артемиды-охотницы. Последние две находки имеют близкие аналогии в памятниках Западного Причерноморья. Изображение Артемиды грубой работы⁵⁸ на мраморной плите напоминает рельефы с изображением этой богини, найденные в Хараксе⁵⁹ в предполагаемых святилищах фракийских богов. Учитывая состав легионов, дислоцированных в городе, можно

⁵⁶ П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. ВДИ, 1960, № 3, стр. 134.

⁵⁷ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», Кишинев, 1956, стр. 60.

⁵⁸ P. Nicogescu. Scavi e Scoperte..., p. 393, fig. 8.

⁵⁹ М. И. Ростовцев. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК, в. 40, СПб., 1911, стр. 1—42, табл. V, 13.

думать, что такое святилище существовало и в Тире. Статуэтка пешего воина, изображающая, вероятно, одного из представителей местных племен, исполнена в манере позднеантичного искусства и отличается неправильными пропорциями человеческой фигуры, схематизацией и примитивностью исполнения⁶⁰.

Перечень памятников скульптуры был бы неполным, если не вспомнить больших размеров статую римского воина-легонера II в. н. э., найденную в лимане еще до революции и хранящуюся в Одесском археологическом музее.

Найденные в Тире памятники скульптуры свидетельствуют о трех направлениях в искусстве Тире римского времени: архаизирующее греческое, местное искусство греческих городов Северного и Северо-Западного Причерноморья и сильно варваризированное позднеантичное искусство периферии античного мира.

Как уже было отмечено выше, с IV—III в. до н. э. на территории города появляются разнообразные формы лепной керамики гетского облика. Количество этой керамики увеличивается к рубежу нашей эры. Нам представляется, что распространение этой керамики было связано и с изменением этнического состава населения города, происшедшим в связи с передвижениями племен, заселявших территорию Северного и Северо-Западного Причерноморья. Письменных свидетельств об этих переменах в Тире очень мало. Овидий, сосланный в Томы, в своих *Tristia* (V, 7, 10) изображает картину городской жизни, возможно, с некоторыми преувеличениями: «хотя на этом побережье перемешаны греки и геты, но все-таки оно больше заимствует от немирных гетов. Больше сарматского и гетского народа движется на конях взад и вперед по улицам». Примерно близкую картину можно было наблюдать, очевидно, и в Тире как в одном из ближайших к Томам городов. В Тире, как и в Ольвии и в других городах, зажиточные горожане роднились со знатными представителями племен, живущих близ города. На упомянутом уже надгробии, найденном в Томах или в древнем Одессе, сохранились имена родителей, поставивших надгробие сыну. Имя отца — Аврелий Тераклид, мать — Мадагава. Имя матери негреческое, В. Н. Граков находит возможным отнести его к числу сарматских⁶¹.

Представление об этническом составе населения Тире в первые века нашей эры дает декрет в честь Коккея (181 г.)⁶². В нем перечисляются имена четырех архонтов и семнадцати свидетелей. Большинство из них носят греческие имена. Имена романизированных греков составляют более четвертой части упомянутых в надписи имен. Встречаются отдельные негреческие имена; некоторые из них фракийские. Однако основную, преобладающую часть населения все же составляли греки.

Лепная керамика первых веков нашей эры отличается от керамики предшествующего периода. Формы ее близки сарматской посуде, а отдельные типы, по определению М. А. Тихановой, аналогичны сосудам, встречаемым в Верхнем Поднепровье. Кухонная посуда вся лепная. Употребление этой керамики, как и натурализация всего хозяйства в конце этого периода, являются признаками рустификации города, наблюдаемыми во всех городах Северного Причерноморья. Обильные следы пожаров, прослеженные в процессе раскопок, свидетельствуют о тяжелой участи, постигшей город. Найденные в раскопанных зданиях монеты Севера Александра с надчеканками указывают на время гибели Тире — 40-е годы III в. н. э. Вероятнее всего, город был разрушен готами.

Таким образом, античные города Северного Причерноморья, одни раньше, другие несколько позже, разделили общую участь всего античного мира, не сумевшего устоять перед наступлением варварских племен. Однако экономические связи Тире с гето-фракийским миром не могли не отразиться на ускорении социально-экономического развития последних, на усилении среди них процесса классовобразования.

⁶⁰ А. И. Фурманская. Новые памятники скульптуры из Тире. КСИА, в. 10, 1960, стр. 78—83.

⁶¹ В. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 312. Эта надпись переиздана и П. О. Карышковым — Материалы к собранию древних надписей..., стр. 120, № 9. Разночтение в имени матери: *Μαδγυα*—*Μαγδαβα* в последнем издании, вероятно, опечатка.

⁶² IPE, I², № 2.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИКЕ АРХАИЧЕСКОЙ ОЛЬВИИ

(по материалам раскопок Харьковского
государственного университета 1960 г.)

Экономика Ольвии архаического периода, точнее говоря, времени с 550 до 450 г. до н. э. нам довольно хорошо известна. Ольвия в это время экономически связана с торговыми центрами — Милетом, Афинами и многими островами, что подтверждается керамикой нижних слоев. Выводы В. М. Скудной о дате основания Ольвии¹ кажутся нам неубедительными. В самом деле: если в конце VI или в начале V в. до н. э. в Ольвии уже были мощные оборонительные стены, ясно, что город должен был быть основан значительно раньше. Скорее следует согласиться с точкой зрения Б. Ф. Фармаковского, что основание Ольвии следует относить, если не к середине VII в. до н. э., то во всяком случае к его концу. В. Д. Блаватский убедительно доказывает, что сооружение оборонительных стен является существенным признаком полиса².

Задачей наших раскопок Ольвии (1954—1960 гг.) было исследовать древние оборонительные стены Ольвии и проверить сведения о них Геродота. Вся раскопанная нами площадь равняется 500 кв. м. В 1960 г. на этой площади нераскрытыми оставались два важнейших участка: на юге в квадрате 2ш и на севере в квадратах С, Т и У. На юге в последние дни раскопок на глубине 5,5 м ниже слоев субструкций была обнаружена неизвестного назначения площадка (рис. 1, 1) из положенных плашмя прямоугольных сырцовых кирпичей. Еще Б. Ф. Фармаковский, а за ним А. Н. Карасев, как известно, высказали предположение, что древнейшие стены Ольвии, возможно, были сложены из сырца. Это подтверждается и тем, что материком в Ольвии, в отличие от Херсонеса, который стоит на скале — была лёссовая глина, легко откалывавшаяся по вертикали и требовавшая слоев субструкций при возведении монументальных сооружений. На севере раскопа, в квадратах С, Т, У (см. план) нами была обнаружена древнегреческая оборонительная стена, вернее, небольшой ее участок длиной 5,1 м, высотой 0,5 м, шириной 3,7 м. Стена сложена насухо из прекрасных отесанных квадров темно-серого твердого известняка (рис. 3 и рис. 1, 2). Глубина стены от поверхности земли — 2,5 м.

Интересно, что на одном камне сохранилась греческая буква X — знак каменотеса, которая тоже может служить доказательством, что это — древнегреческое сооружение; то же подтверждает и кладка насухо, и многочисленные находки древних вещей как в районе стены, так и в непосредственном соседстве с нею.

¹ См.: Е. В. Максимов. Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР. СА, 1961, № 1, стр. 310.

² См. его статью в данном сборнике, стр. 9.

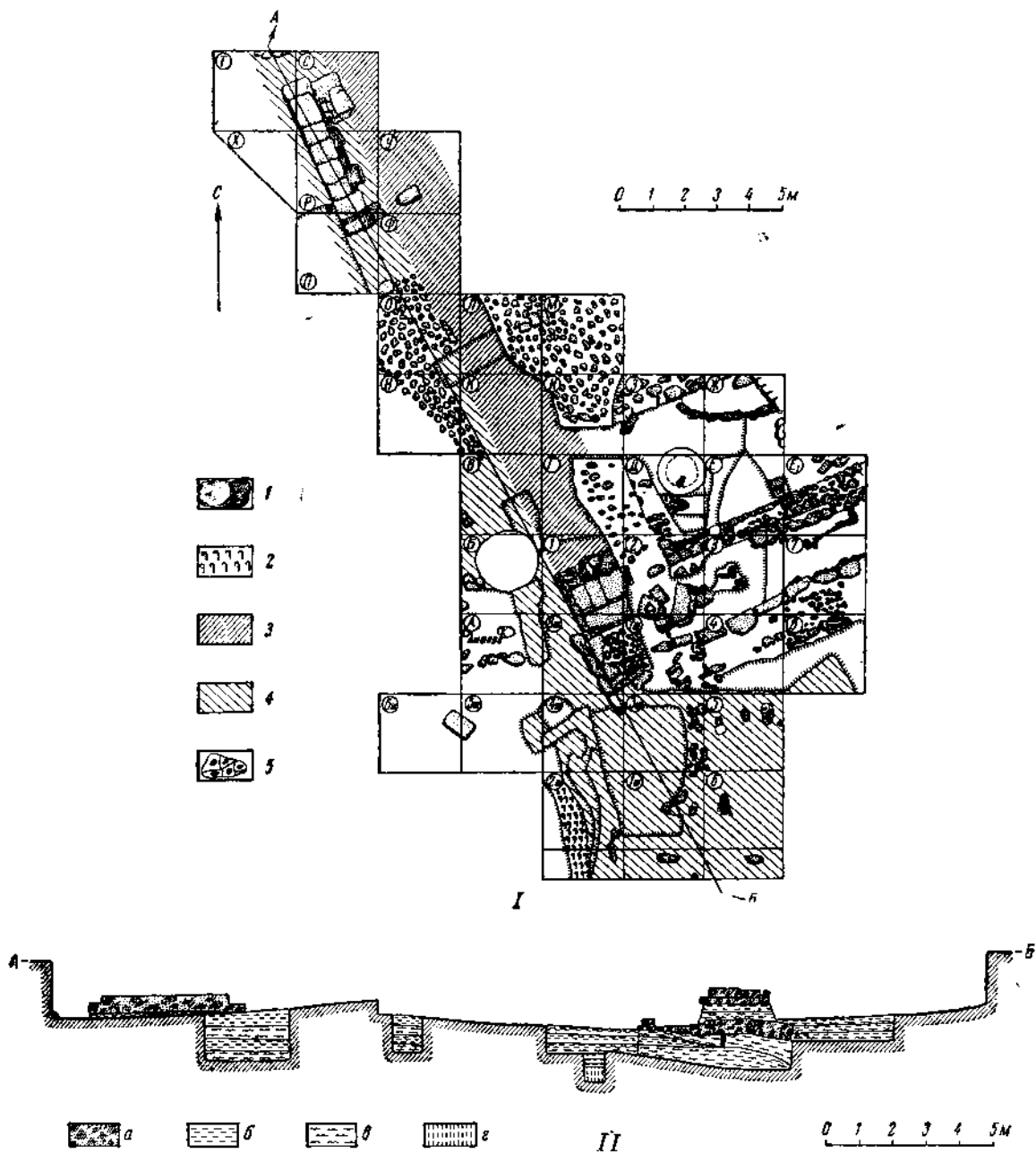

Рис. 1. План (I) и разрез (II) раскопок 1960 г. в Ольвии

Условные обозначения: 1 — камни, 2 — сырцовая кладка, 3 — субструкции I типа, 4 — субструкции II типа, 5 — развал печи;

а — камень, б — глина, в — зола, г — культурный слой

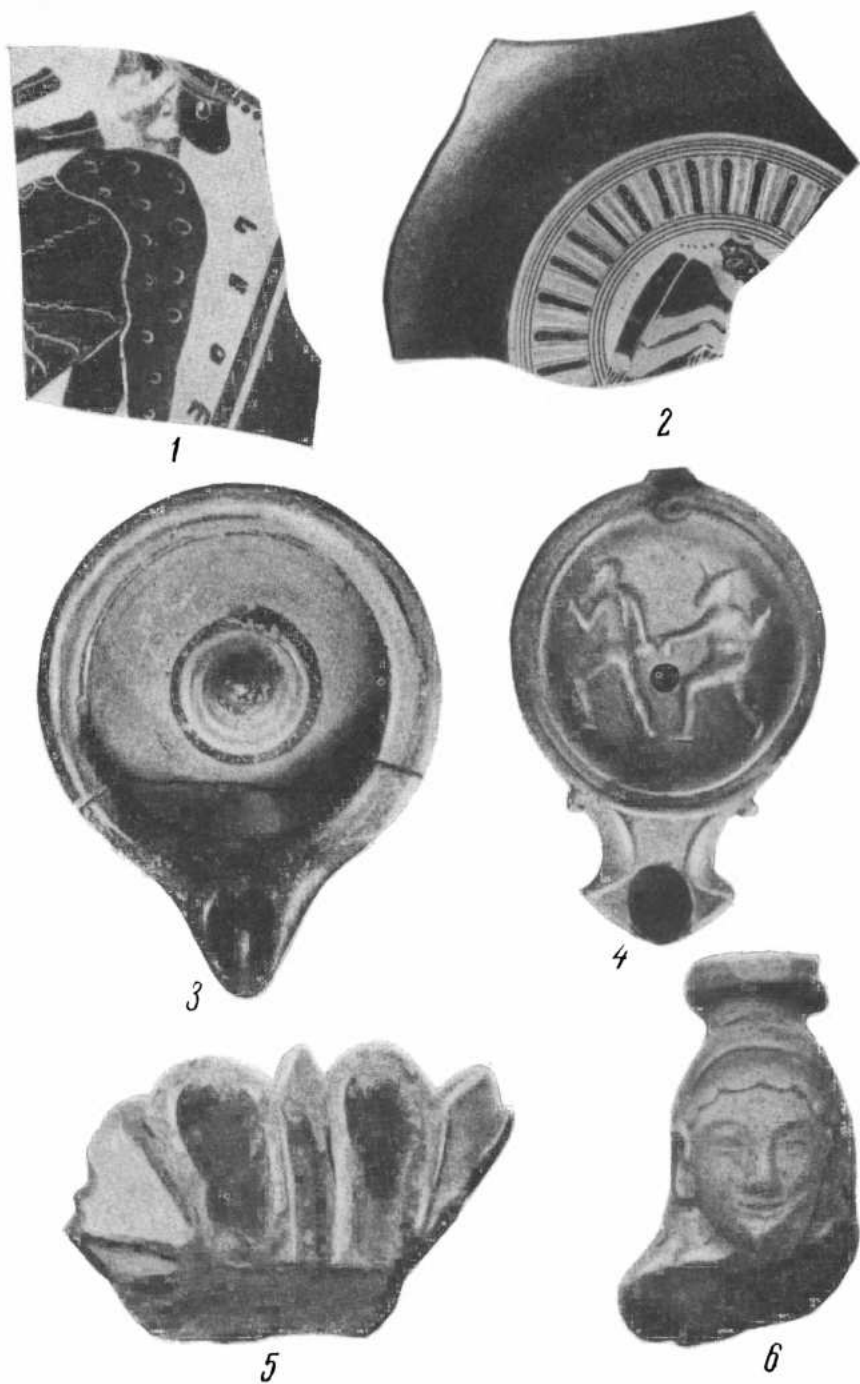

Рис. 2. Вещи, найденные в 1960 г. при раскопках оборонительной стены Ольвии.

1 — обломок чернофигурной аттической ольпы с изображением танцовщицы, 2 — аттический полихромный килик с архаическим изображением крылатой сирены, 3 — архаический светильник, 4 — светильник римского времени, 5 — обломок полихромного акротерия, 6 — обломок архаической терракоты

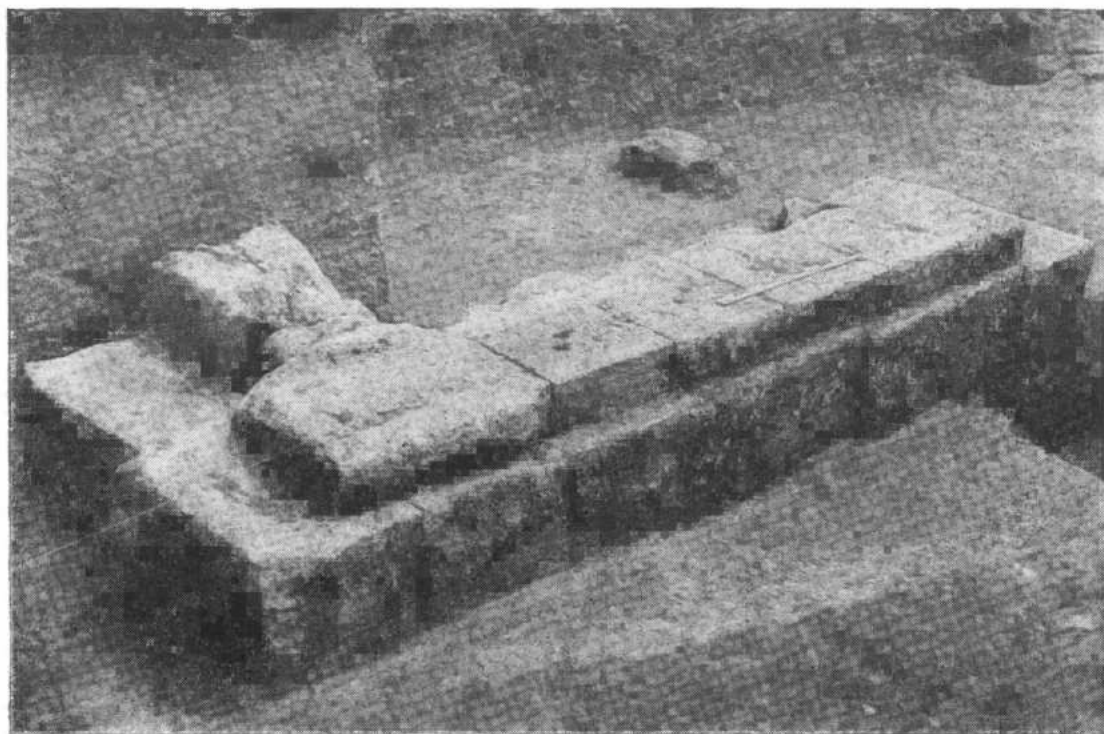

Рис. 3. Часть оборонительной стены Ольвии, открытая в 1960 г.

Основной особенностью ольвийских сооружений является наличие мощных слоевых субструкций, состоящих из правильно чередующихся слоев золы и глины. Исследование показало, что здесь имеется два параллельных слоя этих субструкций: один западный, идущий под открытой нами оборонительной стеной и состоящий из семи-восьми слоев (во многих местах мы сохраняли отдельные участки этой субструкции). Другой слой расположен восточнее. По-видимому, он был несколько старше. Вопрос о датировке этой субструкции выясняется при исследовании ямы в квадрате А (см. план на рис. 1, I и разрез—рис. 1, II). Эта яма прямоугольного плана и лежит ниже субструкций под открытой стеной, поэтому керамический материал, найденный в ее засыпи, может быть использован для датировки стены. В яме был обнаружен фрагмент аттической чернофигурной ольпы с накладными красками и с изображением танцовщицы с кастаньетами в руках. Прекрасно передано движение откинувшейся назад фигуры, полной энергии и внутреннего ритма. Стиль всего рисунка, несмотря на отдельные архаические черты, поражает нас своим реализмом (рис. 2, I). По стилю, технике и отчасти даже по сюжету ольпа близка чернофигурной амфоре из Лувра³. Авторы публикации приписывают эту амфору известному афинскому художнику-вазописцу конца VI в. до н. э. — Андокиду. Композиция на амфоре изображает обычный дионистический фиас: в центре стоит Дионис с большим канфаром. Справа от Диониса — менада, которая собирается налить ему вино из ойнохои в канфар. Менада в пеплосе и покрывале, откинута на спину. Обнаженные

³ G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'Art. «Paris dans l'antiquité», X, 1914, стр. 276, табл. VI.

части тела покрыты белой накладной краской; одежды Диониса и менады расцвечены пурпуровой и белой краской, как и на ольвийском обломке. Стиль Андокида хорошо передан также на палермском килике, особенно на пляшущей фигуре на краснофигурной половине килика ⁴. В той же яме был найден ряд обломков ионийских амфор с росписью, по-видимому, второй половины VI в. до н. э. Из других определяющих находок упомянем несколько: из многочисленных чернофигурных фрагментов следует выделить доннышко полихромного аттического килика с изображением крылатой сирены архаического стиля (рис. 2, 2), далее, следует отметить два светильника, один открытый, несомненно, ионийского производства (рис. 2, 3), найденный на большой глубине в квадрате З—Ж, а другой — закрытого типа, римского времени, найденный в квадрате П на глубине 0,3 м непосредственно над стеной (рис. 2, 4). Находка эта замечательна тем, что показывает наличие вещей римского времени в части города, целиком опустошенной при гетском погроме. Следует упомянуть обломок полихромного акротерия (рис. 2, 5), говорящий о наличии в Ольвии надгробий или храмиков архаического типа, украшенных подобными акротериями, и обломок архаической терракотовой головки хорошей работы с калафом на голове, быть может, изображение Персефоны (рис. 2, 6). Эти находки из восточной части раскопа недалеко от новооткрытой стены. Монетных находок было очень много; из древнейших монет следует упомянуть о дельфинчиках с надписями АΡΙΧ и ΘΥ. Попадались и литые ассы с изображением головы горгоны. Таковы основные результаты наших исследований Ольвии.

На основании структуры самой стены и вышеописанных находок эту стену можно, по-видимому, безошибочно датировать первой половиной V в. до н. э. А так как Геродот был в Ольвии около 454 г. ⁵, то он и мог видеть эту стену на склоне Заячьей балки. Это — лишнее свидетельство в пользу добросовестности показаний «отца истории».

⁴ «Jahrbuch d. Deutsch. Arch. Instituts», 1889, табл. IV.

⁵ С. А. Ж е б е л е в. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, стр. 316.

КЕРКИНИТИДА И КАЛОС ЛИМЕН

(некоторые итоги изучения)

Раскопки Керкинитиды показали, что первые каменные постройки Керкинитиды возникли непосредственно на остатках догреческого поселения. Открытие здесь слоя конца VI или рубежа VI и V вв. до н. э. меняет наши еще совсем недавние представления о времени основания города и заставляет предполагать включение города в систему греческой колонизации не с IV в. до н. э., как думали раньше, а с конца VI — начала V в. до н. э., по-видимому, даже несколько ранее Херсонеса. Среди керамических материалов, обнаруженных во время исследования раннего античного дома Керкинитиды, встречены фрагменты сосудов рубежа VI—V вв. до н. э. с островов Эгейского моря (Хиос, Фасос, Самос) и аттическая керамика главным образом V в. до н. э. Раннее греческое поселение в Керкинитиде занимало сравнительно небольшую площадь на месте б. Карантинного мыса в Евпатории. Местоположение Керкинитиды у берега моря и близость к ней плодородных степей создавали условия для развития земледелия, скотоводства и рыболовного промысла. Земледелие в последующие периоды занимало одно из главных, если не самое главное, мест в экономике Керкинитиды и Калос Лимен. С появлением греков часть земель, ближайшая к городу, стала, вероятно, собственностью городской общины.

Первое упоминание о Керкинитиде принадлежит Гекатею, затем о ней говорит Геродот. Вещественные материалы конца VI и особенно V в. до н. э. из Керкинитиды указывают на связи районов Северо-Западного Крыма и, в частности, Керкинитиды с Афинами. Среди керамики как городища Керкинитиды, так и раннего некрополя, встречаются немногочисленные обломки аттической чернофигурной, краснофигурной и чернолаковой керамики. В ранних погребениях некрополя Керкинитиды встречены вещи VI—V вв. до н. э. (сосуды, терракоты), что вполне соответствует слою конца VI—начала V в. до н. э., открытому на городище. Возникновение Керкинитиды как городского торгового центра содействовало сплочению областей Северо-Западного Крыма с Ольвией, западнопонтийскими городами и греческими островами Эгейского моря. В последующее время, в процессе дальнейшего роста городов края, ту же роль стал играть и Калос Лимен, и, вероятно, другие, пока еще не исследованные города Северо-Западного Крыма¹. В дальнейшем это в значительной степени облегчило развитие торговых связей Херсонеса.

¹ При раскопках в районе санатория «Чайка» (в 7 км к западу от Евпатории, проведенных в 1959 г., А. Н. Карасевым) были открыты стены поселения. По мнению исследователя это — остатки «Стен» τὰ τεῖχη, упоминаемых в херсонесской надписи в честь Диофанта (IPE, I², № 352.) Предположение это не лишено вероятности.

Данные письменных источников о раннем периоде жизни Керкинитида отрывочны и скудны. Ценнейшими источниками для конца IV—II вв. до н. э. являются надписи Херсонеса.

Ко времени составления знаменитой херсонесской присяги (JPE, I², № 401) и Керкипитида, и Калос Лимен экономически и политически были тесно связаны с Херсонесом. Оба города были крупными земледельческими центрами Северо-Западного Крыма. Исследование земельных наделов в окрестностях Калос Лимен, основные строительные остатки которых относятся к IV—II вв. до н. э., показало не только расширение сельскохозяйственной территории Керкинитида и Калос Лимен в то время, но и значительный подъем экономики города, базировавшейся в основном на земледелии.

Из текста херсонесской присяги видно, что Керкинитида и Калос Лимен, а также, по-видимому, и другие города и поселения Северо-Западного Крыма, вошли в состав владений Херсонеса. Археологический материал позволяет проследить тесные связи Херсонеса с Керкинитидой и другими городами в течение длительного периода, начиная с конца IV в. до н. э. вплоть до разрушения Керкинитида и Калос Лимен во II в. до н. э.

К этому времени Херсонес достиг высокой степени экономического, политического и культурного расцвета.

Эксплуатируя подвластную ему территорию, он обладал всеми возможностями для получения высоких доходов с земельных наделов, переданных в пользование богатым гражданам города. К этому времени город был хорошо укреплен, чеканил свою монету, имел развитое ремесло и поддерживал торговые связи со многими греческими городами. Литературные, эпиграфические и археологические материалы, исследованные А. И. Тюменевым, Г. Д. Беловым и другими учеными, позволяют осветить ряд отдельных вопросов, связанных с взаимоотношениями обоих городов. Так, если мы не имеем возможности точно выяснить, когда и при каких обстоятельствах произошло присоединение Керкинитида к Херсонесу, то сходство культуры обоих городов не вызывает никакого сомнения в тесной связи между ними.

Отношения между обоими городами в значительной степени зависели от отношения Херсонеса с варварскими племенами, населявшими степи Западного Крыма. Письменные и особенно эпиграфические источники свидетельствуют, что эти отношения не были мирными. Согласно тексту присяги запрещалось предавать «варвару» (т. е. скифу) города и земли Херсонеса. Здесь разумеются города Северо-Западного Крыма с их сельскохозяйственной территорией, в том числе Керкинитида и Калос Лимен.

Вся история взаимоотношений Херсонеса со скифами показывает, какую грозную опасность представляли они и для него самого и для городов, ему подвластных. В борьбе со скифами Керкинитида опиралась в первую очередь на поддержку и помощь Херсонеса.

Еще в конце IV в. до н. э. Керкинитида и Калос Лимен были обнесены оборонительными стенами с башнями. В III в. западные участки оборонительной стены Керкинитида были перестроены и утолщены. В строительных приемах Херсонеса, Керкинитида и Калос Лимен было много общего. Так, здания центральной части Керкинитида времени ее зависимости от Херсонеса, как и в самом Херсонесе, были обращены в сторону моря. Основой экономической жизни Керкинитида в IV—III вв. до н. э., в отличие от Херсонеса, являлось сельское хозяйство — земледелие и скотоводство, и рыбный промысел. Город сбывал свои продукты Херсонесу, получая взамен изделия херсонесского ремесла, и поддерживал торговые связи с Пантикапеем, Гераклесей, Синопой, Родосом и другими южнопонтийскими центрами, а также и с Пафлагонией (монета г. Кромны).

В некрополе Керкинитида времени расцвета города (IV и особенно III в. до н. э.) находили ценные вещи (золотые и серебряные украшения); на могилы стави-

лись надгробные стелы с надписями (такова стела Амбатии, дочери Геродота). Устройство могил некрополя Керкинитиды этого времени и обряд захоронения (труположение и трупосожжение в урнах), как и состав инвентаря, находят себе ближайшие аналогии в греческих погребениях некрополя Херсонеса.

Ближайшая, прилегающая к городам Керкинитиде и Калос Лимен, территория была занята укрепленными и неукрепленными поселениями и небольшими городами, тяготевшими к обоим названным городам, и являлась владениями Херсонеса. Основой экономического развития этих городов и поселений было земледелие и торговля хлебом, свозившимся в Херсонес.

Текст присяги запрещает херсонесцам хлеб, свозимый с равнины, продавать в какое-либо иное место, кроме Херсонеса; здесь, очевидно, надо предполагать Керкинитиду, куда иногда помимо Херсонеса могли свозить хлебные урожаи.

Заговор против демократии, нашедший свое отражение в тексте присяги Херсонеса, не мог не отразиться и на подвластных ему городах. По всей вероятности, борьбу со скифами, которую выдержал Херсонес в III в. до н. э., Калос Лимен и Керкинитиде испытали раньше. В договоре, заключенном между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком, последний обещал оказать херсонесцам поддержку в случае нападения на их город или подвластную им страну «соседних варваров».

Во второй половине II в. до н. э. Калос Лимен и Керкинитиде, так же как и Ольвия, были захвачены скифами. В это время оба города переходили из рук в руки — от Херсонеса к скифам и обратно. Херсонесская надпись в честь граждан Херсонеса, освободивших во II в. до н. э. Калос Лимен от скифов, отражает взаимоотношения этого города с Херсонесом во время его войны со скифами², когда были разрушены оба изучаемых нами города, так же как и другие города и поселения Северо-Западного Крыма.

Прекращение чеканки монет Керкинитиды во II в. до н. э. — убедительный показатель упадка города и его торговли в это время. Подтвержденное раскопками большое разрушение городов Северо-Западного Крыма во II в. до н. э. говорит скорее всего о захвате их скифами. Судя по надписи в честь Диофанта, во время второго своего похода на скифов он отвоевал захваченные ими Керкинитиду и Калос Лимен.

Из истории Боспора нам известно, что после подавления восстания боспорских скифов Херсонес был подчинен Митридату. Как отразилось это подчинение на городах северо-западных владений Херсонеса, только что отвоеванных у скифов, сказать трудно. Монет Керкинитиды митридатовского периода нет.

Дальнейшая история этих городов известна мало. По словам Страбона, территория Крымского полуострова находилась под властью боспорских царей, которых назначали римляне³.

Римская блокада Крыма, имевшая место в 64 г. н. э., нарушила морскую торговлю прибрежных городов, в том числе Керкинитиды и Калос Лимен. Остатки построек первых веков нашей эры в Керкинитиде и Калос Лимен свидетельствуют, что восстановление городов после бурных событий предшествовавшего времени велось слабо. Данные раскопок показывают, что и в первые века нашей эры города Северо-Западного Крыма подвергались нападению скифов, не отказавшихся от своих стремлений завладеть морским побережьем. Часть сельских поселений на побережье, как показали разведки П. Н. Шульца, А. Н. Щеглова и О. Д. Дашевской в этих районах, не только продолжала существовать, но возникали и новые. Скифы, занимавшие в то время крымские степи, около середины I в. н. э. вновь стали тревожить Херсонес, как это делали в свое время Скилур и Палак. Очень вероятно, что события, связанные с посылкой римских войск из Мезии в Херсонес, коснулись и изучаемых нами

² IPE, I², № 353.

³ Strabo, VII, 4, 3.

городов Северо-Западного Крыма. Но скифская осада Херсонеса была снята, как об этом свидетельствует херсонесская надпись в честь Плавтия Сильвана.

Разведки некоторых прибрежных поселений показали, что и в Керкинитиде и в Калос Лимен были, возможно, расквартированы римские войска, особенно при Нероне.

Раскрытые раскопками последних лет строительные остатки этого времени отличаются небрежностью; наблюдается вторичное использование камней разрушенных кладок более раннего времени. Судя по одному найденному в Керкинитиде погребению рубежа нашей эры, детские захоронения в амфорах производились в черте города. Находка одного надгробия первых веков нашей эры близ Калос Лимен (некрополь этого города пока не локализован) показывает, что на могилах того времени еще воздвигались надгробные памятники.

Следует думать, что в первые века нашей эры Херсонес по-прежнему эксплуатировал плодородные сельскохозяйственные районы Западного Крыма. Находимая, правда в ничтожном количестве, керамика первых веков нашей эры свидетельствует, что связи Калос Лимен и Керкинитиды с Херсонесом и городами южного Причерноморья были слабы, но поддерживались. Связи со скифами были более интенсивными. Города, по-видимому, еще сохраняли свою полисную организацию.

В периплах Арриана и Ановима Керкинитида и Калос Лимен называются скифскими. Возможно, однако, что их сведения восходят к более раннему источнику, например, Гекатею, где Керкинитида названа «скифской».

Вся дальнейшая история городов Северо-Западного Крыма, лежавших в открытой и ничем не защищенной местности (в отличие от более выгодного в этом отношении положения Херсонеса), еще подлежит исследованию. В настоящее время можно лишь отметить, что в дальнейшем они еще не раз подвергались нападениям и разрушениям. В IV в. н. э. они были разрушены в результате вторжения в Крым новой волны варварских племен.

Что касается общественного и политического строя обоих рассматриваемых городов и характера их культуры, то и Керкинитида и Калос Лимен представляли собой типичные греческие полисы. Это были, хотя и небольшие, античные города с развитой экономикой и культурой. Однако при сравнении их друг с другом следует отметить, что лежавшая ближе к Херсонесу Керкинитида была в большей степени отмечена чертами греческой культуры. Калос Лимен, расположенный дальше от Херсонеса, находился в более тесном общении со скифами, поэтому и в экономике и в культуре этого города наблюдается гораздо больше скифских черт. В составе высшей социальной прослойки этого города, видимо, большую роль играла скифская родовая знать.

Изучение некоторых памятников искусства, найденных в Керкинитиде и прилегающих к ней местностях, показало, что в наиболее ранних из них отразились еще влияния греческих художественных традиций (например, «сакский Геракл»), а в рельефе с изображением Геракла, найденном у Мойнакского озера, отмечаются уже иные стиль и манера, свойственные стилю и характеру херсонесских надгробных рельефов с плоскостной трактовкой изображений. Отмеченные выше связи Херсонеса и Керкинитиды отразились и на памятниках искусства обоих городов. Связь с херсонесскими поздними рельефами прослежена и на надгробии первых веков нашей эры, найденном близ Калос Лимен. Остатки архитектурных деталей из обоих городов⁴ говорят о том, что Херсонес, экономически и политически связанный со своими западными владениями, оказывал вместе с тем влияние и на их культуру; а через них и на эллинизованную верхушку скифского общества. Восприняв грече-

⁴ Следует напомнить об обрамлении окон из находок в помещениях дома III—II вв. до н. э. Калос Лимен — единственном пока в Причерноморье.

скую религию с культом бога-героя, верхушка местного общества выделила из всех героев Геракла, поклонялась ему и, как видим, охотно изображала его в рельефах. В Херсонесе, как известно, культ Геракла также имел широкое распространение.

При изучении двух городов Северо-Западного Крыма надо иметь в виду, что Керкинитида и Калос Лимен росли и развивались отнюдь не одиноко, а в окружении и в соседстве с другими городами и поселениями Северо-Западного Крыма. Разведки и раскопки двух из этих поселений (Тарпанчи и Южно-Донузлавское) подтвердили их земледельческий характер и близость их культуры к культуре приднепровских поселений. Античное укрепленное городище в районе Оленевки (б. Караджа), разведанное П. Н. Шульцем и нами, по размерам значительно меньше городища Калос Лимен. Подъемный материал с этого городища представлен керамикой эллинистического времени с преобладанием херсонесского импорта. То же самое, по-видимому, следует сказать и о прибрежном городище возле б. Беляусского тракта.

Что же касается курганов Северо-Западного Крыма, то они датируются, начиная с времени переходного от бронзы к железу, вплоть до IV—III вв. до н. э.

Характер погребений в этих курганах свидетельствует о взаимопроизношении скифской и греческой культур. Некоторые находки в курганах, как, например, золотые скифские пластинки из кургана близ б. дер. Кара-Меркит, неоднократно описанные как в общих, так и в специальных трудах по Северному Причерноморью, указывают на наличие в V и в IV вв. до н. э. культурной связи северо-западных районов Крыма с северо-восточными районами Причерноморья. В курганах евпаторийского и черноморского районов преобладают земляные могилы с труположением, иногда в перекрытых плитами каменных ящиках в центре курганов, а иногда вырытые в материке и перекрытые деревом. Применение растительных подстилок, встреченное в курганных погребениях Северо-Западного Крыма, известно и в курганных погребениях близ станицы Елисаветовской, на Дону. Преобладает ориентация костяков на восток. Некоторые курганы в районе Керкинитиды и Калос Лимен содержат коллективные погребения, иногда разновременные, иногда одновременные. На курганах в степях Северо-Западного Крыма ставились погребальные статуи или рельефы. Два фрагментированные изваяния, найденные Л. А. Моисеевым в районе с. Черноморского, заслуживают особого внимания. Различные по художественной отделке, оба эти памятника воспроизводят скифских воинов с луком и ритонном.

Таковы некоторые характерные черты культуры изучаемых городов и их ближайшего окружения.

Таким образом, археологическое изучение городов и поселений Северо-Западного Крыма показало, что, начиная с самых ранних этапов своего существования, население этих районов было тесно связано с другими областями Северного, Западного и Восточного Причерноморья и Приднепровья. Состав керамических изделий в ранних слоях Керкинитиды не отличается от керамики, встречающейся сейчас все в большем и большем количестве при раскопках многих прибрежных городов Крыма доантичного и раннеантичного времени⁵.

Все имеющиеся материалы, относящиеся к Керкинитиде и Калос Лимен и к прилегающим к ним районам, показывают их тесную связь с другими античными городами и коренным населением Крыма — скифами; тем самым вскрывается специфика этих городов, отличная от античных городов собственно Греции, окруженных не местными племенами, а тем же эллинским населением.

Подводя итоги нашему краткому обзору материалов по истории двух малых городов Северо-Западного Крыма и ближайших, окружающих их, местностей, можно сказать, что, несмотря на всю отрывочность имеющихся до настоящего времени све-

⁵ На Южно-Донузлавском городище, по данным О. Д. Дашевской, подобная керамика встречается в слое IV в. до н. э.

дений, специфика экономического и культурного облика этих городов выявляется достаточно определенно. Это два небольших греческих полиса, с экономикой, базирующейся в основном на сельском хозяйстве (главное их богатство—хлеб). Города эти поддерживали экономические и культурные связи как с греческим миром, так и с местным варварским населением. Жизнь и история этих городов отражает глубокое взаимопроникновение и взаимодействие греческой и местной культур — черта, свойственная, впрочем, всем античным городам Северного Причерноморья; однако в зависимости от положения в том или ином пункте побережья, соседства тех или иных античных городов и характера варварского окружения, при общности исторических судеб всех античных полисов Северного Понта, каждый из них имел свою судьбу и индивидуальные черты своего экономического и культурного облика.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ХЕРСОНЕСА во II—IV вв. н. э.

В течение последних трех десятилетий (1931—1960 гг.) раскопками, проводившимися в северном районе Херсонеса, открыт ряд городских кварталов, относящихся ко всем периодам его существования — от эллинизма до позднего средневековья.

Материалы раскопок 1931—1948 и 1955 гг. опубликованы в отчетах¹, кроме того, некоторым из них посвящены специальные исследования². Эллинистические кварталы были небольшими, в среднем 26 × 29 м, и состояли обычно из двух-четырех жилых домов. В римский же период происходит перепланировка кварталов, в результате чего площадь их увеличивается. Жилые дома превышают размерами эллинистические вдвое или втрое: если площадь эллинистического дома составляла около 120—150 кв. м, то размеры римских зданий достигают 300 кв. м и более. Однако стены многих из них совпадают с направлением стен эллинистического периода, используемых в качестве фундамента. Таким образом, преемственность и планировка зданий частично сохраняется.

В соответствии с большими размерами домов увеличивается и толщина стен до 0,8—1,0 м, воздвигнутых на материке. Двор, аналогично эллинистическому дому, располагался в средней части дома и был вымощен крупными плитами (рис. 1). Во дворе находился колодец или цистерна для дождевой воды. А в доме с винодельней в XVIII квартале имеются и колодец (глубиной 6 м) и цистерна (глубиной 3 м). По некоторым деталям можно судить об архитектурном убранстве домов. Например, в доме, раскопанном в 1957—1959 гг. в XXII квартале, найдены части колонн, капителей, карнизов, дверных перекрытий и др. Как и в эллинистических домах, в

¹ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941; его же. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936; его же. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938; Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий. Херсонес (отчеты о раскопках 1937 г.), кварталы XV—XVI. МИА, № 34, 1953; Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII. МИА, № 34; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА, № 34; Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. ХС, вып. V, Симферополь, 1959.

² Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы. ВДИ, 1940, № 3—4; его же. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса. СА, VII, 1941; его же. Античный дом в Херсонесе. ВДИ, 1950, № 2; его же. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2; его же. Эллинистический квартал в Херсонесе. ВДИ, 1956, № 3; его же. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода. Сб. «Проблемы истории античных городов Северного Причерноморья», М., 1959; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959; его же. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. МИА, № 17, 1950.

зданиях римского времени имелись глубокие подвалы, вырубленные в материковой скале.

Характерной особенностью римских построек, не встречающихся ни в период эллинизма, ни в средние века, являются рыбозасолочные цистерны. Они открыты во всех районах города. Большое их число сосредоточено и в северном районе, здесь они имеются почти в каждом доме, а в некоторых домах встречаются по две и даже по три цистерны. Это обстоятельство и сравнительно хорошая сохранность вновь открытых зданий с цистернами послужили поводом для настоящей статьи, являющейся попыткой выяснить обстоятельства, вызвавшие сооружение множества рыбозасолочных цистерн, и время их существования.

Рядом с цистернами были всегда расположены кладовые с пифосами, в которых хранилась соленая рыба. В одной из них, например, стояли девять пифосов хорошей сохранности, наполненных рыбой³. В доме, открытом в 1957—1959 г., кладовая с пифосами с остатками в них рыбы находилась между двумя цистернами.

Размеры и форма цистерн различны, но преобладают цистерны четырехугольные в плане. Например, в доме 1959 г., цистерна З имеет размеры: 6,0 × 3,4 × 3,5 м, объем около 70 куб. м; цистерна Ж: 4,3 × 3,05 × 3,3 м, объем около 40 куб. м; цистерна на участке раскопок 1932 г.: 6,1 × 3,6 × 3 м, объем около 66 куб. м и т. д.

Техника постройки цистерн следующая. Нижняя, большая часть цистерны вырублена в скале, выше материка стены сложены из камней на растворе, выпавшие мягкие прослойки материка также заполнены кладкой на растворе. Стены изнутри оштукатурены смесью извести с песком и толченой керамикой-цемянкой, придающей штукатурке характерный красно-кирпичный цвет. В вертикальных углах некоторых цистерн имеется валик, на дне возле стен — плинтус. Штукатурка цистерн неоднократно подновлялась, об этом свидетельствует ряд тонких наслоений.

Вымостка дна делалась по-разному. В одних цистернах дно покрыто сплошным толстым слоем прочного раствора с цемянкой, толщиной до 0,10—0,15 м, в других — на слой раствора положены кирпичи, размерами 0,44 × 0,51 или 0,40 × 0,53 м, толщиной около 0,03 м. В третьих — вымостка выполнена в несколько слоев: внизу раствор, на нем кирпичи и сверху раствор. Оригинальная, пока единственная, вымостка оказалась в цистерне на участке 1936 г.: на слой раствора уложена вымостка из мелких кубиков (размером около 2 × 1,5 × 1,5 см), изготовленных из кирпичей, над нею сверху еще слой раствора.

Большой процент примеси цемянки сообщал раствору на дне и на стенах цистерн необходимые гидравлические свойства.

В той же технике выполнены цистерны, круглые в плане, грушевидные в сечении, некоторые с глубокими нишами в нижней части стен для увеличения площади и кубатуры цистерн. Таковы, например, цистерны на участке 1934 и 1937 гг., в которых сохранился толстый слой рыбы.

Следует, однако, оговориться, что не все цистерны были рыбозасолочными, некоторые из них, несомненно, использовались для хранения дождевой воды, а также, возможно, по предположению К. К. Косцюшко-Валюжинича, для зерна.

Херсонесские цистерны отличаются от цистерн Тиритакис своими большими размерами. В Тиритакис цистерны мелкие (они и называются по-иному — ваннами), объемом около 10—12 куб. м, но зато они там строились комплексами до 8 и даже до 16 ванн в одном доме⁴. Современные рыбозасолочные ванны в районе Керчи по своим размерам приближаются к тиритакским.

Чем объяснить различие в кубатуре цистерн Херсонеса и Тиритакис? По-видимому, различными сортами рыбы, подлежащей засолу. В Херсонесе консервировалась

³ Г. Д. Белов и С. Ф. Стрелецкий. Кварталы XV—XVI, стр. 79, рис. 43. Раскопками 1961 г. открыта большая цистерна и кладовая с 19 пифосами и остатками рыбы (хамсы).

⁴ Ю. Ю. Мартин. Городские крепостные стены Тиритакис и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. МИА, № 4, 1941, стр. 20 сл.

Рис. 1. Вымостка во дворе с рыбозасолочными цистернами. Раскопки 1957—1959 гг.

по преимуществу хамса. При огромной глубине цистерн нижние слои хамсы под большим давлением превращались в сплошную однородную массу — гарум⁵.

На Боспоре же ловилась не только хамса, но и красная рыба, осетровые ее виды, которые консервировались в иной технике, не такими массами, как дешевая рыба хамса. Однако наряду с небольшими ваннами в Тиритаке имеются, но в незначительном числе, и глубокие цистерны для засола хамсы.

Большое число цистерн и огромные их размеры в домах римского времени свидетельствуют, с одной стороны, о широких масштабах рыбного промысла, с другой, о неисчерпаемых запасах рыбы в Черном море. Создается впечатление, что почти все жители Херсонеса занимались рыбной ловлей.

Возникают вопросы, во-первых, какие обстоятельства вызвали этот необыкновенно широкий масштаб развития рыболовства, во-вторых, в течение какого хронологического периода происходило это развитие?

Многочисленные материалы, находящиеся в засыпи цистерн, дают возможность определить момент прекращения их функционирования. Амфоры, разнообразные по форме и технике, найдены в очень большом количестве. Среди них имеются:

а) узкогорлые с коническим корпусом, из желтой глины, с красными знаками на горле, аналогичные найденным во многих центрах Северного Причерноморья, например, в Танаисе и в других городах Боспора⁶,

б) амфоры с широким горлом, красноглиняные, с надписями и знаками, исполненными крупными жирными буквами⁷;

⁵ М. И. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. «Вестник рыбной промышленности», № 1—3, П., 1917.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 96, рис. 114, 4; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XXXVII, 93.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 31, рис. 24; И. Б. Зеест. Указ. соч., табл. XXX, 73б; табл. XLI, 104.

в) амфоры с коротким горлом, сферическим дном с желобчатым корпусом, красно-глиняные (рис. 2, 1), а также с надписями⁸;

г) амфоры из коричневой глины с блестками, небольших размеров с узким горлом, короткими дуговидными ручками, с желобчатым корпусом. Они считаются самосскими и датируются III—IV вв.⁹

д) амфоры с длинным цилиндрическим корпусом, с перехватом посередине, из глины красно-кирпичного цвета¹⁰. Перечисленные, наиболее часто встречающиеся формы амфор датируются III—IV вв. н. э.

К этому же времени относятся и блюда широкие, плоские, на низкой кольцевой подставке, с матовой обмазкой красного цвета, найденные в большом количестве (рис. 2, 3). Аналогичной формы блюда известны из Ольвии, Танаиса, Илурата и других мест, датируются они IV в. н. э.¹¹

Не противоречит этой дате и прочий материал: кувшины (рис. 2, 2), сковороды, светильники, а также бронзовые предметы — ключи, пряжки, колокольчики и другие; масса обломков стеклянной посуды — ножки и донышки рюмок, бокалов, бальзамариев, чашек, флаконов и пр. Весьма характерным является известняковый рельеф с изображением вакхической группы, который по схематическому и плоскостному исполнению можно датировать позднеримским периодом.

Показательны также монеты. В цистерне З их найдено свыше ста экземпляров, большая часть относится к IV в., самые поздние — Констанция II (337—361). В цистерне Ж — наиболее поздние монеты, находившиеся в верхней части засыпи цистерны, относятся к VI в. — Юстиниана I (527—565). В цистерне Л, кроме монет Юстиниана I, найдена монета Маврикия (582—602).

В ранее раскопанных цистернах в северном районе Херсонеса наблюдается такая же картина: самые поздние монеты не заходят далее VI в. и датируются временем Юстиниана I. Аналогичные сведения сообщаются и в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича.

На основании совокупности предметов, найденных как в цистернах, так и в зданиях, в состав которых они входили, можно предполагать, что цистерны перестали функционировать в конце IV в. в связи с разрушением жилых домов. Гибель домов была быстрой и вызванной, по-видимому, вражеским нападением. Об этом можно судить по массе оставшейся неиспользованной рыбы как в цистернах, так и в пифосах, по многочисленным предметам, паходившимся в жилых помещениях, в подвалах и кладовых.

Наиболее вероятным трагическим моментом в жизни Херсонеса следует считать 70-е годы IV в., а неприятелем и виновником катастрофы могли быть гунны, нашествие которых на Крым не миновало, возможно, и Херсонеса. Памятники подтверждают факт разрушения города в этот период. Таковы — благодарственные надписи в честь римских императоров, одна, посвященная Валенту, Валентиниану и Грациану и относящаяся к 370—375 гг.¹², другая в честь Феодосия и Аркадия¹³, датируемая 383—396 гг.; обе свидетельствуют о восстановлении оборонительных сооружений Херсонеса.

Если для определения времени прекращения существования домов с цистернами мы располагаем большим количеством материалов, то для решения вопроса о дате

⁸ И. Б. Зеест. Указ. соч., табл. XXXIX, 986, 996; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 121, рис. 150, 1.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 96, рис. 114, 1—3; И. Б. Зеест. Указ. соч., табл. XXXVIII, 95.

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 62, рис. 70, стр. 120, рис. 149; И. Б. Зеест. Указ. соч., табл. XL, 103.

¹¹ Т. Н. Кипович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 319, рис. 12.

¹² IPE, I², № 449.

¹³ IPE, I², № 450.

Рис. 2. Глиняные сосуды из раскопок 1957 г.:

1 — амфора из дома с цистернами, 2 — кувшин из рыбозасолочной цистерны, 3—5 — глиняные блюда с матовой обмазкой красного цвета из рыбозасолочной цистерны

их возникновения положение совсем иное. Сами цистерны не содержат предметов, которые говорили бы о времени их сооружения. Поэтому надо обращаться к тем вещам, которые находились в домах в целом. К числу наиболее ранних находок относятся керамика: амфоры, краснолаковые сосуды, светильники и пр. Среди них предметы I в. н. э. незначительны, в большом числе встречаются вещи II—III вв. н. э., а также монеты времени херсонесской элевтерии середины II—III вв. н. э.

Весьма важным документом для выяснения данного вопроса является надпись о построении в Херсонесе рыбного рынка, относящаяся ко II в. н. э.¹⁴ Поскольку возникла необходимость устройства в городе специального рыбного рынка, то, следовательно, развитие рыбной ловли и торговля рыбой во II в. н. э. уже достигли

¹⁴ С. Семенов-Зусер. Рыбный рынок в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 2.

больших размеров. Расширение же рыбного промысла возможно было лишь при известных технических условиях, значительно отличавшихся от предыдущего периода. Таким условиям и отвечали многочисленные цистерны с их огромной пропускной способностью.

Возникает и другой вопрос — о причинах, вызвавших расширение рыбного промысла. Во II в. н. э. Херсонес и другие центры Северного Причерноморья, как известно, переживают период экономического подъема. Об этом говорят разнообразные памятники Херсонеса: жилые дома больших размеров с цистернами и винодельнями, существовавшие в первых веках нашей эры, обилие вещей в могилах этого времени, в том числе и украшений из драгоценных металлов. Для римского периода становятся характерными семейные склепы, в которых богатые погребения совершались в течение ряда поколений.

Эпиграфические памятники указывают на оживление сношений с другими городами Причерноморья: издаются декреты в честь иногородних граждан (Синопы, Гераклея, Амастрий и др.) с предоставлением им проксении¹⁵. В свою очередь, другие города также предоставляют права гражданства херсонесцам.

В середине II в. н. э. Херсонес формально получает элентерию — свободу от длительной зависимости от Боспора. Известно, что в Херсонесе и в ряде других пунктов Крыма и Причерноморья были установлены римские гарнизоны. В Херсонесской бухте стояла эскадра римского флота. На Черном море наступила пора безопасного от пиратов мореплавания. Под защитой римских гарнизонов успешно развивается сельское хозяйство на Гераклейском полуострове и западном побережье Крыма.

Все эти обстоятельства были благоприятными для восстановления хозяйства греческих городов Причерноморья и для развития торговли как с местным населением, так и с заморскими центрами — городами Малой Азии, материковой и островной Греции. Население Херсонеса увеличивается — город с развитыми ремеслами и торговлей привлекал к себе жителей.

Расширение торговых связей и спрос на продукты продовольствия, увеличившийся в связи с общим ростом населения, в особенности же с необходимостью снабжения римских войск, несомненно, послужили причинами, вызвавшими развитие рыбного промысла. Большие массы рыбы, выловленной в основном в весенний и осенний сезоны, необходимо было сохранить в консервированном виде. С этой целью и сооружались рыбозасолочные цистерны. Большое их число и огромные размеры красноречиво свидетельствуют о том удельном весе, какого достигла рыбная промышленность Херсонеса в римский период. О емкости цистерн можно судить по их размерам. Один кубический метр соленой рыбы достигал веса 8 центнеров, общий вес рыбы в отдельных цистернах составлял от 20 до 50 тонн¹⁶. Совершенно очевидно, что ни одна семья любого дома не могла потребить такой массы рыбы и что заготовка ее была рассчитана на рынок.

Но не только ловлей рыбы занимались херсонесцы. Широкое развитие получило также виноградарство и виноделие. Раскопками 1947 г. лишь в северном районе Херсонеса открыто несколько виноделен с большой производственной мощностью. В каждой винодельне имеются по три резервуара для виноградного сусла, соответственно им — трехчастная давяльная площадка и винный склад с 20 и более пифосами. Несомненно, что развитие виноделия было обусловлено теми же причинами, что и рост рыбного промысла¹⁷.

¹⁵ ИРЕ, I², № 357, 359, 364, 542, 543, 544 и др.

¹⁶ Эти сведения заимствованы из статьи: В. Ю. М а р т и. Рыбозасолочные ванны Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 94.

¹⁷ Подробнее о виноделии см.: Г. Д. Б е л о в. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, № 2; С. Ф. С т р ж е д е ц к и й. Из истории древнего виноградарства в Крыму. «Виноделие и виноградарство СССР», 1958, № 2.

Обе отрасли экономики неизбежно потребовали более интенсивного производства гончарной тары, прежде всего пифосов для хранения в них запасов рыбы и вина и амфор, в которых вино и рыба вывозились за пределы Херсонеса. Консервирование рыбы влекло за собой усиление добычи соли. В целом, все эти промыслы вызвали спрос на рабочую силу: для работы на виноградниках: на соляных озерах, в море по ловле рыбы и в городе по ее консервированию, а также в гончарных мастерских и т. д.

В римский период происходит концентрация производства в руках крупных рабовладельцев, владевших виноградниками и винодельнями, рыбными промыслами, ремесленными мастерскими и торговыми предприятиями.

Это явление подтверждается и политическими переменами. Известно, что государственное устройство Херсонеса в первых веках нашей эры становится более аристократическим — важнейшие должности оказываются занятыми представителями богатой знати. В целях упрочения своей власти над Херсонесом Рим предоставляет права римского гражданства правящим фамилиям города.

Итак, II—III вв. для Херсонеса — время его экономического расцвета, интенсивного развития промыслов, ремесел и торговли и оживленных сношений со многими античными центрами.

Период хозяйственного подъема, по-видимому, продолжался и в IV в., но резко оборвался в последней его четверти, по-видимому, в результате военной катастрофы. Подобное объяснение причины гибели домов наиболее вероятно, так как картина разрушения жилых кварталов наблюдается во многих районах города. Не только на северном побережье, более хорошо нам известном по раскопкам последних лет, но и в восточной и в центральной части Херсонеса имеются цистерны с массой неиспользованной рыбы. Все эти факты не могут быть случайными. Разрушение зданий в конце IV в. наблюдается буквально во всех кварталах северного района, открытых нашими раскопками. Так, например, дом с винодельней в XVIII квартале и большое здание в XV квартале (раскопки 1937 г.) перестают существовать в конце IV в.¹⁸ Для определения момента гибели домов и для решения вопроса об обстоятельствах и характере их разрушения эти здания, а также дом, открытый раскопками в 1957—1959 гг., имеют особенно важное значение, так как впоследствии дома эти не подверглись полному уничтожению, но сохранились в нижней своей части — с вымостками во дворах, с цистернами, подвалами и кладовыми с пифосами. Наиболее надежными показателями в этом отношении являются, конечно, колодцы, цистерны, подвалы, остающиеся, как правило, непоперекопанными и хранящие в себе предметы, одновременные последнему периоду существования зданий.

Итак, рыбозасолочные цистерны перестают функционировать в конце IV в., окончательная же их засыпка происходит в VI в. в связи с пивелировкой кварталов, вызванной новым строительством.

Некоторые цистерны были использованы в начале средневековья, но уже по другому назначению. Например, на участке 1931 г. верхняя часть одной из цистерн служила подвальным помещением¹⁹.

В квартале 1932 г. рыбозасолочная цистерна сначала использовалась как вместилище для приготовления извести²⁰, а потом над ее стеной была построена стена базилики. На участке раскопок 1957—1959 гг. над одной из цистерн были воздвигнуты стены нартекса базилики. Сооружение обеих базилик происходило в середине VI в. Аналогичные явления наблюдаются и в других районах города, например, возле Уваровской базилики.

¹⁸ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII, стр. 197.

¹⁹ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг., стр. 206.

²⁰ Там же, стр. 223.

Единственным пока случаем сравнительно позднего сооружения цистерны (назначение ее осталось невыясненным) оказалась цистерна в западной части Херсонеса, исследование которой было закончено в 1959 г. Цистерна эта сооружена вилотную к склепу и закрывала своей стеной его входное отверстие. В последнее была вставлена в качестве затвора мраморная плита с декретом II в. н. э.²¹ В склепе найдена монета конца IV в. Следовательно, цистерна могла быть построена не ранее конца IV — начала V в. Однако эта цистерна не меняет общей картины, так как подавляющее большинство цистерн, которые можно датировать на основании найденных в них материалов, прекратили свое существование в конце IV в. Это явление вполне согласуется с исторической обстановкой в Причерноморье. Известно, что города здесь подвергались в это время разрушению, а римские войска из Северного Причерноморья были выведены для защиты ближайших римских границ на Балканах и на Дунае.

С конца IV в. Херсонес переживает глубокий кризис. Восстановление города и новое оживление его экономики начинается лишь в последней четверти V в.

²¹ Е. Г. Су ров. Новая херсонесская надпись. ВДИ, 1960, № 3, стр. 154—156.

ГОРОДА БОСПОРА

в III в. н. э.

истории Боспорского царства период III в. имеет особое значение. В III в. Боспорское царство переживало серьезные потрясения; большие изменения наблюдались в экономической и культурной жизни государства, в источниках встречаются упоминания о политических и социальных смутах. Поэтому представляется очень важным изучить все стороны жизни Боспора этого времени и, в частности, осветить историю боспорских городов этого тревожного и полного событиями периода.

Результаты археологических раскопок вместе с многочисленными эпиграфическими и нумизматическими памятниками проливают свет на политическую историю Боспора в III в. и дают возможность восстановить некоторые стороны жизни боспорских городов этого времени.

Слой III в. н. э. обнаружены при раскопках Пантикапея и Тасуново¹, Фанагории², Илурата, Мирмекия и Тиритаки³, Танаиса⁴, Киммерика⁵, Горгииппии⁶, Кеп⁷, Нимфея⁸, поселений у деревень Семеновки, Мысовки, Ново-Отрадного, Золотого⁹ и др.

¹ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, М., 1951, стр. 9 сл.; его же. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. МИА, № 56, М., 1957, стр. 5 сл. (здесь приведена библиография опубликованных материалов о раскопках за указанные годы); его же. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 168 сл.; В. Д. Блаватский и Д. В. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 100 сл.

² М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, М., 1956, стр. 85 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, М., 1958, стр. 9 сл.; его же. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, стр. 149 сл.; его же. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. и раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, М.—Л., 1952, стр. 15 сл.

⁴ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949; Д. В. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, в. 74, стр. 74 сл.; его же. Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, в. 77, М., 1959, стр. 62 сл.; его же. Новые данные о древнем Танаисе. «Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея», т. I, Таганрог, 1957, стр. 115 сл.

⁵ И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика. КСИИМК, в. 51, стр. 132 сл.; ее же. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, стр. 219 сл.; И. В. Зеев. Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, в. 37, 1951, стр. 193 сл.; ее же. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 92 сл.

⁶ Раскопки автора в 1960—1962 гг.

⁷ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кехах в 1957 г. КСИИМК, в. 78, 1960, стр. 53.

⁸ М. М. Худяк. Нимфейская экспедиция 1939 г. «Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа», I, Л., 1945, стр. 147.

⁹ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, 1957, № 1, стр. 225 сл.; ее же. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, в. 78, 1960, стр. 64 сл.

В некоторых случаях раскопки выявили отдельные постройки, комплексы сооружений и целые кварталы жилых домов, выяснили характер планировки некоторых из городов и дали возможность судить об их архитектуре. Находки крупных зернохранилищ, рыбозасолочных ванн, керамических печей, находки бытовых вещей и орудий труда позволили восстановить картину экономической жизни городов. Эпиграфические и нумизматические источники, полностью соответствующие археологическим данным, позволяют выделить три этапа в развитии городов Боспора в III в. Первый этап относится к первой половине III в.; города еще продолжали жить обычной жизнью. Развивалась торговля с южным Причерноморьем и малоазийскими городами¹⁰, внутривоспорская торговля и торговля с соседними племенами. Цари, купцы и богатые граждане возводили на свой счет статуи и другие памятники в крупных городах¹¹, ставили посвященные надписи, строили общественные здания¹², ремонтировали и возводили новые городские стены, ворота, башни¹³. Широко развернулась деятельность религиозных коллегий¹⁴. Последняя датированная надпись, относящаяся к концу этого периода, приходится на 250 г.¹⁵

Между 250 и 275 гг. города Боспора переживали жестокий кризис. Монеты 250—267 гг. свидетельствуют о полном упадке техники монетной чеканки и о появлении на боспорском престоле около 253 г. наряду с законным царем Рискупоридом нового царя, Фарсанза. Мы не знаем ни одной датированной надписи, относящейся к периоду между 250 г. и 275 г.¹⁶ Около 270 г. прекращают свое существование многие мелкие города и поселения Боспора: Киммерик, Семеновка, Мысовка, Ново-Отрадное и др.¹⁷

После 275 г. наступила некоторая стабилизация; власть царя укрепилась, о чем свидетельствует появление памятников, поставленных в его честь¹⁸; оживилась деятельность религиозных обществ¹⁹, укрепились торговые связи с Римом; вкладах и среди находок на городищах вновь появляются римские монеты. Укрепление экономического положения Римской империи и усиление императорской власти при Аврелиане и Диоклетиане отразились и на положении Боспорского царства. После семилетнего перерыва вновь возобновилась чеканка боспорских статов, правда, теперь уже из чистой меди. На монетах сохранилось изображение римского императора, в надписях обычный титул царя — «друг цезаря и друг римлян» (*φιλόκαισαρ καὶ φιλορῶμαιος*). В городах возводились новые памятники, общественные постройки и оборонительные сооружения²⁰. В столице Боспорского царства частично реконструировались городские сооружения, возводились новые подпорные стены террас²¹, хотя на некоторых участках пришедшие в упадок террасы возобновлены не были и образовались новые мостовые и новая планировка, соответственно склону горы²².

¹⁰ ИРЕ, II, № 42—44; IV, № 194.

¹¹ ИРЕ, II, № 28, 34, 41—46, 310, 399, 357; IV, № 194; ВДИ, 1947, № 3, стр. 205, № 1; СА, XXVIII, 1958, стр. 110.

¹² ИРЕ, II, № 47, 429—430; ИАК, в. 40, стр. 112, № 28; ИАК, в. 37, стр. 38, № 2.

¹³ ИРЕ, II, № 48, 431—435.

¹⁴ ИРЕ, II, № 58, 440, 441, 443, 445—456; IV, № 435; ИАК, в. 10, стр. 32, № 24; ИАК, в. 10, стр. 31, № 23; ИАК, в. 37, стр. 44, № 3; ИГАИМК, в. 104, Л., 1935, стр. 60, № 3; ИРАИМК, II, стр. 96, № 1—2.

¹⁵ ИРЕ, II, № 44 из Пантикапея.

¹⁶ В. Ф. Г а й д у к е в и ч (Боспорское царство. М.—Л., 1949 стр. 452) считает возможным отнести к периоду от 267/8 гг. до 275/6 гг. надпись с именем царя Хедосбия, которую В. В. Ш к о р п и л (ИАК, в. 54, стр. 65) относит к 80 г. III в. От надписи сохранились лишь две верхних строчки; ни ее содержание, ни дата неясны.

¹⁷ И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря.

¹⁸ ИРЕ, II, № 29.

¹⁹ ИРЕ, IV, № 211, 206; ИАК, в. 10, стр. 26, № 21.

²⁰ ИРЕ, II, № 49, 363; ИАК, в. 58, стр. 38.

²¹ В. Д. Б л а в а т с к и й. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 179.

²² Там же, стр. 171.

Города Боспора III в. продолжали оставаться по своей природе античными городами, хотя в результате развернувшегося глубокого кризиса рабовладельческой системы и внутренних социально-экономических потрясений они претерпели некоторые изменения. К. Маркс отметил, что античные города были основаны на земельной собственности и на земледелии²³ и что частный земельный собственник являлся там в то же время городским жителем²⁴. Это положение полностью относится и к греческим городам — колониям Боспора Киммерийского. Однако в силу быстрого развития ремесла и торговли и в результате концентрации большого количества населения в городах, возникала необходимость во многих специальных институтах для обслуживания городского населения. Города становились административными центрами, возрастало число ремесленников, купцов, ростовщиков и людей других профессий, характерных для города. Развивалась специфическая городская культура. В эпоху расцвета Боспорского царства земледельческая основа экономики античного города в крупных центральных городах Боспора, как Пантикапей и Фанагория, выступала не столь явно.

В III в. происходит рустификация городов. Процесс этот тесно связан с изменениями их социального строя и экономической жизни: разложением рабовладельческих отношений, изменением социального и этнического состава жителей, упадком ремесла и торговли и с особыми внешнеполитическими условиями.

Ведущую роль снова заняла земледельческая основа экономики античного города; земледельцы вновь стали составлять подавляющее большинство городского населения, особенности городской культуры отступили теперь на задний план. Археологические раскопки ярко отражают это явление. Так, в Пантикапее и в Фанагории, на местах, где в предыдущие периоды были богатые жилые кварталы или общественные сооружения, появляются большие зерновые хозяйства и винодельни²⁵. По словам К. Маркса²⁶, противоположность между городом и деревней тянется через всю историю цивилизации, так как развитие и расцвет городской культуры неизбежно усиливает противоположность между городом и деревней. Это особенно отчетливо видно при сопоставлении бедных неукрепленных деревень IV—III вв. до н. э. с процветающими боспорскими городами того же времени.

Рабовладельцы, владеющие землей и живущие в городах, купцы и ростовщики, владельцы эргастериев и другие богатые жители городов использовали прибавочный продукт, полученный от труда рабов и зависимых земледельцев, для украшения городов и развития городской культуры.

Если для всей истории существования греческих городов-колоний на Боспоре характерна противоположность между городом и деревней, то в последний период истории античных городов Боспора, с упадком городской культуры грани между городом и деревней постепенно стираются, хотя и не исчезают совсем. Ниже мы перейдем к рассмотрению вопроса о специфике боспорских городов в III в. и отличии их от деревень этого времени.

Многолетние разведки в европейской части Боспорского царства показали отсутствие неукрепленных поселений первых веков нашей эры. По-видимому, постоянная военная опасность в этот период заставляла сельских жителей укреплять свои поселения. Сооружение каменных оборонительных стен вокруг всего поселка было под силу только большому количеству людей. Поэтому укрепление поселков неизбежно связано с их укрупнением, изменением их планировки, так как внутри огражденной стенами территории должно было уместиться все население поселка. Однако обнесение поселка каменными стенами и постройка тесно примыкающих один

²³ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 13.

²⁴ См. там же, стр. 15.

²⁵ В. Д. Блаватский. *Строительное дело Пантикапея...*, стр. 93; М. М. Кобылина. *Фанагория*. МИА, № 57, 1957, стр. 88.

²⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*. Соч., т. IV, стр. 40.

к другому домов, вместо разрозненных, удаленных друг от друга, как это было прежде, — еще не означало превращения поселка в город.

Вспомним, что Тацит на рубеже I и II вв. н. э., описывая германские племена, сообщает, что они устраивали деревни *vici* не так, как римляне, не в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но что каждый окружал свой дом свободным пространством, так что дома были удалены один от другого²⁷. Таким образом, античная деревня в римском понимании — это тесно расположенные, примыкающие друг к другу дома. Поселения III в. у деревень Семеновки, Золотое, в бухте к западу от Золотого Восточного, у Ново-Отрадного вполне могли служить примером того, что Тацит называл *vici*, а Страбон *κῆμαι*. Только это были укрепленные *κῆμαι*.

Наряду с укрепленными деревнями на Боспоре в III в. существовали и укрепленные города. Они отличались от деревень характером построек, большими размерами, занятиями жителей. Интересно для сравнения сопоставить примерные размеры различных городов и поселений Боспора римского времени²⁸.

Пантикапей в римское время занимал площадь более 100 га²⁹.

Фанагория в эпоху своего расцвета занимала около 50 га³⁰.

Кепы, по-видимому, занимали территорию 8 га³¹.

Мирмекий в эпоху своего расцвета — около 7—8 га³².

Китей в настоящее время занимает более 4,5 га, по часть его обрушилась в море³³.

Тиритака — около 4,5 га³⁴.

Танаис занимал несколько больше — 4 га³⁵.

Поселение у дер. Мысовки (предлагаемый Гераклий) — около 3,2 га³⁶.

Илурат — 2,5 га³⁷.

Поселение у дер. Семеновки около 1,5 га.

Таким образом, размеры городов очень различны. С одной стороны, такие крупные города, как Пантикапей и Фанагория, занимали по несколько десятков гектаров, с другой — размеры малых городов колеблются от 8 до 2,5 га. Кроме того, есть поселки, занимающие совсем небольшую площадь — (около 1,5 га)³⁸.

²⁷ Tacit., Germania, 16, 1.

²⁸ Подсчеты эти носят условный характер, так как не всегда можно установить, где проходили границы городов в III в. н. э. На территории Боспорского царства города первых веков нашей эры по размерам большей частью не уступали городам предшествующего времени, поэтому расчеты по периметру стен даже в том случае, когда не совсем ясна их датировка, не приведут к серьезным ошибкам.

²⁹ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея, стр. 34.

³⁰ Размеры городища даны вместе с частью территории, находящейся в настоящее время под водой. Без подводной части территория городища занимает 38 га. В. Д. Блаватский. Подводные разведки древней Фанагории. «Вестник АН СССР», 1959, № 1, стр. 130.

³¹ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кепях, стр. 53.

³² В. Ф. Гайдукевич. Мирмекий. Варшава, 1959, стр. 5; его же. Археологическое изучение Мирмекия. МИА, № 4, М.—Л., 1941, стр. 104.

³³ Размеры вычислялись по плану, составленному в 1927 г. и опубликованному Ю. Ю. Марти (Городища Боспорского царства к югу от Керчи. ИТОИАЭ, II, Симферополь, 1928, стр. 120).

³⁴ Размеры вычислялись по плану, опубликованному В. Ф. Гайдукевичем (Илурат, стр. 150).

³⁵ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 118; Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 24.

³⁶ Измерения производились автором на месте в 1953 г.

³⁷ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 10.

³⁸ Восточно-Крымский отряд в 1953 и 1959 гг. обследовал укрепленное поселение у дер. Ново-Отрадное. Площадь, занятая поселением, внутри оборонительных стен равна менее одной десятой га. Обследование поселения еще не закончено, но, может быть, следует признать существование на Боспоре III в. и таких небольших поселений. Об этом поселении см.: И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря. СА, XXV, М., 1956, стр. 236 сл.; Т. М. Арсениев а. Поселение у дер. Ново-Отрадное. КСИА АН СССР, в. 86, 1961, стр. 661.

Археологическое исследование городов дает нам материал о состоянии в них ремесленного производства.

В наиболее крупных городах Боспора — в Пантикапее и Фанагории обнаружены большие керамические печи, свидетельствующие о существовании керамического производства³⁹. Выявлены следы деятельности местных металлургов, короoplastов, резчиков по кости и камню, ювелиров⁴⁰. Сведения о большом флоте, которым воспользовались готы, бораны и герулы для нападения на города восточного и южного берегов Черного моря, свидетельствуют о существовании ремесленников-судостроителей⁴¹. Склады амфор в Танаисе⁴², большие зернохранилища в Киммерике⁴³, комплексы рыбозасолочных ванн в Тиритаке⁴⁴, большие винодельни в Тиритаке, Пантикапее, Нимфее, Фанагории, Патрее, Кепях и других местах⁴⁵ свидетельствуют о производстве продуктов для продажи, т. е. о развитии торговли. Надписи купцов, сведения о существовании торговых кораблей, употребление в быту импортных товаров, большое количество монет в обращении среди населения подтверждают большое развитие товарно-денежных отношений. О существовании рабов и рабовладельцев свидетельствует манумиссия из Пантикапея⁴⁶.

Таким образом, археологические материалы показывают, что состав населения городов Боспора в III в. был очень разнообразен. Наряду с землевладельцами там жили рабы и вольноотпущенники, ремесленники, торговцы, купцы, чиновники и др. Внешний вид города, его архитектура, общественные здания и монументы существенно отличали его от античной деревни.

В I—III вв. в Северном и Западном Причерноморье и в придунайских провинциях Рима существовало несколько типов городов: старые греческие города на Черноморском побережье (Ольвия, Тира, Истрия, Томы, Каллатис и др.), города, основанные римлянами после превращения Придунайских территорий в римские провинции, — как, например, Аквинкум, Сармицетуга, Трофеум-Траяни, Никополис-ад-Иструм и др.; города, возникшие из канаб (торговых поселков вблизи лагерей), например, Дуросторум, Дробета, Напока, и старые туземные города, в состав населения которых после римского завоевания вошло много новых колонистов и ветеранов (например, Потаисса). В отличие от старых греческих городов римские города, основанные в первые века нашей эры, имели форму прямоугольника, напоминающего форму римского лагеря. Две главные улицы, пересекавшие город, перекрещивались в его центре. Вдоль улиц тянулись большие подземные каналы, перекрытые массивными каменными плитами. Иногда улицы были обрамлены колоннами. В городах было множество общественных зданий; многие из них имели мозаичные полы и гипocaustы. Интересны в этом отношении раскопки

³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—31 гг. ИГАИМК, в. 80, М.—Л., 1934.

⁴⁰ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 90; И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, № 56, М., 1957, стр. 173; И. Т. Кругликова. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, М., 1957, стр. 174 сл.; В. Д. Блаватский. О Боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. СА, XXIX—XXX, М., 1959, стр. 57; А. И. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 31; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. Сб. «Античные города...», стр. 350 сл.

⁴¹ В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле, стр. 45; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 450 и 447.

⁴² Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1956 г., стр. 78.

⁴³ Найдены три близкорасположенных зерновых ямы, глубина которых достигла 6,5 м, при диаметре дна 4,5 м. См.: И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика, стр. 134.

⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 33, 48, 57, 58 и др.

⁴⁵ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, М., 1958, стр. 363 сл.; М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 88; результаты раскопок Н. И. Сокольского в Кепях в 1960 г. еще не опубликованы.

⁴⁶ ИРЕ, II, № 54. В настоящее время датировка надписи, данная Латышевым, оспаривается; А. И. Болтунова относит ее ко времени правления Савромата I, т. е. к первой четверти II в. н. э.

Сармицегетузы—столицы римской Дакии⁴⁷. Город этот, основанный после завоевания Дакии, имел прямоугольную форму, приближающуюся к квадрату, и был обнесен каменной стеной. Внутри стены площадь города равнялась 32,4 га, но еще во II в. город распространился далеко за пределы стены. В центральной части города находились общественные постройки: здание, посвященное культу Августа, форум, украшенный мраморными монументами, святилища, термы. Вне стен находился каменный амфитеатр и множество святилищ различных богов. Это — типичный образец города, получившего от императора право колонии. В нем были роскошные постройки с мозаичными полами⁴⁸, много мраморных статуй, алтарей, постаментов, надписей. Вокруг города были расположены богатые загородные виллы. Город этот, как и большинство городов римской империи, процветал в эпоху Антонинов. Но свой внешний вид он сохранял и в течение III в., вплоть до оставления Дакии римлянами.

К подобному типу относился и Трофеум-Траяни, основанный Траяном вблизи монумента Адам-Клисси в Нижней Мезии. Он так же имел прямоугольную форму, был обнесен каменными стенами с четырьмя воротами; две главные улицы пересекали город в двух направлениях и перекрещивались в центре. Ворота имели по две выступающие башни. Кроме того, в оборонительных стенах имелись башни и бастионы⁴⁹. Посредине главной улицы проложен подземный водосточный канал, перекрытый большими каменными плитами. По обеим сторонам улицы шла колоннада.

Никополис-ад-Иструм, так же основанный Траяном в Мезии, принадлежит к тому же типу городов⁵⁰. Он также имел прямоугольную форму и был пересечен под прямым углом двумя главными улицами. В городе были форум, театр, бульваров и другие общественные постройки. Город был украшен статуями, жертвенниками, красивыми храмами и другими зданиями, изображения которых сохранились на его монетах. Эти города своей планировкой напоминали римские лагеря, а Сармицегетуза первоначально была построена как лагерь легиона. Города, выросшие из канабы, обычно не имели такой прямоугольной планировки, хотя богатством своей архитектуры они не уступали первым. Не было прямоугольной планировки и в греческих городах, расположенных у удобных бухт и хорошо использовавших рельеф местности. Они часто имели Гипподамову систему планировки: прямоугольные кварталы с наружной линией, подчиненной стратегическим планам, соответственно рельефу местности. В Северном Причерноморье такая система планировки была в Фанагории, Ольвии и Херсонесе.

Боспорские города по своему характеру приближались к греческим городам Западного Причерноморья и резко отличались от римских городов, основанных в Дунайских провинциях. Только Танаис, оборонительная система которого была построена во II в. н. э., своими очертаниями напоминал провинциальные города, основанные в эпоху империи.

Боспорские города первых веков нашей эры по своему архитектурному оформлению были гораздо беднее городов римских провинций. Впрочем, тенденции к богатому оформлению зданий были и на Боспоре⁵¹, но, по-видимому, возможностей здесь было меньше, так как несмотря на кратковременные периоды расцвета в первые века нашей эры городская культура Боспора неуклонно клонилась к упадку.

Боспорские города в III в. отличались от других греческих и римских городов

⁴⁷ И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 121.

⁴⁸ I. Vergiu. Mozaicurile romane din Apulum. «Acta Musei Regionalis Apulensis», Sibiu, 1961, s. 157.

⁴⁹ Gr. Tocilescu. Fouilles et recherches archeologiques en Roumanie. Bucarest, 1920, p. 72.

⁵⁰ Т. Д. Златковская. Мезия в I—II вв. н. э. М., 1951, стр. 100.

⁵¹ Маленький кусочек мозаики из черномраморных кубиков найден в Пантыкапее на раскопе Северный в 1955 г. Были там и здания, облицованные мраморными плитками, иногда цветными.

запада не только своей архитектурой и меньшей роскошью, но и строительными приемами, техникой кладки и применяемыми строительными материалами. Римские постройки III в. в Дунайских провинциях возводились большей частью в смешанной технике, из камня и кирпича на известковом растворе. В Риме и Остии во II—III вв. н. э. возводили главным образом кирпичные постройки. На Боспоре же преобладают каменные кладки из плохо обработанных камней и без раствора, а в районах, бедных камнем, — сырцовые кладки⁵². Кирпичи встречаются как редкое исключение. Так, например, кирпичная кладка частично была применена в термах Пантикапея⁵³.

К сожалению, города Боспора не раскопаны еще в должной мере. Лишь по отдельным находкам скульптур, надписей, деталей архитектуры, отдельным общественным зданиям, подвергавшимся раскопкам, мы можем восстановить внешний облик города.

Наиболее интересна в этом отношении столица Боспорского царства Пантикапей, которая была, вероятно, самым богатым и красивым городом Боспора. Из памятников, относящихся к позднеантичному времени, там были открыты термы, не менее девяти постаментов от статуй, изображавших богов, римских императоров, боспорских царей или представителей боспорской знати. Исследованиями В. Д. Блаватского установлено, что город, перестроенный на рубеже нашей эры и интенсивно застраиваемый в период второго расцвета Боспорского царства, сохранял свой внешний вид вплоть до середины III в. По-видимому, там сохранялись храмы (типа пятиколонного здания, посвященного Аспургу⁵⁴), постройки в честь Савромата I, храм Арея, реставрированный одним из Савроматов, святилища Кибелы и других божеств. Многочисленные обломки архитектурных деталей, цветных облицовочных плиток и скульптур⁵⁵, найденных в 1949 г. при раскопках на территории пантикапейского акрополя, свидетельствуют о богатом убранстве акрополя в I—II вв. н. э. Такой же вид акрополь, вероятно, сохранял и в III в. Упомянутые выше портретные статуи, а также статуи Кибелы (работы копииста II в.⁵⁶), Афродиты (копия I в. н. э.⁵⁷) или бородатого бога⁵⁸, вероятно, продолжали стоять и в III в. в своих святилищах на акрополе. Судя по сохранившимся надписям, в первой половине III в. н. э. в Пантикапее были сооружены статуи Афродиты Урании (IPE, II, № 28), императора Каракаллы (IPE, II, № 34), боспорских царей Рискупорида III и Рискупорида V (IPE, II, № 41, 42, 43, 44), представителей боспорской знати (IPE, II, № 249). Город продолжал украшаться согласно старым античным традициям.

Раскопки показали, что в первые века нашей эры общественный центр города — акрополь, где находились общественные постройки, храмы, различные учреждения, резко отличался своим архитектурным убранством от остальной части города. Это различие сохранялось и в III в. Жилая часть города в свою очередь распадалась на различные районы, где жили различные по своему имущественному положению слои

⁵² Сырцовые постройки встречаются главным образом на Таманском полуострове — в Фанагории, Кепах и др.

⁵³ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914, стр. 114.

⁵⁴ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 68—71.

⁵⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. РСИИМК, в. 37, М., 1937, стр. 22. М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 49, М., 1951, стр. 176, рис. 3; стр. 179, рис. 5.

⁵⁶ М. М. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», стр. 307, рис. 17.

⁵⁷ Н. М. Лосева. Голова Афродиты из раскопок Пантикапея в 1949 г. ВДИ, 1955, № 1, стр. 165; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея, стр. 225, рис. 74, 2.

⁵⁸ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 182, рис. 13; Н. М. Лосева. Три мраморные скульптуры из Пантикапея. «Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», М., 1960, стр. 5 сл.

населения (архитектура и внутреннее убранство домов богатых граждан, конечно, отличались от жилищ рядовых земледельцев и городской бедноты). Состояние археологического исследования Пантикапея, к сожалению, не позволяет нам еще характеризовать подробно эти районы. Но можно установить, что в районе раскопа Думберга 1896—1899 гг. на северо-восточном склоне горы Митридат находились наиболее богатые постройки — и общественные, и жилые. При раскопках здесь встречаются расписная штукатурка, гипсовые рельефные карнизы, обломки скульптур, мраморные облицовочные плитки, терракоты и пр. К сожалению, мы до сих пор не можем выяснить планировки жилых домов Пантикапея III в.

Раскопки вскрыли характерную для Пантикапея, как, впрочем, и для других греческих городов Причерноморья — террасную планировку, наличие водопроводов, водостоков, узких мощеных улиц и переулков. Кроме жилых строений, в городе имелись и производственные сооружения. Открыты гончарные мастерские, большие комплексы зерновых ям, винодельни и рыбозасолочные ванны⁵⁹. Крыши большинства городских построек были крыты черепицей.

В середине III в. Пантикапей переживает упадок. Некоторые его районы разрушаются. В последней четверти III в. город вновь обновляет свои постройки, реставрирует подпорные стены, но все это в очень небольших масштабах и гораздо худшего качества, чем в предшествующие столетия. На некоторых участках террасная планировка, сооружение которой требует больших работ, так и не была восстановлена. В слое III в. найдено много обломков статуй и архитектурных деталей, свидетельствующих о пожарах и разрушениях этого времени.

Упадок всех видов ремесел и торговли характерен для III в. и особенно для его второй половины. Из всех ремесел лишь горевтика продолжает успешно развиваться. Золотые и серебряные украшения, находимые в некрополе Пантикапея конца III и IV вв. н. э., свидетельствуют о том, что пантикапейские ювелиры, заимствовав приемы орнаментации у сарматов, успешно разработали новый стиль украшений, пользовавшихся большим спросом у окружающих племен. Продолжало существовать и керамическое ремесло, но в быту населения все большее место стала занимать лепная керамика, что находится в известной связи с сарматизацией города и с начавшимся процессом натурализации хозяйства.

Второй крупной город Боспорского царства — Фанагория, в археологическом отношении исследован еще меньше. Из надписей и отдельных находок известно существование в городе общественного центра — акрополя. Возможно, именно там и стояли статуи богов, царей и знатных граждан. О постановке этих статуй мы знаем из надписей II или III вв. н. э.⁶⁰ Известно о существовании во II в. п. э. в Фанагории храма Афродиты⁶¹, сохранившегося, вероятно, и в III в.

К сожалению, для характеристики Фанагории III в. н. э. у нас еще меньше материалов. Все расположенные ближе к современной поверхности кладки сохранились плохо, так как из них на протяжении многих веков выбирали дорогой в этих местах камень. В III в., как и в предшествующее время, основным строительным материалом для сооружения жилых зданий был, вероятно, саман. Камни клали лишь в основание стен; для покрытия крыш использовали черепицу. При сооружении печей, цистерн и вымостке полов применяли кирпич.

Из объектов, относящихся к III в., в процессе раскопок Фанагории были найдены остатки нескольких зданий, но план ни одного из них восстановить не удалось. В районе Керамика открыты керамические печи; в центральной части города расчищены остатки винодельни с двумя цистернами и примыкавшие к ней помещения;

⁵⁹ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 93; е го же. Материалы по истории Пантикапея, стр. 34 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи...

⁶⁰ ИРЕ, II, № 361.

⁶¹ ИРЕ, II, № 352.

интересно, что винодельня была построена на месте, где в предшествующее время находились богатые общественные сооружения ⁶². Каких-либо катастрофических разрушений города в течение III в. не заметно. Фанагория подверглась разрушению уже в конце IV в., но обеднение городской жизни, упадок ремесла и торговли проявляются здесь в течение III в. так же, как и в Пантикапее.

Есть все основания предполагать, что в III в., во всяком случае в первой его половине, процветающим городом была Горгиппия. Из надписи известно, что в конце II и в начале III в. там на средства фиаса навклеров был восстановлен храм Посейдона и поставлены его статуи ⁶³; к началу II в. относится сооружение Фарнакионом святилища Афродиты Судоначалницы ⁶⁴ и восстановление Савроматом I пришедших в упадок городских стен ⁶⁵, в 187 г. правителем Горгиппии Геродором была воздвигнута статуя его отца Неокла ⁶⁶, найденная в 1939 г. К началу III в. относятся надписи на пьедесталах еще двух статуй, вероятно портретных, поставленных знатными гражданами ⁶⁷. Все это свидетельствует о богатом архитектурном оформлении города в первые века нашей эры. Вместе с тем, нет никаких оснований предполагать, что облик города и особенно его общественного центра мог существенно измениться накануне III в. или в течение его. Вероятнее всего, и храмы, и статуи, и общественные сооружения продолжали существовать в течение всего времени существования античной Горгиппии, в том числе и в III в. К сожалению, городище Горгиппии совсем почти не исследовано. Все что было найдено, найдено случайно. Только за последние два года начались планомерные раскопки, но в очень ограниченных масштабах.

В 1960—1961 гг. были частично открыты два дома III в. н. э. с черепичными крышами, каменными стенами, сложенными на глине из плохо обработанных известняковых камней. Техника кладки стен аналогична применяемой строителями Илурата, Тиритаки и Семеновки. Один из домов имел внутренний дворик, вымощенный каменными плитами, и несколько помещений.

В 1960 г. в Горгиппии были обнаружены рыбозасолочные ванны I в. н. э., типа открытых в Тиритаке, а в 1961 г. — керамическая мастерская II в. до н. э. Вероятно, керамические мастерские существовали и в III в. н. э., так как в слоях III в. встречаются сосуды, сделанные из горгиппийской глины. Среди находок имеется головка небольшой мраморной статуэтки конца II или начала III в. н. э., нижняя часть другой статуэтки, куски мраморных архитектурных деталей. Все это подтверждает имеющиеся данные о богатом убранстве города во II и III вв. н. э.

Из малых городов Боспора предметы, свидетельствующие о богатстве города в III в. н. э., были найдены в Китее. Этот город на рубеже II и III вв. и в первой половине III в. переживал, по-видимому, период своего наивысшего расцвета. Его мощные оборонительные стены убергли его от разрушения в конце III в.; он продолжал существовать и в IV в. Своим богатством он обязан, вероятно, хлебной торговле. В 1918 г. у подножья акрополя этого городища был найден каменный храмовый стол с надписью о сооружении в 234 г. храма богу Гремящему с прилегающими к нему домом и оградой ⁶⁸. Здесь, у подножья акрополя и находился, наверное, этот

⁶² М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 88.

⁶³ ИАК, в. 37, 38; 2; С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, в. 104, Л., 1935, стр. 45 сл.

⁶⁴ ИАК, в. 23, СПб., 1907, стр. 46—47.

⁶⁵ Т. В. Блаватская. Строительная надпись из Горгиппии. ВДИ, 1951, № 2, стр. 117; А. И. Болтунова. Надписи Боспора. ВДИ, 1959, № 4, стр. 101.

⁶⁶ М. М. Кобылина. Скульптуры Боспора, стр. 172; Л. А. Ельницкий. Подпись под статуей из Анапы. ВДИ, 1949, № 4, стр. 132 сл.

⁶⁷ IPE, II, № 399; А. И. Болтунова. Подпись под статуей из Горгиппии. СА, XXVIII, М., 1958, стр. 110.

⁶⁸ Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, в. 104, М.—Л., 1934, стр. 60 сл.

храм, в котором стояли стол и мраморные часы обычного римского типа с высеченной полусферой и головой быка⁶⁹. За исключением некрополя и оборонительной стены города, сколько-нибудь серьезных археологических раскопок на городище Китсы не производилось⁷⁰.

Несмотря на мощную варварскую струю, влившуюся в состав населения городов Боспора в первые века нашей эры и оказавшую большое влияние на весь облик городской культуры, основные элементы внешнего облика городов продолжали сохраняться: территория города была окружена городской стеной, общественный центр города сохранял свое прежнее значение, ставились статуи наиболее уважаемым гражданам⁷¹ и царям, возводились богатые храмовые постройки, в них ставились статуи и жертвенники, наиболее важные события отмечались постановкой надписей, не говоря уже о сохранении античных традиций в сооружении жилищ, в погребальном культе, сохранении греческого языка и т. д. Все элементы, которые отличали античный город от античной деревни, продолжали сохраняться и в III в., но проявлялись значительно слабее. В городах стали редко встречаться произведения греческого художников, привезенные из метрополии, развивалось местное искусство, сильно варваризованное, грубела архитектура и ухудшалась строительная техника.

До сих пор мы не имели возможности характеризовать жилища городского населения. Только раскопки Тиритаки, Киммерика, Танаиса и Илурата позволяют судить о планировке жилищ и о быте жителей боспорских городов в III в. н. э., что дает нам возможность провести сравнение между условиями жизни в городах и в небольших сельских поселках этого времени. В Танаисе найдено большое количество надписей III в., в одной из них упоминается о восстановлении рыночной площади — агоры в 220 г.⁷², в трех надписях упоминается имя архитектора Аврелия Антонина, который, видимо, руководил работами по восстановлению городских укреплений и других общественных построек⁷³. Остальные надписи либо сообщают о восстановлении оборонительных сооружений⁷⁴, либо являются надписями религиозных коллегий⁷⁵. Надписей о возведении статуй в Танаисе пока найдено не было, и, думается, что это не случайно. Зато раскопки Танаиса, производившиеся в течение последних шести лет экспедицией под руководством Д. Б. Шелова, обнаружили большие комплексы жилых построек, товарные склады, оборонительные стены, остатки ремесленного производства, раскрыли особенности этого города. Одинаковая ориентация открытых в Танаисе зданий свидетельствует о единой планировке города в II—III вв., причем направление стен зданий в основном совпадает с ориентацией оборонительных стен⁷⁶. Стены домов сложены из плохо обработанных камней, без раствора. Черепица для покрытия крыш применялась редко. Для Танаиса характерны помещения с большими подвалами, глубина которых достигала трех метров. В этих подвалах хранились запасы товаров. Так, в одном из подвалов был найден склад амфор, число которых достигало 400; в других было по 100 и более однотипных амфор.

Находясь вдали от боспорских городов, Танаис являлся форпостом боспорского царства в богатом варварском районе; он был крупнейшим торжищем варваров и эта его особая роль наложила отпечаток на всю жизнь города. Она проявилась в

⁶⁹ Ю. Ю. М а р т и. Городища Боспорского царства к югу от Керчи, стр. 115.

⁷⁰ Ю. Ю. М а р т и. Раскопки Китсы в 1928 г. ИТОИАЭ, III, Симферополь, 1929, стр. 116.

⁷¹ Об этом обычае рассказывается в отрывке об истории Херсонеса, помещенной Константином Багрянородным в его сочинении «Об управлении государством», когда он говорит о почестях, которых удостоилась Гикия за спасение города (ИГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 43).

⁷² IPE, II, № 430.

⁷³ IPE, II, № 429, 433, 434.

⁷⁴ IPE, II, № 431, 432, 435.

⁷⁵ IPE, II, № 440, 441, 443, 445—456.

⁷⁶ Т. Н. К н и п о в и ч. Танаис, стр. 86—87; Д. В. Ш е л о в. Новые данные о древнем Танаисе, стр. 116.

большом значении варварского элемента в жизни города, в варварском облике городской культуры⁷⁷, в наличии множества погребов-складов амфор и запасов зерна. Вместе с тем, Танаис был не только торговым, но и ремесленным центром. Раскопками Хицунова там найдены гончарные печи; существовали и другие виды ремесел, например, ювелирное⁷⁸. В середине III в. Танаис подвергся разгрому, в результате которого жизнь в нем прекратилась до начала IV в. Некоторая стабилизация экономики Боспорского царства, наблюдавшаяся в последней четверти III в., Танаиса не коснулась.

Тиритака дает нам прекрасный образец небольшого боспорского промышленного городка. Раскопки, проводившиеся под руководством В. Ф. Гайдукевича, позволили выявить планировку этого укрепленного города. С севера на юг проходила улица; по обеим сторонам ее располагались жилые дома; позади них, и отчасти между ними, находились винодельни с давальными площадками и рыбозасолочные цистерны⁷⁹. Различная ориентировка стен зданий III в. свидетельствует, что единой планировки города в III в. не существовало. Дома не теснились один около другого, и внутри городских стен было достаточно места для производственных сооружений.

Богатых домов в Тиритаке не обнаружено; представители рабовладельческой верхушки боспорского общества предпочитали селиться в крупных городах.

В Киммерике, на западном склоне горы Опук, были раскрыты остатки трех зданий III в. По-видимому, это были жилые дома горожан среднего достатка⁸⁰. Был найден комплекс тщательно сделанных зерновых ям колоколовидной формы, глубина которых была 6,5 м, а диаметр дна 4,5 м. Такие большие запасы зерна в руках владельца усадьбы указывают на развитую торговлю хлебом. Там же найдена плита с надписью, свидетельствующей о существовании в III в. в Киммерике религиозных объединений⁸¹. Остатки домов найдены в слоях III в. при раскопках Нимфея⁸² Кея⁸³, Мирмекия⁸⁴ и других городов. Интересно, что в Мирмекии жилые дома первых веков нашей эры были построены на месте акрополя предшествующего времени. Это вполне согласуется с изменением характера поселения, на которое указывают античные авторы. Если в эпоху расцвета города в IV в. до н. э. Псевдо-Скилак называет его «полис» (πόλις), то в I в. н. э. Страбон именует Мирмекий «городком» (πολίχμου) и «селением» (κόμη)⁸⁵. По-видимому, наличие акрополя и богатых построек было присуще городам, в селениях же их не существовало.

Большой материал для характеристики жилищ построек выявили раскопки Илурата. Здесь, внутри мощных оборонительных стен, на площади около 25 тыс. кв. м, разместились тесно прилегающие друг к другу дома с внутренними мощными двориками. Длинные кварталы, застроенные домами, разделены улицами. Дома имеют различную планировку. Есть дома небольшие, состоящие из одного помещения и дворика перед ним; есть многокомнатные дома, где помещения располагаются по трем сторонам или вокруг внутреннего дворика. Планировка Илурата, его дома, приемы строительства, внутреннее устройство помещений и бытовой инвентарь, находимый в помещениях,— все это

⁷⁷ Т. Н. Клипович. Танаис, стр. 27.

⁷⁸ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса, стр. 126.

⁷⁹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 173.

⁸⁰ Предположение И. Б. Зеест, что одна из построек на Змеином холме являлась мукомольной мастерской (ЖСИИМК, в. XXXIII, стр. 96), опровергается находкой значительного количества домов аналогичного типа с таким же инвентарем и запасом зерна в Семеновке и Ново-Отрадном. Там нет никаких оснований для существования мукомольных мастерских. Да и сама И. Б. Зеест в статье «Жилые дома древнего Киммерика» (стр. 191) описывает этот же дом, который она ранее называла мукомольной мастерской.

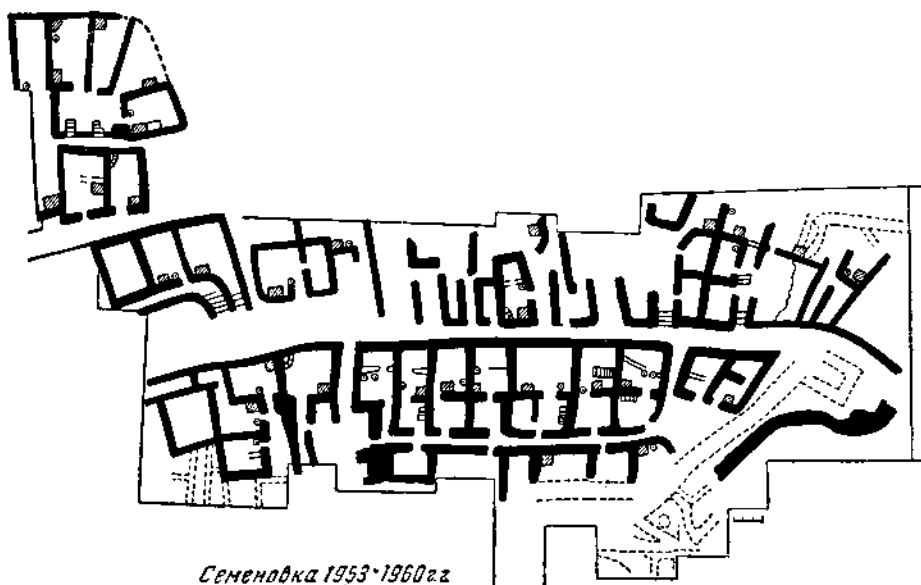
⁸¹ ИАК, в. 40, СПб., 1911, стр. 92, № 1.

⁸² М. М. Худяк. Нимфейская экспедиция 1939 г., стр. 147.

⁸³ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кеях в 1957 г., стр. 53.

⁸⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг., стр. 218.

⁸⁵ Страбон, VII, 4, 5; XI, 2, 6.

Семеновка 1953-1960гг
 Рис. 1. Схема планировки поселения у дер. Семеновки
 (пунктиром нанесены строительные остатки II в. до н. э.— I в. н. э.)

имеет прямые аналогии как в Тиритаке ⁸⁶, так и на поселении у дер. Семеновки (рис. 1). Планы домов центрального квартала поселения у дер. Семеновки аналогичны планам домов, открытых в Илурате на участке I — дом № 6 и на участке III — дом № 5 (рис. 2, 8 и 5) ⁸⁷. Правда, в Илурате в этих домах не было каменных лесенок, ведущих на второй этаж, но и на поселении у дер. Семеновки лесенки найдены только в трех домах из семи (рис. 2, 9). Такого же типа дома найдены на поселении в бухте у дер. Золотое (рис. 2, 7) и в Тиритаке ⁸⁸. Дома юго-западного квартала поселения у дер. Семеновки были большими по размерам, они имели по два и более помещений (рис. 2, 4). Аналогичные им дома есть в Илурате, например дом № 2 на участке I ⁸⁹. На северо-западном участке поселения у дер. Семеновки имеются дома, в которые вел полукруглый коридор, как и в Илурате на участке III ⁹⁰. Длинные проходы, соединявшие дома с улицей, имелись во многих домах северного квартала поселения у дер. Семеновки. Такой же узкий проход имеет дом, открытый в 1957 г. в Танаисе на раскопе II. Самый северный из раскрытых на поселении у дер. Семеновки домов (рис. 2, 6) своей планировкой напоминает дом № 4 на участке I в Илурате ⁹¹ (рис. 2, 1).

Бросается в глаза наличие в помещениях Тиритаки, Илурата, Семеновки, Ново-Отрадного и других поселений III в. н. э. одинаковых каменных закомов, печей одинаковой формы, стенки которых состоят из поставленных на ребра каменных плит, а верхняя глиняная плита опирается на центральный столбик. В углах некоторых из помещений поселения у дер. Семеновки и в Илурате имелись полукруглые каменные возвышения. Совершенно одинаково устройство лестниц, под которыми помещались каменные ящики с золой, и каменных столиков, под которые сыпалась зола. В помещениях с печами обычно находились и каменные ступы (иногда по две ступы

⁸⁶ Е. И. Левин и А. П. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», стр. 244.

⁸⁷ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 92, рис. 86; стр. 119, рис. 124.

⁸⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 43 и стр. 34.

⁸⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 47, рис. 33а.

⁹⁰ Там же, стр. 112, рис. 112.

⁹¹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 74, рис. 65а.

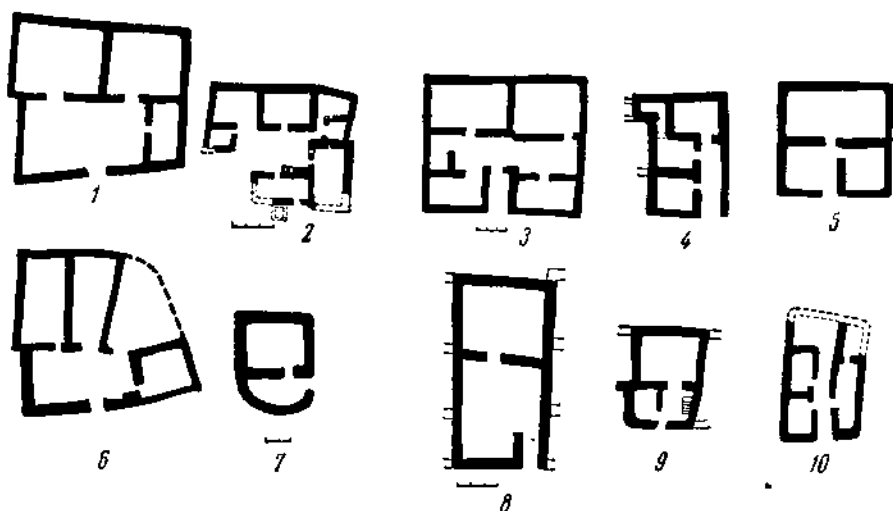

Рис. 2. Планы домов III в. н. э. в городах и поселениях Боспора:
1, 3, 5, 8 — Илурат, 2 — Тиритака; 4, 6, 9, 10 — Семеновка, 7 — Золотое (в бухте)

в одном помещении) и каменные прямоугольные зернотерки. В Киммерике⁸², Илурате⁸³, на поселениях у деревень Семеновки и Ново-Отрадного⁸⁴, везде найдены эти прямоугольной формы зернотерки из фиолетового или зеленого плотного камня; по определению геологов, это доломитизированный и кремнистый известняк, месторождения которого известны на южном берегу Крыма. Для Илурата и поселения у дер. Семеновки характерно также наличие каменных загоронок из поставленных на ребро плит, в верхней части которых проделано сквозное отверстие для привязывания скота⁸⁵. Такая загородка обычно отгораживала ту часть помещения, пол которой был вымощен каменными плитами. Интересно, что на поселениях у дер. Семеновки, так же как и в Тиритаке, в доме на участке V—VI, на камнях вымостки за такой загородкой были найдены камка и песок⁸⁶, служившие подстилкой для скота.

Дом-усадебка III—V вв. в Тиритаке, так же как и дома в Илурате и на поселении у дер. Семеновки, имел верхний этаж. И в Илурате, и на поселении у дер. Семеновки уровни полов помещений часто были углублены по сравнению с уровнем улицы или двориков. Большинство домов в городах и поселениях этого времени имели деревянные, земляные или соломенные крыши (Илурат, Танаис). В Семеновке, так же как и в поселениях у деревень Ново-Отрадное и Золотое (у бухты), не было встречено ни одного обломка черепицы. Крыши домов там были соломенными или земляными, судя по обилию золы и обгорелой глины.

Техника кладки стен домов III в. н. э. в Киммерике, Илурате, Тиритаке, Горгиппии, Нимфее, Танаисе была совершенно идентичной той, которая встречается в мелких сельских поселениях типа Семеновки, Ново-Отрадного и др. Стены сложены из плохо обработанных камней, пространство между которыми заполнялось мелкими камешками; камни крепились на земляном растворе; широко применялась подтепка скалы. В Семеновке так же, как и в Киммерике, широко применяли подпорные стены, к которым пристраивали помещения.

⁸² В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 139, рис. 61.

⁸³ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 125, рис. 132.

⁸⁴ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 240, рис. 3.

⁸⁵ И. Т. Кругликова. Поселения Европейского Боспора в III в. н. э. «Schriften der Sektion für Altertums Wissenschaft der DAdW zu Berlin», Т. 28. Berlin, 1961, tabl. 16, fig. 6.

⁸⁶ Т. Н. Княпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МПА, № 4, М.—Л., 1941, стр. 48.

Можно констатировать, таким образом, большое количество общих черт как в планировке и отделке, так и во внутреннем убранстве домов в поселках и небольших городах европейского Боспора в III в. н. э. Такое же большое сходство имеется и в характере бытового инвентаря этих городов и поселений.

На всех поселениях и в городах Боспора в слоях III в. н. э. встречаются однотипные каменные ступы и зернотерки, одинаковые типы красноглиняных и светлоглиняных амфор, простой и краснолаковой посуды, лещных сосудов, светильников, украшений и т. д. В Танаисе, Илурате и на поселении у дер. Семеновки найдены одинаковые железные косы. В Кепах и на поселении у Семеновки — идентичные наконечники железных плугов. В Илурате, Кепах и на поселении у Семеновки найдены одинаковые пиферные плитки⁹⁷, в последних двух пунктах были одинаковые педидки на трех ножках, костяные иглы для вязания сетей, орудия для обработки кожи⁹⁸. Однотипные терракоты в виде сидящей богини в высоком головном уборе⁹⁹, были найдены в Пантикапее, Фанагории, Илурате, на поселениях у деревень Золотое, Тасуново. Мы видим, таким образом, что уровень жизни и быта в мелких городах Боспора и в сельских поселениях в III в. н. э. почти не различался. По-видимому, так же жило и большинство средних слоев городского населения в крупных городах. Во всяком случае характер находок в некрополях возле деревень Кыз-Аул, Ново-Отрадное и Семеновки мало чем отличается от инвентаря погребений первых веков нашей эры из некрополей Пантикапея и Танаиса. Сходство быта свидетельствует, вероятно, и об одинаковом социальном положении жителей.

Приведенные материалы позволяют говорить, что к III в. н. э. в жизни городов Боспора произошли существенные изменения, связанные, вероятно, с изменением социальной основы жизни, с появлением новых социальных отношений. Сельское хозяйство вновь стало основным занятием городских жителей. Вместе с тем упадок ремесла и торговли уменьшили приток богатств в города, уменьшились и возможности поддержания чисто городской культуры.

Другой процесс происходил в сельских поселениях в течение первых веков нашей эры. Население было вынуждено, в силу неспокойного внешнего положения, селиться в укрепленных поселках. Скопление населения в одном пункте создавало возможности развития торговли, возникновения на месте некоторых видов ремесел, обслуживающих жителей данного поселка. Вот почему и в городах, и в поселках в III в. встречается довольно много монет и свинцовых галь (Танаис, Семеновка).

Своим внешним видом, внушительными укреплениями, планировкой сельское поселение стало походить на город, тогда как с упадком городской культуры и с обеднением населения, города теряли свой былой вид и сближались по своему характеру с сельским поселением. Процесс этот шел одновременно, и в III в. заметно изменил оба вида поселений.

Изменение общего облика боспорских городов в первые века нашей эры и особенно в III в. н. э. связано с изменением не только экономического уровня жизни, но и этнического состава жителей в городах.

В III в. резко увеличивается количество иранских имен в боспорских надписях. Из 215 имен из надписей Северного Причерноморья, которые Згуста считает именами с достоверно иранской основой, около 200 относятся к римскому времени¹⁰⁰. А из лиц, упомянутых в тех надписях, которые могут быть датированы более точно, 134 человека, носившие иранские имена, жили в III в., 49 человек — во II в. н. э. и 15 чел. в I в. н. э. Из 134 лиц, носивших иранские имена, 96 известны по надпи-

⁹⁷ В. Ф. Г а й д у к о в и ч. Илурат, стр. 53, рис. 41, 1.

⁹⁸ Там же, стр. 72, рис. 64; стр. 131, рис. 140; стр. 157, рис. 8; стр. 126, рис. 133.

⁹⁹ М. М. К о б е л и н а. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 161, табл. XXXVI, 1—2.

¹⁰⁰ L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

сям Танаиса, 20 — упоминаются в надписях из Пантикапея, 16 — из Ольвии. Число иранских имен намного превышает число имен фракийских. По последним данным И. Л. Руссу, в Северном Причерноморье имеется всего 103 фракийских имени, из них в городах Боспора III в. н. э. лишь 13, при этом пять из них не чисто фракийские, а, возможно, фрако-иранские¹⁰¹. Эгуста отмечает, что для Боспора характерны иранские имена поздней группы, которую он связывает с сарматской волной, а не ранней, которую можно связать со скифами. И. Руссу, в свою очередь, отмечает, что фракийские имена на Боспоре правильнее связывать с местными локальными группами, а не с проникновением фракийцев. Появление новой этнической группы населения проявляется и в изменении характера погребений — появляются земляные склепы, распространяются зеркала, погребения лошадей.

Увеличение числа иранских имен в надписях Боспора в III в. н. э. надо связать с увеличением роли сарматских элементов в жизни городов. Это согласуется с распространением на Боспоре так называемых загадочных знаков Северного Причерноморья. В последней работе, посвященной этим знакам, Э. И. Соломоник связывает их со скифо-сарматским населением¹⁰².

На горлах амфор III в. поселения близ Семеновки были процарапаны различные знаки сходного типа¹⁰³. Учитывая, что на одних амфорах процарапаны греческими буквами имена, например, ΑΤΤΙΑΣ, а на других стояли только знаки, можно предположить, что это знаки именные и означают принадлежность амфоры тому или иному лицу. Такие знаки были на известняковой плите из Илурата¹⁰⁴. В Мысовке найдено грузило с именем САΚΤΑΣ¹⁰⁵, в основе которого иранское слово — sag, что значит олень¹⁰⁶. Мы можем констатировать, таким образом, проникновение сарматских элементов в одинаковой степени как в города, так и в сельские поселения.

Подводя итоги, можно сказать, что в III в. н. э. наиболее крупные города Боспора продолжали сохранять старые традиции античной городской культуры; заметно стремление подражать античным городам римских провинций, главным образом старым греческим городам. Продолжали воздвигать статуи, украшать акрополь, сооружали общественные здания. В первой половине III в. н. э. отдельные города Боспора сохраняли свои характерные особенности. Так, например, Танаис продолжал сохранять свою роль торгового центра, обслуживающего варварскую периферию, Тиритака — свой ярко выраженный промышленно-хозяйственный облик; Пантикапей и Фанагория продолжали оставаться центрами ремесла и торговли, хотя в течение III в. они заметно рустифицировались; Китей и Киммерик оставались центрами хлебной торговли. В течение первой половины III в. еще продолжалась оживленная городская жизнь, но после потрясений середины III в. не все города смогли оправиться. В Танаисе и многих мелких городах европейской части Боспора временно или окончательно прекращается жизнь. Азиатская часть Боспора, по-видимому, не была затронута этой катастрофой. Но общий упадок экономики, сокращение торговли, изменение социально-экономической основы жизни, упадок городской жизни — все это одинаково затронуло обе части боспорского государства. В течение первых веков нашей эры и особенно в III в. происходят глубокие изменения как в жизни города, так и в жизни деревни и постепенно стирается контраст между ними, хотя полностью он и не исчезает. Уровень жизни рядовых горожан почти не отличается от уровня жизни обитателей укрепленного сельского поселения. Мало различается и их быт.

¹⁰¹ I. L. R u s s u. Elementi traco-getice in Scita si Bospurul Cimmerician. SCIV, 1958, 2, str. 303.

¹⁰² Э. И. С о л о м о н и к. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 18 сл.

¹⁰³ И. Т. К р у г л и к о в а. Сарматские знаки на амфорах из поселений у дер. Семновки. КСИА АН СССР, в. 89, М., 1961.

¹⁰⁴ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 103, рис. 101.

¹⁰⁵ И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения Боспора..., стр. 254, рис. 11.

¹⁰⁶ В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 179.

КУЛЬТУРА ФАНАГОРИИ ДОСАРМАТСКОГО ПЕРИОДА

анная статья посвящена некоторым вопросам культуры Фанагории по материалам экспедиционных исследований последних лет и отчасти по старым находкам, которым в настоящее время можно дать новое освещение.

Экспедиция 1960 г. производила раскопки не только городища, как в 1959 г., но и фанагорийских курганов, находившихся на территории, прилегающей с юга к пос. Сенной. Кроме того, подводная экспедиция В. Д. Блаватского в 1958 г. произвела разведочные работы, а в 1959 — раскопки затопленной морем северной части фанагорийского городища. Итоги этих больших работ совпадают с юбилеем Фанагории: со времени основания города — около 540 г. до н. э. — прошло две тысячи пятьсот лет.

В процессе развития культуры Фанагории можно выделить три основных периода: первый период — культура древнейшей Фанагории VI — начала V вв. до н. э., второй период — культура Фанагории, создавшаяся в период ее расцвета как крупного города Боспорского государства времени Спартокидов; третий период — культура Фанагории времени сарматизации первых веков нашей эры.

Подводные раскопки 1959 г. подтвердили предположение, что площадь, которую занимала Фанагория в древнейший период, была невелика. Она располагалась вдоль берега Таманского залива на 500—600 м (с запада на восток), как уже сообщалось ранее¹. Данные раскопок, произведенных подводной экспедицией 1959 г., показали, что архаический город был расположен не на самом берегу, а несколько отступя от древнего берега залива². Возможно, что древнейший город занимал только нижнее плато, так как архаический слой на участках, лежащих выше, пока не обнаружен.

Фанагория была основана теосцами, бежавшими из своего города после разгрома его персами. Евстафий называет основателем Фанагории теосца Фанагора, бежавшего от насилий персов³. Дионисий сообщает, что в Фанагории живут выходцы из ионийской земли⁴.

Все архаические находки в Фанагории имеют черты, свойственные ионийской культуре. Так например, характерна ионийская расписная керамика с орнаментом в виде темных пурпуровых и белых полос, колец и волны, широко распространенная по всему ионийскому миру.

¹ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, М., 1956, стр. 13.

² В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 277—279, рис. 1.

³ E u s t a t h. Ad Dionys., 549.

⁴ D i o n y s. Perieges., vv. 549—553.

Уже приходилось отмечать самосские и родосские типы архаических терракот в Фанагории и сохранение ионийских типов в первых произведениях местной коропластики. Очень хороший образец архаической протомы был найден в 1959 г. на Центральном раскопе. Это головка в стефане с лицом ионийского типа — косо поставленными глазами с тонко очерченными рельефными веками и улыбающимся ртом (рис. 1). В 1955 г. на береговом раскопе был найден другой очень выразительный образчик архаической ионийской протомы больших размеров с удивительно мягкой моделировкой лица.

Рис. 1. Фрагмент архаической протомы. Терракота

Исследование одной из находок приводит к заключению, что в архаической Фанагории были элементы не только ионийской, но и эолийской культуры⁵. Это обломок терракотовой плиты с рельефным изображением симпосиона (рис. 2). Большое сходство по стилю и технике исполнения можно наблюдать в терракотовом фризе, относящемся к маленькому святилищу VI в. до н. э., раскопанному в эолийской Ларисе в Малой Азии⁶.

На той части фриза, где был представлен симпосион, изображены две возлежащие на ложе мужские фигуры с ритонами в руках. Манера передачи складок гиматия графически, по три и больше, параллельными или слегка расходящимися линиями такова же, как и на фанагорийской плите, одинаковы и изображения кисти правой руки — в фас, четыре пальца вместе, большой отодвинут в сторону; сходно и изображение верхней части ложа. Схематичность передачи складок одежды, как и на фанагорийской плите, сочетается с необычайно мягкой передачей поверхности обнаженного тела.

Сходные черты этих двух памятников определяют дату фанагорийского рельефа. Фриз из Ларисы датируется 560—540 гг. до н. э. Фанагорийская плита могла относиться к маленькому сооружению, может быть типа героона, воздвигнутому около 540 г., т. е. вскоре после основания города; она могла составлять часть фриза, высотой до 0,3 м. Высота фриза из Ларисы — 0,4 м. Фанагорийский фрагмент был найден на холме, примыкавшем к центральной части плато; на этом холме архаического слоя не было: прямо на материке лежал слой V в. до н. э. Возможно, что обломок этот попал сюда из лежавшего где-то поблизости архаического погребального сооружения или святилища.

Великолепный памятник ионийской скульптуры был открыт экспедицией 1959 г. среди камней развала средневековой кладки. Правда, сохранился только фрагмент, но он дает возможность судить и о типе памятника, и о времени его изготовления, и о художественной школе, которая его создала. Исследование

Рис. 2. Обломок плиты с изображением симпосиона. Терракота

⁵ М. М. Кобылина. Черты эолийской культуры в древней Фанагории. СА, 1961, № 4, стр. 272, рис. 1.

⁶ L. Kjellberg. Larisa am Hermos, II. «Die architektonischen Terrakotten». Stockholm, 1940, Tabl. 20, 21, 22, 23, 27.

этого фрагмента⁷ приводит к заключению, что он является частью узкой и высокой плиты (рис. 3) с рельефным изображением мужской фигуры в коротком плаще, стоящей в профиль вправо, выдвинув вперед левую ногу, и входит в круг тех votивных и надгробных мраморных рельефных стел, которыми так славились ионийские мастерские конца VI и первой половины V в. до н. э.⁸

Архаичность исполнения складок гиматия, тесное размещение фигуры в узком пространстве плиты и сопоставления с другими сходными по стилю памятниками дают основание датировать фанагорийскую стелу началом V в. до н. э., а мастерство обработки мрамора, необычайная мягкость исполнения складок одежды указывают, что стела скорее всего вышла из ионийских мастерских, возможно даже привезена с Хиоса. Об оживленных отношениях с Хиосом свидетельствуют находки хиосских амфор как на городище, так и в некрополе Фанагории.

Фанагорийский фрагмент является первым памятником ионийской монументальной скульптуры в Фанагории в ранний период ее существования. Такой роскошный памятник — об этом говорит и материал мрамора и прекрасное исполнение, и размеры плиты (выше 2 м) — мог быть поставлен только какому-нибудь особенно знатному и почитаемому гражданину полиса.

Новые находки все полнее раскрывают в культуре древнейшей Фанагории ионийские черты, перенесенные, очевидно, ионийскими переселенцами и поддерживавшиеся благодаря торговым связям с городами Ионии как островной, так и малоазийской.

Уже в этот древний период культура города начинает развиваться по своему особому пути, который определяется всем комплексом социально-экономической жизни города. Так, с самого начала здесь утверждается культ женского божества и особенно Деметры как богини земледелия. Развитие культа женского божества в Фанагории объясняется тем, что этот культ был связан с древним культом богини плодородия у местных племен Таманского полуострова.

Фанагория времени экономического расцвета (с конца V по II в. до н. э.) представляла собой крупный торговый и ремесленный город Боспорского государства. Город достиг в это время наибольших размеров. Исследования подводной экспедиции 1958 и 1959 гг. установили общие размеры города — 50 га, а не 35, как считалось раньше. Значительная часть города этого времени находится сейчас под водой. Подводные раскопки В. Д. Блаватского в 1959 г. на северном краю городища обнаружили слой IV—III вв. до н. э.⁹

Систематические раскопки юго-восточного района городища показали, что культурный слой IV в. до н. э. простирается до юго-восточного конца городища. Здесь в 1960 г. были исследованы два близлежащие холма, отрезанные дорогами от городища, и в них открыты культурные слои IV в. до н. э., лежащие непосредственно на материке.

В 1959—1960 г. в этой части городища под керамической свалкой IV и III вв. до н. э. были обнаружены остатки каменной подошвы совершенно разрушенной крепостной стены, очевидно, раннего крепостного сооружения, возможно, еще V в. до н. э. Это были большие плоские глыбы песчаника разных размеров, одна из них выворочена и стоит наискось, щебенка и отдельные камни лежат сплошной массой шириной в 4 м. Эти остатки прослеживаются на длину 16 м. К этому раннему укреплению, очевидно, относится и проезд ворот, обнаруженный раскопками 1954 г. Сохранились две стоящие на ребре плиты порога со следами трения колес; ширина проезда — 2,55 м. От самих ворот сохранились лишь два камня по сторонам проезда. Над проездом лежала вымостка IV в. до н. э. Работами 1960 г. датировка проезда была проверена и подтверждена.

⁷ М. М. К о б ы л и н а. Древняя стела из Фанагории. «Доклады и сообщения кафедры археологии МГУ». М., 1962, стр. 131.

⁸ А. D i e r o l d e r. Die attischen Grabreliefs. Berlin, 1937, S. 7.

⁹ В. Д. Б л а в а т с к и й. Подводные раскопки..., стр. 279, рис. 3.

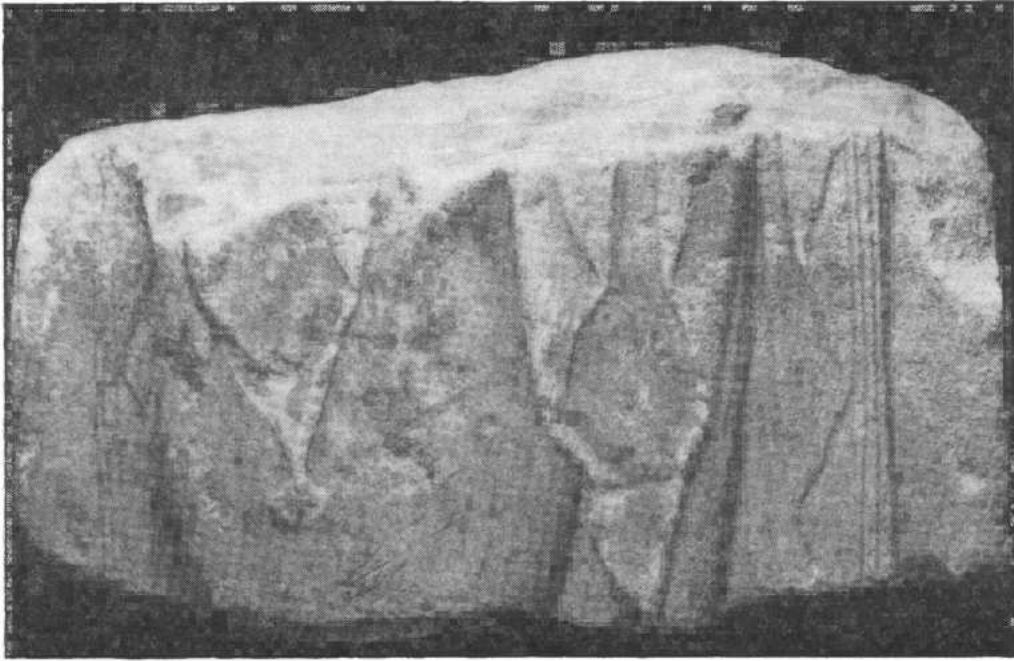

Рис. 3. Часть рельефной плиты начала V в. до н. э. Мрамор

В IV в. до н. э. здесь этого укрепления уже не было. Можно думать, что когда Фанагория и окружающие ее племена вошли в состав Боспорского царства, в укреплениях, обращенных к степи, уже не было необходимости.

Как уже указывалось, над строительными остатками крепостных сооружений расположена огромная свалка; нижний горизонт ее содержит фрагменты керамики V—IV вв., верхний — IV—III вв. до н. э. В 1960 г. она была прослежена на протяжении 24 м с севера на юг и на 12 м с востока на запад; она еще продолжается под нераскопанным грунтом. Свалка залегает неравномерно, наибольшая толщина достигает до одного метра.

И только, по-видимому, в конце III, может быть во II вв. до н. э., в трудное для Боспора время, здесь опять сооружается мощная крепостная стена, от которой до нас дошла уже известная нам подошва синдской кладки и огромные глыбы известняка, местами сохранившиеся от фундамента (раскопки 1953—1955 гг.). Подошва этой стены лежит частично на упомянутой свалке (рис 4).

Фанагория в рассматриваемый ранний период имела широкие культурные связи с городами Средиземноморья, территорией Таманского полуострова и Пантикапеем.

Культура Фанагории этого периода, в противоположность культуре древнейшего периода, создается на месте эллинским и эллинизованным населением города. Увеличение населения Фанагории, самый рост города в это время шли прежде всего за счет впитывания городом окружающего населения синдгов и меотов. Раскопки синдских поселений показали, что даже в сельских поселениях синдское население было сильно эллинизовано ¹⁰.

¹⁰ В. Д. Блаватский. Первый год работы Синдской экспедиции. КСИИМК, в. X. М., 1952, стр. 71; его же. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 37—38.

Эллинский характер культуры города виден прежде всего в городском строительстве — планировке города, типах сооружений, ордерной системе, строительной технике и декоре зданий.¹¹

Судя по вскрытым строительным остаткам античной Фанагории, она с самого начала, с VI в. до н. э., имела правильную планировку улиц, пересекающихся под прямым углом, наиболее рациональную и удобную при быстром росте города. В городе были акрополь, храмы, агора, гавань, театр и, очевидно, общественные здания типа открытого в 1936—1938 гг. Находки свидетельствуют, что стены жилых домов делались из сырца на каменном основании, стены общественных зданий — из хорошо отесанных квадров известняка, гладких или с рустом, сложенных насухо и скрепленных пиронами. Находки частей колонн, капителей и стволов различного диаметра от очень маленьких до монументальных, а также каменных настилов со следами стоявших на них колонн говорят о широком применении ордерной системы как ионийского, так и дорийского ордера, о портиках и перистильных дворах домов и общественных зданий. В 1954 г. была найдена ионийская угловая капитель из известняка тончайшей работы IV в. до н. э., на ее выпуклом глазке сохранилась розовая краска; здесь же были открыты куски архитектурного орнамента в виде полосы ов. В 1959 г. Г. И. Гунькин нашел в пос. Сенной среди камней большую дорийскую капитель (известняк) IV в. до н. э. Крыши домов и общественных зданий покрывались черепицей, найдены также обломки каменных калиптеров, очевидно, принадлежавших каким-то общественным зданиям. Черепица — чаще всего фанагорийская, пантикапейская и синопская обычной формы, но на береговом раскопе 1955 г. в слоях V—IV вв. до н. э. было обнаружено значительное количество черепицы из фанагорийской глины лагонского типа.

Отделка внутренних помещений, там, где она сохранилась, сходна с отделкой зданий в городах островной и малоазиатской Греции; так, известная расписная штукатурка здания II в. до н. э. (северный раскоп) вполне по технике и стилю аналогична делосской.

В строительной технике есть, однако, и черты местного своеобразия, некоторые из них объясняются традициями населения, другие — необходимостью, обусловленной грунтом и наличием определенных строительных материалов.

Напомним, что подошва крепостной стены в юго-восточной части Фанагории такова же, как и кладка крепостной стены, открытая в синдском поселении. Она состоит из больших плоских камней, почти необработанных, поставленных на ребро, с небольшим наклоном острыми ребрами вверх (рис. 4).

Для выравнивания местности при сооружении зданий или монументальных стен в Фанагории широко применялись субструкции. В этом отношении Фанагория сходна с Ольвией. Наиболее массивная и сложная субструкция была открыта на краю холма в центральной части города в 1948—1949 гг. Эта субструкция (толщиной 2 м) состоит из чередующихся слоев песка, золы и битой керамики, она обладает исключительной прочностью. Широко применялись также песчаные подстилки, чередующиеся песчаные и из фрагментов керамики, а также из глины и песка (например, под вымосткой в слое V в. до н. э. была обнаружена субструкция из слоя песка толщиной 0,3 м и глины толщиной 0,7 м)¹¹. Подошва древней стены в юго-восточной части Фанагории, о которой шла речь выше, лежит на насыпи из песка разной толщины, насыпанной на материк, очевидно для выравнивания почвы.

Раскопки последних лет дали новые материалы не только о городском строительстве, но и о культуре и об искусстве Фанагории в период ее расцвета в IV—II вв. до н. э.

¹¹ Н. В. Пятшнев. Отчет о раскопках в Фанагории в 1939 г. «Труды ГИМ», в. 37, 1960, стр. 115.

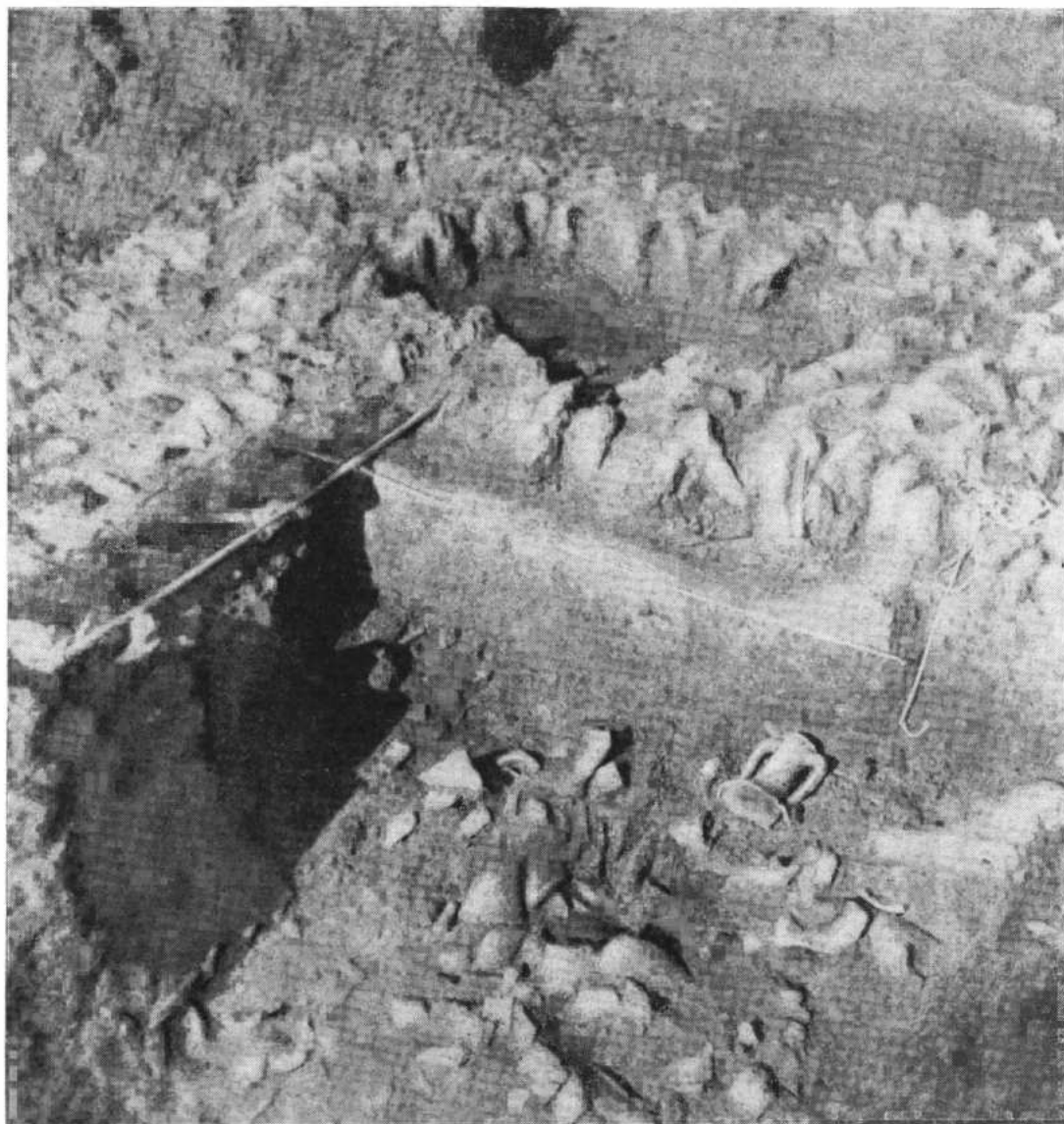

Рис. 4. Каменное основание крепостной стены Фанагории III—II вв. до н. э. Деталь

Как изображения, так и надписи на постаментах не дошедших до нас посвященных статуй свидетельствуют о том, что и в этот период в Фанагории доминируют культы женских божеств — Деметры, Артемиды, Астарты, Кибелы, особенно же Афродиты-Урании, владычицы Апатура, имевшей в Фанагории прославленное святилище¹². На монетах первых веков нашей эры изображена статуя этой богини¹³. Богиня представлена в хитоне и гиматии, в высоком головном уборе, сидящей на

¹² ИРЕ, II, 343, 347.

¹³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLVIII, 12.

тропе. Поэтому предположительно мы связали с культом Афродиты-Урании серию терракот, открытых в 1947 г. На фанагорийском городище были найдены терракотовые миниатюрные изображения голубя с дырочками для подвешивания (как известно, голубь был посвящен Афродите).

Уже в течение нескольких лет на Майской горе (ранее называвшейся Блевака), вблизи ее вершины находили множество фрагментов терракотовых протом с изображением женского лица в высоком головном уборе, аналогичном изображениям Деметры и Персефоны. Предпринятые здесь Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина раскопки под руководством И. Д. Марченко обнаружили не только сотни таких же протом V—III вв. до н. э., но и фундамент монументального здания, возможно, святилища. Дальнейшее раскрытие этого здания, вероятно, определит его тип и его связь с находками терракот. Однако уже теперь можно предположить, что оно имело культовое назначение и было связано с культом жепского божества. Сооружение святилища за пределами города весьма характерно для греческих и эллинистических городов.

Черты своеобразия фанагорийской культуры этого времени ярче всего выступают в погребальном обряде — в пышности обряда погребения фанагорийской знати, сооружениях больших курганов с каменными и земляными склепами, в богатых признаках, кровавых жертвоприношениях. Общегреческий обряд погребения и некоторые местные детали грунтовых некрополей Фанагории достаточно полно освещены в сборнике МИА, № 57.

Раскопки курганов в 1960 г. дали возможность более детально ознакомиться с особенностями погребального обряда в курганах. Всего раскопано 15 курганов довольно больших размеров (от 30 до 40 м в диаметре и от 2 до 4 м высотой).

Все эти курганы были сильно повреждены траншеями и блиндажами военного времени, выборкой земли для стройки, грабительскими минами раннего времени; центральная часть курганов представляла собой глубокие ямы старых раскопов, проходивших обычно поперек курганов в поисках погребения.

Раскопки 1960 г. обнаружили лишь следы или же незначительные остатки центральных погребений, но дали интереснейший материал по деталям погребального обряда в основном IV—III вв. до н. э.

Судя по сохранившимся остаткам, центральные погребальные сооружения в этой части курганного некрополя были весьма разнообразны. В кургане №10 И. Д. Марченко удалось проследить яму разграбленного земляного склепа, судя по обломкам амфор, IV—III вв. до н. э. В кургане № 15 В. Забелной были обнаружены следы выборки камня в яме, вырытой в материке, свидетельствующие о разрушении каменного склепа. Золотой медальон с изображением головы Медузы является единственной находкой, отражающей богатства разграбленного погребения. Каменный настил пола склепа был раскопан в кургане № 11 Н. И. Сокольским.

Новый вариант центрального погребального сооружения был выявлен Е. Г. Кастанаян в кургане № 13 (погребение № 1). Это был каменный ящик с труположением, сооруженный на месте жертвенного костра. В результате исследования Е. Г. Кастанаян установила следующее: на ритуальном костре было совершено жертвоприношение в честь умершего, место костра было выложено сырцом и огорожено сырцовыми кирпичами; после затухания костра был сооружен каменный ящик, но без дна, труп был уложен прямо на горелый грунт. От погребения сохранился только костяк. Рядом было исследовано аналогичное погребение № 21. Заслуживает внимания самый ящик: стенки его были сложены из хорошо отесанных плит с гладко стесанным рантом по той стороне плиты, которая примыкает к соседней плите, как это наблюдалось в греческой технике кладки; на его длинных сторонах были тщательно сделаны две ниши, па узкой — одна ниша; над нишами следы коפותи от стоявших в них когда-то светильников. Этот каменный ящик как бы воспроизводил каменный склеп (рис. 5).

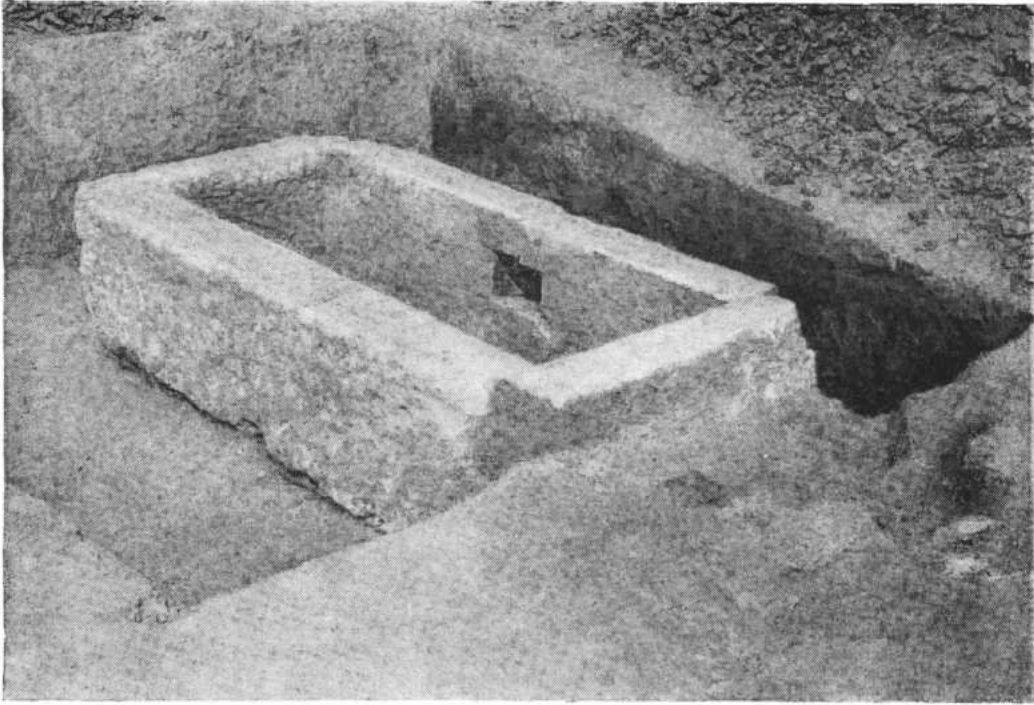

Рис. 5. Каменный ящик в кургане № 13

Рядом с этими могилами были раскопаны еще два каменных ящика, но уже не с труположением, а с остатками кремации: погребение № 3 представляет собой такой же каменный ящик с тремя нишами, как и № 2, но воздвигнутый на жженом точке, где происходило сожжение трупа; сохранившиеся следы дерева и бронзовые гвоздики показывают, что покойник был сожжен в деревянном гробу; каменный ящик погребения № 4 также сооружен на жженом точке, но углублен в горелый грунт с большим количеством золы, древесного угля и обломков керамики; здесь обряд погребения сопровождался тризной.

В соседнем кургане № 10 (исследован Г. И. Соколовым) также был обнаружен каменный ящик с остатками произведенного там трупосожжения (III в. до н. э.), но этот ящик имел другую форму — скорее антропoidную, с более широкой головной частью, сужающуюся к ногам, и был сооружен из плит вторичного использования. Ящик был обложен кусками горелого сырца, как и ящики в кургане № 13.

В пос. Сенная, в кургане № 1, разрушенном местными жителями и строительством, были найдены остатки кремации и сопровождавшей этот обряд тризны; в погребении № 2 в центре круглой ямы диаметром 1,4 м, глубиной 0,8 м на подстилке из глины лежала амфора V в. до н. э., наполненная остатками трупосожжения; ее горло было замазано глиной. Яма заполнена золистым грунтом с обломками битой посуды.

Более обычный вариант обряда кремации представляет собой погребение № 3 в кургане № 10 — погребение праха в урне (в виде кувшина) III в. до н. э., поставленной в небольшую яму; среди пережженных костей в урне обнаружен железный стригиль. Очевидно, это было погребение палестрита.

Рис. 6. Чаша из кургана № 15

¹ Почти в каждом кургане были раскопаны остатки одной или нескольких тризн. Они различны по своим размерам и составу керамики. Места тризн представляют собой площадки жженого грунта (в больших тризнах довольно толстого; например, в кургане № 13 — толщиной до 0,6 м). и в нем скопления битой посуды и костей животных, птиц и рыб; характерны определенные типы сосудов, употреблявшихся при тризнах: кубки и чаши для вина, амфоры (хиосские, гераклейские, фасосские), рыбные блюда и плоские тарелочки различных размеров. Среди обломков простой посуды фанагорийского производства много привозной чернолаковой. На месте самой богатой тризны (в кургане № 13) имеются также фрагменты краснофигурной пелики, IV в. до н. э., с позолотой, сетчатого арибаллического лекифа, краснофигурного лекифа, гутта и лутериев; в двух других случаях были найдены статуэтки сидящей богини; в кургане № 15 — много обломков чернолаковой керамики, среди них кубок с росписью гнафия и надписью [Y]ΠΙϚ — имя богини здоровья; очевидно, оно означало пожелание здоровья пьющему из кубка (рис. 6).

Материалы местной керамики, употреблявшейся при тризне, которые хорошо датируются чернолаковой посудой, очень ценны и для изучения фанагорийского гончарного ремесла; на двух тарелках имеется клеймо мастера, нанесенное рельефными буквами АФР. Заслуживают внимания и надгробные памятники. В кургане № 10 около ограбленного земляного склепа был найден ряд вещей IV—III вв. до н. э. и группа надгробных памятников, представляющих вместе яркую картину смешения греческих и местных типов — массивная плита с фронтообразным завершением и с греческой надписью IV в. до н. э., надгробная плита в виде столба, завершающаяся объемным изображением граната, и антропоморфное надгробие. В кургане № 3 было найдено несколько эсхар, связанных с обрядом кровавого жертвоприношения. Рядом с этими боспорскими чертами погребального обряда в Фана-

гории сохранились такие чисто греческие черты, как культ героя. На холме, к западу от городища, в 1938 г. было раскрыто обнесенное оградой пространство, пол внутри ограды был покрыт белой штукатуркой; легкие стены ограды (от которой осталось лишь каменное основание) были покрыты когда-то расписной полихромной штукатуркой, теперь лежавшей на полу; тут же была найдена ножка жертвенного стола. Здание было определено В. Д. Блаватским, как героон¹⁴.

Сооружение было посвящено неизвестному нам фанагорийцу, прославленному подвигами во славу родного города и народа. Это сооружение могло быть также воздвигнуто представителю знатного рода, почитавшемуся в качестве покровителя семьи и рода¹⁵.

Яркое представление о культуре города этого времени дают материалы упомянутых керамических свалок, раскопанных в 1959—1960 гг. и ранее. Простая тонкостенная керамика массового производства повторяет греческие формы ойнохой, одноручных сосудов, лекан, канфаров, чаш, тарелочек, рыбных блюд, лутериев и пр.

Масса чернолаковой и краснофигурной посуды, а также клеймы на ручках амфор свидетельствуют о торговых связях с городами островной и малоазийской Греции (Гераклея, Книд, Хиос, Фасос, Родос и др.), Пантикапеем (черепица, терракоты), а также Херсонесом (фрагменты амфор).

Нельзя не отметить ввоз тонких произведений искусства из Афин и Малой Азии. Напомним известные фигурные сосуды и мраморный акротерий. В 1955 г. была найдена малоазийская, вероятно смирнская, статуэтка, являющаяся миниатюрным повторением известной статуи пьяной старухи в Смирне. Эта находка является уникальным памятником, имеющим значение не только для характеристики культуры Фанагории, но и для истории античного искусства вообще. Она скорее может быть сопоставлена со статуей в Смирне, чем фигурный сосуд в Афинах, и подтверждает эллинистическую дату этой статуи¹⁶ (рис. 7).

В местном производстве терракот этого периода создаются варианты общегреческих типов и лишь в конце периода, во II в. до н. э., появляются новые сюжеты, связанные с начавшейся сарматизацией Боспора. Вместе с тем следует отметить оригинальные варианты общегреческих типов, своеобразные технические приемы и определенные черты талантливых мастеров. Высокое мастерство фанагорийских

Рис. 7. Статуэтка пьяной старухи. Терракота

¹⁴ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 194—196, рис. 5, 1—2.

¹⁵ М. И. Ростовцев. Декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 60.

¹⁶ М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 122—125, табл. XXIV—XXV.

Рис. 8. Статуя орла. Мрамор

По всей вероятности с культом Зевса связана мраморная статуя орла, хранящаяся в Керченском музее (рис. 8). Архивные данные говорят о том, что она была найдена на городище Фанагории²¹. Статуя высотой 0,77 м изображает орла, сидящего полураскрыв крылья, держащего в когтях молнию; она явно греческой работы. Из Фанагории известно несколько надгробных памятников великолепной греческой работы этого периода. Один из них — мраморный акротерий, полностью повторяющий афинские²², другой — горельефная мраморная плита, на которой сохранилась

коропlastов видно и в изготовлении крупных фигур в нескольких формах; об этом свидетельствует обломок женского торса с Майской горы.

Наряду с развитой коропластикой следует отметить и развитие декоративной живописи. Одним из видов этого мастерства являются расписные (так называемые полихромные вазы). Среди многочисленных расписных ваз, почти утративших роспись, хорошо сохранившаяся роспись пелики с амазонками представляет весьма оригинальную трактовку этого греческого сюжета¹⁷. Как и в Пантикапее, в Фанагории широко применялась роспись стен.

Сравнительно с греческими городами, в Фанагории было мало находок памятников скульптуры. Надписи на сохранившихся постаментах статуй свидетельствуют о том, что это были преимущественно изображения правителей Боспора или статуй богов, воздвигнутые правителями Боспора и Фанагории, жрецами и лицами, занимавшими высокие должности. Например, надпись на базе статуи, сделанная при царе Перисаде, говорит о том, что статуя была посвящена богу Аполлону агонифетом Местором — сыном Иппосфена¹⁸. Агонифет был государственным лицом, ведавшим организацией состязаний.

Известно посвящение Теофила — сына Санха, жреца, жившего при Спартоке — Апполону-врачу¹⁹, а также база статуи, воздвигнутой Кассалией, дочерью Посия, Афродите Небесной при Перисаде²⁰.

¹⁷ М. М. Кобылина. Фанагория, рис. 16.

¹⁸ ИРЕ, II, № 345.

¹⁹ ИРЕ, II, № 348; ОАК за 1867 г., стр. 199.

²⁰ ИРЕ, II, № 347.

²¹ Архив ИА СССР, ф. 1, д. 19, 1880, л. 33.

²² И. Д. Марченко. Акротерий из Фанагории. «Труды Гос. музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина», М., 1960, стр. 103—114.

Рис. 9. Портрет боспорского жителя, IV в. до н. э.
Известняк

часть изображения (больше, чем в натуральную величину), сидящей на троне женщины, держащей в руке небольшой сосуд; хитон и более тяжелый гиматий, обвивающий тело пышными складками, исполнены со свойственной греческой скульптуре пластичностью (рис. 10). Обратная плоская сторона надгробия была вторично использована во времена Котиса II для почетного декрета ²³.

Рис. 10. Фрагмент надгробия IV в. до н. э. Мрамор

Что касается местной скульптуры из Фанагории, то до сих пор самой ранней статуей была статуя синда, может быть места, найденная на курганном некрополе ²⁴. Она представляет собой фигуру вооруженного воина (меньше натуральной величины), нижняя часть ног которой была, вероятно, вставлена в постамент. Особенностью этой скульптуры является компактность, малая расчлененность, связанность всех частей тела в один объем. Детали одежды и вооружения изображены в низком рельефе и частично прорезаны; черты округлого полного лица исполнены рельефно, волосы, обрамляющие лоб, трактованы схематично.

Статуя по типу оружия датируется III в. до н. э. ²⁵ и по своему исполнению представляет полную противоположность живой, пластичной и полной движения греческой скульптуре этого времени.

Уже приходилось говорить о сложности процесса развития боспорской скульптуры в рассматриваемый период ²⁶. Новые страницы вносит найденная в 1959 г. в Сенной в районе курганного некрополя портретная голова ²⁷ (рис. 9). Голова исполнена из известняка и является фрагментом статуи. Голова имеет близкие к натуре размеры, ее высота — 0,26 м. Судя по головному убору и по типу лица, статуя изображала местного жителя, вероятно, синда. На голове его легкая шапка с отогнутой назад острой верхушкой. Лицо широкое, с развитыми скулами, с курчавой бородой и вьющимися волосами передает местный этнический тип, особенно часто воспроизводившийся на боспорских надгробиях I—II вв. н. э. с рельефными изображениями умерших. При явно местном типе лица и костюма манера исполнения головы очень близка к манере греческой портретной скульптуры.

Выразительность обобщенной характеристики лица, властного и полного достоинства, тонко разработанная светотень лица, даже форма бороды позволяют сопоставить его с греческими портретами IV в. до н. э. и датировать этим временем ²⁸.

²³ ОАК, за 1870—1871, стр. 271, № 28, стр. VI; ИРЕ, II, № 359.

²⁴ МИА, № 19, 1951, рис. 8, 3—4.

²⁵ Н. И. Соколовский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 144.

²⁶ М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 174—184.

²⁷ Голова была найдена научным сотрудником Института истории искусств АН СССР Г. И. Гуныкиным.

²⁸ М. М. Кобылина. Скульптурный портрет из Фанагории. СА, 1962, № 3, стр. 209—214.

Мастер, изваявший голову синда, знал технику греческой скульптуры, но это был боспорский скульптор. Его произведение отличается некоторыми чертами своеобразия: компактностью масс лица, волос и шапки, орнаментальной трактовкой волос над лбом. Статуя изображала какого-то представителя местной знати и является ярким памятником очень немногочисленной боспорской статуарной скульптуры рассматриваемого периода. Как свидетельствует этот памятник, в IV в. до н. э. в боспорской скульптуре, как и в торевтике, создавались своеобразные произведения высокого художественного мастерства.

Культура Фанагории рассматриваемого периода имеет много общего с культурой Пантикапея — это культура боспорская, и она безусловно находилась под влиянием культуры Пантикапея как столицы Боспора, но вместе с тем обладала и своими особенностями. В ранний период в ней встречаются элементы эолийской культуры. Культ женского божества в Фанагории занимал с самого начала особенно значительное место. В строительстве наблюдается своеобразие, связанное с особенностями почвы и материалов, с одной стороны, и воздействием культуры синдов — с другой. В общем изобразительное искусство Фанагории проходит тот же путь развития, что и в других городах эллинского мира, но фанагорийские мастера полихромных ваз, терракот и скульптуры выработали свой местный стиль, и произведения их отличаются некоторыми особенностями. Черты сарматизации в искусстве Фанагории проявляются раньше, чем на европейской стороне Боспора. Так, тип всадника с сарматской посадкой появляется в Фанагории уже во II в. до н. э. Статуй такого рода, как статуя синда, в Пантикапее найдено не было. Это произведение смешанного греко-синдо-меотского искусства. То же можно сказать и о голове статуи из известняка, найденной в 1959 г.

КЕПЫ

Античные города азиатской стороны Боспора до сего времени изучены мало. Исключение составляет столица азиатской части Боспора — Фанагория и синдский город у Семибратных курганов. Раскопки Патрасия, Гермонассы, Горгиппии, Раевского городища производились эпизодически или в очень небольших масштабах. Ряд городищ вообще не подвергался археологическому исследованию, а между тем хорошо известно, какой большой и важный материал для решения исторических вопросов добыт на территории античных городов Таманского полуострова. За истекшие 2000 лет берега Таманского полуострова подвергались большим разрушениям и изменениям. Разрушение это продолжается и поныне¹, поэтому изучение античных городов является настоятельной необходимостью. Некоторые прибрежные города и поселения, такие, как Корокондама, Тирамба, вероятные поселения на косах Чушка и Маркитантка, погибли почти полностью; другие — Фанагория, Гермонасса, Патрасий, городища у хутора Батарейка и у Кучугур и другие, разрушены частично и продолжают подвергаться интенсивному разрушению.

К числу таких городов относится и город Кепы. Античные писатели сохранили о нем очень скудные сведения. Согласно Периплу Псевдо-Скимна (v. 899) Кепы были основаны милетянами. Из речи Эсхина против Ктесифонта (III, 171) мы знаем, что Кепы были переданы боспорскими правителями афинянину Гилону, деду знаменитого оратора Демосфена. Диодор Сицилийский (XX, 24) сообщает, что младший сын Перисада I, Притая, потерпев неудачу в борьбе с братом Евмелом, бежал в Кепы, где и был убит. Упоминание названия Кеп Плинием Старшим (N. H., VI, 18) и Помпонием Мелю (De chorogr., I, 112) указывает лишь на то, что Кепы в первые столетия нашей эры продолжали существовать².

Уже ранее была высказана мысль, что Кепы следует отождествлять с городищем у восточной оконечности Таманского залива, около бывших хуторов Пивнева и Артюхова³. В Периплах Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна местоположение Кеп опре-

¹ Д. Я. Берснбейм. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря. СА, 1959, № 4, стр. 42—52.

² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 203.

³ К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. М. 1870, стр. 100—102; А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. «Труды Этнографич.-археологич. музея 1 МГУ», 1927, № 3, стр. 37; М. О. Ионович. Географический очерк Боспорского царства. «Кубанский сборник». т. II. Екатеринодар, 1891, стр. 32—33. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 203; В. Д. Блаватский. Арханчский Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 24.

делено в слишком общей форме. Псевдо-Скилак (v. 72) помещает Кепы в области синдо в Псевдо-Скимн (v. 899) связывает их местоположение с выходом из пролива.

Более определенное указание по этому вопросу дает Страбон (XI, 2, 10): «Вступившему в Корокондамитское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы расположены на названном острове, по отношению к плывущему на левой стороне, другие же города на правой стороне, в Синдике, за Гипанисом». На территории, определяемой как остров Фанагора⁴, разведки не обнаруживают иных значительных городищ, помимо Фанагорийского и городища у оконечности Таманского залива, которое и следует считать остатками Кеп, ибо раскопки подтвердили существование здесь значительного города.

До 1957 г. археологические раскопки здесь не производились, хотя некоторые археологи посещали это городище и собирали подъемный материал⁵. Отдельные случайные находки поступали с некрополя Кеп в Темрюкский, Краснодарский и другие музеи.

С 1957 по 1960 гг. на городище производил работы Таманский отряд Института археологии АН СССР. На нескольких участках вскрыта в целом площадь 700 кв. м и зафиксировано 12 культурно-исторических напластований; добыт значительный вещественный материал, открыты остатки сооружений первых веков нашей эры. С целью комплексного исследования города, отрядом Государственного Исторического музея под руководством Н. П. Сорокиной в 1959 г. начаты раскопки грунтового некрополя, где за два сезона вскрыто 60 могил и земляной склеп. В эти же годы производилась разведка прилегающей территории.

Настоящая работа является попыткой обобщить полученные в результате раскопок материалы и, сопоставив их со всеми остальными, имеющимися в нашем распоряжении, источниками, наметить основные вехи исторического развития города Кеп.

Городище расположено на восточном берегу Таманского залива⁶, на небольшом естественном возвышении, на западе круто спускающемся к заливу (рис. 1). Возвышение это представляет собой неровное плато, сильно изрытое окопами и ямами, ниспадающее к западу; его высшая горизонталь в северо-восточной части лежит на 27 м выше уровня воды в Таманском заливе; площадь примерно 8—9 га. С севера и северо-востока городище ограничено довольно крутым склоном и валообразной грядой, с юго-востока небольшой ложтиной, с запада береговым откосом и обрывом (рис. 2). Здесь, однако, была расположена только одна, верхняя, часть городища. Другая часть его располагалась под западным откосом на нижнем плато. Однако здесь, как и в Фанагории⁷, отстоящей от Кеп на три-четыре км по прямой линии, при частичном понижении берега почти весь нижний город оказался разрушенным волнами залива. Доказательством этого является тот факт, что в прибрежном обрыве, составляющем узкую полоску остатков нижнего плато, виден оборванный мощный городской культурный слой толщиной до 3,5 м, доходящий до уровня воды, а в центральной части, у колодца, слой V в. до н. э. залегает ниже современного уровня воды в заливе. Помимо этого, у подножия откоса, рядом с современной границей воды и суши, в 1958 г. открыт античный колодец в 8 м от современного, существующего, возможно, также с античного времени. По рассказам старожил, в XIX в. существовали еще два старинных колодца на некотором расстоянии к западу от вышеупомянутых;

⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 48, рис. 17.

⁵ А. А. Иессен и А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 59.

⁶ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кепях в 1957 г. КСИМК, вып. 78, 1960, стр. 53—63.

⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—1940 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 297—298; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 10.

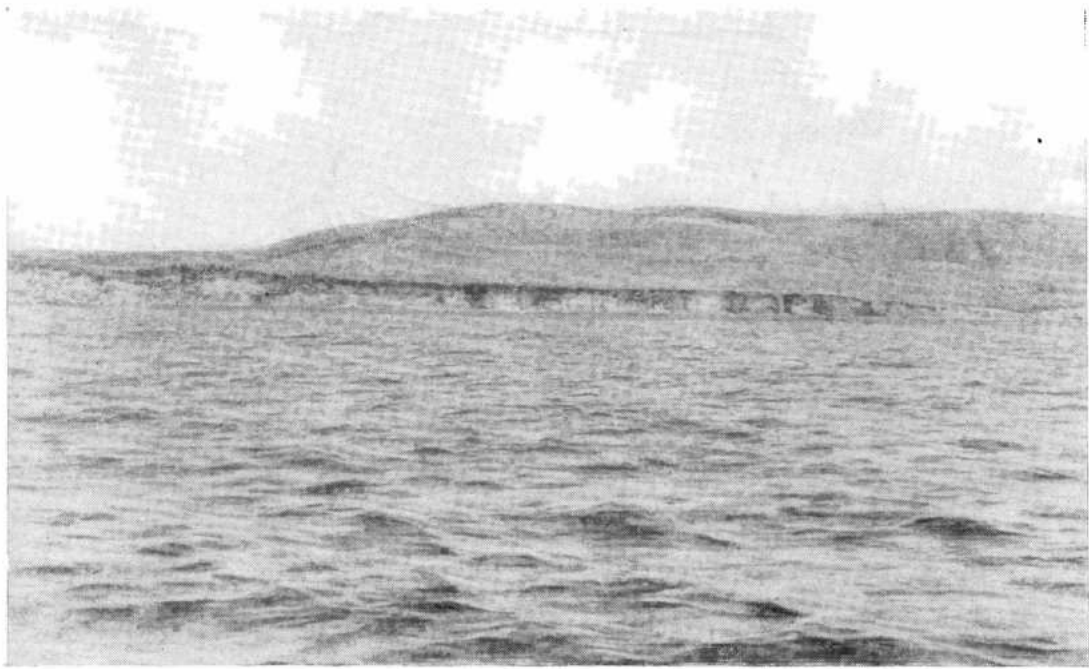

Рис. 1. Общий вид городища Кепы с запада

теперь этих колодцев нет, они разрушены, затянuty илом и покрыты наступившей водой.

Граница погибшей части города, видимо, определяется мелководьем, которое мысом вдается в залив напротив верхнего плато, на расстояние до 500 м. Вслед за мелководьем, глубина которого не превышает 0,50—0,60 м, дно резко понижается. У берега глубина залива так ничтожна, что восточные ветры обнажают его на десятки метров. Нужно полагать, что граница мелководья и была границей древнего города, погибшая часть которого составляла около 8—9 га. Таким образом общая площадь города должна была составлять не менее 20—25 га⁸, включая расширение города в I—II вв. н. э. Уничтоженный мыс создавал в южной части подобие бухты, где, вероятно, была стоянка кораблей. Здесь, на юге залив в древности еще более вдавался в сушу.

Если справедливо суждение о соединении Таманского залива с Ахтанизовским лиманом и Пересыпным гирлом⁹ через высохший Субботин ерик (вдоль так называе-

⁸ Об обширности городища говорит Кларк, первым посетивший это место (E. Clarke. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Paris, 1813, v. 1, p. 396); В. Г. Тизенгаузен, побывавший на городище в 1869 г., также отмечает обширные его размеры и наличие множества курганов вокруг. (К. Г е р ц. Указ. соч., стр. 102).

⁹ К. Г е р ц. Указ. соч., стр. 30; С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени. «Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии», кн. 1, т. III, вып. 5, 6, Ростов-на-Дону, 1926, стр. 6; В. В. Веселов. О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове. СА, 1957, № 3, стр. 252; М. М. Кубланов. К истории Азиатского Боспора. СА, XXIХ—XXX, 1959, стр. 224; А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. ТСАРАНИОН, III, М., 1928, стр. 81; Д. Я. Беренбейм. Указ. соч., стр. 48; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 48, рис. 17, примеч. 1.

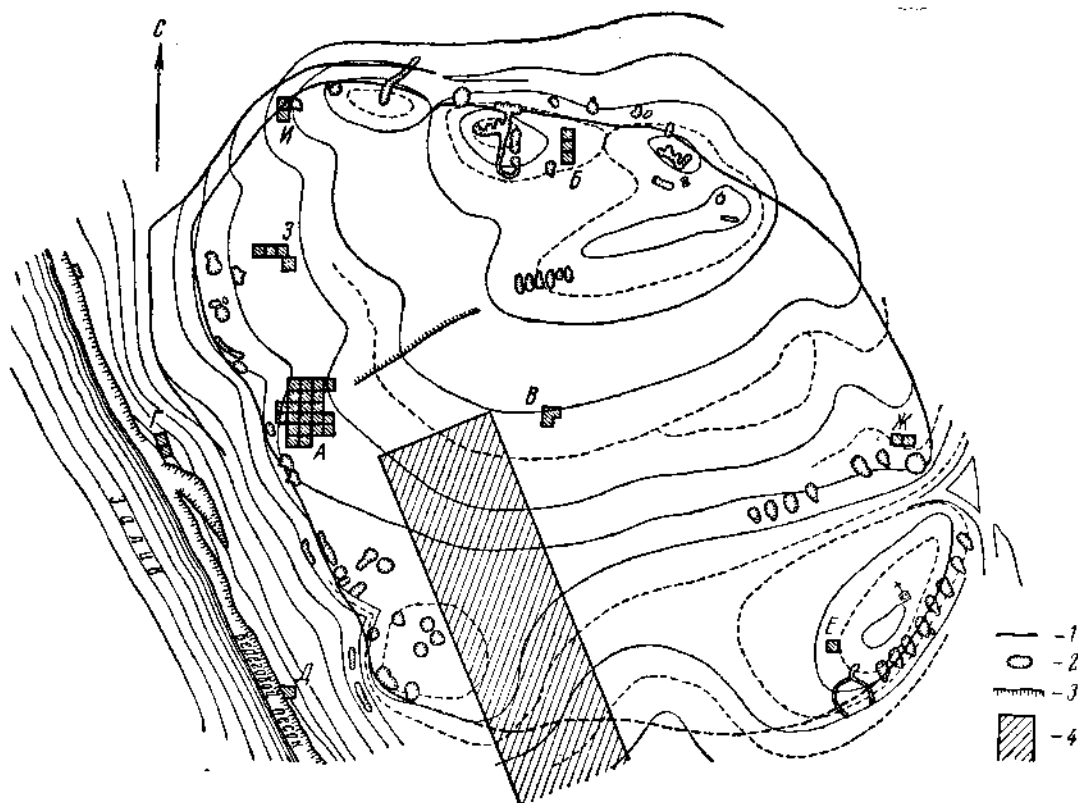

Рис. 2. План городища Кепы:

А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И — расколы, 1 — граница верхнего плато городища, 2 — ямы, 3 — береговой обрыв, 4 — поселок с огородами

мого Киммерийского вала, к северу от городища), то нужно признать, что местоположение Кеп было очень удобным. Грунтовый некрополь располагался непосредственно к востоку от города; основной массив его сосредоточен на песчаных косогорах в 400—500 м от города. Еще восточнее, на склоне горы Цимбалки и на ее гребне находится курганный некрополь. Курганы обступали город также с юга и севера по равнинной части.

Как и некоторые другие боспорские города¹⁰, Кепы возникли на месте, где существовало более раннее, вероятно, киммерийское поселение II тысячелетия до н. э. Об этом говорит находка в городских слоях обломка каменного топора северо-кавказского типа и кремневых резцов¹¹.

У античных авторов не сохранилось указаний о времени основания Кеп. Уже говорилось, что Кепы основаны милетянами¹². Об основании милетянами Пантикапея и Феодосии имеются прямые указания. Уже этот факт свидетельствует, что

¹⁰ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 13 сл.

¹¹ Кремневые отщепы, «несомненно прошедшие через руки человека», были обнаружены таманской экспедицией 1931 г. на песках, рядом с городищем к северо-востоку (А. А. Иссен и А. А. Миллер. Таманская экспедиция 1931 г., стр. 59); в этом же районе кремневые орудия нашел и В. В. Веселов.

¹² Ps. Skymn., v. 899; Plin., N. H., VI, 18.

Рис. 3. Вещи VI—IV вв. до н. э.:

- 1 — Терракотовая головка богини VI в. до н. э., 2 — фрагмент расписного киллика VI в. до н. э.,
 3 — фрагмент чернофигурного сосуда первой половины V в. до н. э., 4 — ионийский аск V в. до н. э.,
 5 — чернолаковый светильник IV в. до н. э.

и Кефы были основаны в VI в. до н. э.¹³ Основание их, по-видимому, входило в единый милетский колонизационный поток на Боспоре и вряд ли по времени далеко отстояло от основания Панктикапея. Открытие архаического слоя в Кепах показало, что во второй половине VI в. до н. э. город на верхнем плато занимал уже значительную территорию и жил интенсивной жизнью. Можно твердо говорить о том, что в середине VI в. до н. э. Кефы как город или постоянное поселение (*ἀποικία*) уже суще-

¹³ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 20.

ствовавали¹⁴. Отдельные фрагменты родосской и ионийской керамики второй четверти VI в. до н. э. дают основание думать, что Кепы возникли даже ранее середины, скорее в пределах второй четверти VI в. до н. э. (рис. 3, 1 и 2).

У нас нет точных данных для утверждения, что город возник из торгового пункта — эмпория. Но удобство расположения на берегу, в отдаленной точке Таманского залива, соединенного протоками с внутренними синдо-меотскими районами, дает возможность предполагать существование здесь такого пункта. Во всяком случае, с самого возникновения поселения его жители могли торговать с местным населением, тем более, что до 540 г. не существовало Фанагории, затмившей позже своего старшего соседа.

Тем не менее нужно полагать, что с основанием постоянного поселения, не торговля, а сельское хозяйство были главным занятием большей части его жителей. В непосредственной близости от города имелись плодородные равнины. Само название города Κήποι (Сады), по-видимому, указывает на связь его жителей с сельским хозяйством¹⁵. Возможно что разведение плодовых деревьев и не было главной отраслью хозяйства, но лишь яркой отличительной его чертой, со временем давшей имя городу; в пользу того, что город не с самого начала назывался Кепами, может в какой-то степени говорить тот факт, что у Диодора Сицилийского (XX, 24) и в схолиях к Демосфену его название упоминается с оговоркой καλοβουνοί — «так называемые», а у Эсхина (III, 171) — ονομασμένους. Обычно же названия городов не сопровождаются такими оговорками¹⁶. Судя по данным Фефроста (De plant., IV, 5, 3) и археологическим материалам¹⁷, садоводство рано и интенсивно развивается на Боспоре.

Главная масса находок архаического слоя — фрагменты керамики — подчеркивает греческий характер поселения и тесные его связи с ионийскими и островными центрами Средиземноморья (Хиос, Клазомены, Родос и др.). О городском строительстве раннего периода трудно что-либо сказать, но отметим широкое применение подсылок и вымосток из морской ракушки, что легко объяснимо недостатком прочих строительных материалов в ближайших окрестностях. На центральном раскопе, в архаическом слое, лежащем на материковом песке, обнаружено значительное скопление мелкой морской отборной ракушки, а на западном раскопе — род ракушечной вымостки на довольно значительной площади.

Вряд ли можно сомневаться, что до объединения боспорских городов под властью Археанактидов Кепы были самостоятельной городской общиной, но, возникнув как милетская апойкия, они поддерживали тесные связи с Пантикапеем. Пантикапей и Кепы, были, по-видимому, основаны группами милетских переселенцев, близких по социально-экономическому положению и имевших сходные интересы.

Сообщение Эсхина проливает некоторый свет на политическое положение Кеп в V в. до н. э. Передача Кеп в управление чужеземцу-афиняину Гилону и, как видно из схолий к Демосфену, с правом сбора податей (καρκώσθαι λαβών παρ' αὐτῶν), означает полное политическое подчинение города боспорскому царю в конце V в. до н. э. Примерно в те же времена подобным образом поступали и персидские цари¹⁸.

¹⁴ В перигле Псевдо-Скимна (v. 899) относительно Кеп применяется глагол ῥαποικίω: Κήπος ῥαποικισθείσα διὰ Μιλήσιων.

¹⁵ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 31.

¹⁶ Полагая, что садоводство в Северном Причерноморье возникло вскоре после основания там греческих городов или одновременно с появлением последних, В. Д. Блаватский не видит оснований думать, что первоначально Кепы именовались как-либо иначе. (В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 85).

¹⁷ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 31; его же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 85.

¹⁸ Хепорь, Апар., 1,1—6—8; Б. А. Турев. История Древнего Востока. Л., 1936, т. II, стр. 138; Древняя Греция. М., 1936, стр. 170, 171.

Рис. 4. Вещи IV в. до н. э.:

1 — терракотовая женская головка, 2, 3 — фрагменты чернолаковых сосудов с граффити, 4 — обломок чернолаковой пиксиды, 5 — фрагмент стенки амфоры с монограммой, 6 — амфориск из так называемого финикийского цветного стекла

Очевидно, такой акт мог явиться результатом уже ранее сложившихся условий. Политическое подчинение Кеи, нужно полагать, было осуществлено еще Археаактидами, использовавшими ранние связи кепитов с пантикапейцами. Правителям новой династии, Спартоку и Сатиру I, видимо, было нетрудно до конца подчинить город Боспору. Для Сатира подчинение Кеи имело существенное значение, так как они являлись надежным опорным пунктом в его борьбе за присоединение синдских территорий.

В схолиях к Демосфену указывается, что Гилок получил Кеи и τόποις τιναῖς, т. е. какие-то местечки. Отсюда можно заключить, что Кепам принадлежал определенный округ с расположенными там сельскохозяйственными поселениями. Несомненно, что основной, близлежащей сельскохозяйственной территорией, принадлежавшей городу, был участок, ограниченный с севера низиной, тянущейся от северо-восточного угла Таманского залива на восток; вдоль этой низины проходит так называемый Киммерийский вал, прослеживаемый на расстоянии 1200—1300 м¹⁹. Принадлежавшие городу земли ограничивались с юга полосой, начинающейся от юго-восточного угла Таманского залива (который в древности еще глубже вдавался в сушу²⁰), идущей на восток, к южным склонам горы Цимбалки. Существовавшая здесь бескурганная полоса разграничивала, по-видимому, земли Фанагории и Кеи. К юго-западу от этой полосы тянутся курганы, составляющие почти непрерывные группы и цепи, расположенные вокруг Фанагории. К северу лежат курганы, образующие единую группу от склонов горы Цимбалки и до берегов Таманского залива. На востоке граница менее ясна, но, по-видимому, она определялась склонами горы Цимбалки. На этой площади сохранились следы поселений²¹: повсюду встречаются отдельные фрагменты керамики.

В конце V и в IV вв. до н. э. округа, подчиненная Кепам, была, видимо, шире и распространялась на юго-восточную оконечность Фанталовского полуострова, где в районе хутора Татарского разведкой Таманского отряда зафиксированы два поселения V—IV вв. н. э. Известны также следы поселения у восточной оконечности вала²²; последний не мог в это время играть оборонительной роли, так как вся эта территория уже входила в состав боспорских земель. Если верить сообщению Страбона (XI, 2, 7), то Сатир I был погребен в кургане на западной оконечности Фанталовского полуострова. Между хутором Татарским и западным концом Киммерийского вала и вблизи западного конца вала также существовали поселения, но видимо, несколько более позднего времени.

Судя по керамике, обнаруженной на Приколодезном раскопе в слое V в. до н. э. (чернолаковые и краснофигурные сосуды), и по инвентарю могил того же времени, Кеи в V в. до н. э., сохраняя тесные связи с ионийскими центрами (рис. 3, 4),

¹⁹ Однако нужно оговорить, что связывать определение сельскохозяйственной территории Кеи с этим валом у нас нет никаких оснований, особенно в раннее время, поскольку мы не располагаем сейчас никакими убедительными данными для датировки этого вала.

²⁰ С. Ф. Войцеховский. Указ. соч., стр. 6.

²¹ М. М. Кубланов. Указ. соч., рис. 1; В. В. Веселов. О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове. СА. 1957, № 3, рис. 1. Здесь уместно будет указать на необоснованность высказанной В. В. Веселовым в этой работе мысли, что поселение, располагавшееся в 700—800 м юго-восточнее конца так называемого Киммерийского вала, являлось первоначальным городом Кеи, который постепенно замер и во II в. до н. э. был перемещен к западу, на берег Таманского залива. В связи с этим на карте В. В. Веселова (рис. 1) это поселение обозначено «Кеи I», а городище у восточного конца Таманского залива — «Кеи II». Наличие на городище у восточного конца Таманского полуострова слоев VI—II вв. до н. э., открытых работами Таманского отряда, и другие данные, приводимые нами, свидетельствуют против столь поспешных и определенных исторических выводов, не подкрепленных достаточным археологическим материалом. То, что у В. В. Веселова получило обозначение «Кеи I», представляет собой, видимо, одно из сельских поселений V в. до н. э. на принадлежавших городу землях. Город же Кеи с VI в. до н. э. и до конца своего существования не менял своего местоположения.

²² М. М. Кубланов. Указ. соч., стр. 223, 224.

резко усилили, однако, связь с Атикой (рис. 3, 3 и 5). На некрополе, в одном из погребений V в. до н. э. обнаружено семь аттических чернолаковых сосудов. Передки находки флаконов V—IV вв. до н. э. из финикийского стекла (рис. 4, 6).

В материальной культуре города VI—V вв. до н. э. нам пока еще не удастся уловить достаточно выразительные черты, говорящие о пропикновении местных этнических элементов в городскую среду. Ряд исследователей, находя лепную керамику в античных городах, опирается обычно на этот материал в доказательство наличия представителей местных племен в составе городского населения. Лепная керамика в Кёпах встречается с самого раннего времени. Тем не менее имеется и другое основание считать, что население Кёп тем или иным образом с очень раннего времени стало пополняться местными элементами. Гилон, приехав на Боспор, получил Кёпы и затем женился, по одной версии (Эсхина) — на скифянке, по другой — (схолии к Демосфену) — «на дочери одного из туземцев». Но источники сходятся в том, что при женитьбе Гилон взял богатое приданое. Если Гилон, будучи в Кёпах, женился на туземке, то, вероятнее всего, она была дочерью знатного синда или меота. Для Эсхина же важно было выяснить не столько точное наименование ее племени, сколько показать варварское происхождение и в этом случае название скифянка было наиболее понятным афинянам. Понятным становится и стремление Эсхина подчеркнуть низкое происхождение Демосфена, когда он в одной из речей указывал даже, что Демосфен происходил по матери от кочевых скифов²³, что как раз менее вероятно.

Таким образом, в Кёпах мы видим яркий пример того, как греки на периферии античного мира устанавливали связи с местным населением, женись на богатых невестах из местной родовой аристократии, и как создавалась местная эллинизированная знать. Этим, по-видимому, многое можно объяснить в специфике боспорской культуры и таманских курганов, в частности.

В период IV—II вв. до н. э. Кёпы были одним из внутренних боспорских городов, полностью подчиненных боспорским правителям; возможно, что в Кёпах со времен Гилона главную роль играло назначаемое царем лицо, при котором выборные органы городского самоуправления занимали второстепенное место. Подобное положение было, по-видимому, обычным для Боспора. Полиен (VI, 9, 3) рассказывает, что Левкон назначил правителями деревень родственников отстраненных им триархов.

В период Спартокидов с особой отчетливостью прослеживается и экономическая зависимость Кёп от Пантикапея. Подавляющая часть черепицы, строительный камень, часть посуды, вероятно, металлические изделия поступали в Кёпы из Пантикапея. Кёпиты, по-видимому, часто посещали Пантикапей, жили там и даже там умирали, как можно судить по надгробию IV в. до н. э. кёпита Феопомпа, сына Айантида, найденному в районе северного склона горы Митридат²⁴.

Значительную, но, видимо, меньшую роль в экономике Кёп играли связи с соседней Фанагорией. Часть черепицы и посуды поступала в Кёпы также и из Фанагории.

Своей монетной чеканки Кёпы не имели никогда, но находки монет на городище и в некрополе многочисленны²⁵. Это указывает на оживленную внутригородскую торговлю. Среди монет, найденных в Кёпах, подавляющее число пантикапейские и фанагорийские; иные очень редки. О внутригородской торговле свидетельствуют

²³ Речь «О неправильно проведенном посольстве», 78.

²⁴ В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 23, 1907, стр. 42, 43, № 26.

²⁵ Помимо большого количества (более 300) медных монет, найденных при археологических раскопках городища Таманским отрядом, много монет найдено местными жителями. Часть из них попала в Темрюкский краеведческий музей, часть хранится в школе пос. Сенная. Много монет с городища пропало бесследно или утеряло паспорт. К. Гёрц писал еще в 1870 г., что на этом городище «находили много серебряных боспорских монет» (К. Г ё р ц. Указ. соч., стр. 101).

находки свинцовых гирь, среди которых отметим четырехугольную гирю, составлявшую мину со съемным разновесом в $\frac{1}{8}$ веса миши (52 г). На гире четко прочерчена буква М (рис. 5, 7). В Кепях найдено значительное количество фрагментов черволаковой аттической посуды, амфор из различных центров Эгейского бассейна (Хиос, Кос, Фазос, Родос и др.) и Южного Причерноморья (Синопа, Гераклен). Вероятно, средиземноморские товары поступали в тот период в Кепы не столько непосредственно из городов Эгейского бассейна, сколько через Пантикапей и отчасти через Фанагорию. В Пантикапей из Кеп поступали, по-видимому, хлеб, скот, кожи, рыба и некоторые другие товары, а в Кепы ввозились товары заморского и собственно пантикапейского производства. Вместе с пантикапейскими товарами попадали в Кепы и пантикапейские монеты.

Естественно, что Кепы имели собственное ремесленное производство, следы которого можно уловить, начиная с III—II вв. до н. э. (ткачество, гончарное дело). Однако ремесленное производство Кеп было не в состоянии дать достаточно товаров для эквивалентного обмена на большое количество ввозимых товаров. Эквивалент мог быть достигнут только путем использования продуктов сельского хозяйства. Для Кеп внутрибоспорская торговля, по-видимому, имела большее значение, чем торговля с более удаленными заморскими центрами.

Кепы в этот период достигли значительного расцвета. В городе имелся храм, или святилище, Афродиты. Об этом говорит обнаруженное в 1957—1959 гг. на западном раскопе скопление значительного количества обломков прекрасных терракот и фрагментов черволаковых сосудов IV в. до н. э. с остатками графито, и в том числе с монограммами, означающими, надо полагать, начальные буквы имени Афродиты²⁶ (рис. 4, 1—4). Близкая монограмма имеется и на фрагменте стенки амфоры (рис. 4, 5). Следует упомянуть также о большом, по-видимому, жертвенном блюде, найденном близ западного раскопа одним из местных жителей. Блюдо это, к сожалению, погибло. При раскопках 1958—1959 гг. здесь же, на западном раскопе, было найдено два обломка края жертвенных глиняных блюд²⁷.

Об участии Кеп в политических событиях конца IV в. до н. э., может быть, говорит тот факт, что Притан, потерпев поражение в борьбе с Евмелом, бежал из Пантикапей в Кепы, где и был убит. Бежал он сюда, видимо, не случайно. Кепы служили ему, вероятно, опорным пунктом в то время, когда Евмел, действуя, по словам Диодора (XX, 24), с востока, оттеснил его к перешейку Меотийского озера. Вообще же Кепы, будучи в то время внутренним боспорским городом, большого военного значения иметь не могли. Тем не менее, как показывают раскопки некрополя, мужское население города носило оружие²⁸.

Материал, полученный при раскопках Кеп, свидетельствует, что в III—II вв. до н. э. Кепы достигают наивысшего экономического процветания; кризисных явлений незаметно; культурные слои этого периода насыщены большим количеством раз-

²⁶ Подобные посвящения Зевсу, Афине и Аполлону Дельфинию, связанные с храмами этих божеств, хорошо засвидетельствованы в Ольвии (А. Н. Карасев, Е. И. Левин. Ольвийская агора. СА, 1958, № 4, стр. 132—134, 142).

²⁷ Фрагменты этих блюд найдены в более поздних, чем IV в. до н. э. слоях, но они относятся, вероятнее всего к эллинистическому времени. Один фрагмент украшен рельефными овами и жемчужником. Края подобных блюд были найдены И. Б. Зеест при раскопках Гермонассы в 1956 г., а также в Ольвии. Ольвийское блюдо датируется В. М. Скудновой концом VI в. до н. э. (В. М. Скуднова и др. Из неизданных материалов Ольвии. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 253, рис. 6). У кепского экземпляра овы более крупные, а жемчужник не сплюснут; несомненно, он позднее ольвийского.

²⁸ Оружием, бывшим в употреблении у североонтийских племен, в частности у скифов, кепиты начинают пользоваться уже с V в. до н. э. В могилах найдены копья, короткие мечи-акинаки и наконечники стрел. Иногда на городище попадаются бронзовые наконечники стрел скифского образца, каменные ядра для пращи и ручного метания. В мужском подкурганном погребении II в. до н. э. найдено около 100 железных втульчатых наконечников стрел. В V—II вв. на азиатской стороне Боспора железные втульчатые наконечники стрел применяются, в сравнении с другими областями Северного Причерноморья, более интенсивно.

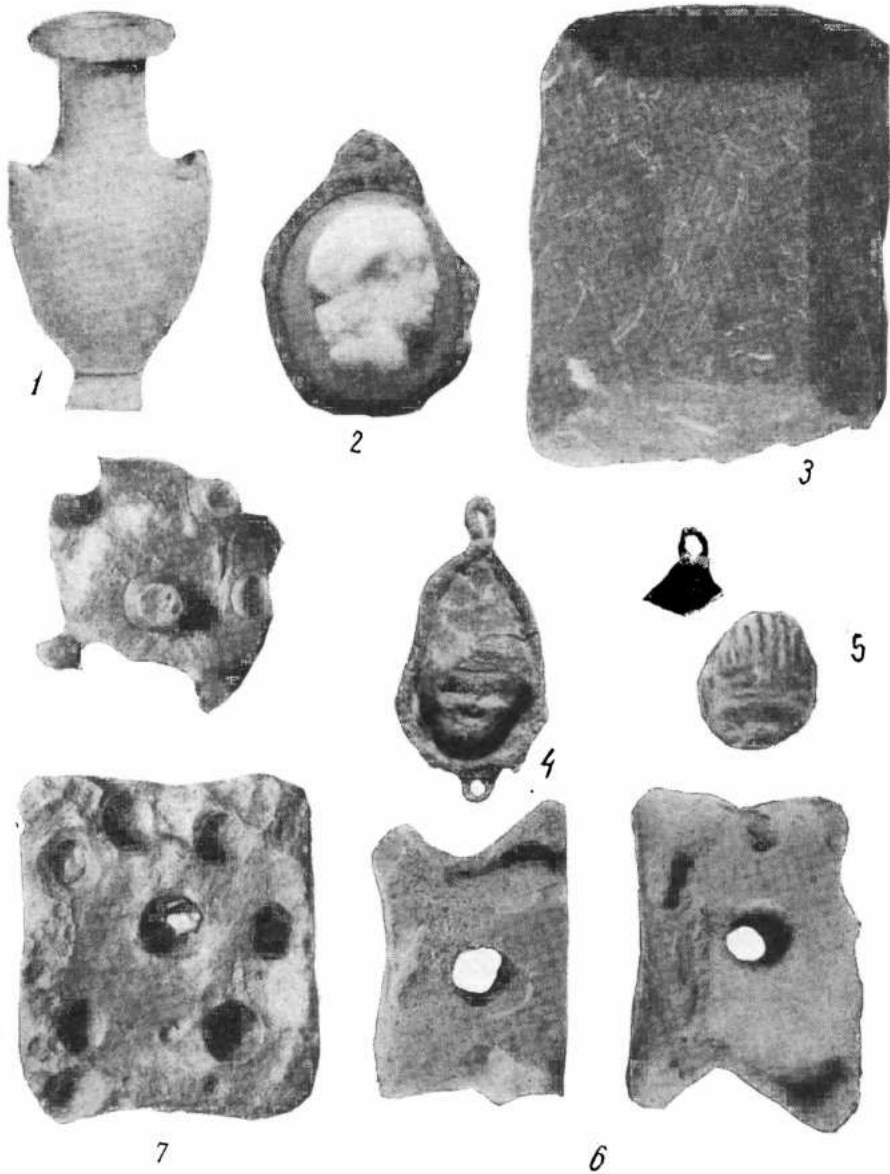

Рис. 5. Украшения, туалетные принадлежности, бытовые предметы:

1 — алебастровый флакончик II в. до н. э., 2 — железный перстень с камеей из слоя I в. н. э., 3 — каменная плитка для растирания красок и мазей, 4 — железные подвески с рельефными изображениями Медузы из слоя I—II вв. н. э., 5 — снарабей (из низки бус) из слоя I—II вв. н. э., 6 — игральные кости — астрагалы, 7 — свинцовая гиря (мина) с разновеском

нообразных находок (керамика, черепица, обломки мрамора, терракоты и т. д.). Среди раскопанных могил грунтового некрополя большая часть относится именно к этому времени; могилы рядового населения, расположенные плотным массивом, снабжены хорошим инвентарем. О внутригородской торговле говорит большое количество монет III — II вв. до н. э. Интересна находка 11 монет, лежавших стопками

в погребении II в. до н. э. О богатстве кепской рабовладельческой верхушки дают представление погребения Артюховского кургана, датировка которого II в. до н. э. ни у кого не вызывает теперь сомнения²⁹. Эти данные предполагают усиление имущественной дифференциации, а также дают некоторые новые основания для суждения о разнице в экономическом развитии городов азиатской и европейской частей Боспора. Установлено, что в период III—II вв. до н. э. Боспорское царство в целом постепенно ослабевало³⁰. Однако вопрос о характере этого увядания оказался спорным. Некоторые исследователи подчеркивали неравномерность экономического развития различных частей Боспорского царства как во времени, так и по отдельным отраслям хозяйства³¹. В частности, отмечались факты, характеризующие ослабление европейской части Боспора в III—II вв. до н. э. и одновременное процветание городов азиатской его стороны³². Известные нам материалы из Кепа еще более подтверждают последнее положение.

При археологических раскопках ранее не отмечалось каких-либо следов значительных разрушений в городах Азиатского Боспора в период конца II—I вв. до н. э. Между тем, вряд ли бурные события этого времени миновали города восточной половины государства. В связи с этим очень интересна часть кладки-фундамента, открытой в 1957 г. на северном раскопе. Кладка эта, лежащая в слое I в. до н. э., сложена в большей своей части из мелких обломков мраморных архитектурных деталей и плит; один фрагмент плиты белого мрамора сохранил остатки двух букв, видимо, остатки декрета. Факт этот указывает на существование в Кепах в III—II вв. до н. э. построек из мрамора. Отметим также, что мраморных обломков в культурном слое центральной части верхнего города очень много, несравненно больше, чем их попадалось в Пантикаее при раскопках на северном склоне горы Митридат в 1956—1958 гг. Особенно много в Кепах обломков облицовочных плит. Часть из них относится к эллинистической эпохе, а часть, по-видимому, к постройкам I—II вв. н. э. К сожалению, все они оказались разбитыми на мелкие куски. Однако, судя по скопленению находок мраморных фрагментов, можно определенно говорить, что общественные здания находились в районе верхнего города у западного раскопа и к юго-востоку от него. В 1937 г. на городище, в кладке римского времени был обнаружен фрагмент беломраморного пьедестала с остатками надписи, относящейся к концу IV — началу III в. до н. э.³³

Если античная литературная традиция не сохранила никаких сведений о жизни Кепа в первые века нашей эры, то археологические материалы дают теперь возможность составить некоторое представление о хозяйстве и культуре города в этот период.

В I—II вв. н. э. Кепа, как и другие города Боспора, жили полнокровной жизнью. Население города увеличивалось, границы его, как показывает юго-западный раскоп и культурный слой в обрыве берега, расширились в южном направлении примерно метров на 200. В городе, как и в эллинистический период, существовали красивые

²⁹ М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 46—58.

³⁰ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 149; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 78.

³¹ В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 24—27; Д. Б. Шлов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 97.

³² С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье», стр. 149 сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 57, стр. 33 сл.; М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 58.

³³ Н. П. Розанова. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова. СА, VII, 1941, стр. 247—250, № 1, рис. 1. Восстановление чтения сохранившихся четырех букв *αβα* как [Δ]αυδ[ρ]ο[ι], предложенное Н. П. Розановой, по мнению А. И. Болтуновой, неприемлемо, поскольку остатки впереди стоявшей буквы вверху сохранили вертикальную черту, а не угол дельты. Кроме того, посвящений от имени пламени в документах не засвидетельствовано. Поэтому содержание утраченной надписи остается неясным.

общественные здания. Одно из таких зданий было расположено в районе центрального раскопа; там обнаружены следы большой выборки камня и найдены известняковый каннелированный барабан колонны (рис. 6, 1) и известняковый калиптер (рис. 6, 2). Известняковые барабаны колонн, известняковая и мраморная черепица найдены и в других частях городища.

Изнутри помещения украшались разноцветными мраморными плитками и цветной штукатуркой, куски которой не один раз встречались в слоях этого времени. Иногда полы мостились специальным известково-галечным составом, отполированным сверху.

В городе имелись водостоки, сооруженные из каменных желобов. Один такой желоб заложен в кладку стены III в. н. э., обломки других найдены в позднеантичных слоях. Водоснабжение города производилось из колодцев, расположенных под откосом на нижнем плато.

На площади стояли статуи и плиты с декретами. В кладке III в. н. э. найден постамент мраморной скульптуры, в другом месте верхнего города обнаружен огромный мраморный постамент для декрета со знаком боспорского царя I—II вв. н. э.³⁴ Могилы некрополя украшались надгробиями, на некоторых из них были надписи (рис. 7, 1—2) на греческом языке.

В Кепях I в. до н. э., как и в других городах Боспора, наблюдается значительное изменение культурного облика города — сарматизация. Это проявляется прежде всего в формах сосудов (зооморфные ручки, резкое увеличение количества лепной керамики, появление лощеных сосудов). Все это, несомненно, было связано с усиленным проникновением в город негреческих, сарматских и синдо-меотских элементов. В грунтовом некрополе Кеп появились новые черты погребального обряда — погребение с тризной и закланием трех лошадей, обряд разбитого зеркала. Показательно, что обаи мени, Гокон и его отец Папий, начертанные на надгробии I в. н. э., найденном в грунтовом некрополе Кеп³⁵, не являются собственно греческими³⁶.

Варваризация материальной и духовной культуры Кеп заметно прогрессирует за время с I в. н. э. до IV в. н. э. Происходят изменения и в экономическом развитии. Сельское хозяйство и скотоводство по-прежнему играли главную роль, но наблюдается усиление удельного веса собственного меотского ремесленного производства: открыты остатки гончарной печи I в. н. э., ошлакованные части сосудов, железные шлаки, найден ряд костяных инструментов для шлифовки, подобных рапилилам. Можно думать, что в предшествовавшее время в верхнем городе хозяйственных построек было мало. Во всяком случае в районе западного раскопа ранее находился храм, а в I в. н. э. здесь помещается винодельня, притом оригинального устройства (рис. 8, 1). Существовало ли виноделие в Кепях до I в. н. э. — пока неизвестно. Обломки цемьянки и часть желоба-слива, сделанного из горла амфоры и полукруглого калиптера, обмазанных цемьянкою, указывают на существование винодельни и в районе центрального раскопа. В позднеантичных слоях встречались спившие и слежавшиеся виноградные листья. Судя по керамическим находкам в I—III вв. н. э. в Кепы ввозились уже не средиземноморские товары, а товары городов Южного Причерноморья, особенно Синопы (черепица, посуда, амфоры, видимо, с оливковым маслом). Некоторые товары завозились в этот период в Кепы из Сирии (стекло, бусы) и Египта (бусы, скарабей) (рис. 5, 5).

Как и в эллинистическую эпоху, жители Кеп, особенно женщины, предъявляли большой спрос на украшения (бронзовые фибулы, кольца, браслеты и т. д.), среди которых найдены подвески и геммы (рис. 5, 2, 4) значительной художественной цен-

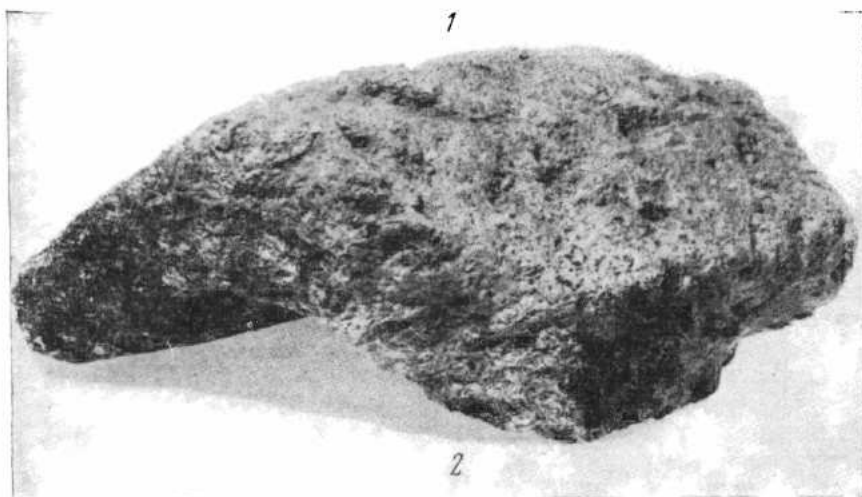
³⁴ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 54, 55, № 7, 8, 9.

³⁵ Б. А. Шляев. Стела Гокона. ВДИ, 1955, стр. 175—180, рис. 1, 2.

³⁶ L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 291, № 586; S. 303, 304, № 602.

1

2

Рис. 6. Архитектурные детали:

1 — известняковый барабан колонны, 2 — известняковый калипер

ности и другие предметы туалета (рис. 5, 1, 3). Излюбленным развлечением кепитов была игра в астрагалы, находимые в Кехах в большом числе (рис. 5, 6).

В III—IV вв. н. э. Кепы живут еще достаточно интенсивной жизнью. Однако культурный облик города еще более варваризируется. Находки большого количества зерна, пифосов и ям для хранения зерна, зернотерок, сгоревшей в печи соломы указывают, что сельское хозяйство продолжало играть ведущую роль. Кепиты сеяли в основном пшеницу и многорядный ячмень; рожь, встречающаяся наряду с подмаренником, представляла собой тогда еще сорняк. На корм скоту, видимо, шел овсюг и чечевицеобразная вика³⁷.

Судя по значительному количеству осколков костей, найденных на городище во всех слоях, в Кехах, начиная с VI в. до н. э., разводили главным образом крупный и мелкий рогатый скот и лошадей³⁸. Кости собаки встречались, начиная с самых ранних отложений. В III—IV вв. н. э. наблюдается увеличение количества костей лошади.

Ремесло, по-видимому, и в этот период играло лишь вспомогательную роль. Находки грузил и медных крючков указывают на более значительную, чем в предшествующие периоды, роль рыболовства. Среди рыбных костей обращают на себя внимание частые находки костей осетровых. Судя по керамической тарсе, торговля по-прежнему велась в основном с южнопонтийскими центрами. Об этом говорят узкогорлые светлоглиняные амфоры с профилированными ручками: многие из них имеют на горле и на плечах курсивные надписи и знаки красной и бурой красками. Но главную массу амфор составляли огромные, широкогорлые красноглиняные амфоры с соскообразным дном, яйцевидным туловом и плоскопрофилированными ручками. Подобные амфоры характерны для всех античных боспорских городов Северного Причерноморья в III—IV вв. н. э. Их использовали для хранения не только вина, но и зерна. Находки в Кехах показали, что такие амфоры имели дисковидные известняковые крышки. На плечах и горлах таких амфор часто процарапывались буквенные отметки и другие знаки. Часть такого рода амфор, видимо, изготовлялась в Кехах. Для этого времени характерны большие красноглиняные (рис. 7, 3) и сероглиняные лощеные (рис. 7, 4) сосуды типа корчаг. Обращает на себя внимание значительный ввоз краснолаковых блюд, наблюдаемый в это время во всем Северном Причерноморье.

В западном раскопе открыт хозяйственно-жилой комплекс (рис. 8, 2), возникший в III в. и погибший в IV в. н. э. Он состоит из остатков нескольких помещений, кладовой с пифосами, двора и водостока. Изучение этого комплекса дает возможность сделать ряд выводов, подкрепляемых находками в других местах городища.

Остатки четырех помещений позволяют реконструировать единый строительный блок, подобный блокам в Илурате³⁹ и Семеновке⁴⁰. Хорошо прослеживается строительная техника. Основу здания составляли каменные поколи, верхняя плоскость которых выровнена плоскими известняковыми камнями и фрагментами керамики. На поколях были сложены стены из сырцового кирпича. Крыша была покрыта черепицей. Потолки, вероятно, утеплялись камкою. В Кехах с давних пор сырцовый кирпич представлял собой наиболее распространенный вид строительного материала. Это хорошо прослеживается по составу грунта, начиная с эллинистических слоев, так как главную массу грунта по существу составляют развалы сырцов. Виводельня I в. н. э. имела также сырцовые стены. Этот факт объясняет нам небольшое количество сохранившихся каменных кладок, которые еще в древности постоянно разбирались и употреблялись на позднейшие постройки. Так, стены дома III—IV вв. н. э. состояли большей частью из камней вторичного использования. Раскопки Кеп дали значительный материал для суждения о строительных материалах и строительной

³⁷ Определение яерен произведено А. В. Кирьяновым.

³⁸ Определение костей произведено В. И. Цалкиным.

³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, МИА, № 85, 1958, рис. 13.

⁴⁰ И. Т. Кругликова. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 64, 65, рис. 21.

1

2

3

4

Рис. 7. Надгробия и позднеантичные сосуды:

1 — антропоморфное надгробие из известняка-ракушечника; 2 — надгробие I—II вв. н. э., 3 — большой красноглиняный сосуд III в. н. э., 4 — сероглиняная лощеная корчага IV в. н. э. из колодца

1

2

Рис. 8. Строительные остатки Кеп первых веков н. э.:
1 — винодельня I в. н. э., 2 — дом III—IV вв. н. э.:

технике. Помимо упомянутых камня сырца, морской ракушки, мрамора, цемянки, извести, штукатурки, глины, в Кепах широко применялось дерево, скреплявшееся железными и бронзовыми коваными гвоздями, морская трава для подстилок и утепленных, песок, гравий. В III—IV вв. н. э. стал применяться обожженный кирпич, но какого рода сооружения из него воздвигались — пока неизвестно.

Нужно полагать, что к IV в. н. э. сильно изменилась и духовная культура населения Кепа. В культурной жизни населения города наблюдается отказ от традиций античной культуры, утрата вкуса к произведениям античного искусства, в частности — скульптуры. На городище найдено значительное количество обломков варварски разбитых известняковых и мраморных скульптур. Из них часть оказалась использованной для сооружения фундаментов; так, фрагменты двух постаментов мраморных статуй с остатками ступни обнаружены в кладках позднеантичных зданий. Нет основания думать, что разрушение античных скульптур оказалось только результатом нашествия варваров. Разрушительная деятельность явилась проявлением идеологической борьбы, смены идеологических воззрений, которая выражалась в победе христианства. Подтверждением этого вывода может служить бронзовый алтарик, найденный на полу дома, погибшего в IV в. н. э. Аналогичные алтари найдены в христианских памятниках IV—V вв.⁴¹ Одновременно с христианством распространялись и другие какие-то верования, о чем свидетельствует подвесная глиняная табличка с изображениями древа жизни, оленя со змеей и непонятных символов геометрической формы, в целом отражающих синкретичность религиозных представлений⁴².

Во многих городах Боспора находят следы разрушений, связываемых с готскими нашествиями III в. н. э. В Кепах таких следов пока не обнаружено. Правда, на за-

Рис. 9. Средневековая амфора

⁴¹ Frühchristlich-Byzantinische Sammlung. Staatliche Museum in Berlin. Berlin, 1938, № 31, 47.

⁴² Часть глиняной таблички с подобным изображением найдена в 1952 г. в Фанагории (М. М. К о б ы л и н а. Фанагория, стр. 92, 93, рис. 25, 3). Таблички из Кепа и Фанагории входят в круг позднеантичных памятников с изображением оленя, птиц, змеи, некоторых фигур и символов, несомненно, имеющих связь с религиозными представлениями и с культом. В этом отношении особый интерес представляют так называемые глиняные штампы (см.: И. Т. К р у г л и к о в а. Глиняный штамп из Киммерика. КСИИМК, вып. XIII, 1952, стр. 119—125, рис. 40, 41; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Илурат, стр. 83, 84, рис. 76). Дальнейшее изучение этого рода памятников имеет первостепенное значение для истории культов и содержания позднеантичных религиозных представлений. Заметим, что в 1953 г. в Керчи был найден еще один штамп (Керченский музей, инв. № 9324) со сложной композицией символического характера с изображением фигуры оленя в центре.

падном раскопе в слое не ранее середины III в. н. э. можно зафиксировать постройку большого дома, связанную с большой перепланировкой территории.

В IV в. н. э. Кепы переживают большое потрясение. Гибнет хозяйственно-жилой комплекс, заметны следы пожара. Эта гибель, вероятно, была связана с военным нападением. К этому же времени относится окончательная, одновременно выполненная засыпка колодца под откосом; следы пожара того же времени прослежены на юго-западном раскопе. Что катастрофа произошла именно в IV в. н. э. свидетельствует материал заполнения колодца (среди которого отметим редчайшую находку — части деревянного колеса повозки), находки во дворе и на полу погибшего дома — алтарик, краснолаковые блюда IV в. н. э. и поздние боспорские монеты, из которых одна монета (последнего Рискупорида) лежала внутри дома, на полу, под завалом сырцовых стен. Исходя из этого можно предположить, что катастрофа произошла не ранее 30-х годов IV в. н. э.; пока у нас нет еще достаточно веских данных, чтобы бесспорно связать ее с гуннским нашествием, тем более, что и после этой катастрофы город еще продолжал существовать в течение IV в. н. э.; об этом говорит перекрывающий эти руины слой. Этот последний из античных слоев городища, хотя и достаточно мощный по толщине, строительных остатков содержит мало, зато характеризуется находками наибольшего количества грубой лепной керамики. Остатки нескольких фундаментов указывают на бедность и упадок строительной техники.

Античный город Кепы перестал существовать в IV в. н. э. В течение довольно длительного периода, как можно судить по известному до сего времени материалу, здесь был пустырь, но позже на месте античных Кеп вновь возникает поселение. Материальная культура его небогата, наиболее частыми находками являются фрагменты небольших красноглиняных или оранжевоглиняных с высокими ручками амфор, очень часто имеющих процарапанные знаки (рис. 9), а также лепной посуды. Однако, его расположение не повторяло расположения погибшего города. Так, строительные остатки обнаружены не только на месте античного города, но и за юго-восточной его границей, а кладбище средневекового поселения занимало южную часть античного городища по береговому обрыву; средневековые погребения в каменных ящиках врезаны в античный городской культурный слой. Это указывает с полной очевидностью на известный перерыв в жизни поселения. Характер могил и погребальный ритуал средневекового могильника близок к средневековому кладбищу на северном склоне горы Митридат в Керчи⁴³. Но как керченский, так и кепский средневековые могильники, требуют специального изучения с точки зрения установления их датировки и определения этнической принадлежности погребенных в них обитателей поселения.

⁴³ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 185.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТАНАИСА

о недавнего времени у нас не было почти никаких данных об экономической истории Танаиса. Письменные источники почти ничего не сообщают об этой стороне жизни древнего города. Можно сослаться только на свидетельства Страбона, который говорит о Танаисе, как о торговом центре, подчеркивая роль его в товарообмене между греками и варварами, обитавшими в окрестностях Меотиды.

Что касается археологического материала, то довольно большие по масштабам раскопки исследования, проведенные на Недвиговском городище в прошлом столетии, дали большое количество материалов, которые, однако, не могут быть полностью освоены, так как до нас не дошло ни достаточных дневниковых записей, ни описаний, ни чертежей, ни зарисовок комплексов, открытых при этих работах. Этими раскопками было добыто большое количество древних вещей, иногда очень важных и интересных, но отсутствие определенной системы в раскопках, а главное, какой-либо фиксации вскрытых объектов делают почти невозможным привлечение данных этих раскопок для общей характеристики Танаиса как экономического центра.

Когда Т. Н. Книпович предприняла общее исследование всего материала, добытого раскопками XIX и начала в XX в.¹ в Танаисе, она могла опереться только на отдельные вещи, хранящиеся в музеях, но не на характеристику целых комплексов. Для представления о хозяйственной жизни поселения исследование отдельных вещей, конечно, важно, но далеко не достаточно.

Работы Нижне-Донской экспедиции, ведущиеся с 1955 г. на городище Танаиса и на его некрополе², дают нам некоторые материалы для суждения о разных сторонах истории, культуры и экономики древнего города. Эти материалы пополняются и будут пополняться в дальнейшем, но и сейчас уже они позволяют сделать целый ряд заключений о хозяйственной жизни Танаиса в разные эпохи его существования.

Прежде всего археологические исследования подтвердили роль Танаиса как важного торгового центра. Торговая роль Танаиса никогда ни у кого не вызвала сомнений. Пожалуй даже наоборот: Танаис часто воспринимался исследователями исключительно как торговый центр. Причиной этого является та характеристика, которая дается Танаису античными авторами.

Страбон трижды говорит о Танаисе как о торговом центре, употребляя при этом

¹ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949.

² См.: Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, 74, 1959; его же. Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, 77, 1959; его же. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. КСИИМК, 83, 1961.

термин *ἐμπόριον*, который переводится обычно на русский язык словами «торговое место» или «торжище»³.

Упомянув другие пункты в Северном Причерноморье, Страбон по отношению ни к одному из них не подчеркивает так настойчиво его торговый характер. Представление о Танаисе прежде всего как о торговом центре, видимо, настолько прочно укоренилось в античном мире, что иногда слово *Ἐμπόριον* воспринималось даже как имя собственное, в качестве второго названия Танаиса⁴. Еще более показательным обстоятельством, что сами жители Танаиса в своих надписях иногда именуют город эмпорием⁵. Совершенно очевидно, что в представлении современников Танаис выступал прежде всего как торговый пункт. Это выделяет Танаис из числа других северопонтийских городов и заставляет с особым вниманием отнестись к тем данным о танаисской торговле, которые доставляет нам археология.

Для определения торговых связей Танаиса следует привлечь прежде всего находимые при раскопках города и некрополя привозные изделия. Как и в других городах Северного Причерноморья, основную массу привозного материала в Танаисе составляют амфоры, фрагменты которых образуют главное содержание культурного слоя Недвиговского городища, если не считать строительного камня. В первые века существования города, т. е. в «дополюмоновском» Танаисе III — I вв. до н. э., это почти исключительно родосские амфоры (рис. 1, 1). Количество обломков их в Танаисе огромно. Попадались и целые родосские амфоры как на городище, так и в могильнике⁶. Наряду с родосской керамической тарой встречаются обломки и других амфор эллинистического времени, но в сравнительно небольшом количестве (рис. 1, 2).

Показательны в этом отношении находки амфорных клейм. При работах Нижне-Донской экспедиции в 1955—1960 гг. найдено несколько сотен клейм на ручках эллинистических амфор. Почти все они — клейма родосские. Только единичные экземпляры имеют не родосское происхождение. Это амфорные клейма Синопы, Коса, Книда, Херсонеса и неизвестных центров. Если прибавить к этому, что огромное большинство амфорных клейм, найденных при предыдущих раскопках Танаиса, также составляют клейма Родоса⁷, то картина полного и безраздельного господства Родоса в танаисском импорте керамической тары III — I вв. до н. э. станет совершенно ясной.

Из рассмотрения амфор в других пунктах Северного Причерноморья, прежде всего в городах Боспора, видно, что нигде не наблюдается такого резкого преобладания родосской керамической тары. В городах Европейского Боспора, особенно в малых городах, резко преобладают керамические клейма Синопы⁸. Это своеобразие Танаиса в отношении состава находок керамических клейм отчасти может быть объяснено тем, что в Танаисе, городе гораздо более варварском, чем другие центры Северного Причерноморья, потребление оливкового масла, привозимого в синопских амфорах, было относительно невелико, тогда как вино потреблялось, конечно, в большом количестве. Однако объяснение это может быть принято лишь с известными оговорками. Во-первых, есть прямые доказательства, что Танаис даже в более позднее время ввозил оливковое масло (об этом ниже). Во-вторых, нет никакой уверенности в том, что в синопских амфорах всегда ввозили именно масло⁹.

³ Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 3, 11.

⁴ Steph. Byz. s. v. *Τάναϊς*.

⁵ IPE, II, 427, 428.

⁶ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 34, рис. 2; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, МИА, № 98, 1961, стр. 55.

⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 74—75.

⁸ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 128—129.

⁹ Ср.: Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, 66—67.

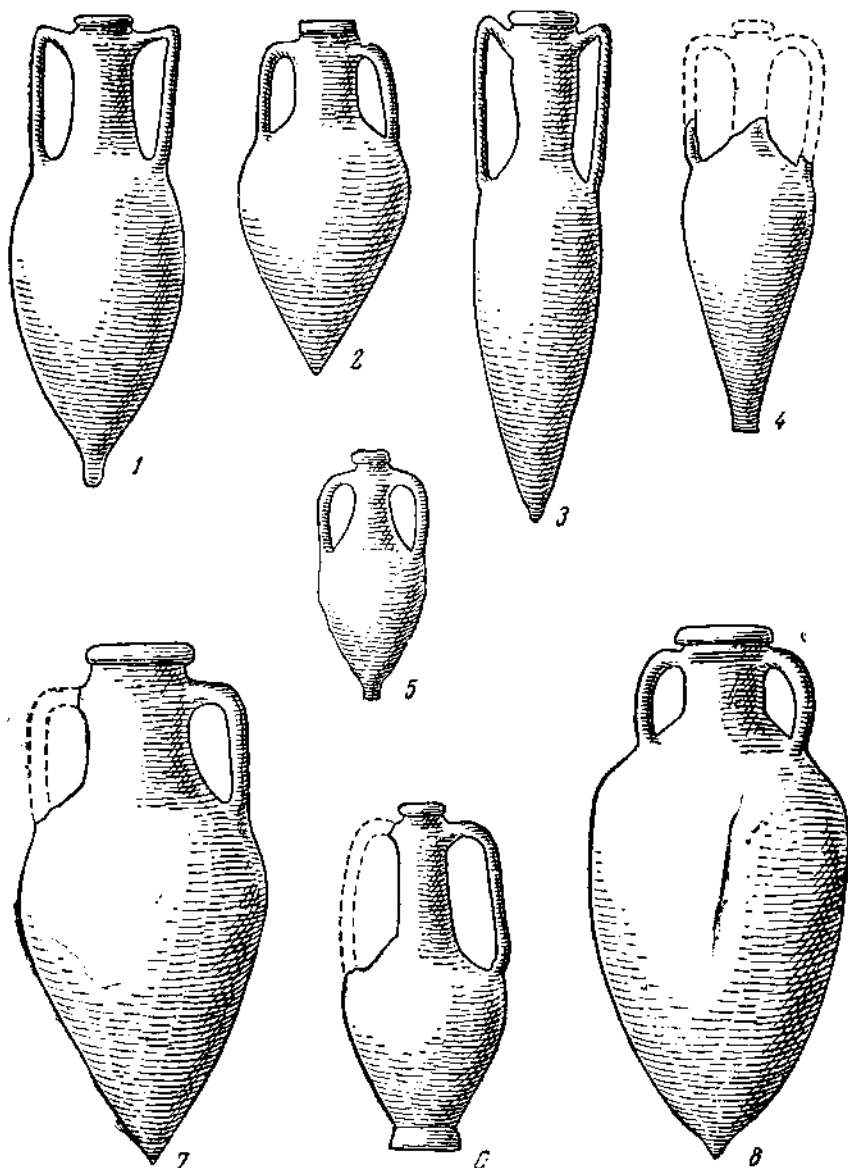

Рис. 1. Амфоры:

1 — родоская II в. до н. э., 2 — синопская II в. до н. э., 3 — I в. до н. э.,
4 — I—II вв. н. э., 5 — III в. н. э., 6 — I в. н. э., 7, 8 — III в. н. э.

Преобладание родосского ввоза в Танаис может быть связано еще и с другим обстоятельством. Вряд ли импорт в родосской таре поступал в Танаис непосредственно с Родоса или при обязательном посредничестве родосских купцов. Гораздо вероятнее предположение, что большая часть заморских товаров попадала в Нижнее Подонье вообще и в Танаис в частности через крупные торговые центры Бослора—Пантикапей или Фанагорию. Огромный перевес импорта родосских амфор над всем остальным позволяет предположить, что основные связи Танаиса шли именно через Фанагорию,

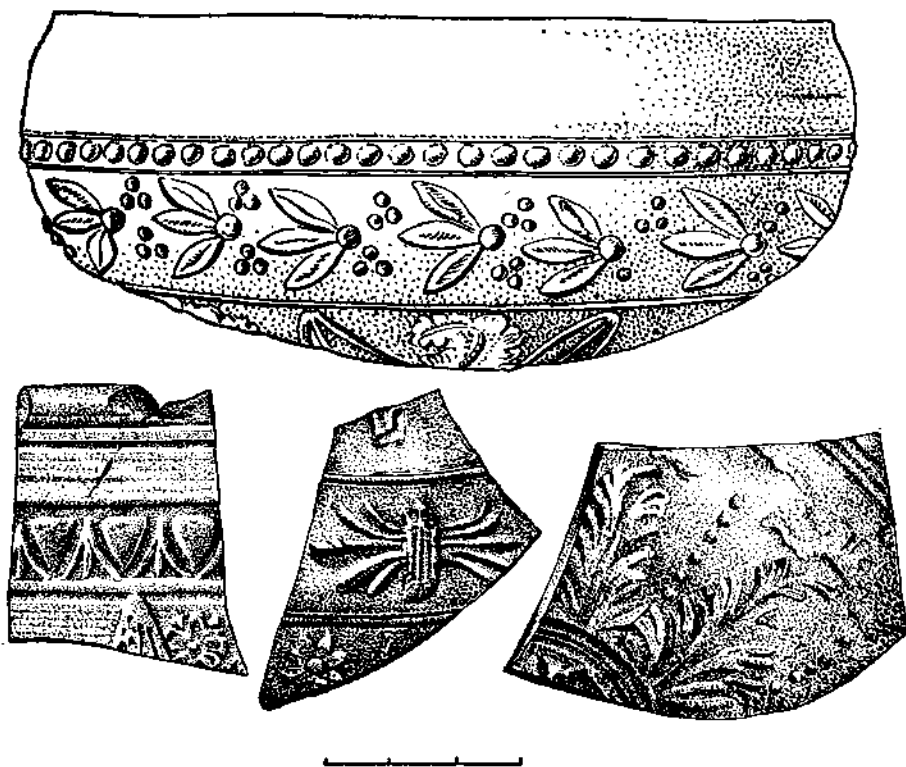

Рис. 2. Обломки «мегарских» чаш

где наблюдается заметное преобладание родосского импорта¹⁰, тогда как на европейской стороне Боспора первое место занимает ввоз из Синопы. Некоторые наблюдения над особенностями танаисского грунтового некрополя подтверждают предположение о более тесных связях Танаиса именно с азиатским Боспором¹¹. Хотя эти наблюдения относятся к области культурно-этнических отношений, можно все же предполагать, что торговля и культурные связи развивались по одним направлениям и находились во взаимной зависимости. В связи с этим любопытно, что из двух найденных в Танаисе боспорских монет, хронологически предшествующих полемоповскому походу, одна является монетой Фанагории II в. до н. э.¹²; монеты этого типа встречаются на европейской стороне Боспора относительно довольно редко. Сам факт этот, конечно, может быть и случай, но в общей цепи косвенных данных, приведенных выше, и он может служить некоторым намеком на более тесные связи Танаиса с городами азиатской стороны Боспора.

Кроме амфор в Танаис в III—I вв. до н. э. ввозились и некоторые другие керамические изделия. Среди находок, относящихся к эллинистическому времени, встречаются обломки «мегарских» чаш (рис. 2), чаще всего боспорского, но иногда и средиземноморского происхождения¹³, позднейшей чернолаковой керамики III—II вв.

¹⁰ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагорин, стр. 129.

¹¹ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 86, 88.

¹² Н. И. Веселовский. Танаис Младший. «Гермес», 1909, № 6, стр. 251, примеч. 12.

¹³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 67—68, рис. 24; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 65, табл. XXVI, I.

до н. э., сосудов с накладной краской типа «гнация», простой, сделанной на круге посуды столового и кухонного назначения. Интересна находка двух расписных чаш с медальонами на дне. Все эти материалы происходят главным образом из Боспора, либо из Малой Азии. Преобладание в привозном материале предметов малоазиатского происхождения особенно ясно выступает в I в. н. э.

Таким образом материал, найденный при раскопках танаисского городища и некрополя, говорит о том, что Танаис с самого начала своего существования очень широко потреблял товары, привезенные как из городов Боспора, так и из производственных центров Причерноморья вообще и даже Средиземноморья.

Обилие в Танаисе привозного керамического материала III—I вв. до н. э., предполагающее достаточно широкое развитие внешней торговли, находится в резком противоречии с почти полным отсутствием монет этого времени. За время работ Нижне-Донской экспедиции в Танаисе было найдено около сотни монет¹⁴. Ранее, при археологических раскопках XIX в. и при случайных сборах, было получено около 300 монет. Таким образом общее число нумизматических находок в Танаисе составляет примерно четыре сотни. Хотя точных определений монет, найденных при прошлых находках, у нас нет, можно все же утверждать совершенно уверенно, на основании общей их характеристики, дававшейся исследователями, что все они относились к первым столетиям нашей эры так же, как и монеты, добытые при раскопках Нижне-Донской экспедиции. Существуют лишь два исключения. Это, во-первых, медная фанагорийская монетка II в. до н. э., найденная в 1909 г. при раскопках Н. И. Веселовским танаисского некрополя,¹⁵ и, во-вторых, пантикапейская медная монета первой четверти III в. до н. э., обнаруженная в мусорной грунтовой яме в 1958 г.¹⁶

Почти полное отсутствие в Танаисе монет III—I вв. до н. э., в очень большом числе встречающихся при раскопках всех античных городов, конечно, нельзя считать случайным. Если раньше отсутствие ранних нумизматических находок на Недвиговском городище, отмеченное еще П. М. Леонтьевым, объяснялось тем, что Танаис был якобы основан на этом месте лишь в I в. н. э., то теперь, когда раскопаны целые городские районы и оборонительные сооружения III—I вв. до н. э., это объяснение, естественно, не может иметь места. Единственным возможным объяснением указанного факта является признание, что в Танаисе и в его округе в эллинистическое время денежные отношения еще не были развиты, а торговые связи велись на другой основе, вероятно, на основе товарного обмена¹⁷. Очень показательны в этом отношении и полное отсутствие монетных находок эллинистического времени на других нижнедонских памятниках; в частности, на Елизаветовском городище не было найдено ни одной монеты, относящейся ко времени существования этого, несомненно значительного, торгового центра в дельте Дона. Видимо, чрезвычайно слабое развитие денежных отношений в доримскую эпоху было общим явлением для всего Нижнего Подонья.

Торговые связи Танаиса первых веков нашей эры могут быть прослежены на привозном материале, прежде всего на амфорах. К сожалению, происхождение амфор этого времени известно гораздо хуже, чем происхождение керамической тары эллинистического времени. Безусловно преобладающей группой амфор в Танаисе в первые века нашей эры была группа светлоглиняных узкогорлых амфор¹⁸. Эта группа включает в себя многие разновидности амфор (рис. 1, 4—6), начиная с I в.

¹⁴ Д. Б. Шелов. Денежный рынок Танаиса. ЗОАО, I, 1960, стр. 133.

¹⁵ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 251.

¹⁶ В 1961 г. при раскопках в юго-восточной части городища найдена еще одна маленькая пантикапейская монета конца III в. до н. э.

¹⁷ Д. Б. Шелов. Денежный рынок Танаиса, стр. 134—135.

¹⁸ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 72—74, рис. 23—А; ср.: И. Б. Зеевст. Керамическая тара Боспора. М., 1960 (МИА, № 83), стр. 110 табл. XXVIII, стр. 117—118, табл. XXVII; 91—93, табл. XXVIII, 94.

до н. э. и кончая серединой III в. н. э., когда Танаис был полностью разрушен в результате вражеского нашествия. Место производства амфор этой группы пока не определено, более или менее вероятно их малоазийское происхождение.

В первом веке нашей эры в Танаис широко ввозились другого типа светлоглиняные амфоры — с желудеобразной ножкой и двустольными ручками¹⁹. Эти амфоры, встреченные при раскопках в Танаисе в большом числе (рис. 1, 3), датируются приблизительно I в. до н. э. — I в. н. э. Кроме того, в Танаисе распространены, особенно во II и III вв. н. э., большие красноглиняные или розовоглиняные амфоры разных типов с широким горлом и профилированными или круглыми в сечении ручками (рис. 1, 7—8)²⁰. За этими амфорами признается обычно боспорское происхождение, хотя некоторые из них могли производиться и в других районах Причерноморья. Среди этих красноглиняных амфор в Танаисе встречаются варианты, распространенные как в европейской, так и в азиатской частях Боспора и происходящие, вероятно, соответственно из пантикапейских, фанагорийских и иных боспорских керамических мастерских.

Из другого привозного материала наибольшее распространение в первые века нашей эры в Танаисе получает краснолаковая посуда, представленная в находках огромным числом целых и фрагментированных сосудов — мисок, блюд, кувшинов, ойнохой, кружек и пр. (рис. 3)²¹. Подавляющее большинство этой керамики имеет малоазийское происхождение. Можно выделить среди краснолаковой посуды пергамские изделия, встречаются в небольшом числе и сосуды, очевидно, привезенные с Самоса²². В сравнительно небольшом числе встречаются краснолаковые изделия, которые, пользуясь критериями, определенными Т. Н. Книпович²³, можно предположительно отнести к изделиям боспорских мастерских. Находки фрагментов краснолаковой посуды, происходящей из италийских или западноевропейских центров, единичны, но все же они вместе с металлическими вещами западного происхождения, найденными как в самом Танаисе, так и в его окрестностях, свидетельствуют о наличии некоторых связей и в этом направлении²⁴. Вся привезенная простая керамика, находящаяся в Танаисе, по-видимому, происходит из городов Боспора.

Для характеристики торговой жизни города в первых веках нашей эры очень важны обнаруженные раскопками в разных районах Танаиса большие подвалы, служившие, вероятно, складскими помещениями. Такие подвалы, несомненно, существовали и в первый период существования Танаиса в той части города, где впоследствии сосредоточилась вся городская жизнь, т. е. на территории основного четырехугольного городища. Во всяком случае два из открытых подвалов, подвалы А и Д на раскопке IV в юго-западном углу четырехугольника, были сооружены еще во II в. до н. э. и использовались до момента гибели города в середине III в. н. э.²⁵ На территории

¹⁹ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 57, табл. XV, 4; ср.: И. Б. Зеев. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 114, рис. 6; е же же. Керамическая тара Боспора, стр. 109, табл. XXVI, 61.

²⁰ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 74, рис. 28-б; Д. Б. Шелов. Новые данные о древнем Танаисе. «Краеведческие записки» (Таганрогский краеведческий музей), вып. I. Таганрог, 1957, рис. 5; ср.: И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, стр. 111—117, табл. XXX—XXXVI.

²¹ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 68—70, рис. 25—26; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 66—70.

²² Там же.

²³ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА № 25, 1952, стр. 321—322.

²⁴ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 50—54, 144—155 Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 67, 74.

²⁵ Показательно также, что при раскопках П. М. Леонтьева был открыт «погреб, наполненный черепками амфор, между которыми большое число ручек с греческими клеймами» (Ведомость о раскопках на Недвиговском городище. Архив ИА, ф. 9, д. 25, 1853 г., л. 68. Ср.: Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 31, примеч. 2).

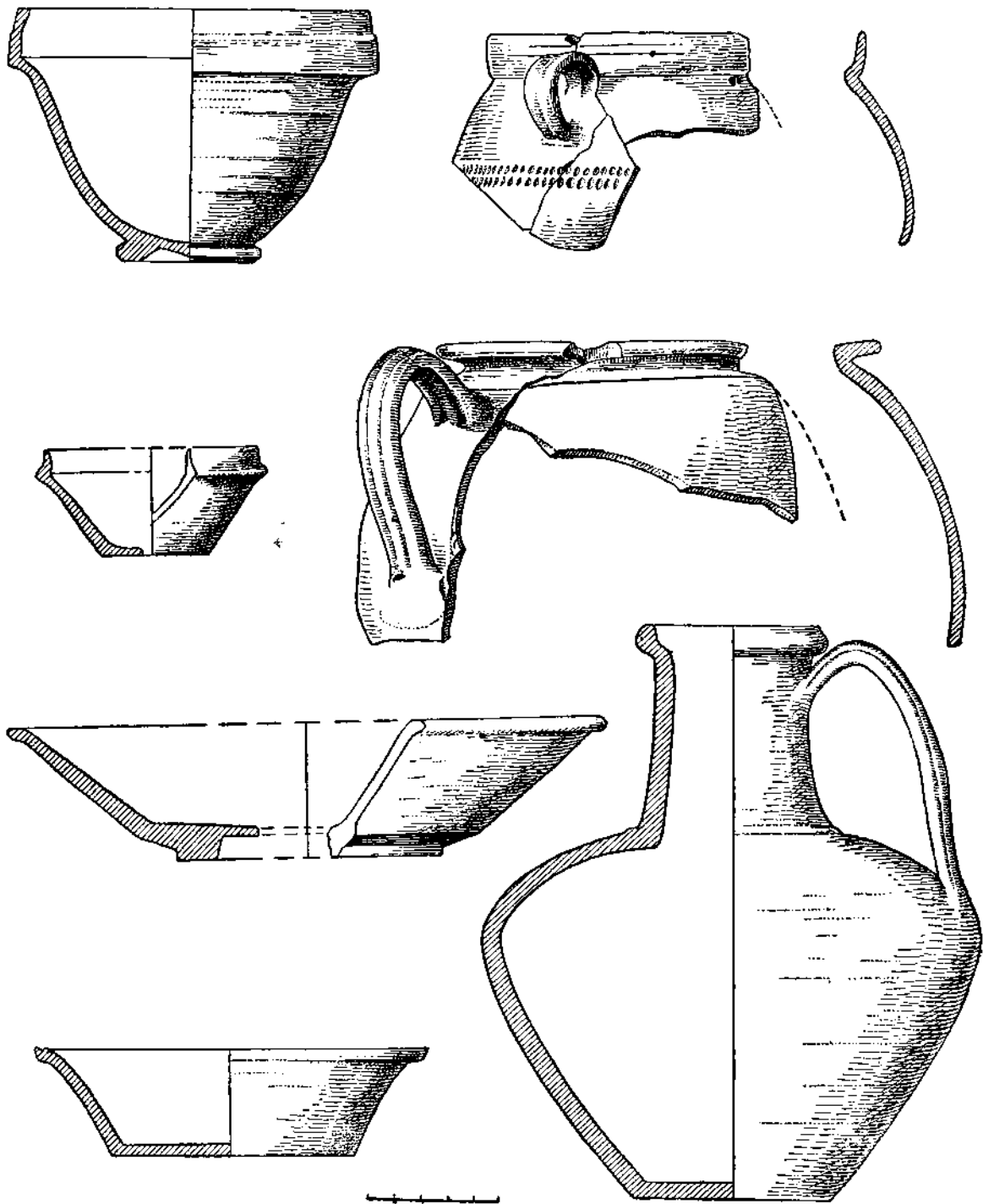

Рис. 3. Краснолаковые сосуды

так называемого западного крыла городища ни одного подвала пока не обнаружено. Может быть, это связано с тем, что в западном районе города, обитаемом в III—I вв. до н. э., жили по преимуществу не греки-торговцы, а выходцы из окружающих Танаис племен, те «танаиты», которые в позднейших надписях до известной степени противопоставляются эллинам. Такое предположение позволяют высказать некоторые результаты последних раскопок западного крыла.

Подвалы-склады встречались и прежним исследователям Танаиса; в частности, при раскопках П. М. Леонтьева в 1853 и В. Г. Тизенгаузена в 1867 г. были обнаружены также подвалы «погребов» с целыми и разбитыми амфорами в них²⁶. Но, к сожалению, упоминания о таких находках слишком глухие. При работах Нижне-Донской экспедиции открыто несколько таких подвалов, засыпанных камнем во время разгрома города в 40-х годах III в. н. э.²⁷ Все они находились под наземными помещениями. Стены их были либо сложены из нерегулярного камня на глиняном растворе, либо высечены в материковой скале. Обычно при этом для устройства подвалов использовались естественные трещины и расселины скалы. Глубина подвалов 2—3 м, пол их составляет подтесанная скала или материковая глина.

Подвал Б на раскопе II в северо-восточном углу городища входил в комплекс помещений усадьбы II—III вв., открытой раскопками целиком (рис. 4, I). Другие помещения этого комплекса не имели того характера хранилища, который отличал подвал Б. Среди камней, заполнявших подвал, найдено огромное число фрагментов небольших узкогорлых светлоглиняных амфор с реберчатым туловом (рис. 1, 5). Амфоры эти стандартной формы и размера составляют самую распространенную в Танаисе группу амфор и датируются первой половиной III в. н. э. Судя по находкам горл, их в подвале было не менее сотни. На горлах большинства из них имеются буквы, монограммы и знаки, нанесенные красной краской. В меньшем числе встречены обломки широкогорлых красноглиняных амфор, среди них есть также фрагменты с надписями краской. Представляется довольно вероятным, что этот подвал принадлежал торговцу, хранившему в нем свои товары. В этом же подвале найдены пять железных, прокованных медью колокольцев (рис. 5), привешивавшихся на шею скоту, может быть караванным животным — лошадям или верблюдам²⁸. В подвале обнаружена также медная чашечка весов.

Еще более интересны находки в другом большом подвале Д в противоположном юго-западном углу городища (рис. 4, 2). В этом подвале найдено несколько целых и огромное число разбитых амфор. Подсчет фрагментов показал, что в подвале хранилось не менее 375 светлоглиняных узкогорлых амфор и около 40 больших красноглиняных. Совершенно несомненно, в подвале в амфорах хранились запасы. На большинстве амфор из этого подвала, как и на амфорах из других подвалов, были сделаны красной краской надписи и пометки. Вообще среди танаисской амфорной тары II—III вв. н. э. очень много фрагментов с остатками надписей²⁹.

Нигде, ни в одном другом центре Северного Причерноморья, нет такого обилия надписей на амфорах, как в Танаисе. Надписи эти еще требуют специального исследования, но некоторые соображения можно высказать уже сейчас.

На большинстве амфор имеются лишь отдельные знаки — буквы или монограммы, расшифровка которых затруднительна. Можно предположить, что значительная часть из них — это цифры, обозначающие иногда порядковую нумерацию амфор. В ряде случаев на амфорах читаются имена, редко полностью (ΒΟΛΩΝΟΣ, ΣΑΜΒΙΩΝ), чаще в сокращении (рис. 6). В частности, в описанном подвале Д найдено множество

²⁶ Ведомость о раскопках на Недвиговском городище. Архив ИА, ф. 9, д. 25, 1853 г., лл. 68—69; ОАК, 1867, стр. XIX; Т. Н. К и п о в и ч. Танаис, стр. 28.

²⁷ Д. Б. Ш е л о в. Руины Танаиса. «Известия Ростовского областного музея краеведения», № 1 (3), 1959, стр. 34 сл.

²⁸ Д. Б. Ш е л о в. Новые данные о древнем Танаисе, рис. 8.

²⁹ Т. Н. К и п о в и ч. Танаис, стр. 29—30, рис. 29.

Рис. 4. Подвалы Б и Д

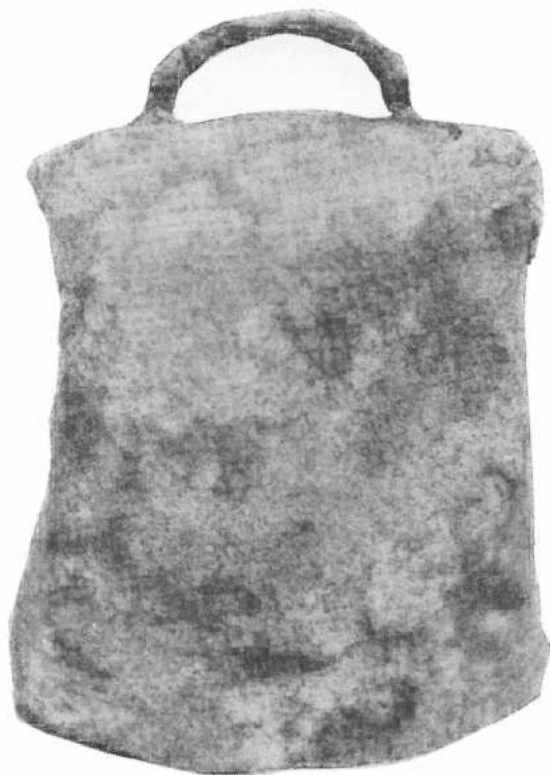

Рис. 5. Железный колокольчик из подвала Б

амфор, на каждой из которых написано одно из следующих трех имен: АΛΕ (несомненно начало имени Ἀλεξάνδρος, Ἀλεξᾶς или подобного), ΝΑΥ (Ναύακος? Ναύτικος?), ΣΑΜ (Σαμβίων? Σαμβατίων?). Интересно, что все надписи АΛΕ выполнены в одной манере, резко отличной от почерков надписей ΝΑΥ и ΣΑΜ. Несомненно, что три имени писались на амфорах тремя разными людьми. Очевидно, хозяин каждой из групп амфор предварительно пометил принадлежащие ему амфоры, а затем передал их в общее хранилище, может быть, купцу-посреднику.

Любопытно, что на некоторых из амфор, помимо обозначения имен или отдельных букв, есть еще и рисунки краской. На нескольких обломках амфор изображены виноградные гроздья; нет сомнения, что в этих амфорах было либо вино, либо виноград. На других амфорах изображено краской дерево с приподнятыми сверху ветвями. Можно думать, что это изображение оливы и что в этих амфорах хранилось оливковое масло. На одной из амфор читается надпись ΓΑΥ. По аналогии с такой же надписью на фасосской амфоре из Пантикапея³⁰, можно читать эту надпись γλυκὸς οἶνος и предположить, что

в амфоре с надписью ΓΑΥ хранилось сладкое вино.

Для характеристики танаисской торговли в III в. н. э. интересна еще одна находка из подвала Д — свинцовая гири, инкрустированная медной проволокой (рис. 7). Вес этой гири (273 г) очень близок весу гири, найденной в Тиритаке (276 г), и соответствует двум третям веса пантикапейской мины³¹.

Монетные находки, относящиеся к I—III вв. н. э., в Танаисе достаточно обильны, причем число монет все увеличивается, начиная с середины I в. до 30-х годов III в. н. э. Это в основном монеты боспорских царей и отдельные, редко встречающиеся римские монеты. Большое количество монетных находок свидетельствует о значительном подъеме и расцвете всей торговой жизни города во II в. и в первой половине III в. н. э., до самого момента гибели Танаиса в 40-х годах этого столетия³².

Что касается последнего периода в жизни города — периода его восстановления после разгрома уже во второй половине IV в., то дать какую-либо характеристику танаисской торговли в это время мы пока не можем. Этот период изучен очень слабо, так как почти все остатки этого позднего времени разрушены при недавней добыче камня с территории Недвиговского городища. Верхние слои городища, как правило, совершенно уничтожены и перекопаны. Материала, который заведомо можно было бы

³⁰ В. Д. Блаватский. Надпись на обломке фасосской амфоры. «Нумизматический сборник», ч. 2 («Труды ГИМ», вып. XXVI), М., 1957, стр. 32—33.

³¹ В. Д. Блаватский. О пантикапейской весовой системе. СА, XXIII, 1955, стр. 203.

³² Д. Б. Шелов. Денежный рынок Танаиса, стр. 135—136; е г о ж е. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 127.

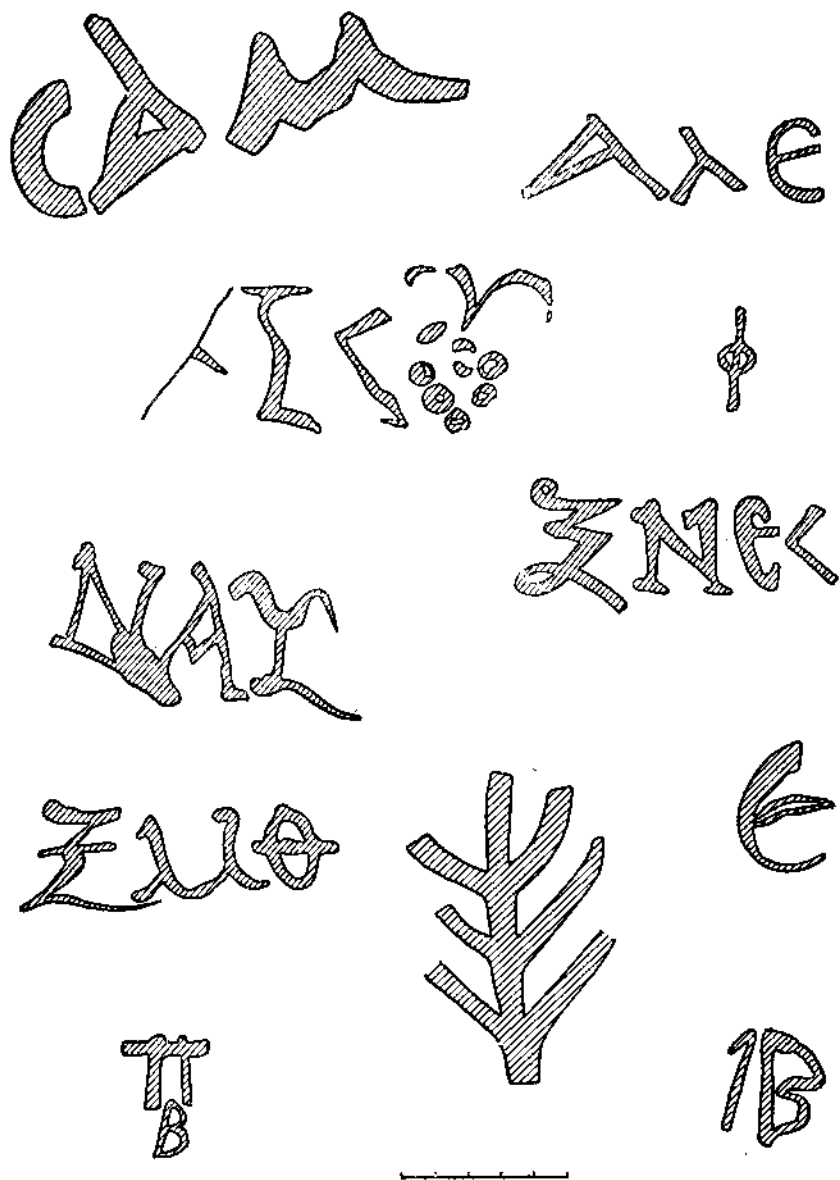

Рис. 6. Надписи на амфорах III в. н. э.

датировать IV в., очень немного. Это главным образом обломки амфор и краснолаковой керамики, частью малоазийского, частью, вероятно, боспорского производства. Но материалы эти пока изучены еще совершенно недостаточно, и часто даже нельзя с уверенностью отнести те или иные формы керамики к III или к IV вв. н. э. А переконанность верхних слоев городища делает в большинстве случаев невозможной и стратиграфическое определение. К этому периоду относятся и редкие находки монет. Всего известно пока три находки таких монет, все они римские — Валента, Феодо-

Рис. 7. Свинцовая гиря из подвала Д .

сия I и Флациллы. Обращает на себя внимание, что обе римские монеты, найденные Нижне-Донской экспедицией, чеканены на монетных дворах Малой Азии — Нико-медии или Кизика ³³.

Гораздо хуже, чем торговля, освещена археологическими материалами производственная деятельность жителей Танаиса, но все же некоторые данные позволяют утверждать, что Танаис являлся не только торговым центром, но и центром земледелия и ремесленного производства.

Производственные комплексы в раскопках Нижне-Донской экспедиции пока встречены не были. При раскопках П. И. Хицунова в Танаисе были открыты обжигательные печи, исследование которых было бы очень важно. К сожалению, описание этих печей слишком общее, графическая документация и обмеры отсутствуют ³⁴. Все же нет сомнений в том, что печи эти принадлежали специализированному керамическому ремесленному производству и служили для обжига крупной керамики, может быть амфор. Видимо, простая гончарная посуда не только привозилась в город, но и выделывалась ремесленниками на месте. Исследование массового керамического материала из раскопок Танаиса, очевидно, позволит в дальнейшем выделить группу изделий местного производства.

³³ Определение В. В. Кропоткина.

³⁴ Извлечение из журнала археологических изысканий... П. И. Хицунова. Архив ИА, д. ИАК, 1869 г., № 10, л. 38; Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 28—29.

В самом Танаисе несомненно выделялись чрезвычайно распространенные в находках лепные сосуды, изготовленные без применения гончарного круга³⁵. Такие сосуды употреблялись в каждом доме для приготовления пищи и иных хозяйственных надобностей и, вероятно, изготовлялись не специалистами-ремесленниками, а каждым хозяином или хозяйкой для удовлетворения своих домашних потребностей.

Ювелирное производство представлено формочкой для отливки серьги³⁶. Формочка эта вырезана из обломка родосской амфорной ручки. Довольно сложный рисунок серьги позволяет предполагать, что в Танаисе работали искусные ремесленники ювелиры и что большинство золотых и бронзовых украшений, столь обильно встречающихся в танаисских могилах, имеет местное происхождение. Возможно, ювелиру принадлежал и небольшой тигель—сосудик бочкообразной формы с очень толстыми стенками, найденный при раскопках в 1960 г. (рис. 8).

Вероятно, существовало в Танаисе и более крупное металлургическое производство. Вряд ли орудия и оружие, употреблявшиеся горожанами и находящиеся при раскопках городища и некрополя, привозились в город. Но пока, кроме кусков шлака, остатков этого производства не найдено. При расчистке одной водосборной цистерны II—III вв. н. э. на дне ее было обнаружено железное орудие типа зубила (рис. 9). Назначение его не совсем ясно. Скорее всего это действительно кузнечное зубило, и в таком случае оно является свидетельством развития в Танаисе кузнечного ремесла. Но это орудие могло принадлежать и каменотесу; в существовании лиц этой специальности в древнем городе сомневаться не приходится.

Находки костей животных, подвергшихся первичной обработке—опиловке, шлифовке, и отдельных костяных изделий (наконечник стрелы, рукоятки, проколки) доказывают существование в Танаисе костерезного ремесла (рис. 10).

Наконец, развитие прядения и ткачества, имевших, вероятно, характер домашнего производства, подтверждается огромным числом найденных пряслиц и нескольких пирамидальных глиняных подвесок для ткацкого станка. Пряслица лепились из глины или выделялись из черепков керамики. Найдены также пряслица костяное и стеклянное.

Из добывающих промыслов важнейшее место в хозяйственной жизни жителей Танаиса занимало рыболовство, являвшееся одним из главных занятий населения во все эпохи. Страбон почему-то не упоминает рыбу в числе объектов танаисского вывоза, но вряд ли можно сомневаться в том, что с Дона рыба вывозилась; вывозилась она, конечно, и из Танаиса. В культурных слоях городища, в мусорных свалках, в древних мусорных ямах встречается огромное количество отбросов рыбы—костей и чешуи. Остатки рыбьей чешуи залегают иногда целыми пластами и свидетельствуют о потреблении горожанами большого количества рыбы. Исследование этих остатков³⁷ показало, что основными видами промысловых рыб в Танаисе были осетровые

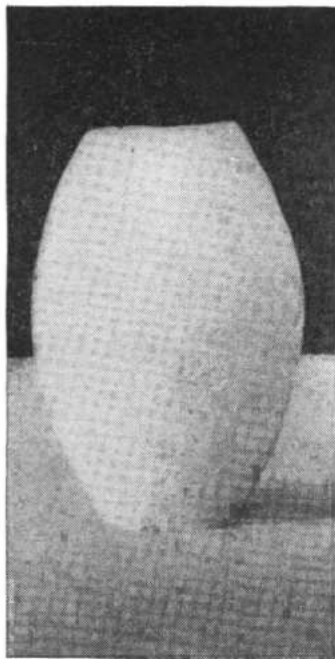

Рис. 8. Тигель

³⁵ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 77—82; Т. М. Арсеньева. Местная керамика из Танаиса. СА, 1958, № 3, стр. 207 сл.; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 58—61.

³⁶ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, табл. XXXII, 8.

³⁷ Исследование выполнено ихтиологом Е. А. Цепкиным. См.: Е. А. Цепкин. Рыбы городища Танаис. «Вопросы ихтиологии», т. I, в. 3 (20), 1961, стр. 448—452.

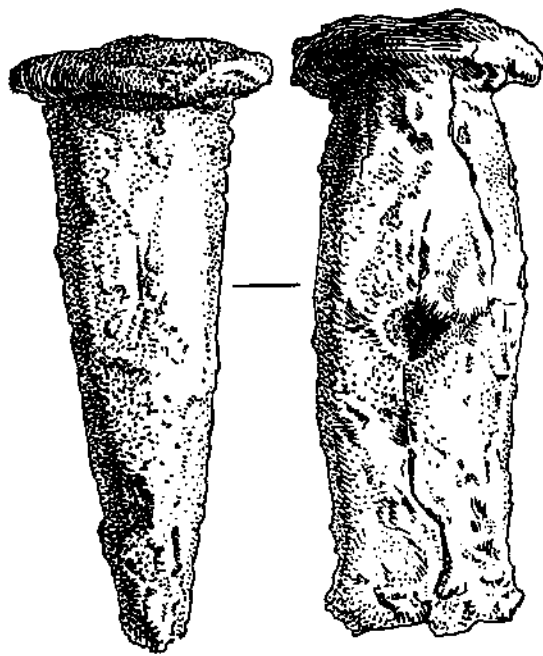

Рис. 9. Железное зубило

(осетр, севрюга, стерлядь), карповые (сазан, лещ, вырезуб), окуневые (судак) и сомовые. Главное место в добыче рыбы занимали сом и осетровые, ловля которых производилась плавными сетями и неводами. Во многих открытых помещениях и просто в культурном слое обнаружено множество рыболовных грузил. Обычно это плоские камни округлой или овальной формы с просверленными одним или двумя отверстиями. Гораздо реже встречаются грузила керамические — пирамидальные или изготовленные из амфорных ручек. В Танаисе до сих пор еще не найдены производственные сооружения для засолки рыбы, какие открыты в других городах Боспора и в Херсонесе. Может быть в Танаисе соленье рыбы производилось в амфорах, остатки рыбных костей в амфорах встречались; может быть применялись и какие-то другие методы консервации рыбы.

В противоположность рыболовству, охота не играла заметной роли в хозяйственной жизни танаитов. Только кабан являлся, видимо, объектом более или менее постоянного промысла, кости других диких животных — сайги, лисицы, зайца,

волка и пр. — встречаются при раскопках единицами. Однако все же кости диких животных в Танаисе попадаются относительно чаще, чем в других центрах Северного Причерноморья³⁸.

Жители Танаиса, как и обитатели других городов Северного Причерноморья, занимались и сельским хозяйством, возделывая зерновые культуры и разводя скот. Судя по ботаническим и остеологическим остаткам, эти отрасли хозяйства в Танаисе не отличались заметно от хозяйства других античных городов.

Сельскохозяйственных орудий в Танаисе найдено немного. Это целый железный серп II в. н. э. (рис. 11) и обломки другого такого же серпа. К оборудованию сельскохозяйственного производства можно отнести также многочисленные обломки мукомольных приспособлений и мраморную ступку для толчения зерна (рис. 12), найденную в одном из подвалов III в. н. э. Мукомольные орудия встречаются двух видов: более ранние четырехугольные зернотерки-толкачи с прорезным верхним камнем, обычные для боспорских поселений эллинистического времени³⁹, и вращающиеся жернова первых веков нашей эры. Большое число зерновых ям на всех исследованных участках города свидетельствует об очень значительных запасах зерна, хранившихся в Танаисе. Обычно ямы эти вырывались в материковой глине или в культурном слое и обмазывались изнутри глиной. Интересны две ранние, несомненно зерновые, ямы очень больших размеров, открытые на раскопе XII в юго-восточной части городища. Они были целиком вырублены в скале, глубина их достигает 3—3,2 м и таков же их диаметр по дну. Эти зернохранилища были сооружены еще в III в. до н. э.

³⁸ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 58, 1960, стр. 88—89, табл. 37, рис. 23.

³⁹ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 136—141, рис. 61—64.

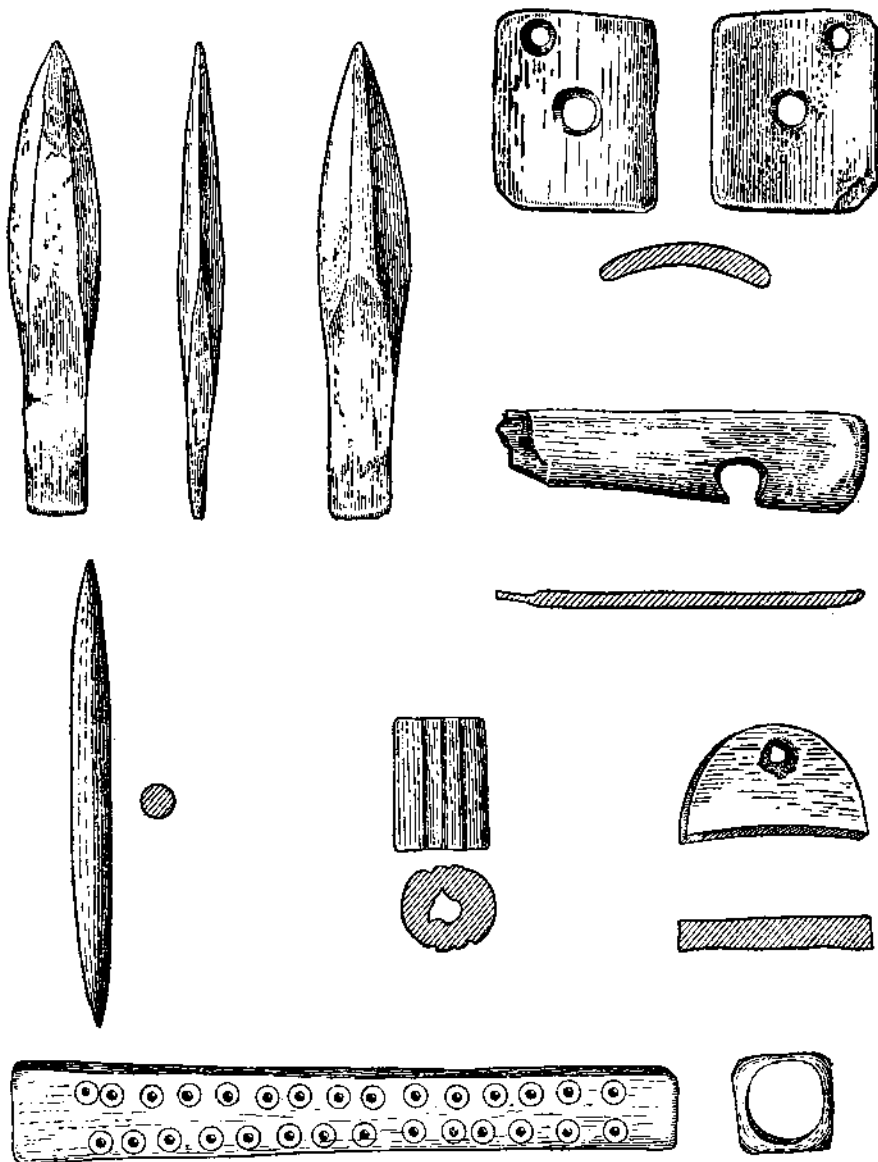

Рис. 10. Костяные изделия

Зерно хранилось не только в ямах, но и в амфорах. При раскопках одного из подвалов III в. н. э. на том же раскопе XII, подвала В, были обнаружены красноглиняные амфоры, наполненные обгорелым зерном (просом). В этом же подвале найдена и упомянутая мраморная ступа. Очень интересен обломок амфоры того же времени, на котором красной краской сделана надпись АЛФ. Надпись эту можно читать по-разному. Во-первых, это может быть цифра (531), поскольку альфа, лямбда и фи имеют числовое значение. Во-вторых, это может быть начало греческого имени.

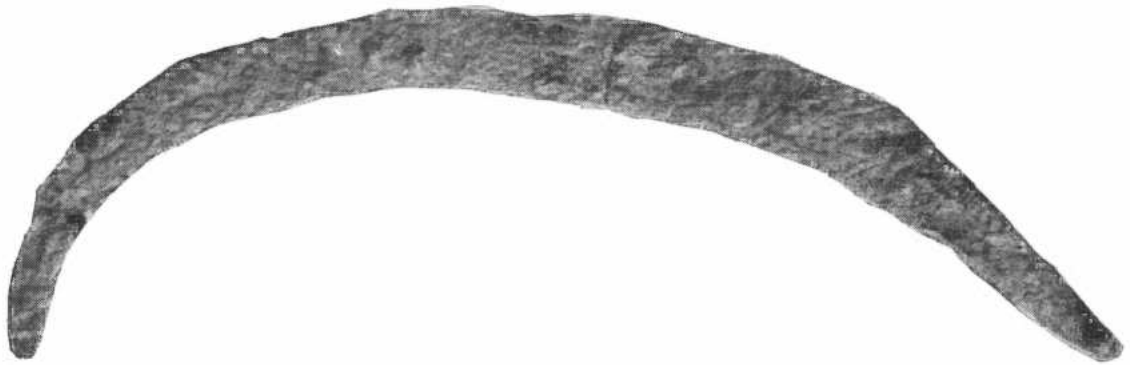

Рис. 11. Железный серп

например ἸΑλφίνους, ἸΑλφοκράτης. В-третьих, если читать надпись справа налево, она может оказаться началом римского имени (Флакк, Фламиний и пр.), написанного греческими буквами. Но наиболее вероятным кажется четвертое восстановление надписи, как начала слова ἄλφιτα — ячмень. Зерна ячменя многократно попадались при раскопках в Танаисе, хранение зерна в больших красноглиняных широкогорлых амфорах, одной из которых принадлежит рассматриваемый обломок, засвидетельствовано указанными находками в подвале В. Кроме зерен проса и ячменя, чаще всего встречающихся в Танаисе, там найдены также

зерна мягкой пшеницы и яровой ржи⁴⁰. Последняя находка особенно интересна, поскольку это первое свидетельство того, что рожь стала возделываемой культурой в Приазовье уже в первых веках нашей эры.

Содержание жителями скота и состав стада в Танаисе засвидетельствованы многочисленными находками в культурном слое костей домашних животных⁴¹. Танаис в этом отношении не отличался от других античных городов Северного Причерноморья. Мы находим здесь все основные виды домашнего скота и примерно в тех же пропорциях, что и в других центрах. Исключение составляет свинья, очень мало распространенная в Танаисе. Кости свиньи в танаисских остеологических остатках составляют около 3%, тогда как в других городах Боспора свинье принадлежит 15—20% всех найденных костей, а

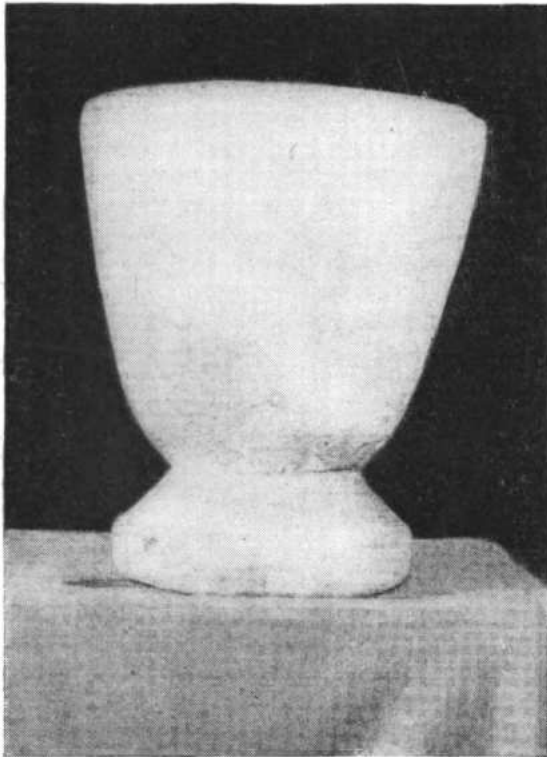

Рис. 12. Мраморная ступа

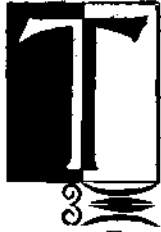
⁴⁰ Все определения зерна из Танаиса выполнены А. В. Кирьяновым.

⁴¹ Все кости животных из Танаиса определены и исследованы В. И. Цалкиным. См.: В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья, особенно табл. 39 на стр. 95 и приложение 15 на стр. 104.

иногда эта цифра доходит до 30%. Как и в других городах, в Танаисе в эллинистическую эпоху характерно преобладание в составе стада мелкого рогатого скота и увеличение роли крупного рогатого скота в первые века нашей эры. Вероятно с этим связано некоторое уменьшение числа костей собаки в поздних слоях. Можно думать, что собака использовалась главным образом как сторож при выпасе мелкого рогатого скота. Кости лошади встречаются в Танаисе в довольно большом количестве, но не в большем, чем в других городах Боспора. Интересны редкие, но неизменно повторяющиеся находки костей верблюда.

Приведенные материалы позволяют только в самых общих чертах наметить некоторые основные вехи экономического развития Танаиса. Детализация и уточнение истории хозяйственной жизни этого древнего города могут быть достигнуты при дальнейшем накоплении материалов из раскопок Недвиговского городища.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СИНОПЫ в IV—II вв. до н. э.

Торговые связи Синопы уже давно привлекают внимание исследователей и прежде всего советских ученых потому, что экономика Синопы была особенно тесно связана с районами Юга СССР. Достаточно указать на исследование Б. Н. Гракова, И. Б. Зеест и на фундаментальный труд М. И. Максимовой¹.

Настоящая статья посвящена детальному анализу развития синопского экспорта; в ней рассматриваются экономические связи Синопы с различными районами и центрами, их колебания во времени, а также различия в ассортименте ввозившихся в них товаров.

Свидетельства о синопской торговле имеются самые разнообразные. Они встречаются и в письменных источниках (прежде всего, надписях), отражаются в нумизматических и археологических материалах. Письменные и нумизматические данные с исчерпывающей полнотой были собраны в книге М. И. Максимовой. К ним в настоящее время можно добавить лишь очень немногое. Поэтому, отсылая читателя к этой работе, мы строим наше исследование главным образом на изучении керамического материала и прежде всего на данных синопской керамической эпиграфики.

Важнейшим источником для установления внешнеторговых связей Синопы являются клейма на некоторых видах синопской керамики — амфорах, черепицах и пифосах. В настоящее время известно более 10 тыс. керамических клейм Синопы (свыше 9 тыс. зарегистрировано в рукописи IPE III Е. М. Придином и Б. Н. Граковым). Синопские клейма, выделенные в свое время Б. Н. Граковым, были им классифицированы хронологически с конца IV до I в. до н. э. Хронологическая последовательность выделенных Б. Н. Граковым групп астиномов не вызывает сомнений². Однако уже давно назрела необходимость уточнения их абсолютной датировки³. Что касается начала синопского керамического клеймения, то Б. Н. Граков позднее отодвинул его с конца IV в. до н. э. к середине столетия⁴, остальные же даты пересмотру не подверглись.

¹ Б. Н. Граков. Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1928; И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2; М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956; ср.: W. L e a f. The Commerce of Sinope. JHS, XXXVI (1916).

² См.: И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 299, ср. В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, № 1, стр. 56 сл.

³ См.: А. Н. Зограф. Рецензия на книгу Б. Н. Гракова «Древнегреческие керамические клейма» ZfN., XL, 1930; А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тпритики. Автореферат дисс., Л., 1951, стр. 12; М. И. Максимова. Античные города..., стр. 161, 218 сл.; ср.: И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 301.

⁴ Б. Н. Граков. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись докторской диссертации. М., 1939, Архив ИА АН СССР, № 538; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 90.

Между тем, в настоящее время, благодаря новому археологическому материалу, в ряде случаев удается уточнить абсолютную хронологию групп синопских астиномов. Археологически хорошо датируется переход от I к II хронологической группе⁶. Даты II, IV и V групп могут быть обоснованы и исторически, о чем будет сказано ниже.

Начало клеймения керамических изделий в Синопе относится к концу первой половины IV в. до н.э. (около 360 г.)⁶. Сохраняя классификацию Б. Н. Гракова, разделившего все синопские керамические клейма на шесть групп, мы считаем возможным датировать их в настоящее время следующим образом:

- I группа клейм — около середины IV в. — третья четверть IV в. до н. э. (около 360—320 гг.)
- II » » — последняя четверть IV — первая четверть III в. до н. э. (около 320—270 гг.)
- III » » — вторая и третья четверти III в. до н. э. (примерно до 220 гг.)
- IV » » — конец III — начало II в. до н. э. (около 220—183 гг.)
- V » » — первая половина II в. до н. э. (около 183—150 гг.)
- VI » » — вторая половина II в. до н. э.⁷

Таким образом, первоначальные абсолютные даты, предложенные Б. Н. Граковым, отодвигаются примерно на полстолетия⁸. После прекращения астиномного клеймения в Синопе в течение некоторого времени, по-видимому, продолжалось клеймение амфор именами одних лишь гончаров. Д. Б. Шелов недавно выделил немногочисленную группу синопских клейм (VII группа)⁹, которая, как по особенностям шрифта, так и по содержанию в них латинских имен, относится к последнему периоду изготовления синопских клейменных амфор и датируется уже I в. до н. э. После этого времени клеймение керамики в Синопе прекращается.

Еще Б. Н. Граков отмечал почти исключительное распространение синопских керамических клейм, а следовательно и керамики синопского производства вообще, по периплу Черного моря¹⁰. Действительно, из известных в настоящее время более 10 тыс. синопских клейм лишь около сотни найдено за пределами этого ареала¹¹.

⁶ См.: И. Б. Брашневский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 3, стр. 184 сл.; е го же. Комплекс кровельной черепицы из раскопок Ольвийской агоры в 1959 и 1960 гг. МИА, № 122, 1963.

⁸ В. И. Цехмистренко (Синопские керамические клейма с именами гончаров. СА, 1960, № 3, стр. 66 сл.) приходит к весьма вероятному выводу о начале синопского керамического клеймения в середине второй четверти IV в. до н. э. (370—360 гг.). Однако предположение автора об отнесении этой даты к последней четверти V в. до н. э. (стр. 68) не имеет пока никаких оснований.

⁷ Точно определить конец астиномного клеймения Синопы пока не представляется возможным, но он относится примерно к концу II в. до н. э. Предположению В. И. Цехмистренко (Синопские керамические клейма..., стр. 74) относить прекращение астиномного клеймения к концу первой четверти II в. до н. э. и связывать его с захватом города понтийскими царями противоречат фактический материал. Не вдаваясь в подробности, укажем хотя бы на то, что для обоснования своего тезиса В. И. Цехмистренко прибегает к абсурдному утверждению, будто бы городские magistratury в Синопе были ликвидированы за несколько лет до завоевания города Фарнаком I (183 г. до н. э.), т. е. ко времени, когда Синопа была самостоятельной. К этому автору выплывает об обстоятельство, что гончарные клейма с датами, которые он относит к послеастиномному периоду клеймения, уже в настоящее время известны начиная со 188 г. Ср. наши замечания в статье «Успехи керамической эпиграфики», стр. 302.

⁸ Как нам сообщил Б. Н. Граков, близкие выводы он изложил во вводных очерках к IPE, III.

⁹ Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантыкаепа в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 212.

¹⁰ Б. Н. Граков. Древнегреческие клейма..., стр. 31.

¹¹ 53 клейма на ручках синопских амфор найдено среди огромного количества клейм в Афинах: 42 из них происходят из раскопок агоры (сообщение В. Грейс), восемь найдено на Пникасе (V. G r a s s e. Stamped Wine Jar Fragments. «Hesperia», Suppl. X (Small Objects from the Pnyx,

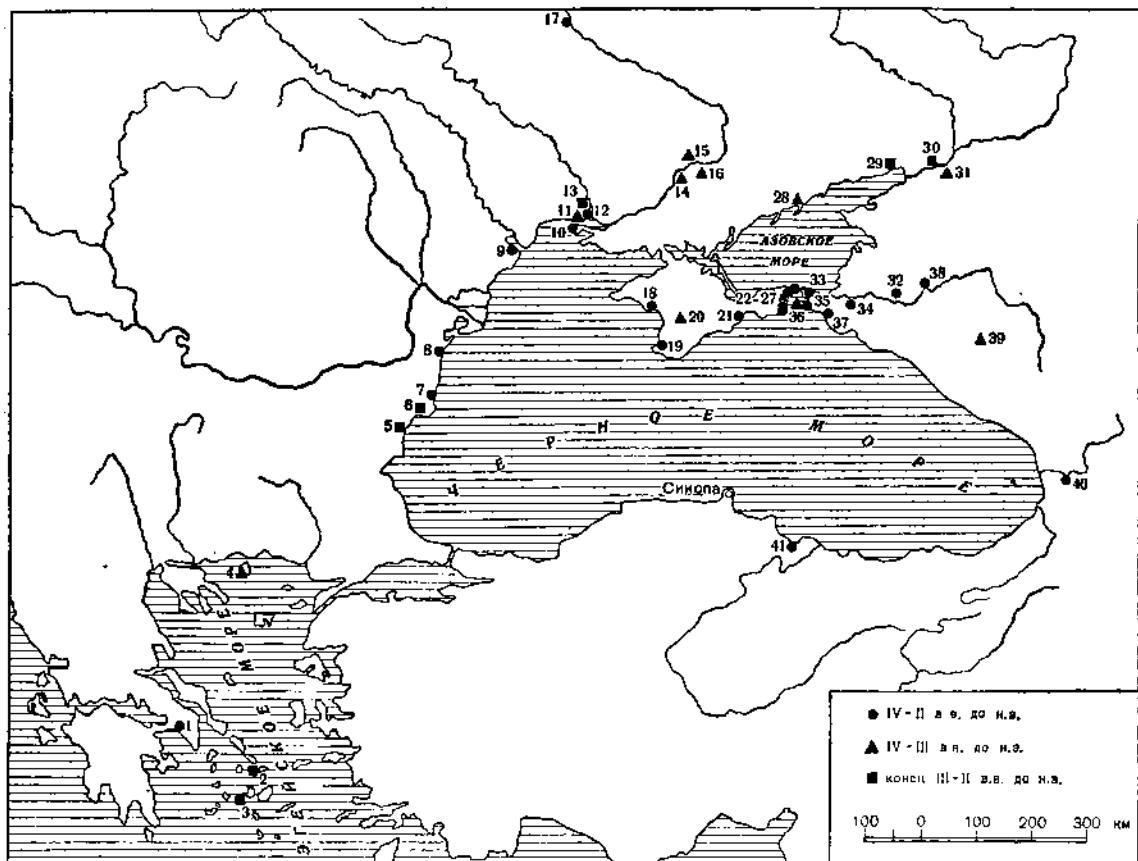

Рис. 1. Основные места находок синопских керамических клейм:

1 — Афины, 2 — Делос, 3 — Антипарос, 4 — Фасос, 5 — Одесс, 6 — Каварна, 7 — Каллатия, 8 — Истрия, 9 — Тира, 10 — Березань, 11 — Марицино, 12 — Ольвия, 13 — Варваровское городище, 14 — Каманское городище, 15 — Чертомлык, 16 — Саргозы, 17 — Киев, 18 — Керкинитиды, 19 — Херсонес, 20 — Неаполь, 21 — Феодосия, 22—27 — Кимерик, Нимфей, Тиритака, Пантикалей, Мирмекий, Порфмий, 28 — Бердянск, 29 — Таганрог, 30 — Танаис, 31 — Елизаветовское городище, 32 — Елизаветинское городище, 33 — Фанагория, 34 — Семибратнее городище, 35 — Гермонасса, 36 — Зеленский курган, 37 — Горгилия, 38 — Усть-Лабинская, 39 — Беслиневская, 40 — Вани, 41 — Амкс

Что касается Понтийского ареала, то и здесь синопские клейма происходят почти исключительно с западного и, главным образом, северного побережья Черного моря. Возможно, это отчасти объясняется малой археологической исследованностью южного и восточного берегов Понта¹².

II, Part III), Princeton, 1956, p. 165, № 189—196); два — на Акрополе (E. Pridik, Amphorenstempel aus Athen, AM, XXI 1896, S. 177 сл., № 13, 14); одно клеймо куплено в Афинах (Б. Н. Гр а к о в. Древнегреческие клейма..., стр. 34); шесть синопских ручек с клеймами найдены при раскопках на Делосе (V. G r a s e. Timbres amphoriques trouvés à Délos. BCH, LXXVI, 1952, 2, tabl. XXVI, № 40—45); два происходят с Фасоса (M.—T. Leng er, V. G r a s e. Anses d'amphores et tuiles timbrées de Thasos. BCH, LXXXII, 1958, III, p. 368 сл., № 154); одно — из Антипароса (P. G a r d n e r. Amphora Handles from Antiparos. JHS, VI, 1886, p. 193).

¹² В настоящее время известно лишь немногим более ста синопских клейм, найденных в самом центре их производства — Синопе: 21 клеймо опубликовано Робинсоном (см.: D. M. R o b i n s o n. Ancient Sinope. Baltimore, 1906, p. 294 сл., № 1—4; 7—23); около сотни обнаружено при раскопках Синопы в 1951—1953 гг. (сообщение проф. Ж. Моро, готовящего их публикацию; ср. E. A k u r g a l und L. B u d d e. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope. Ankara,

В настоящее время, когда объем археологического материала неизмеримо возрос (Б. Н. Гракову в 1928 г. было известно лишь около 2500), стало возможным внести некоторые существенные коррективы в прежние представления. Можно исследовать интенсивность синопского экспорта в различные периоды в разные центры Западного и Северного Причерноморья, появилась возможность учета различий в интенсивности синопского вывоза разных категорий керамической продукции — кровельной черепицы, включая террактовые архитектурные украшения, амфор с их содержимым, пифосов и т. д. Следует, однако, иметь в виду, что керамические клейма могут дать лишь относительное представление о размерах синопского экспорта, так как клеймилась только часть амфор и черепиц. Известно, например, что синопские калиштеры вообще никогда не подвергались клеймению; что же касается плоских черепиц и амфор, то нет никакой возможности установить, какая часть их клеймилась. По-видимому, в ранние периоды клеймению подвергалась лишь небольшая часть амфор. Об этом свидетельствует находка пяти целых синопских амфор в восьмом Пятибратнем кургане Елизаветовского могильника, раскопанного в 1959 г. В. П. Шиловым¹³. Из этих пяти совершенно идентичных амфор, вышедших, несомненно, из одной керамической мастерской, лишь на одной содержится клеймо рубежа третьей и последней четверти IV в. до н. э. (I группа), остальные четыре — неклеяменные. Может быть, в начальный период штемцеливались лишь единичные экземпляры из каждой изготовленной партии керамической тары¹⁴. То же самое можно предполагать и относительно синопских плоских черепиц. Так, например, в комплексе кровельной черепицы, обнаруженном в 1959 и 1960 гг. при раскопках Ольвийской агоры, среди нескольких тысяч обломков синопских черепиц оказалось лишь 47 обломков с клеймами¹⁵. Целый ряд черепиц был восстановлен из обломков. Как правило, 6—10 обломков составляют целую черепицу, следовательно, комплекс содержит по меньшей мере несколько сот синопских плоских черепиц. К такому же выводу приводят наблюдения над материалом из раскопок Мирмекия, где в эллинистических культурных напластованиях встречаются в довольно большом количестве обломки синопских черепиц, тогда как клейма на них исчисляются единицами.

Экспорт керамических изделий из Синопы начался, по-видимому, еще в V в. до н. э. — различные терракотовые архитектурные украшения (акротерии, антефиксы, водосливы, симы) из характерной синопской глины, отчасти относящиеся еще к V в. до н. э., обнаружены в Ольвии, в Херсонесе и главным образом на Боспоре — в Пантикапее и Нимфее¹⁶. В это время, период афинской гегемонии на Черном море, Синоп как афинская клерухия могла пользоваться определенными экономическими привилегиями. Возможно, впрочем, что внутрионтийская торговля афинянами не ущемлялась.

1956, S. 38); одно клеймо найдено в Котборе (I. D. S a l t s i. Χρονικά Κωτοβόρων. Ἱστορικὴ μονογραφία τῆς πόλεως Κωτοβόρων (Ἐρτοῦ) τοῦ Πόντου. Салонники, 1955). Известно мне по сообщению. J. et L. R o b e r t. Bulletin epigraphique REG, 71, 1958; p. 329, № 482; одно происходит из Амиса (F. C u m o n t. Studia Pontica, III Bruxelles, p. 7, № 1). и, наконец, несколько синопских клейм найдено при раскопках в Ваши, в Западной Грузии (сообщения Р. В. Путуридзе и О. Д. Лордципанидзе).

¹³ И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г., стр. 179 сл.

¹⁴ Ср.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 23, 90. Автор полагает, что самые ранние синопские амфоры, относящиеся еще к первой половине IV в. до н. э. и отличающиеся массивными пропорциями, выпускались неклеяменными.

¹⁵ И. Б. Брашинский. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры.

¹⁶ Н. П. Сорокина. Античная архитектурная терракота. Автореферат диссертации. М., 1952; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 23; В. М. Скуднова. К вопросу о торговых связях Синоп с Боспором в V в. до н. э. «Труды Государственного Эрмитажа», т. II, Культура и искусство Античного мира и Востока, I, Л., 1958, стр. 74 сл.; ср.: М. Н. Макаси-мова. Античные города..., стр. 88.

Архитектурные терракоты Синопы наряду с простой кровельной черепицей занимали в начальный период особенно видное место в синопском экспорте в Северное Причерноморье¹⁷. Однако по мере развития собственного керамического производства, в частности производства черепицы, в городах Северного Причерноморья удельный вес этой статьи синопского экспорта все более уменьшался и постепенно потерял свое значение¹⁸.

Основную статью синопского экспорта составляли продукты, перевозившиеся в керамической таре — амфорах и иногда, возможно, пифосах (впрочем, не исключено, что пифосы экспортировались просто в качестве тары)¹⁹. Это было оливковое масло и отчасти вино, а, возможно, также и масла, и другие продукты²⁰. Важную статью синопского экспорта составляла красная краска — синопида или синопская земля (*μίλτος*), имевшая широкое употребление в различных отраслях хозяйства и искусства. Она добывалась не в самой Синопе, а в Каппадокии, но, как показывает само ее название, получила широкую известность именно благодаря транзитной торговле Синопы²¹. Возможно, что и она перевозилась в амфорах. Часто на дне амфор, при извлечении их из земли, заметны следы массы красного цвета. В некоторых случаях это могут быть остатки синопиды, но решить этот вопрос можно было бы только с помощью химического анализа. Ассортимент керамических изделий, вывозившихся Синопой, включал также лутерии, которые экспортировались в значительном количестве²², и расписную керамику. В Северном Причерноморье найдены синопские лекифы с полихромной росписью, относящиеся к III—II вв. до н. э.²³

¹⁷ Относительно экспорта синопских архитектурных украшений из терракоты в другие районы мы сведениями не располагаем.

¹⁸ И. Д. Марченко (О терракотовых антефиксах Паитикапея. АИБ, I, 1953, стр. 171 сл.) специально останавливается на синопских антефиксах, найденных на Боспоре, и классифицирует их хронологически с IV до I в. н. э. Однако при этом автор исходит из неверных предположений, основанных на ошибочном представлении о смене форм синопских калиптеров. И. Д. Марченко (стр. 173) полагает, что полукруглые (седловидные) калиптеры появляются в Синопе лишь в I в. до н. э. (что основано, очевидно, на формальном сравнении синопских калиптеров с боспорскими), и на этом основании относит к указанному времени антефиксы, сохранившие сзади следы полукруглых калиптеров. Между тем, следует заметить, что в Синопе полукруглый калиптер всегда был господствующим типом. Подобные калиптеры в большом числе встречены в слоях IV в. до н. э., например в Ольвии. Вероятно, они применялись и в более раннее время. Поэтому форма калиптера не может служить критерием при датировке архитектурных украшений Синопы. Так, в частности, обломок синопского антефикса из Паитикапея с изображением лица Горгоны, датированный И. Д. Марченко I в. до н. э. (стр. 173, рис. 2), отнесен Л. Будде к концу VI в. до н. э. (E. A. K. u. g. a. I. u. n. d. L. V. u. n. d. d. e. Указ. соч., стр. 28, табл. X, 6). Возможно, Будде относит его к слишком раннему времени, но антефиксы указанного типа являются, скорее всего, наиболее ранним свидетельством синопского экспорта в города Северного Причерноморья.

¹⁹ Нам известно в настоящее время лишь четыре обломка клейменных синопских пифосов. Один из них найден при раскопках на о-ве Березани (хранится в Одесском археологическом музее, инв. № А-43207) и датируется третьей четвертью IV в. до н. э. Два других происходят из Херсонеса (А. К. Т а х т а й. Античные клейменные пифосы из Херсонеса. КСИИМК, V, 1940, стр. 54 сл.) и относятся к тому же времени. Четвертый (того же времени) найден в Ольвии в 1961 г. экспедицией ИА АН УССР. Обломки неклеянных синопских пифосов найдены в Херсонесе (Г. Д. Белов, С. Ф. Стржеleckий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА. № 34, 1953, стр. 163), а также при раскопках А. Н. Карасева около санатория «Чайка» близ Евпатории в 1959 г.

²⁰ И. Б. Зеев ст. Керамическая тара Боспора, стр. 91.

²¹ Подробнее о синопиде см.: М. И. М а к с и м о в а. Античные города..., стр. 79 сл.

²² См.: Т. Н. К н и п о в и ч. Керамика местного производства из раскопа «И». «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 150; ср.: М. А. Н а л и в к и н а. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 191; Г. Д. Белов. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», стр. 180; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Тиритакки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1953, стр. 210, рис. 68.

²³ См.: В. И. Ц е х м и с т р е н к о. Два керченских сосуда с акварельной росписью. КСИИМК, в. 70, 1957, стр. 147 сл.

Вполне вероятно, что Синопа экспортировала также изделия из железа, но доказать это на основании археологического материала пока невозможно. Вывозился также и лес; в Средиземноморье экспортировалась рыба ²⁴.

При работе над данной статьей было использовано около 9500 синопских керамических клейм, поддающихся хронологическому определению ²⁵. Датированные синопские клейма (см. табл. 1) свидетельствуют о том, что в третьей

Таблица 1

Распределение синопских керамических клейм по хронологическим периодам

Хронологические периоды*	I	II	III	IV	V	VI	Всего
Количество клейм . . .	1182	1725	1697	1473	1185	2066	9325

* Датировку групп см. на стр. 133.

четверти IV в. до н. э. производство и экспорт синопской керамической тары достигает весьма внушительного объема, а начиная с последней четверти IV в. наблюдается дальнейший значительный рост синопского керамического производства и связанных с ним отраслей экономики, а также и внешнеторговых сношений Синопы. В дальнейшем, в течение III в. до н. э. керамическая продукция Синопы остается приблизительно на том же высоком уровне. Затем, в конце III — начале II вв. до н. э. начинается спад в синопской экономике который с течением времени, примерно до середины II в., все более углубляется; последнее не могло не отразиться на внешней торговле Синопы. Во второй половине II в. до н. э. наступает новый мощный подъем синопской экономики. В этот период синопское производство и торговля, судя по керамическим клеймам, достигают наивысшей точки, превосходя даже уровень III в. до н. э.

Крайняя скудность письменных источников делает весьма затруднительным объяснение колебаний в синопском производстве и торговле. Тем не менее, рассмотрение развития экономики Синопы на фоне исторической обстановки в Причерноморье позволяет прийти к некоторым выводам.

Первым и решающим толчком развития производства и торговли Синопы, как и ряда других городов, явилось крушение афинской гегемонии в результате поражения в Пелопоннесской войне. Огромное значение для Синопы имело и освоение греческими мореходами краткого пути через Черное море ²⁶. В конце IV в. до н. э. дальнейший рост синопской экономики был, вероятно, в определенной мере связан с деятельностью боспорского царя Евмела (309—304 гг.); заслугой его была, прежде всего, успешная борьба с пиратством на Черном море, обезопасившая морские пути. По сообщению Диодора, Евмел также «постоянно оказывал благодеяния византийцам, синопейцам и многим из прочих эллинов, живших по берегам Понта» ²⁷.

Последовавший затем, в конце III в., спад синопского производства и торговли (IV группа астиномных клейм) может, по-видимому, быть связан с борьбой Синопы за

²⁴ М. И. Максимова. Античные города..., стр. 68 сл. О статьях синопского экспорта см. также: D. M. Robinson. Ancient Sinope, p. 139.

²⁵ По материалам IPE, III, зарубежным изданиям и списанным нами, не включенным в IPE, III. Еще около 1000 известных нам клейм настолько плохой сохранности, что не поддаются даже приблизительной датировке.

²⁶ О времени освоения этого пути см.: М. И. Максимова. Античные города..., стр. 145 сл.

²⁷ Diod., XX, 25: Βοζαντιῶν μὲν γὰρ καὶ Σινοπεῖς καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων τῶν τὸν Πόντον οἰκοῦντων πλείστοις διατέλεσεν εὐεργετῶν.

свою независимость против понтийских царей. В 220 г. до н. э. на Синопу напал Митридат III²⁸. Городу, правда, удалось отстоять свою независимость, но это стоило ему огромных средств и напряжения всех сил. Синопейцы обратились с призывом о помощи к ряду греческих городов. Полибий (IV, 56) сообщает о посольстве с этой целью к родосцам, которые откликнулись на него присылкой, помимо разнообразной военной помощи, десяти тысяч керамиев вина. Последнее, как представляется, служит лишним доказательством того, что основным продуктом, экспортировавшимся Синопой в керамической таре, было именно оливковое масло, а не вино, в котором, как видно, иногда ощущался недостаток²⁹. Последствия борьбы Синопы против Митридата III не могли не сказаться на экономике Синопы. Еще более ощутимый удар синопской экономике был нанесен сорок лет спустя, когда городом овладел Фарнак I. Можно предполагать, что именно к этому времени относится наибольший спад синопского производства и торговли (V группа клейм). Однако политика понтийских царей относительно завоеванных городов побережья Черного моря, выражавшаяся в предоставлении им некоторой автономии и в поощрении развития в них производства и внешней торговли³⁰, привела экономику Синопы после кратковременного упадка к новому мощному подъему.

Исследование импорта из Синопы в различных античных центрах и интенсивности его в различные хронологические периоды, позволяют определить ряд направлений синопской торговли. Следуя по периплу, они представляются нам следующими (см. табл. 2): 1) Средиземноморье (Эгейский бассейн); 2) Юго-Западное Причерноморье (до Одесса включительно); 3) Западное Причерноморье (Каллатия, Истрия); 4) Северо-Западное Причерноморье (Тира, Березань, Ольвия и округа); 5) Юго-Западный Крым (Херсонес, Керкинитида); 6) Северо-Восточное Причерноморье (Боспорское государство, включая Феодосию); 7) Юго-Восточное Причерноморье.

Как уже было отмечено, интенсивность синопского экспорта в различные районы Причерноморья не была одинаковой; она имеет существенные различия и во времени³¹.

К сожалению, выводы о различной степени интенсивности торговли Синопы с разными географическими районами могут быть лишь предварительными, так как зависят от неравномерности археологических исследований отдельных районов. Особенно это касается Южного и Восточного Причерноморья, данные о которых фактически отсутствуют. Слабо изучено в настоящее время также Западное Причерноморье. Что касается различных районов Северного Причерноморья, то и они исследованы весьма неравномерно. Однако, несмотря на все эти оговорки, уже в настоящее время можно выявить определенные закономерности в экономических связях Синопы.

В свое время Б. Н. Граков пришел к следующим выводам: в Ольвии синопских клейм очень мало, причем преобладают ранние — до середины III в. до н. э.; импорт синопской керамики в западную часть Черного моря был менее интенсивным, чем в восточную, в Херсонес и Керкинитиду — еще менее. Начиная от Феодосии и далее

²⁸ P o l y b., IV, 56; подробнее см.: М. И. Максимова. Античные города..., стр. 178 сл.

²⁹ В связи с этим становится понятным одновременное существование на рынках Северного Причерноморья синопского импорта и родосского; Синопа была главным поставщиком оливкового масла, в то время как Родос — вина.

³⁰ См.: М. И. Максимова. Античные города..., стр. 183 сл.

³¹ Торговля Синопы со Средиземноморьем в настоящей статье подробно не рассматривается. Выше уже было показано, что по сравнению с понтийской она была ничтожной. Необходимо лишь отметить, что экспорт синопской клейменной керамики (амфор) в Средиземноморье начинается тогда же, когда и в причерноморские районы, около середины IV в. до н. э., и продолжается в течение всего периода клеймения синопской керамической тары. Свидетельства об экономических связях Синопы с различными средиземноморскими центрами, а также и с Востоком с почти исчерпывающей полнотой собраны в книге М. И. Максимовой (стр. 93 сл.).

Таблица 2

Синопский экспорт в различные районы (в процентах)

№№ п/п	Районы	Хронологические периоды*						Хронологически неопределенные	Средний %
		I	II	III	IV	V	VI		
1	Средиземноморье (Эгейский бассейн)	Крайне незначительно							
2	Юго-Западное Причерноморье (до Одеса включительно)	—	—	—	0,8	2,5	0,6	0,3	0,6
3	Западное Причерноморье (Каллатия, Истрия)	1,4	1,5	1,4	10,7	9,5	5,0	14,9	6,3
4	Северо-Западное Причерноморье (Тира, Ольвия и окружение)	36	26	19	11,3	11,5	20,5	23,4	21,1
5	Юго-Западный Крым (Керкинитиды, Херсонес, Нсаполь)	14,5	9,6	7	14	11,2	13	10	11,3
6	Боспор	48	62,9	72	63,3	65	60,7	51,4	60,5
7	Юго-Восточное Причерноморье	Нет данных							

* Датировку групп см. на стр. 133.

Таблица 3

Синопские керамические клейма в Западном и Северном Причерноморье

Центр	Общее число	%	Хронологические периоды*						Хронологически неопределенные	Клейма на черепице	Источник
			I	II	III	IV	V	VI			
Одесс**	47	17,6	—	—	—	10	25	10	2	Нет	По Мирчеву
Каллатия	118	42	2	9	10	50	13	12	22	3	По «Дасия»
Истрия	357	35	12	13	10	85	75	70	92	33	По Канаракс
Городище Роксоланы	26	16,5	4	1	6	4	—	—	11	—	По Сальникову
Тира***	106	21,5	7	22	28	14	8	10	18	—	% по Штаерман
Ольвия	1598	22,5	348	550	223	126	100	304	147	Очень много	% по раскопкам 1935—1936 гг.****
Керкинитиды	163	—	58	36	27	26	9	23	14	—	
Херсонес	783	—	109	97	74	149	95	202	57	Много	
Феодосия	162	32,5	41	37	27	15	11	24	7	Мало	% по Юргевичу
Боспор (в целом)	4926	—	426	891	994	787	586	962	281	Мало	Исключая Феодосию
Пантикапей	110	23	13	9	16	15	22	20	15	11	1945—1949 гг. по Шелову
Мирмекий*****	1181	56,2	25	82	178	166	209	376	125	Очень мало	Раскопки 1934—1958 гг.
Азиатский Боспор (в целом)	261	—	22	41	46	42	26	50	34	Очень мало	
Фанагория	99	15,6	6	14	15	18	12	18	16	Нет	% по Шелову

* Датировку групп см. на стр. 133.

** Южнее Одесса находки синопских клейм не зарегистрированы.

*** В дальнейшем все цифровые данные, если это особо не оговорено, — по IPE, III.

**** По Б. Н. Гракову, не учитывавшему клейм неопределенных центров, — 28%.

***** Клейма из польских раскопок 1958 г. в количестве 19 экземпляров не классифицированы хронологически из-за отсутствия данных.

к востоку (Пантикапей и его окрестности) ввоз из Синопы занимает место, почти равное импорту из Родоса³². Выводы Б. Н. Гракова в целом сохраняют силу. Однако, благодаря огромному увеличению материала, сейчас имеется возможность внести ряд существенных поправок и уточнений в эти выводы (см. табл. 2 и 3).

Развитие экономических связей Синопы в настоящее время рисуется следующим образом. В начальный период керамического клеймения в Синопе, в середине — третьей четверти IV в. до н. э., наиболее интенсивными были ее торговые сношения с Боспором, а также с Ольвией; значительными по объему были они и с Херсонесом. При этом надлежит отметить, что экспорт в Херсонес и в Ольвию, с одной стороны, и на Боспор, с другой, существенно различались: первые два города импортировали главным образом кровельную черепицу, Боспор же — оливковое масло и отчасти вино, т. е. продукты, перевозившиеся в амфорах.

Если в Ольвии черепица синопского происхождения составляет преобладающую группу, подавляет она численно местную черепицу и в Херсонесе³³, то в Пантикапее на ее долю приходится лишь около $\frac{1}{7}$ общего числа³⁴. В других пунктах Боспора соотношение синопских и местных кровельных черепиц еще более в пользу последних. Например, при раскопках загородной усадьбы близ Мирмекия были найдены сотни (584) клейм на обломках черепиц. Среди них насчитываются лишь единичные синопские клейма (поздних групп). Лишь около 10% общего количества черепиц из раскопок усадьбы принадлежит изделиям синопского производства³⁵.

В это же время начинается вывоз из Синопы на Березань и в города, расположенные вдоль Черноморского побережья к западу от Ольвии — Тиру, Истрию³⁶ и Каллатию. Несмотря на слабую археологическую изученность, представляется очевидным, что все Западное Причерноморье к югу от Каллатии (Одесс, Месембрия, Аполлония) в IV в. до н. э. не торговало с Синопой. В Аполлонии и Месембрии синопская керамика вообще не обнаружена. В южной Добрудже найдено всего два синопских клейма конца III — начала II в. до н. э.³⁷ Одесс завязывает торговые сношения с Синопой лишь в конце III в. до н. э. (клейм первых трех групп здесь нет)³⁸. Вероятно, это объясняется тем, что там были очень сильны экономические позиции Фасоса и Гераклеи Понтийской, с которыми Синопа оказалась не в состоянии конкурировать³⁹.

В последней четверти IV — начале III в. до н. э. Синопа продолжает поддерживать торговые отношения с теми же центрами, что и в предшествующий период. Общий объем синопского экспорта значительно возрастает, но изменяется степень интенсивности его в различные районы. Доля Боспорского государства достигает 60% общего понтийского экспорта Синопы. При этом необходимо подчеркнуть крайнюю не-

³² Б. Н. Граков. Древнегреческие клейма..., стр. 32 сл.

³³ Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. МИА, № 34, 1953, стр. 46; ср.: е го же. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья...», стр. 180.

³⁴ См.: И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем, стр. 109; В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 37.

³⁵ См.: В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА, XXVIII, 1958, стр. 123 и 125, примеч. 7.

³⁶ В Истрию в указанное время в основном также поступает черепица.

³⁷ К. Шкорпил. Печати върху амфори от Черноморското крайбрежие. ИБАИ, VII, 1934, стр. 32.

³⁸ См.: М. Мирчев. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958.

³⁹ Имеющиеся в нашем распоряжении данные о керамических клеймах из южных районов Западного Причерноморья, в частности происходящих из Аполлонии, свидетельствуют о торговых связях с Фасосом, Гераклеей Понтийской, Родосом и другими центрами, но не содержат синопских клейм (См.: Т. Иванова. Керамиката от некропола на Аполония. РП, II, 1948, стр. 44 сл.; А. Алексиева. Амфорните печати от Копринка. ГНМП, II, 1950, стр. 185 сл.; Ив. Велков. Разкопките около Мезек и гора Свиленград. ИБАИ, XI, 1937, стр. 122 сл.; К. Шкорпил. Печати върху амфори..., стр. 41; А. Алексиева. Амфорните печати в Бургаския музей. ИНМБ, I, 1950, стр. 45).

равномерность потребления синопских товаров в европейской и азиатской частях государства — подавляющая часть синопского экспорта потреблялась на европейской стороне Керченского пролива, на восточную же сторону (Таманский полуостров) проникала лишь незначительная часть. Последнее можно объяснить сильным влиянием Родоса на азиатской стороне Боспора, которое особенно заметно в последующее время ⁴⁰. Как уже было сказано, резкий рост боспорско-синопской торговли в конце IV — начале III в. до н. э., очевидно, объяснялся успешной деятельностью боспорского царя Евмсла.

Расцвет синопско-ольвийской торговли относится к IV — началу III в. до н. э. При этом, как уже было отмечено, в отличие от Боспора в Ольвию особенно широко экспортировалась синопская черепица. В IPE III зарегистрировано около 1600 синопских керамических клейм из Ольвии. Около половины клейм относится к первым двум хронологическим группам, по классификации Б. Н. Гракова, причем преимущественно на черепице (в настоящее время это число значительно возросло). Наблюдения над материалом синопских керамических клейм из Ольвии, относящимся к I и II хронологическим группам, позволяют заключить, что импорт из Синопии становится особенно интенсивным на рубеже третьей и последней четверти IV в. до н. э. — большая часть клейм относится к рубежу I и II групп. Такой подъем синопского экспорта в Ольвию именно в это время, продолжавшийся на протяжении всей последней четверти IV в., очевидно, следует связывать с огромной потребностью в строительных материалах (в данном случае, в черепице), возникшей у ольвиополитов в результате крупных строительных работ в городе, в частности на агоре, после осады Зопириона ⁴¹. В последующее время импорт черепицы из Синопии продолжается, но уже в значительно меньших масштабах; в то же время несколько больший удельный вес приобретают продукты, ввозившиеся из Синопии в амфорах.

Значение городов Северо-Западного Причерноморья — Истрии, Тиря, Ольвии — в торговом балансе Синопии в конце IV — начале III в. до н. э. сокращается. Уменьшается также роль городов Юго-Западного Крыма — Керкинитида и Херсонеса. Незначительно возрастает экспорт в Каллатию. С городами, расположенными южнее Каллатиса, Синопия по-прежнему не поддерживает торговых сношений.

В последующий период, до конца III в. до н. э., удельный вес Боспора в синопской торговле еще более возрастает и достигает уже 70% общего экспорта. Это высшая точка в синопско-боспорской торговле как в абсолютном, так и в относительном исчислении. Происходит дальнейшее сокращение синопской торговли со всеми прочими черноморскими центрами. Западное Причерноморье, к югу от Каллатии, по-прежнему не входит в состав контрагентов Синопии.

Конец III — начало II в. до н. э. характеризуется общим сокращением синопского экспорта. Оно происходит главным образом в результате сокращения торговли с основными районами синопских торговых интересов — Боспором и Северо-Западным Причерноморьем (Ольвия). Постепенное и резкое сокращение синопско-ольвийских торговых связей в течение III и первой половины II в. до н. э. следует, по-видимому, объяснить все углубляющимся в Ольвию в течение III в. внутренним кризисом, который к концу столетия приобрел угрожающий характер, что нашло яркое выражение в декрете в честь Протогена.

В это время Синопия пытается в какой-то мере компенсировать ослабление торговых связей с Боспором и Ольвией, усиливая экспорт в районы, ранее не игравшие существенной роли в синопской торговле; значительно усиливается вывоз в Херсонес и Керкинитиду, в Каллатию и Истрию; впервые синопские товары начинают

⁴⁰ См.: Д. Б. Ш е л о в. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. СА, XXVIII, 1958, стр. 356.

⁴¹ См.: Е. И. Л е в и. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 49 и 113; А. Н. К а р а с е в, Е. И. Л е в и. Ольвийская агора. СА, 1958, № 4, стр. 129; И. В. Б р а ш и н с к и й. Комплекс кровельной черепицы из раскопок Ольвийской агоры.

проникать в районы Западного Причерноморья, расположенные южнее Каллатии, завязываются торговые сношения с Одессом ⁴².

Вся первая половина II в. до н. э. знаменуется дальнейшим общим сокращением синопской торговли. При этом удельный вес различных районов Причерноморья в экспорте Синопки остается с незначительными колебаниями примерно прежним.

Наконец, вторая половина II в. является временем нового мощного расцвета синопской внешней торговли. И снова основной поток экспорта направляется в районы Боспора и Ольвии. В это время доля Северо-Западного Причерноморья (главным образом Ольвии) в общем торговом балансе Синопки снова возрастает, достигая одной четверти его. Доля Боспора несколько сужается, однако по-прежнему туда направляется больше половины всего синопского экспорта. Несколько повышается роль Юго-Западного Крыма в синопской торговле. Значение же Западного Причерноморья вновь ощутимо падает.

При посредничестве греческих городов Северного Причерноморья синопские товары проникали далеко в глубь степей юга СССР. Через Ольвию они попадали в обширный район Приднепровья вплоть до Киева на севере. Амфорные клейма Синопки IV — III вв. до н. э. найдены на Каменском городище, при раскопках у Марицына, в Чертомлыцком кургане. Характерно, что все они относятся именно ко времени расцвета синопско-ольвийской торговли. В более позднее время, начиная с конца III в., проникновение синопских товаров в приднепровские степи прекращается. Через Боспор синопские изделия проникали в районы Подонья и Прикубанья. Синопские керамические клейма найдены около Бердянска и Таганрога, в Тагаисе и в довольно значительном числе на Елизаветовском городище, в Семибратнем и Елизаветинском городищах ⁴³. Во всех этих пунктах (за исключением Елизаветовского городища на Дону, где клейма в основном относятся к раннему времени) проникновение синопских товаров продолжается во все время, пока производилось клеймление синопской керамической тары.

Через Херсонес, а, возможно, отчасти и через Ольвию, синопская продукция проникала и в Неаполь Скифский ⁴⁴. В общем проникновение изделий Синопки в Неаполь было весьма незначительным, если не считать сравнительно обильного импорта черепицы в середине — третьей четверти IV в. до н. э. ⁴⁵; импорт синопских товаров в Неаполь вообще падает в основном на IV в. до н. э. ⁴⁶ Этот факт чрезвычайно важен в связи с общепринятой в настоящее время точкой зрения, согласно которой Неаполь Скифский начал свое существование как город лишь в III в. до н. э. ⁴⁷ Археологические находки синопского происхождения из Неаполя указывают на необходимость пересмотра вопроса о времени возникновения столицы Скифского государства

⁴² В Каллатии синопские керамические клейма преобладают над клеймами всех прочих центров, составляя приблизительно 42% общего числа (см.: отчеты Т. Саучука-Сэвьяну о раскопках Каллатии в «Dacia», тт. I—XI, а также сообщения об отдельных находках в том же издании; ср.: Т. В. Блаватская. Западноонтийские города в VII—II вв. до н. э. М., 1952, стр. 134 сл.

В Истрии синопские клейма составляют примерно треть (35%) общего числа клейм (см. V. Сапагаше. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 1957; ср. нашу рецензию на эту книгу в ВДИ, 1959, № 2, стр. 183 сл.).

В обоих городах в указанное время наблюдается резкий рост торговли с Синопкой: в Каллатии примерно в 5 раз, в Истрии — 7—8 по сравнению с предшествующим периодом. Экспорт из Синопки в Одесс достигает максимального объема в первой половине II в. до н. э.

⁴³ Подробнее см.: Н. В. Анфилов. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье. ВДИ, 1951, № 1, стр. 110 сл.

⁴⁴ И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33, 1954, стр. 75.

⁴⁵ Ср.: там же, стр. 72.

⁴⁶ В рукописи РЕ, III зарегистрировано всего 10 синопских керамических клейм из Неаполя Скифского, и лишь одно из них относится к концу III — началу II в. до н. э.

⁴⁷ См.: П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 68. Там же отмечена единичность находок IV в. до н. э.; ср.: И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя..., стр. 72.

в Крыму, что потребует специального исследования. Возможно, впрочем, и другое, менее вероятное объяснение наличия в Псаполе синопской керамики (черепиц) IV в. до н. э.; быть может для перекрытия зданий III в. до н. э. была использована черепица более раннего времени.

Относительно распространения синопских товаров в глубь Западного Причерноморья точными данными мы не располагаем. Однако известно, что они проникли вплоть до предгорий Карпат.

Как было отмечено выше, распределение синопского экспорта в различных частях Боспорского государства было весьма различным. Уже сейчас выявляются локальные особенности этой торговли, на которых интересно остановиться (см. табл. 2 и 3), хотя новые раскопки могут внести в них некоторые коррективы.

Синопский импорт поступал на Боспор в основном, по-видимому, через Пантикапейский порт. Возможно, что азиатская сторона государства снабжалась через Фанагорию и, может быть, Гермонассу. Феодосия, по всей вероятности, вела с Синопой самостоятельную торговлю.

Территория античной Феодосии по существу археологически еще не исследована. Однако в 1894 г. во время строительства Феодосийского порта при земляных работах было обнаружено довольно значительное количество керамических клейм. Всего в Феодосии найдено 162 синопских клейма, что составляет третью часть общего их числа⁴⁸. Они показывают, что синопский экспорт проникал в Феодосию во все время астиномного клеймения. Ассортимент товаров включал в себя все статьи традиционного синопского экспорта. Особого внимания заслуживают находки синопской архитектурной терракоты⁴⁹.

Хронологические колебания синопского экспорта в Феодосию весьма близки экспорту в Ольвию. Как и в Ольвии, наивысший подъем торговли с Синопой здесь падает на третью четверть IV в. до н. э. (распределение синопских клейм по хронологическим группам см. в табл. 3). Весьма интенсивными были торговые связи между обоими городами и в последней четверти IV — начале III в. Однако в отличие от Ольвии здесь преобладают амфоры, черепицы же немного. В течение III в. торговля Синопой с Феодосией постепенно сокращается, особенно резко в конце III — начале II в. Наибольший спад наблюдается в первой половине II в., затем снова наступает значительное оживление, однако, как и в Ольвии, объем синопско-феодосийской торговли в период второго подъема не достигает уровня IV—III вв. до н. э.

Изучение керамических клейм из дореволюционных раскопок, содержащихся в корпусе клейм Северного Причерноморья (IPE, III), позволяет лишь судить об интенсивности торговли Синопой с Боспором в различные периоды; однако отсутствие во многих случаях точной паспортизации не дает достаточно прочных оснований для суждения о проникновении и потреблении синопского экспорта в различных пунктах Боспорского государства. На более прочную основу мы становимся при исследовании керамических клейм, найденных в послереволюционные годы раскопок. Наиболее полные данные имеются относительно Мирмекия, где в раскопках, начиная с 1934 г. найдено уже значительно более 2 тыс. амфорных клейм. Определенные, хотя и менее достоверные, заключения возможны относительно Пантикапея, Фанагории, Тиритакки, Нимфея и некоторых других пунктов Боспора, где число полученных в результате раскопок и точно паспортизированных клейм значительно меньше.

Данные о потреблении синопских товаров в столице Боспора — Пантикапее можно почерпнуть из материалов раскопок этого города 1945—1949 гг.⁵⁰ Согласно

⁴⁸ 32,5% по данным В. Н. Юргевича (Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. ЗООИД, XVIII, 1895, стр. 87 сл.).

⁴⁹ А. Деревницкий и Э. Штерн. Терракоты Одесского музея, вып. 1. Одесса, 1906, стр. 21, табл. VI и VII — обломок высокохудожественного акротерия, относящегося, по-видимому к IV в. до н. э.

⁵⁰ Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 211 сл.

этим данным импорт из Синопы составлял примерно 23% общего объема ввоза клейменной керамики, он был значительно ниже синопского импорта в Боспорское государство в целом. Примерно $\frac{1}{10}$ синопской клейменной керамики в Пантикапее составляет черепица. Незначительное количество (110) опубликованных синопских клейм из Пантикапея не позволяют прийти к достаточно убедительным выводам относительно интенсивности синопского импорта в разное время. Мы можем лишь отметить значительно меньшее потребление продуктов Синопы в Пантикапее по сравнению с окружающими его городами. В торговле с Синопой Пантикапеей, очевидно, выступал прежде всего не как потребитель, а как транзитный центр, через который синопские товары поступали в различные города Боспора, а также шли в глубь степей.

Особенно многочисленны находки синопских клейм в Мирмекии, откуда происходит около 1200 экземпляров, что составляет более половины всех найденных при раскопках этого города до 1958 г. керамических клейм. На необычайно высокий процент синопских клейм в Мирмекии (а также и в Тиритаке) внимание обращалось уже неоднократно. Такое положение находит объяснение, с нашей точки зрения, в следующем: в результате раскопок установлено, что Мирмекий был одним из крупных винодельческих центров Боспора⁵¹, обеспечивавшим в эллинистический период, вероятно, в значительной степени свои потребности в вине. Достаточно сказать, что в Мирмекии на сравнительно небольшой площади открыто уже семь виноделен. Помимо этого, три винодельни открыты в загородной сельской усадьбе, расположенной близ Мирмекии, откуда продукция также могла поступать в этот город. Таким образом можно предполагать, что потребность в привозном вине в Мирмекии была относительно меньшей чем в других местах. В импорте же оливкового масла Мирмекий нуждался в такой же степени, как и прочие боспорские города. А как уже было сказано, основным продуктом экспорта Синопы, транспортировавшимся в керамической таре, было оливковое масло, а не вино. Этим и должно быть объяснено резкое преобладание в Мирмекии синопских керамических клейм. Необходимо отметить и тот факт, что синопские клейма из Мирмекии содержатся почти исключительно на амфорах, клейм на черепице очень мало, хотя импорт черепицы из Синопы и продолжался в течение всего периода синопско-боспорской торговли.

Приведенные факты свидетельствуют о значительном потреблении жителями Мирмекии синопских товаров, но не об особо тесных синопско-мирмекийских экономических связях. Хотя нельзя исключить возможность непосредственных торговых сношений между Мирмекием и Синопой, основная масса синопского экспорта, несомненно, поступала туда через Пантикапеей.

Азиатский Боспор потреблял неизмеримо меньше синопских товаров, чем европейская сторона государства. Из 5088 синопских клейм, найденных в пределах всего Боспора и зарегистрированных в IPE, III, лишь 261 (т. е. 5%) найдено на восточной стороне Керченского пролива. Картина эта, правда, объясняется в первую очередь слабой археологической исследованностью азиатской части Боспора. Импорт синопских товаров в восточной части Боспора развивался, очевидно, так же, как и в западной его части. Однако греческие города на Таманском полуострове выступали, по-видимому, главным образом не как потребители синопских товаров, а как транзитные центры в торговле с окружающими племенами.

Прежде всего это относится к крупнейшему центру Азиатского Боспора, второй столице государства — Фанагории. Процент синопской клейменной керамики в Фанагории составляет лишь немногим более 15% общего количества импортной клейменной керамической тары. В Фанагории не найдено ни одной клейменной синопской черепицы⁵². Слабое проникновение синопских товаров в Фанагорию объясняется,

⁵¹ См.: В. Г. Ф. Г а й д у к е в и ч. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958, стр. 352 сл.

⁵² Д. Б. Ш е л о в. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 149.

вероятно, очень сильным влиянием Родоса в некоторых районах на азиатской стороне Боспора ⁵³. В то же время через посредство Фанагории синопские товары в значительном количестве пропикали на территорию Прикубанья ⁵⁴.

Иным было положение в Гермонассе, где, особенно в раннее время (IV в до н. э.), импорт из Синопы преобладает; синопские клейма этого времени составляют 39,6% общего числа керамических клейм ⁵⁵. Экспорт из Синопы в Гермонассу продолжался и в течение III и II вв. до н. э. ⁵⁶ В отличие от Фанагории, родосские товары здесь никогда не играли сколько-нибудь заметной роли. Гермонасса служила транзитным пунктом в торговле с Синдикой, куда также проникали синопские товары ⁵⁷.

В ранний период, в IV в., до н. э., когда не получило еще широкого развития боспорское черепичное производство, в греческие города восточной половины Боспора поступала, по-видимому, в значительном количестве синопская кровельная черепица. Так обстоит дело, например, в Гермонассе ⁵⁸.

Археологическая изученность территории восточной части Боспора в настоящее время еще настолько слаба, что на основании имеющегося материала было бы крайне рискованно делать какие-либо широкие выводы. Безусловно, материал будущих раскопок существенно изменит высказанные замечания о соотношении синопской торговли с европейским Боспором, с одной стороны, и азиатским, с другой. Тем не менее преобладающая роль европейского Боспора в торговле с Синопой и потребления синопских товаров представляется несомненной.

Дальнейшее детальное изучение синопской керамики в разных пунктах Боспора даст возможность прийти к новым интересным выводам, которые позволят правильнее понять значение торговых связей с Синопой для различных районов и центров Боспора в разное время, а также и для Боспорского государства в целом.

Выше была рассмотрена торговля Синопы с причерноморскими областями с точки зрения синопского экспорта. Что касается синопского импорта, то здесь мы можем лишь предполагать, что из Северного Причерноморья туда импортировалось зерно, а из Ольвии также соль ⁵⁹. Никаких более определенных данных по этому вопросу не имеется.

Так представляется общая картина развития экономических связей Синопы в IV—II вв. до н. э. Новые раскопки постоянно вносят и безусловно будут вносить коррективы в наши представления. Так, в частности, раскопки в Румынии и Болгарии и в других местах на южном и восточном берегах Черного моря несомненно внесут много существенно нового в картину развития синопской торговли. Тем не менее, основные выводы, сделанные на основании имеющегося материала, опираются, как нам представляется, на достаточно прочную базу и рисуют более или менее правильную картину внешних экономических связей Синопы на протяжении двух с половиной столетий ее истории.

⁵³ См.: Д. Б. Шелов. К истории связей эллинистического Боспора..., стр. 336.

⁵⁴ См.: Н. В. А н ф и м о в. Синопские остроугольные амфоры...

⁵⁵ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. стр. 61. Полными данными о синопских клеймах в Гермонассе мы не располагаем, так как большая часть их не вошла в ИРЕ, III и до сих пор не опубликована.

⁵⁶ Там же, стр. 63.

⁵⁷ Там же, стр. 62 сл.

⁵⁸ И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, в. 58, 1955, стр. 116.

⁵⁹ Н е т., IV, 53, Dio Chrys., XXXVI, 437, ср.: D. M. R o b i n s o n. Ancient Sinope, p. 144.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ ГРУЗИИ¹

В последнее время ведутся значительные археологические работы по изучению древних городов Иберии и Колхидского царства.

Проблема истории античных городов не ставилась в Грузии до установления Советской власти; более того, этой проблемой у нас не занимались до тридцатых годов и при исследовании соответствующих разделов древней истории Грузии ограничивались главным образом анализом письменных источников как местных, так и иноземных авторов: сведений Страбона, Птолемея, Плиния, Диона, источников Леоэтия Мровели и т. п.

В 1933 г. были начаты археологические раскопки в Мцхете, древней столице Иберии — Картли. Основной целью этих раскопок являлось изучение древнейшего города Картлийского царства, выявление основных характерных черт его, выяснение вопросов происхождения города, зарождения городской жизни и т. д. Таким образом, впервые четверть века тому назад были заложены основы археологического изучения истории античного города на территории древней Иберии. Этими работами тогда руководили ныне покойные академики И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа.

Если учесть большой перерыв в полевых работах в годы Великой Отечественной войны и небольшие масштабы полевых исследований в послевоенные годы, станет ясно, как мало еще проведено работ по археологическому изучению городов Иберии и Колхиды.

Все же в результате проведенных полевых работ накоплены весьма интересные материалы для изучения отдельных сторон городской жизни древней Иберии и Колхидского царства и на некоторых результатах изучения городов античной эпохи хотелось бы остановиться подробнее.

Прежде всего следует коснуться вопроса о происхождении городов в Восточной Грузии, Иберии, на основе материалов, добытых археологическими исследованиями.

Раскопки выявили очень любопытную картину. Выяснилось, что города Иберии античной эпохи возникали на месте древнейших поселений. Города большей частью создавались в результате постепенного расширения и объединения нескольких поселений, прежде всего там, где, как показывают раскопки, существовали крупные поселения эпохи поздней бронзы или раннего железа.

Следует отметить, что в Иберии процесс создания и объединения крупных поселений сельского типа прослеживается до определенного времени, а именно до эпохи раннего железа.

¹ Данная статья представляет собой отредактированную стенограмму доклада, прочитанного А. М. Апакидзе 9 декабря 1960 г. в Москве в Институте археологии АН СССР.

Примерно с середины I тысячелетия до н. э. в некоторых крупных поселениях как бы прекращается жизнь, а в других, наоборот, наблюдается новая волна больших строительных работ, разворачивается хозяйственно-экономическая деятельность, увеличивается население и вырисовываются ясные контуры зарождения городской жизни; эти две стороны развития крупных поселений представляют в сущности единый процесс.

Для иллюстрации этого положения укажем на Ховле, Каспи и Мцхету. Все эти населенные пункты находятся на территории Иберии, в долине р. Куры, между Тбилиси и Гори, на расстоянии менее ста километров и расположены, следовательно, на торгово-транзитной магистрали; возникли они примерно одновременно. Раскопками установлен несомненный факт, что на месте указанных пунктов, начиная с эпохи неолитической эпохи, с некоторыми перерывами, существовали поселения. С эпохи ранней бронзы эти поселения развиваются довольно планомерно. С первых веков I тысячелетия до н. э. Ховле, Каспи, Мцхета и некоторые другие пункты вырисовываются как крупные и развитые поселения, где нетрудно усмотреть зачатки будущей городской жизни.

В Ховле, например, в течение последних лет раскапывается поселение позднебронзовой и раннежелезной эпох. Среди вскрытых здесь памятников — остатки многослойных жилых зданий, сгруппированных вокруг оборонительных сооружений, главным образом к юго-востоку от холма (жилой квартал поселения), остатки керамических обжигательных печей эпохи раннего железа IX—VIII—VII вв. до н. э. Эту часть поселения нужно рассматривать как его производственный район. Помимо этого, был раскопан могильник, культовые и оборонительные комплексы на холме. Таким образом раскопками выявлены основные элементы крупного поселения позднебронзовой и раннежелезной эпох, получившие впоследствии развитие в древних городах Иберии.

Аналогичные основные элементы древних поселений были выявлены раскопками в Болнисском районе, южнее Тбилиси. В Болниси наблюдается такая же картина, как и в Ховле. Примеры Ховле и Болниси показательны и тем, что перед нами вырисовывается облик поселений с элементами будущего города, но пока еще не ставших городами.

Дальнейшее развитие этих поселений, как выясняется, пошло по разному пути. Мцхета стала городом в VI—V вв. до н. э. Каспи стал поселением городского типа, а может быть, и городом, а Ховле прекратил свое существование как крупное городское поселение с V—IV вв. до н. э.

До некоторой степени причины этого явления выясняются раскопками последних лет. Дело, по всей вероятности, заключается в том, что до начала I тысячелетия до н. э. развитие указанных поселений шло по линии освоения неорошаемых земель долины р. Куры и ее притоков. До определенного периода плодородные полосы земли вдоль рек Дзама и Лехура, притоков Куры, могли прокормить сельское население Ховле и Каспи. Но в результате увеличения численности населения, развития ремесел и торговли стала ощущаться острая необходимость расширения обрабатываемых земель, организации оросительной системы, обеспечения обработки новых земель и т. д. По всей вероятности, Каспи в силу особенностей своего развития и выгодного местоположения (он находился на стыке двух магистралей) быстро выдвинулся и перехватил все жизненно важные артерии Ховле. Окончательный результат этого процесса и выявлен раскопками: Ховле, как крупный населенный пункт раннежелезной эпохи с середины I тысячелетия до н. э. прекращает свое существование и уступает первенство Каспи, который со своей стороны впоследствии не выдерживает конкуренции Уплисдихе и Мцхеты и в IV в. до н. э. также перестает существовать как поселение городского типа.

К этому времени в Мцхете заканчивается объединение древних поселений на обоих берегах рек Куры и Арагви и Мцхета превращается в столичный город Картлийского царства.

Выдвижение Мцхеты, как показывают результаты археологических раскопок, также было связано с развитием земледелия, расширением сети оросительной системы. Огромную роль сыграло, как видно, местоположение города на стыке двух торговых-транспортных магистралей, с одной стороны, Куры, с другой — Арагви. Но обнаруженные здесь археологические памятники показывают, что решающую роль сыграло, по всей вероятности, развитие ремесленного города, в частности развитие обработки железа около Мцхеты, в районе Саркине. Этот населенный пункт упоминается в древнегрузинских летописях как город или «убани» (район) Мцхеты.

Археологическими раскопками 1954—1956 гг. выявлены многочисленные остатки древнего железоделательного производства, а также обработки свинца и меди. На сравнительно небольшой площади было обнаружено значительное количество железного шлака, железные полуфабрикаты в виде болванок, обломки железной руды, железные крицы, специальная, по-видимому с железной рукоятью, лопата для выгребания шлака из железоплавильных печей. При раскопках развалин таких печей найдены сильно деформированные тигели, несколько сот штук железных стрел, изготовленных в Саркине и почти переплавившихся вторично вследствие большого пожара, разрушившего крупные для того времени мастерские Саркине. В этом районе города Мцхеты вскрыты грандиозные ограды и башни, сложенные из сырца, архитектурные детали раннеэллинистической эпохи — капитель ионийского ордера, обломки колонн и полуколонн, фрагменты с резьбой, кровельная черепица и т. д.

Таким образом выясняется, что в раскапываемом районе с раннеэллинистического времени существовало городского типа поселение, обеспечивавшее потребности города Мцхеты и, может быть, большей части Иберийского царства в металлических изделиях.

О важной роли Саркине в жизни города, нам кажется, говорит и легенда, согласно которой Саркине выдержал одиннадцатимесячную осаду и не сдался войскам Александра Македонского.

Одновременно Саркине играл большую роль как район товарного виноградарства, основанного на оросительной системе раннеэллинистического времени. В этом районе, согласно данным раскопок, существовали, вероятно, также и крупные керамические мастерские.

В свете новых археологических данных древняя столица Иберии — Мцхета вырисовывается как большой город, расположенный на стыке двух важнейших речных долин Грузии, на обоих берегах рек Куры и Арагви. Город состоял из двух основных частей. На правом берегу р. Куры находился «город Армазской стороны», а на левом берегу — «город Мухнарской стороны». После того как в результате слияния отдельных древнейших поселений Мцхета стала большим городом, поселения эти сохранили свою хозяйственно-экономическую специфику и стратегическое значение в качестве районов, «убани» столичного города. Попутно заметим, что академик Г. А. Капанцян и профессор С. Т. Еремян считают возможным грузинское *ubani* увязать с урартским *ubani* (страна) и армянским *awani* (поселок).

Раскопками выявлен ряд районов древней столицы: «древняя Мцхета» — Армазцixe, Цицамури, Саркине, Сапцгнахшо и т. д. Вместе с тем по-новому освещены вопросы локализации некоторых исторических пунктов, в частности, упомянутых Страбонам Гармозики и Севсаморы и грузинскими летописями — Саркине.

В столице Иберии скрещивались важные торговые пути — часть великой водной магистрали (Рион — Кура), связывающей Бактрию, Индию и другие восточные страны с Западом, и караванный путь от северных кочевников по ущельям Терека и Арагви.

Установлено, что резиденция царей и высших сановников, ремесленный и торговый квартал, «города божеств» Армас и Заден, а также обширные сельскохозяйственные районы, в частности орошаемые виноградарские столицы, защищались воздвигнутыми на квадратном фундаменте мощными сырцовыми стенами и башнями.

Отдельные районы города Мцхеты, при своих строго определенных своеобразных чертах, имели ряд общих характерных признаков: жилые сооружения расположены были на холмах, могильники находились на низменностях, культовые сооружения — на высоких холмах (например, Зедазени, Мцхетис-гора, Картлис кеди, Джварис Борцви и т. д.), на низменностях же были сооружены хозяйственные и ремесленные мастерские и т. д. Убаи защищались определенной системой крепостей; районы, расположенные на противоположных берегах рек Арагвы и Куры, как указывают письменные источники, были связаны между собой мостами. На правом берегу р. Куры, на возвышенности Багипети, выделялся акрополь Мцхеты. Так выглядел столичный город античной Грузии — Иберийского государства.

Таковы же, примерно, процессы зарождения городской жизни и в других пунктах или районах Картли (Иберии). Для примера можно назвать Тбилиси, который также возник на крупной торгово-транспортной магистрали в результате постепенного расширения и укрупнения ряда древнейших поселений, расположенных на обоих берегах реки Куры. Археологические материалы показывают, например, что такими древними поселениями, объединенными впоследствии в один город, должны были быть: Дидубе — на левом берегу Куры, где раскопками Г. К. Ниорадзе засвидетельствовано существование поселения с неолитической эпохи; Грмагеле — в том же районе с поселением раннебронзовой эпохи; Навтлуги с поселением позднебронзовой эпохи; Исани, Сабуртало, Делиси, Ведзиси и ряд других, еще мало изученных древних поселений, объединенных под гегемонией Тбилиси, что по-грузински означает «поселение в районе горячих (серных) источников». Тбилиси выделялся с самого начала среди окрестных поселений выгодным местоположением на высоком и легко укрепляемом холме, впоследствии ставшем акрополем новой, средневековой столицы Грузии. В самом Тбилиси в связи с современным строительством и земляными работами были выявлены поселения позднебронзовой и раннежелезной эпох.

То же можно сказать и об Урбниси, ставшем в античное время городом в итоге объединения нескольких поселений: собственно Урбниси, Руиси, Хизанаант-гора, Квацела и т. д., где существовали поселения еще с неолитической эпохи. Можно проследить аналогичный процесс в Гори и Уплисцихе, где в результате археологических раскопок последнего времени выявлены остатки оборонительных сооружений того же типа, что и в Мцхете, относящихся примерно к IV в. до н. э.

Процессы возникновения городов и зарождения городской жизни, показанные на основе археологического изучения Мцхеты и других городов древней Грузии, представляются нам характерными во всяком случае для той части Иберии, где в последнее время ведутся археологические работы, связанные с этой проблемой.

Учитывая результаты новых раскопок, нам кажется, можно утверждать, что решающую роль в возникновении городов Иберии сыграл высокий уровень социально-экономического развития общества в первой половине I тысячелетия до н. э.

В дальнейшем развитии городов довольно хорошо прослеживается тесная связь этих городов с городами других стран. На примерах раскопок Мцхеты, Вани, Урбниси, Сухуми, Пичвиари трудно проследить, что с I в. до н. э. начинается массовый ввоз в города древней Грузии изделий из эллинистических и итальянских центров. Население грузинских городов, в первую очередь правящий слой, предъявляет широкий спрос на предметы, удовлетворяющие развившийся вкус к античной культуре и искусству и наряду с многочисленной продукцией местных ремесленных мастерских широко пользуется в быту импортными ремесленными изделиями и произведениями античного искусства.

Приток многочисленных изделий ремесленных центров античного мира говорит о вовлечении городов Грузии в мировую торговлю. Открытия в верховьях р. Риони (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили) показывают наличие весьма интенсивных торговых связей различных центров античного мира с населением высокогорных районов Кавказа. Среди импортных товаров видное место занимали: серебряная утварь, геммы,

бусы из египетской голубой пасты, скарабей, каменные бусы малоазиатских и сирийских мастерских, бальзамари зеленого и темно-зеленого стекла и т. д.

Вовлечение городов и крупных поселений Иберии и Колхиды в мировую торговлю хорошо иллюстрируется на примерах монетного обращения: римские и парфянские монеты в первые века нашей эры буквально наводняют территорию Грузии. Приток в страну иноземных монет, имевших на мировом рынке значение международного эталона, создавал предпосылки для появления местных подражаний денариям Августа и драхам Готарза. Весьма интересную картину монетного обращения и распространения иноземных монет в Грузии раскрывают раскопки в Бичвинте (Большом Пятиунте) и Сухуми (Диоскуриада — Себастополис). При раскопках 1958—1960 гг. наряду с многочисленными римскими и византийскими монетами найдены монеты Херсонеса, Боспора, Понтийского царства, Пафлагонии и другие и, что весьма любопытно, в большом количестве встречаются так называемые трапезунтские городские монеты, найденные даже целыми кладами (например, в Бичвинте). Таким образом работы последних лет не только ярко иллюстрируют экономические связи Пятиунта, Диоскурии и Трапезунта, но и свидетельствуют о широком распространении трапезунтских городских монет.

Чеканка и широкое обращение древнейших местных монет, так называемых колхидок, еще с VI в. до н. э., золотых статов царей Аки и Савлака, монет древней Диоскурии, а также золотых статов, чеканенных по образцам статов Александра Македонского и Лисимаха, и многочисленные находки парфянских, римских, византийских и других иноземных монет наряду с усилением ввоза античных товаров отражают развитие экономической жизни и экономические связи городов Иберии и Колхиды с античными центрами Средиземноморья и Ближнего Востока.

Возрастало значение торгово-транзитных путей, проходивших через главные города Иберии и Колхиды, что, естественно, в свою очередь сильно влияло на социально-экономическое развитие городов. Древние города Грузии становились крупными торгово-ремесленными центрами.

Изучение добытых за последнее время археологических материалов дает основание предполагать наличие специализированных групп городских ремесленников — гончаров, мастеров строительного дела, золотых дел мастеров, мастерств, специализировавшихся на резьбе по камню, кузнецов, литейщиков, стеклодувов, деревообделочников и т. д., — работавших главным образом в царских рабовладельческих мастерских, продукция которых шла на рынок.

Наличие торгово-ремесленной прослойки среди населения городов Иберии и Колхиды можно наблюдать, по крайней мере, с VI в. до н. э.

Среди новых археологических открытий в городах особо следует упомянуть о находке надписей и в первую очередь о большой группе надписей из Мцхеты. Из них для истории города особенно интересна надгробная надпись главного живописца и архитектора города Мцхеты. Подчеркиваем значение именно этой надписи, относящейся, правда, к позднеантичному времени. Знаменателен сам факт существования должности — главного художника и архитектора города Мцхеты; это указывает на высокий уровень развития городской жизни в древней Иберии.

Хотелось бы еще указать на армазскую билингу и, особенно, арамейскую надпись пятиахша Шарагаса. Надпись эта представляет собой очень важный документ, но пока еще окончательно не расшифрованный. В городах Иберии в античную эпоху важнейшие события в жизни государства отмечались в соответствующих надписях, которые устанавливались, по-видимому, в центральных или наиболее важных местах столицы, в данном случае в районе Армазисхеви, т. е. на территории резиденции сановников великого царя Иберии.

Другая группа надписей может быть использована для характеристики этнического состава городского населения и не только столицы, но и других городов Иберии.

На определенную прослойку римлян в городе указывает найденная в 1867 г. над-

пись 75 г. н. э. Это — известная надпись Веспасиана. За последнюю четверть века обнаружены также и древнесврейские надписи, которые сделали очевидным существование в городе еврейского населения, вероятно еврейского квартала или колонии. Микетские надписи, а также арамейские надписи из Урбиси и Бори, дают некоторые основания предположить наличие в городах Иберии позднеантичной эпохи восточного этнического элемента, тем более, что в классических письменных источниках и в более поздних (грузинских и армянских) о существовании таких этнических групп имеются определенные сведения.

Таким образом наличие иноземных этнических элементов в городах Картли прослеживается, начиная с VI в. до н. э. и до IV—V вв. н. э. Следовательно, этническую пестроту состава городского населения мы должны считать характерной и для городов Иберии.

Итак, согласно археологическим данным, города Картлийского царства (Иберии) возникали на основе развития древнейших поселений, а после слияния их в один город эти поселения продолжали существовать в составе этого города в качестве его убани, т. е. районов или кварталов, в том случае, если они сохраняли свое хозяйственно-экономическое или стратегическое значение.

Города состояли из трех основных частей. Первая — собственно город, т. е. территория, застроенная жилыми домами и общественными зданиями. Об этом свидетельствует, с одной стороны, археологический материал — остатки самих сооружений, а с другой — сведения Страбона о городах Иберии.

Вторая часть города — система крепостей и оборонительных сооружений.

Третья часть — округ (гаре убани). Это — сельскохозяйственная территория города античной эпохи, составляющая экономическую основу городов античной Иберии.

Каждый город имел характерную для него планировку, деление на «убани», «карни», «полорци» — районы или кварталы, ворота и площади. Каждый убани был защищен соответствующей оборонительной системой. Крепость каждого убани являлась частью оборонительной системы города, поэтому об ее укреплении заботились царские или городские власти.

Каждый убани имел свой особый архитектурный облик и соответствующие здания. Так, например, Армазцихе выделяется как акрополь древнего города, где были сосредоточены все сооружения, соответствующие его значению как царской резиденции. Выделяется своей архитектурой и Сапитиахшо. Это резиденция сановников царя Иберии и других высших должностных лиц государства. То же следует сказать и о Саркине. Здесь находились главным образом железообрабатывающие мастерские.

В отдельных районах античных городов Картли существовали определенные отрасли хозяйства, ремесла или другого рода занятий. Соответственно этому определялся и вид убани, а иногда и его название. Так, например, район, где было развито производство железа, в древнегрузинских источниках называется Саркине, т. е. в переводе на русский язык — «место железа», или место, где обрабатывается железо. Район акрополя города называется Армазцихе — «крепость Армаза». В данном случае в названии также отражается специфика этого района. Убани Сапитиахшо — это район, где находилась резиденция царских сановников — питахшей. Цихеди — это район «большой крепости» и т. д.

Таким образом специальные термины отражали социальную или хозяйственную специфику районов; этим обусловлены и их специфические названия, что совершенно определенно подтверждается археологическими данными.

Несмотря на свою специфику, городские районы имели также и некоторые общие черты. Выше говорилось, что жилые помещения были размещены на возвышенностях, могильники — в низменностях, культовые места — на высоких холмах или горах, хозяйственные сооружения, мастерские и торговые места — рынки, площади и т. д. — также на низменностях.

Результаты раскопок показывают, что почти каждый убани города имел свой водопровод, свою баню, свои крепостные сооружения и т. д. Население каждого убани было также дифференцировано, как и все население города. Таким образом, каждый убани представлял собой как бы своеобразный маленький город и тем самым напоминал о прежней своей самостоятельности, которую он давно потерял вследствие объединения в составе одного большого города.

Города Картли (Иберии) античной эпохи предстают перед нами как торгово-ремесленные, хозяйственные, административные и стратегические центры. Определенная же группа городов, например, Мцхета, Уплисцихе, были также и политическими центрами царства.

Самым большим городом Иберийского царства был город Мцхета, являвшийся и политическим центром государства, — столицей. В грузинских исторических источниках Мцхета часто упоминается как «большой город Мцхета». Отличительной особенностью Мцхеты следует считать, прежде всего, обширность городской территории; это «большая Мцхета», — чисто условный термин для обозначения всех кварталов и районов, входивших в состав древнего города и его сельскохозяйственной территории.

Далее, для Мцхеты характерна многочисленность населения (несколько десятков тысяч) и, особенно, его этническая пестрота; сосредоточение крупного, имеющего государственные масштабы, ремесленного производства, торговли и развитого сельского хозяйства, что было также обусловлено скрещением здесь важнейших торговых магистралей, сложность и мощность оборонительных сооружений, специально построенный и укрепленный акрополь (Армазцихе), места культов верховных божеств Иберийского царства и, наконец, сама царская резиденция, остатки которой частично были раскопаны на территории Багинети (колонный зал, царский саркофаг, мавзолей и т. д.)

Таковы некоторые характерные черты городов Иберийского царства античного времени.

Довольно значительные работы ведутся в последнее время по археологическому изучению и Западной Грузии, в частности по изучению городов Колхидского царства. Теперь уже хорошо известны итоги археологического изучения некоторых городов, например, Вани, частично известны результаты исследования Диоскуриады (Сухуми), в меньшей степени — результаты раскопок Питиунта, Кобулет и др.

Раскопки и разведки, проведенные в этих городах, свидетельствуют о довольно высоком уровне развития древних городов Западной Грузии — древнего Колхидского царства. При этом важно отметить, что города восточного, т. е. грузинского, Причерноморья, оказывается также возникли в результате постепенного развития существовавших в этих местах древних поселений. Материалы раскопок в Сухуми, Вани и Пицунде указывают на существование древнейших поселений на территории и этих городов, ставших известными в античную эпоху. В частности, в Вани летом 1959 г. под алчными сооружениями был открыт довольно обширный и не тронутый слой позднебронзовой эпохи. По всей вероятности, новые раскопки в этом районе дадут много ценного для изучения истории античных городов Колхидского царства.

Что касается дальнейшего развития этих городов, то, безусловно, очень большую роль в развитии некоторых из них играла греческая колонизация. Но, как бы то ни было, при оценке роли этой колонизации следует учитывать и данные археологии, достаточно ясно доказывающие существование на месте этих городов довольно развитых древних поселений. Так, в Сухуми открыто поселение, где существовало крупное металлургическое производство эпохи поздней бронзы.

Начатые недавно раскопки Пицунды пока еще не дают достаточно материала для широких исторических обобщений, но ставят вопрос о пересмотре роли греческой колонизации в процессе возникновения городской жизни в древнем Питиунте.

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА ГРУЗИИ И АРМЕНИИ

Изучение городов и развития городской жизни в странах Закавказья в античную эпоху началось недавно. До 30-х годов нашего века проблема рабовладельческих отношений в среде населения Закавказья не ставилась совсем. Общественный строй народов Грузии и Армении античной эпохи трактовался как непосредственный переход от родового общества к феодальному. Естественно, что и античный город на территории Закавказья как основная форма общественной, экономической и политической организации рабовладельческого общества не мог быть предметом изучения. Только за последние десятилетия после начала планомерных археологических работ в районе Мцхеты, в Гарпи и в ряде других пунктов Грузии и Армении стало раскрываться богатство и своеобразие культуры грузинского и армянского народов в античную эпоху. Вопрос о процессе исторического развития, характере общественных отношений и проблема рабовладельческого строя в Закавказье стали предметом углубленного изучения историков. Появился ряд археологических отчетов, монументальных археологических публикаций, статей и монографий, посвященных истории и культуре Грузии и Армении античной эпохи. Сопоставление данных литературных источников с результатами археологических исследований дало возможность сделать ряд важных обобщений и исторических выводов. Но объем проведенных археологических работ пока еще слишком незначителен; поэтому многое еще остается неясным и некоторые выводы, связанные с трактовкой как тех или иных памятников, так и больших кардинальных проблем, остаются дискуссионными.

В задачу данного очерка не входит обзор историографии античного периода в странах Закавказья. Нашей целью является лишь попытка наметить в самом кратком изложении общую картину возникновения и развития античных городов Грузии и Армении, насколько это возможно при современном состоянии их изучения.

Появление первых городов на территории древней Грузии и древней Армении относится еще ко времени до возникновения там классовых отношений и образования государств на местной этнической основе. Это урартские города на территории армянского нагорья и греческие колонии, созданные на восточном и юго-восточном побережье Черного моря. В конце II тысячелетия и в первые века I тысячелетия до н. э. племена Закавказья переживали последний этап разложения первобытно-общинного строя, период военной демократии. К этому времени относится существование крепостей-убежищ для населения, мелких неукрепленных поселков, группирующихся вокруг таких крепостей. Остатки этих древних *refugia* дошли до нас во многих местах Южного Закавказья в виде так называемых циклопических крепо-

стей¹. В текстах урартских надписей постоянно упоминаются «города» и «крепости» страны Диаухи, где под крепостями следует понимать циклопические refugia, а под городами — расположенные вокруг них поселения². Описание подобных горных убежищ, существовавших у тахов (греческая транскрипция урартского термина «Диаухи») еще на рубеже V—VI вв. до н. э. находим мы у Ксенофонта³.

В период своего господства в Закавказье (IX—VII вв. до н. э.) урарты создали ряд крепостей — Менуахинили на северных отрогах горы Арарат, Аргштихинили — близ современного Армавира к востоку от Еревана, на Араксе, Ерибуни (Арийберт), Тейшебани — близ Еревана и др. Изучение истории Урарту и урартских крепостей и городов показало, что они являлись в основном военно-административными центрами, опорой власти над племенами, населявшими страну, куда урарты совершали опустошительные походы, унося с собой огромную добычу в виде золота, серебра, меди, угоняя множество скота и пленных и облагая побежденных данью. Однако наряду с этой опустошительной деятельностью урарты придавали большое значение и развитию хозяйства: земледелия, садоводства, виноградарства, строительству оросительных каналов. Не малую роль они сыграли и в развитии металлургии, в распространении среди племен армянского нагорья железа, а также в установлении мешовых и культурных связей племен Закавказья с наиболее развитыми странами древнего Востока. Основанные урартами города, являясь крупными сельскохозяйственными и торгово-ремесленными центрами, оказали значительное влияние на развитие социально-экономической и культурной жизни племен Закавказья.

Ко времени падения царства урартов (VII в. до н. э.) среди племен Закавказья наблюдается известный прогресс в хозяйственной жизни. К этому времени, благодаря освоению металлургии железа, бронзовые оружие и орудия труда были уже вытеснены железными. Это обстоятельство способствовало быстрому развитию земледелия в предгорных и низменных районах, в долинах рек.

Это — период интенсивного роста и развития крупных земледельческих поселений, лежащих на магистральных путях межплеменной меновой торговли, период интенсивного развития ремесла и отделения его от сельского хозяйства, период распада общинно-родовых отношений и вызревания отношений классовых на базе развивающегося рабовладения.

В то же время в горных местностях крупные союзы племен, могущество которых некогда базировалось на горно-пастбищном скотоводстве и металлургии бронзы, распались, а застойный характер их хозяйства и слабо развитый обмен значительно задерживали их социально-экономический прогресс.

Вскоре после падения Урарту, в конце VII в. до н. э. Армения испытала вторжение мидян, в середине VI в. до н. э. была завоевана Киром и включена в состав ахеменидских сатрапий. За время пребывания под властью Ахеменидов, до крушения персидской державы, в армянском обществе окончательно завершился процесс сложения раннерабовладельческих отношений. Падение урартских городов в конце VII — начале VI в., по имеющимся у нас данным, возможно, вызвало прекращение существования городов и замирание городской жизни. Ксенофонт в своем Анабазисе рисует Армению на рубеже V и IV вв. как страну деревень (он не описывает ни одного города), возглавляемых комархами. Даже центр управления XIII сатрапии не представлял собой города. Дворец сатрапа был окружен многочисленными деревнями⁴. Отсюда возникло предположение об окончательном прекращении городской

¹ И. И. Мещанинов. Циклопические сооружения Закавказья. ИГАИМК, XIII (1—2), вып. 4—7; Л. М. Меликсет-Бек. Мегалитическая культура в Грузии. Тифлис, 1938; Б. Б. Piotrowski. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 57.

² Г. А. Меликшвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 209.

³ Анаб. IV, 7, 1—14.

⁴ Xenophon., Anab. IV, 4, 4 и 7.

жизни в период между полным падением Урарту и появлением независимых армянских царств во II в. до н. э.

Между тем еще недавно, при раскопках урартской крепости Ерибуни (Аринберт, близ Еревана) был обнаружен культурный слой ахеменидской эпохи. Это обстоятельство заставляет пересмотреть окончательный вывод по этому вопросу. Дальнейшие археологические исследования должны показать, была ли преемственность в развитии поселений городского типа от урартских городов непосредственно к армянским городам. К сожалению, древнейший из армянских городов Армавир, возникший на месте урартского Аргиштихинили, археологически почти совсем не исследован. Только планомерные раскопки Армавира могли бы внести полную ясность в этот вопрос.

В Армении, как и в Грузии, еще в период раннего железа наблюдается процесс развития крупных земледельческих поселений⁵ с общинной собственностью на землю, расположенных главным образом на важнейших торговых путях. С развитием рабовладельческих отношений, ремесел и торгового обмена мелкие общинные поселения объединялись путем синойклизма, превращаясь в самоуправляющиеся городские общины с аграрной основой экономики и являясь в то же время центрами профессионального ремесла и торговли.

Большую роль играли также объединения сельских общин вокруг наиболее почитаемых святилищ, так называемые храмовые объединения, где земля считалась собственностью божества, а большая часть доходов шла в пользу жреца, возглавлявшего храмовое объединение. Практически часть земель составляла коллективную собственность общинников, имевших свои надель, а часть принадлежала жрецу и обрабатывалась иеродулами. Такие объединения существовали в Армении, Албании и древней Грузии. Как и в Малой Азии, они возникали обычно в плодородных местностях, в изолированных районах, окруженных горами⁶.

На территории Грузии возникновение первых городов связано с греческой колонизацией юго-восточного и восточного побережья Кавказа. Первые греческие поселенцы появились в этих местах примерно еще в VII в. до н. э. Они обосновывались в прибрежных поселениях местных племен, создавали мелкие торговые фактории, частично вытесняли и поработали местное население, захватывая близлежащие, пригодные для обработки участки земли, и постепенно превращали эти поселки в эмпории, или эллинские города-колонии. Ряд населенных пунктов юго-восточного берега Черного моря, упоминаемых Гекатеем как «города» местных племен — «Стамена, город халибов» (fragm. 196) и «Хирады, город моссиников» (fragm. 193) примерно через полтора века в сочинении Псевдо-Скилака названы уже «эллинскими городами»: в стране моссиников «эллинский город Стамения» (§ 86), а в стране халибов — «эллинский город Хирады». Вслед за появлением греческих поселенцев на юго-восточном побережье возникли милетские колонии и на восточном побережье: Фасис и Диоскуриада. Сохранилось сообщение, что основателем Фасиса был милетянин Фемиситагор⁷. Если это тот Фемиситагор, который упомянут в милетской надписи 521—520 гг.⁸, то основание Фасиса, как греческой колонии, следует относить к концу VI в. до н. э.⁹ Однако не исключена возможность, что Диоскуриада и Фасис были основаны раньше VI в. и являлись колониями не самого Милета, а какого-либо другого греческого центра и лишь позже, в конце VI в. до н. э. им овладели милетяне. Город Фасис уже

⁵ Вопрос этот подробно освещен и убедительно иллюстрирован А. М. Апакидзе в его статье «Результаты археологического изучения городов в Грузии в античную эпоху», публикуемой в данном сборнике, стр. 149.

⁶ А. Г. Перихания. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, стр. 7.

⁷ Ротр. Мела, I, 108.

⁸ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 71, примеч. 1.

⁹ Там же, стр. 55.

в самый ранний период своего существования начал чеканку монеты. Древнейшие крупные номиналы этих монет, так называемых колхидок — дидрахмы, относятся еще к VI в. до н. э.¹⁰ Мелкие номиналы колхидок, полудрахмы (триболлы) найдены в слое второй половины VI в. до н. э. при раскопках святилища Деметры в Нимфее¹¹. Эти монеты с одной стороны свидетельствуют о существовании ионийской колонии Фасиса в конце VI в. до н. э., а с другой — указывают на раннее установление связей Фасиса с городами у Керченского пролива. Документом, относящимся к жизни Фасиса в V в. до н. э., является метрическая надпись V в. на серебряной чаше, похищенной из святилища Аполлона в Фасисе во время набега на Фасис племен Северного Кавказа и найденной в Прикубахье в одном из курганов I в. до н. э. Надпись гласит: «Принадлежу Аполлону-Водителю, тому, что в Фасисе»¹². Фасис служил эмпорием для племен, живущих в долине Риона¹³.

Что касается Диоскуриады, то раскопки, произведенные в 1951 г. в Сухуми на Сухумской горе, показали, что там уже со II тысячелетия существовало поселение местных племен, в самом начале I тысячелетия до н. э. занимавшихся обработкой бронзы. В археологическом материале отражено постепенное освоение металлургии железа и, наконец, внедрение греческих колонистов, принесших с собой и предметы своего материального быта. Подобно Фасису, Диоскуриада являлась эмпорием для окрестных племен, живших в тылу города, в горах¹⁴, но начало чеканки монет Диоскуриады относится уже к значительно более позднему времени (II—I вв. до н. э.) Большой греческий город Питиунт, первое упоминание о котором встречается лишь на рубеже II—I вв. до н. э.¹⁵, возник, возможно, в результате вывода колонии из Фасиса или Диоскуриады.

Как отразилось персидское завоевание юго-западного Закавказья на жизни греческих городов Кавказского побережья Черноморья, неизвестно. Сведения Геродота говорят скорее, что города восточного Причерноморья остались вне персидского завоевания, как и вся долина Риона.

Материалы раскопок VI—II вв. до н. э. на территории Боспора свидетельствуют о ранних торговых связях городов Кавказского побережья с городами европейского и азиатского Боспора, а через них и с населением Колхиды (помимо упомянутых уже монет колхидок — обломки колхидских пифосов в Нимфее¹⁶, Мирмекии, Пантикапее, в Загородной усадьбе близ Мирмекии, в Гермонассе¹⁷).

Греческие города Колхиды вели торговлю также и с другими городами Причерноморья, не только Северного, но служили портами для доставки товаров из внутренних областей Колхиды через Черное море в Эгейский бассейн. Торговля осуществлялась по речному пути вверх по Риону и притоку его Квириле. Торгуя с местными племенами, греческие города продавали им соль, вино, оливковое масло, керамику, украшения и другие изделия греческого ремесла, а покупали различное сырье, лесной материал, смолу, продукты пчеловодства, лен, прославленные льняные ткани, металлы (в том числе золото) и, наконец, рабов. В поселениях местных племен, лежавших вдоль этого речного пути, высокого развития достигло земледелие, в частности культура льна, садоводство, огородничество, скотоводство. Раскопки поселений близ Дабла-Гоми, Вани и прилегающих могильников свидетельствуют о высо-

¹⁰ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 32 сл., табл. 1, № 1 и 5.

¹¹ В. М. Скуднова. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее. ВДИ, 1952, № 2, стр. 238 сл.

¹² К. Е. Думберг. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК, вып. 1, 1901, стр. 98—100.

¹³ Strabo, XI, 2, 17.

¹⁴ Strabo, XI, 2, 16, 19.

¹⁵ Strabo, XI, 2, 14. Здесь Страбон опирается на свидетельство Артемидора.

¹⁶ В. М. Скуднова. Указ. соч., стр. 239—242.

¹⁷ И. Б. Зеев. Раскопки Гермонассы. ИСНМК, вып. 58, 1955, стр. 117, рис. 49, 1, 2.

ком развитии сельского хозяйства и ремесла, уже отделившегося от сельского хозяйства и превратившегося в профессиональную отрасль производства, работавшего на рынок (текстильное ремесло и в первую очередь производство знаменитых льняных тканей, гончарное ремесло, обработка металлов, изготовление украшений). В результате экономического развития, стимулированного торговыми сношениями, с колониальными городами и центрами Ближнего Востока (находки черполаковой керамики и античных амфор, бус сирийского производства, монет), в поселениях этих быстро прогрессировал процесс социально-экономического расслоения. Археологические материалы отражают зарождение частной собственности и классовых отношений в наиболее развитых земледельческих районах Колхиды примерно в середине I тысячелетия до н. э.¹⁸ Некоторые из этих поселений, как поселение на месте современного Вани, развились в дальнейшем в значительные городские центры со своеобразной этнической культурой¹⁹.

О внутренней жизни греческих городов на морском побережье Колхиды мы почти ничего не знаем. Относительно их политического строя мы можем лишь предполагать, что это был обычный строй греческих полисов. Следует думать, что жители городов владели земельными участками на прилегающей к городу территории. В составе населения этих городов-эмпориев безусловно значительный процент составляли представители местных племен. Что касается их культуры, то наряду с чисто греческим культом Аполлона, засвидетельствованным упомянутой греческой надписью на серебряной чаше, в Фасисе (как и в Херсонесе Таврическом) почиталось местное жеманское божество — фасианская богиня. Статуя ее, напоминающая Фидиеву Рею в афинском Метрооне, описана Аррианом²⁰.

Древнейший из городов Армении — Армавир, лежавший на месте урартского города Аргиштихинили, в средней части долины р. Аракса на левом берегу. Возникновение Армавира относится еще ко времени господства Ахеменидов. Он лежал в плодородной местности и занимал выгодное стратегическое положение, оцененное еще урартами²¹. В Армавире находилось древнее и высоко почитаемое святилище армянских земледельческих божеств, Тира и Анахит (Солнца и Луны), где было прощалище²². Вряд ли следует сомневаться в том, что в собственности этого прославленного святилища находились и плодородные земли и «священные рабы», которые их обрабатывали²³.

Армавир был также важным центром торгового обмена, так как был расположен на большом торговом пути с северного Кавказа через Дарьял, Мцхету и Армавир к Вавилону. О внутренней организации этого древнейшего городского центра Армении мы ничего не знаем. Не сохранилось также и никаких описаний этого города. Однако есть все основания думать, что он представлял собой крупный политический центр Армении еще до свержения политической власти Селевкидов (189 г. до н. э.) и превращения его в столицу Великой Армении. Как уже отмечалось, в V и IV вв. до н. э. городов в Армении было еще очень мало. Однако рост производительных сил, развитие земледелия, ремесел, торговли, частной собственности и рабовладельческих отношений в Армении протекали очень быстро, не только благодаря природным богатствам и выгодному географическому положению (здесь нужно иметь в виду близость к важнейшим передовым центрам древнего Востока и эллинистической Передней Азии), но и благодаря освоению армянским народом культурного наследия Урарту и

¹⁸ В. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1954, стр. 1—147.

¹⁹ Материалы раскопок Н. В. Хоштарна на территории г. Вани опубликованы еще далеко не полностью.

²⁰ Arrian. *Per. Ponti*, II.

²¹ Г. Х. Саркисян. Тиграпакерт. М., 1960, стр. 32.

²² Моисей Хоренский, I, 20; К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 104 сл.

²³ Г. Х. Саркисян. Указ. соч., стр. 39.

воздействию Ахеменидского Ирана, под властью которого Армения находилась в течение почти трех столетий. После крушения господства Ахеменидов местные правители в Армении развивают энергичную деятельность по созданию целой сети новых городов.

Возникновение городов происходило путем объединения ряда сельских общин и оформлялось указом царей.

Градостроительство в Айрататской долине связано с деятельностью династии Оронтидов (*арм.* Ервандуши). Представители этого аристократического рода при Ахеменидах управляли Арменией в качестве сатрапов и затем, после падения Ахеменидов, стали независимыми правителями до завоевания Армении Антионом III. Результатом их градостроительной деятельности явилось возникновение городов с династическими названиями Ервандашат, Ервандакерт, Ервандаван²⁴. Другая армянская область в нижнем течении левого притока Евфрата — Арацани, также отличавшаяся большим плодородием и высоко развитым сельским хозяйством, Софена²⁵, ранее других областей Армении была вовлечена в международные торговые связи эллинистического Востока²⁶. Через нее проходило ответвление большого караванного пути, бывшая персидская «царская дорога», идущая из Малой Азии в Мидию на Экбатаны, затем — в Парфию, Бактрию и Индию, а к югу от Софены лежала торговая магистраль, связывавшая две столицы царства Селевкидов — Антиохию на Оронте и Селевкию на Тигре. Все важнейшие торговые связи Армении проходили через Софену, а по соседству с пейю, на большом торговом пути, находились важнейшие торговые и культурные центры эллинистического Востока. В Софене было поэтому значительное число городов с разноплеменным населением (армяне, греки, сирийцы, иранцы). Правители Софены раньше всех других правителей Армении начали чеканить монету с греческими надписями. В городах Софены велась оживленная торговля. Наиболее значительными из них были Арсамосата, основанная в середине III в. до н. э. царем Арсамом, и Каркатиокерта, служившая царской резиденцией²⁷. Наряду с земледельцами, членами гражданской общины городов, там было большое количество торговцев и ремесленников. В этих городах, центрах эллинистической международной торговли, большое распространение получил греческий язык.

После поражения, нанесенного Римом Антиоху III Селевкиду в битве при Магнесии, правители армянских областей, Софены — Зарех (*греч.* Зариандр) и Великой Армении — Арташес (*греч.* Артаксий), объявили себя независимыми царями. Древний город Армавир стал столицей царства Арташеса, основателя династии Арташесидов. Падение могущества Селевкидов на востоке и отпадение от них восточных областей их царства сильно повысили роль Армении в экономической и политической жизни эллинистического Востока, а победоносные войны Арташеса, помимо территориальных приращений, военной добычи и политических выгод, давали ему еще и большое количество обращаемых в рабство пленников. Их большими массами поселяли на землях царей и знати для ведения сельскохозяйственных и других работ и продавали на рынках в городах. Все это еще более способствовало развитию крупной частной собственности, окончательному разложению древних общинных порядков и развитию рабовладельческих отношений.

При Арташесе была проведена реформа землепользования, состоявшая в разграничении общинной и частной земельной собственности²⁸.

Молодые армянские царства Великая Армения и Софена превратились в подлинно эллинистические государства со всеми особенностями их социально-экономического и политического строя и с их синкретической культурой. Синкретической, так

²⁴ Г. К. Саркисян. Указ. соч., стр. 41.

²⁵ Полибий (VIII, 25) называет центральную ее часть «прекрасной равниной».

²⁶ А. Я. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 31.

²⁷ Страбо, XI, 14, 2.

²⁸ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 173; Г. Х. Саркисян. Указ. соч., стр. 45.

как помимо наслонившегося на древнеармянскую культуру влияния культуры иранской, в Армению уже в III—II вв. глубоко проникла эллинизация. Это сказалось наряду с принятием арамейской и греческой письменности, македонского летоисчисления и календаря в распространении греческого языка и литературы среди знати, чеканке монет с греческими легендами и по образцу монет эллинистических царств; в проникновении греческих вкусов в материальный быт и образов греческих богов и религию армян.

Насколько велико было греческое влияние на население городов Армении уже в III—II вв. до н. э., свидетельствуют найденные в Армавире греческие надписи, значение которых в качестве отражения эллинизации Армении было уже отмечено многими исследователями²⁹.

Все это было связано с новыми мероприятиями по градостроительству. Прежде всего, древний Армавир должен был уступить свою роль столицы новому городу с чисто династическим названием Арташат (*греч.* — Артаксата), созданному также на берегу Аракса. Краткое описание города сохранилось у Страбона (XI, 14, 6): «... Артаксата подле Араксенской равнины; хорошо заселена и служит царской резиденцией; расположена в малучине, похожей на полуостров; кругом, исключая перешейка, со стороны реки обведена стеной; перепеек же замкнут рвом и насыпью».

Можно думать, что новый город, построенный по единому плану по воле и указанию царя, в планировке подражал эллинистическим городам своего времени. По примеру других эллинистических правителей, занимавшихся созданием городов, Арташес переселил в новую столицу жителей из других городов. Моисей Хоренский (II, 49) сообщает о переселении в Арташат жителей Ервандашата. Весьма возможно, что это сопровождалось также переводом и сельского населения и во всяком случае рабов для поселения на отведенных городской общине землях. Что в Арташате было также сильным влияние эллинистической культуры, видно из того, что известный писатель II в. н. э. Ямблих, автор *Babyloniaca* жил в Арташате³⁰.

Помимо Арташата в то время был создан еще ряд городов: Арксата³¹, по-видимому, в районе Нахичевани и ряд других, тянувшихся от оз. Урмия до северной границы Армении.

Но и после переноса столицы в Арташат, Армавир не утратил своего значения как культовый центр и один из значительных центров транзитной торговли.

Помимо Армавира, в Армении того времени продолжали существовать и другие культовые центры — храмовые объединения, представлявшие по греческой терминологии *καθίστοδς*. Наибольшей известностью из них пользовалось святилище Анахит в области верхнего Евфрата, в Акилисене³². Здесь святилищу принадлежала целая богатая область, носившая название по имени богини³³. Были и другие подобные культовые центры в Армении, также владевшие обширными землями. Все они, будучи крупными сельскохозяйственными центрами, являлись центрами развитого ремесла и торговли, особенно оживленной в период культовых празднеств.

К эпохе эллинизма относится также и возвышение Гарни как мощной крепости с находившейся там летней резиденцией царей и расположенным возле крепости крупным земледельческим и торгово-ремесленным поселением³⁴. Раскопки Гарни показали существование там уже в III в. до н. э. великолепно построенных оборони-

²⁹ А. И. Болтунова. Греческие надписи Армавира. «Изв. Арм. ФАН СССР», т. 1—2, 1942; Я. А. Манандян. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946; К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 99—156; J. et L. Robert. REG, t. LXV, 1952, № 304—35, стр. 182 сл.

³⁰ Т. Моммзен. Римская История, т. V. М., 1949, стр. 367, примеч. 3.

³¹ Strabo, XI, 14, 6.

³² Strabo, XI, 14, 16.

³³ Plin., N. H., 83; Dio Cass., 36, 48.

³⁴ В. П. Аракелян. Гарни I. Ереван, 1951; Гарни II. Ереван, 1957

тельных степ с башнями из огромных, замечательно обтесанных, рустованных базальтовых блоков, сложенных пазухом и скрепленных железными скобами, залитыми свинцом.

Завоевания Тиграна II и создание им обширной и мощной державы было связано с включением в состав Армении не только крупнейших эллинистических городов Малой Азии, Сирии и Междуречья, но и с созданием новых городов, в первую очередь Тигранокерта, новой столицы Армении. Основание Тигранокерта следует рассматривать как прямое продолжение градостроительства предшествовавшего периода истории Армении, как логическое завершение всего предшествовавшего процесса развития городов. Создание этого города диктовалось прежде всего условиями превращения Армении в крупную державу эпохи позднего эллинизма.

Тигранокерт был основан в 77 г. до н. э.³⁵ на берегу р. Никефория, притока Тигра, в центре обширной империи Тиграна. Город был хорошо укреплен. По словам Тацита (Арр. XV, 4), «часть стен окружает Никефорий, река довольно значительной ширины, а там, где не полагались на защиту реки, был проведен огромный ров». По словам Аппиана (Mithr., 84), Тигран «окружил город стенами в пятьдесят локтей высоту, поместив в глубине их коюшны, а в предместье построил царский дворец, большие сады, многочисленные охотничьи парки и пруды. По соседству была воздвигнута мощная крепость». Сведения эти о градостроительстве Тигранокерта скупы, но тем не менее и по ним можно заключить, что Тигранокерт был построен по образцу современных ему эллинистических городов.

Заселение Тигранокерта осуществлялось по обычному способу заселения эллинистических городов — путем переселения жителей из других городов. По словам Страбона (XI, 14, 15), Тигран поселил в нем жителей двенадцати опустошенных им эллинистических городов. По указаниям других источников, это были города Каппадокии, Киликии, Адиабены, Сирии, Гордиэны и других стран³⁶ (в том числе и Мазака, и Сола). В числе переселенных были купцы, ремесленники и, по всей вероятности, и сельские жители для заселения городской округи. Таким образом, с самого начала состав населения был разноплеменным: сирийцы, каппадокийцы, киликийцы, гордиэны, и под «эллинами» нужно понимать не только греков, но главным образом эллинизированное население завоеванных городов. Согласно армянским источникам, переселены были и евреи. По приказу Тиграна, в новую столицу переселилась и армянская знать, которая обязана была под страхом конфискации перевезти с собой все имущество³⁷. Городская знать, стремясь заслужить расположение царя, всячески содействовала расширению и украшению города.

Тигранокерт стал центром эллинистической культуры. При дворе царя жили греческие ученые, философы, риторы, в том числе Амфикрат — афинский изгнанник, выдающийся писатель и ритор, и скепсисец Метродор — историк, философ и политик, известный своей ненавистью к римлянам³⁸. В Тигранокерте был построен театр по греческому образцу, где греческие актеры исполняли произведения греческих драматургов³⁹. Армянская знать усваивала вкус к греческой культуре; широким распространением пользовался греческий язык. Тигран был известен как царь — «филэллин». В период широких связей с крупнейшими центрами эллинистического Востока, такими, как Антиохия на Оронте и другие, вошедшие в состав владений Тиграна, культура городов Армении была в очень сильной степени проникнута влиянием эллинизма. Преемник Тиграна Артавазд не только знал и любил греческую литературу, но и сам был автором трагедий и прозаических сочинений на греческом

³⁵ Th. Reinach. Mithridate Eupator, roi du Pont. Paris, 1890, p. 346.

³⁶ Appian, Mithr., 67; Strabo, XII, 2, 9, 3, 6; Plut., Luc., 26; Pomp., 28; Dio Cass., XXXVI, 37.

³⁷ Appian, Mithr., 84.

³⁸ Plut., Luc., 22.

³⁹ Plut., Luc., 29.

языке, пользовавшихся известностью еще во времена Плутарха. При дворе Артавазда ставились греческие трагедии ⁴⁰.

Градостроительная деятельность Тиграна не ограничилась основанием новой блестящей столицы. Ряд новых городов был им основан в различных частях царства, в том числе еще три Тигранокерта (в Ардахе, Утике и Голтне) ⁴¹. Кроме того, Тигран заботился и о расширении старых городов, таких как Арташат, Армавир, Ервандашат, Зарехаван. Из числа жителей, увезенных Тиграном из разоренных городов оккупированных им стран, достигавшего в общем, по-видимому, полумиллиона, в Тигранокерт была переселена далеко не большая часть. Ко времени разрушения города Лукуллом население Тигранокерта вряд ли могло превышать 100 тысяч. Остальная масса переселенцев была переведена в различные другие города Армении, население которых значительно возросло за счет иноземцев. И после поражения Тиграна города Армении покинули, как видно, только иноземцы, главным образом жившие в Тигранокерте ⁴².

Переселяемые в армянские города и их ближайшую округу иноземцы приносили с собой и свои формы общественной жизни; так, самый характер заселения городов представлял обычный для эпохи эллинизма синойкизм, когда поселенцы на новом месте не только продолжали свою обычную деятельность (торговлю, ремесло, сельское хозяйство), но и сохраняли свои общественные институты и свои обычаи. Они группировались в обособленные общины по этническому признаку, хотя ведущая роль среди них принадлежала в то время эллинам и эллинизированным аборигенам Азии. Все это создавало почву для существования в городах Армении самоуправляющейся общины граждан.

Так было в новооснованном Тигранокерте, так было и в других городах Армении. Каков был внутренний статус городов — из античных источников неизвестно. Однако есть все основания считать, что города Армении были самоуправляющимися общинами коллектива граждан. Не останавливаясь сейчас на некоторых косвенных данных, сохранившихся на эпиграфическом документе — надписи у ворот Тигранокерта, по-видимому, конца III в. н. э. Это фрагментированный текст послания царя Тиридата III Аршакида ⁴³ к городской общине Тигранокерта после подавления им восстания этого города. В надписи царь обращается к городской общине, называя ее *πολιτεία*, *ὄμιον*, упоминает, что община эта восстала и начала войну (...ἡ πολιτεία ὄμιον ...ἐπολέμησεν) ⁴⁴. Следовательно, царь рассматривал город как самодовлеющую политическую единицу, имевшую внутреннее самоуправление и даже располагавшую своим войском. Такая самоуправляющаяся община определялась греческим термином *πολιτεία*. Подобное положение имело место и в Парфии, и засвидетельствовано перепиской парфянских царей с городами ⁴⁵, что, впрочем, не удивительно, если вспомнить эллинистическое наследие, полученное парфянами, под власть которых попали города, находившиеся в течение данного времени в составе империи Селевкидов. Есть все основания думать, что положением самоуправляющейся общины города Армении пользовались не только в позднюю пору античности, к которой относится тигранокертская надпись, но с самого начала. Самый процесс возникновения первых городов и их развитие из общинных земледельческих поселений предшествовали объединению их в составе монархических государств. Положение городов в составе эллинистических государств, от которых по своей структуре мало

⁴⁰ P l u t., Crass., 33.

⁴¹ С. Т. Е р е м я н. Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3, стр. 47.

⁴² Г. Х. С а р к и с я н. Указ. соч., стр. 63.

⁴³ Г. Х. С а р к и с я н. Указ. соч., стр. 85 сл.

⁴⁴ К. В. Т р е в е р. Указ. соч., стр. 283—288.

⁴⁵ Переписка Артабана III с Сузами: F. S u m o n t. Une lettre de roi Artaban III. Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles—Lettres. Paris, 1932; C. B. W e l l e s. Royal correspondence in the Hellenistic period. A study in Greek epigraphy. New Haven, 1934, № 75.

чем отличалась империя Тиграна, подтверждает эту мысль. Да и сам греческий термин, которым определялась городская община Тигранокерта, *πολιτεία*, указывает на то, что право *πολιτεία* (гражданство) получали греческие переселенцы в армянских городах в момент вселения их (хотя бы и насильственно) в Тигранокерт, как и в другие города Армении. Городские общины имели принадлежавшую городу сельскохозяйственную округу, где жители владели земельными участками (*χώρα πολιτείας*). Общиной управлял совет города из представителей городской знати. В городах были царские наместники — эпистаты. Иногда это были даже члены царского рода⁴⁶.

Помимо насильственного переселения в Тигранокерт жителей завоеванных городов, Тигран, как уже было сказано, заставил переселиться в новую столицу армянскую знать. Это обстоятельство заставляет пересмотреть точку зрения некоторых исследователей (особенно Я. А. Маанджяна), видевших в развитии торговли и связи армянских городов с международной торговлей главную цель широкой градостроительной деятельности армянских царей.

Эллинистическая эпоха была временем, когда в Армении, как и в Грузии, особенно интенсивно протекал процесс развития рабовладельческих отношений. Процесс этот протекал неравномерно и далеко продвинулся в наиболее богатых сельскохозяйственных районах, где находились развитые города, существовала рабовладельческая форма земельной собственности на землю, в то время как целые области царства населены были племенами, медленно изживавшими первобытнообщинный строй. Таково было положение во всех эллинистических царствах, начиная с великой державы Александра Македонского. И все эллинистические правители, независимо от их этнической принадлежности, занимались усиленно градостроительной деятельностью. Они насаждали города как сплоченные рабовладельческие коллективы, создавали этим опору царской власти и способствовали слиянию разнородных по социально-экономическому строю и культуре областей царства с помощью укрепления рабовладельческих отношений и греческой культуры. Так действовал во II в. до н. э. и Антиох IV Селевкид.

После крушения империи Тиграна градостроительная деятельность царей Армении продолжалась, хотя и в значительно меньшем масштабе. Так, после разрушения, причиненного Корбулоном, был заново отстроен Арташат с помощью римских архитекторов и на деньги, отпущенные Нероном. Продолжалось строительство в крепости Гарни, где находилась царская резиденция. Там был царский дворец, и во II в. н. э. был создан храм, выдержанный в стиле архитектуры храмов восточных римских провинций. Гарнийский храм и раскопки дворца, где найдена баня с гипокаустом с полихромным мозаичным полом, создают представление о жизни эллинизированной армянской знати, воспринявшей эллинистическо-римскую культуру.

В позднеантичное время возник город Валаршапат, куда была перенесена столица Армении после подавления римлянами восстания в 164 г. и разорения Арташата. Город этот был построен возле древнего Вардгесавана Оронтидов, на месте современного Эчмиадзина. В Вардгесаван при Тигране II было выселено значительное число евреев, торговцев и ремесленников. Для усиления обороноспособности города при царе Вологесе (Валарше — 117—140 гг. н. э.) город был обнесен мощной стеной и большим валом и получил название «Нор-Калак» (Новгород). Валаршапат, подвергся разведочному археологическому исследованию в 1931 г. Выяснилось, что древний город Вардгесаван лежал на холме, а Валаршапат — несколько южнее, на равнине. С этими данными можно сопоставить данные средневековых историков, согласно которым город имел цитадель, находившуюся на месте Эчмиадзинского собора. Укрепления вокруг этого города были построены с помощью двух римских легионов — XII легиона *Fulminata* и XV легиона *Apollinaria*, согласно найденным

⁴⁶ Например, брат Тиграна II Гурас — наместник Низибиды.

там надписям ⁴⁷. Внутри цитадели находился царский дворец. Из него внутренняя улица вела к крепости. Через восточные ворота шла дорога на Арташат ⁴⁸.

Города Армении, являясь центрами развитого земледелия и садоводства, основанного на рабском труде, были в то же время и крупными центрами ремесленного производства. Ремесленные мастерские существовали не только в городах, но и в царских поместьях, где ремесло обслуживало, правда, в первую очередь нужды самого царя и царского двора. В городах ремесленные мастерские работали на рынок. Из ремесел получило большое развитие строительное ремесло, обработка камня и дерева. Великолепные образцы строительного искусства мастеров античной Армении можно видеть в руинах Гарни — храм, крепостные сооружения, дворец. Существовали также мастерские по изготовлению скульптур из камня и терракоты, камнерезные и косторезные мастерские. Широко было развито гончарное ремесло и стеклоделие, металлургия — изготовление оружия и утвари, ювелирное мастерство, текстильное производство — изготовление ковров и разнообразных тканей. Высоко было поставлено красильное дело и обработка кожи. Города Армении играли выдающуюся роль в международной торговле античного времени. Вопрос этот достаточно подробно освещен главным образом в исследованиях Я. А. Манандяна и С. Т. Еремяна ⁴⁹.

В свете приведенного материала можно сказать, что города Армении в общем сохраняли свой облик крупных рабовладельческих и торговых центров до IV в. н. э., времени, когда уже можно говорить о начале распада рабовладельческих отношений, о зарождении процесса феодализации в стране. Внешний облик городов изменился в сущности мало по сравнению с периодом высшего развития рабовладельческих отношений. В то же время следует отметить, что при разноплеменном этническом составе населения городов и значительном влиянии культуры иранской и античной — культура городов Армении сохраняла глубоко самобытный этнический облик.

Обращаясь к обзору развития городов древней Иберии, можно отметить, что тезис о развитии городов Иберии из земледельческих поселений, лежавших в плодородных местностях на торговых путях, и о превращении их в дальнейшем в центры ремесла и торговли, сформулированный в нашей статье о возникновении классов и государства в Иберии ⁵⁰, детально развит А. М. Алакидзе и обоснован археологическим материалом раскопок, проводившихся археологами Грузии в долине Куры за последние годы ⁵¹. В Иберии, как и в других местах Закавказья, создавались укрепления-убежища refugia. Примеры таких refugia, где земледельческие поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа группируются вокруг укрепления, может быть следует видеть в ранних слоях описанных А. М. Алакидзе поселений в Ховле и Болниси. О развитии Мцхеты как земледельческого поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа и о борьбе за обладание этим большим и богатым поселением между военными предводителями, возглавлявшими знатные родовые коллективы в эпоху раннего железа, рассказано в Картлис-Цховреба; сыновья Картлоса воевали между собой за преобладание в стране: «Тот кто был во Мцхете, стоял над всеми остальными... так как Мцхета стал более других городов велик и назывался матерью-городом» ⁵². Что касается причин и обстоятельств особенно интенсивного развития земледельческих посе-

⁴⁷ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 251—270.

⁴⁸ С. Т. Еремян. Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3, стр. 22.

⁴⁹ Я. А. Манандян. Тигран II и Рим. Ереван, 1943; его же. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Изд. 2. Ереван, 1954. Т. С. Еремян. Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3, стр. 11—31.

⁵⁰ А. И. Болтунова. Возникновение классового общества и государства в Иберии. ВДИ, 1956, № 2, стр. 34 и 42—43.

⁵¹ См. его статью в данном сборнике, стр. 149.

⁵² Картлис-Цховреба. Список царицы Анны (на груз. языке). Тбилиси, 1942, стр. 34.

лений в эпоху раннего железа, то развитие земледелия обусловлено было в первую очередь освоением металлургии железа, когда железные орудия труда пришли на смену бронзовым.

Богатые земледельческие поселения в долине среднего течения Куры, предшественники городов Иберии античной эпохи, представляли собой сначала родовые, затем сельские общины, возглавленные старейшиной, так называемым «отцом дома» (мама-сахлиси). На примере Мцхета видно, что и после превращения поселения в крупный город с развитым ремесленным производством и торговлей, он все же был самодовлеющей политической единицей, самоуправляющейся общиной землевладельцев, возглавляемой «отцом дома», т. е. старейшиной. Естественно, что с распадом первобытнообщинных отношений, старейшиной являлся представитель высшей городской знати. Здесь интересно отметить, что даже основатель иберийского царства, Фарпаваз, являлся выходцем из мцхетской городской знати, племянником мцхетского мама-сахлиси, и добываясь царского престола и господства над страной, опирался на авторитет легендарного своего предка, Мцхетоса, сына Картлоса, который якобы некогда поселился в Мцхете и благодаря этому господствовал над страной. Внутреннее самоуправление городов во главе со старейшиной, носившим традиционное название мама-сахлиси, сохранялось, как видно, и в период существования царства.

Наряду с городами, возникшими в результате синойкизма поселений, в Грузии и в западной Албании, как и в Армении и в Малой Азии, существовали храмовые объединения, объединения поселений вокруг больших и наиболее почитаемых святилищ божеств, связанных с земледельческими культурами. Таково было святилище Луны в Албании. Об этом святилище Страбон (XI, 4, 7) рассказывает: «Жрецом служит наиболее уважаемое после царя лицо, стоящее во главе управления священной землей, обширной и хорошо населенной, а также и иеродулов, из которых многие вдохновляются и пророчествуют». В этом сообщении Страбона следует особо обратить внимание на то, что принадлежавшая святилищу «священная земля» была «хорошо населена». Следовательно, речь здесь идет о населении деревень, состоявшем из зависимых от храма общинников; их следует отличать от иеродулов, также подчинявшихся жрецу и являвшихся храмовыми рабами; они были коллективной собственностью храмовой общины. Таким образом храмовое объединение, возникшее из синойкизма земледельческих сельских поселений, превратилось ко времени, описанному Страбоном, в теократическое рабовладельческое государство. Второе святилище, упомянутое Страбоном (XI, 2, 17, 18), святилище Левкотеи в Мосхике, также было очень богато. О богатстве его можно судить хотя бы по тому, что сокровищница его дважды подвергалась ограблению правителями Боспора: сначала Фарнаком, сыном Митридата, а затем — Митридатом Пергамским. О размерах территории находившейся во владении святилища, можно судить по тому, что владения эти входили в пределы трех граничащих друг с другом государств — царств Иберийского, Армянского и Колхиды, находившейся в то время во владении Пифодориды, вдовы Палемона.

О превращении Мцхеты в большой город и затем в столицу царства, развитию ремесла, торговли, вовлечении Мцхеты в международную торговлю, рассказано достаточно подробно А. М. Апакидзе⁵³. Что же касается синойкизма и возникновения отдельных частей города, его «убани» (районов), то вопрос этот, как нам кажется, нуждается в некоторых уточнениях.

Если угасание древних поселений в Ховле и Каспи было результатом постепенного переселения жителей этих поселков в Мцхету, то у нас нет оснований утверждать, что бывшие обитатели этих поселков, переселяясь в Мцхету, создавали там особые «убани»; они просто растворялись в массе соплеменного им населения Мцхеты.

⁵³ Статья в данном сборнике, стр. 146.

О Саркине в античных литературных источниках упоминаний нет. В хронике «Обращение Грузии», древнейшая часть которой относится ко времени не позднее VII в. н. э., Саркине упоминается как особый город, не связанный с Мцхетой (имеется в виду период, предшествовавший основанию иберийского царства Фарнавазом). Г. А. Меликишвили делает вывод, что в период до синойкизма древних поселений, объединившихся в Мцхете, Саркине был более значительным центром, чем Мцхета⁵⁴. Вывод этот звучит убедительно, если учесть большую роль Саркине как центра металлургии, где, согласно хронике «Обращения Грузии», был вырыт оросительный канал и насажден виноградник. Источник более поздний, Картлис-Цховреба, упоминает города Саркине, Завни (Заван — еврейский квартал Мцхеты), Рустави и Хунан с их крепостями уже в качестве районов «большого города Мцхеты», хотя в летописи речь идет о том же периоде, т. е. о времени Александра Македонского⁵⁵. Ясно, что Картлис-Цховреба в данном случае отражает положение, существовавшее в эпоху раннего средневековья, а не античного периода.

О Севсаморе имеется единственное упоминание — у Страбона (XI, 3, 5). Возможно, что под Неорисом, упомянутым Плинием (N. H., VI, 31), также следует понимать Севсамору. Как бы то ни было, но и Страбон и Плиний упоминают два отдельных города, называя их главными городами Иберии; поэтому у нас вряд ли есть основание считать Севсамору одним из районов «большой Мцхеты». Да и самое понятие «большой Мцхеты» сложилось, как видно, не ранее IV в. н. э.

В античной литературе первое упоминание о Мцхете находим у Штолема (X, 3). Перечисляя города и деревни Иберии, он дает общий список без указания, какие из населенных пунктов он считает городами и какие деревнями. В этом списке мы встречаем Μεσσητά (в которой, вероятно, и следует видеть Мцхету) и Ἀρμαζήκη (Армазихе — Ἀρμαζήκη Страбона — Нермастус Плиния). В хронике «Обращение Грузии» упоминается «старая Мцхета», где якобы поселился Азо, первый претендент на царскую власть в Иберии. В комментарии к русскому переводу хроники «Обращение Грузии» Е. С. Такайшвили определяет местоположение «старой Мцхеты» на правом берегу Куры, «там, где оканчивается скала, идущая от Армаза», т. е. у горы Багинеты⁵⁶. На этой горе, где Фарнавазом была создана мощная цитадель Армазихе и поставлена статуя Армаза, существовали и более ранние укрепления⁵⁷, относящиеся, вероятно, еще к эпохе поздней бронзы. Основанная здесь Фарнавазом цитадель Армазихе, ставшая акрополем «старой Мцхеты»⁵⁸, и дала название столице царства на несколько столетий. В течение последующих веков укрепление и развитие центральной царской власти, экономическое развитие Иберии, рост ремесла и торговли и особенно рост торгового значения Мцхеты создали все условия для превращения большого земледельческого поселения Мцхеты, лежавшего у подножья акрополя — Армазихе, в подлинный большой город.

Из отдельных частей столицы Иберии, ее убани, перечисленных А. М. Апакидзе, Армазихе и Сапитиахшо, со всем отмеченным своеобразием их архитектурного облика и их функций в социально-экономической и политической жизни, создались не в результате синойкизма поселений, а в результате возникновения здесь столицы царства. Таким образом три основные части столичного города Иберии это — акрополь (резиденция царя), Сапитиахшо (резиденция высших должностных лиц) и, наконец, — Мцхета как поселение горожан.

⁵⁴ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 271.

⁵⁵ Картлис-Цховреба. Список царицы Анны. Тбилиси, 1942, стр. 12.

⁵⁶ Е. С. Такайшвили. Источники грузинских летоиссий. Три хроники. «Обращение Грузии». СМОМПК, вып. 28, Тифлис, 1900.

⁵⁷ И. Н. Цицишвили. Строительное искусство древней Грузии по материалам раскопок в Багинети. КСИИМК, вып. 24, М.—Л., 1949, стр. 18.

⁵⁸ Дион Кассий (XXXVII, 1, 3), рассказывая о походе Помпея против царя Иберии Артока, пишет: προς τὴν πόλιν τὴν Ἀκρόπολιν ἀνομασμένην προχωρήσας.

В раннесредневековое время в составе города Мцхеты засвидетельствованы особые убаи — места поселения иноземцев, персов-огнепоклонников и евреев⁵⁹. Весьма вероятно, что возникновение таких убаи иноземцев, занимавшихся главным образом ремеслом и торговлей, следует относить еще к античной эпохе. Во всяком случае Страбон (XI, 3, 1), сведения которого об Иберии восходят ко II в. до н. э.⁶⁰, не упоминает ни ремесленников, ни купцов в составе иберийского общества, однако упоминает рынки. Вероятно, в торговле и ремесле того времени иноземцы (сирийцы и евреи) играли очень значительную роль⁶¹. Этим и следует объяснить усвоение арамейской письменности (арамейские надписи, найденные при раскопках Багинети и гробниц питуахшей), наличие сиро-хеттских традиций в архитектуре акрополя, знакомство мастеров с эллинистической культурой⁶² и этническую пестроту населения столицы Иберии, на которую указал А. М. Апакидзе⁶³. Однако о вхождении в состав городских убаи Мцхеты древнего иберийского города Севсаморы, находившейся на месте современного поселения Цицамури (левый берег Куры) и отстоявшей от Армазихе на 16 стадий, никаких указаний ни в античных, ни в средневековых источниках мы не находим.

Столица античной Иберии с ее убаи не представляет какого-либо своеобразного явления и может быть сопоставлена с таким типично эллинистическим центром, как столица Селевкидов—Антиохия на Оронте. Согласно Страбону (XVI, 2, 4), Антиохия состояла из четырех частей; одна из них была основана Селевком Никатором, вторая — выросла благодаря стихийному заселению (*τῶν πλῆθους τῶν οἰκητόρων ἐστὶ κτίσις*), третья и четвертая части города возникли в процессе естественного роста города и считались основанными Селевком II Каллиником и Антиохом IV Епифаном; при нем весь город был обведен мощной стеной, внутри которой каждая отдельная часть города была укреплена особой стеной. Помимо столицы, в Сирии, составлявшей основное ядро царства Селевкидов, были тесно связанные с Антихией города: Апамея — главный военный центр царства, и два приморских торговых порта — Селевкия в Пиерии и Лаодикея. Нечто подобное видим мы и в Иберии: столица состояла из трех основных частей, выросших исторически; каждая из них имела свои укрепления, свои площади, водопровод, баню и т. д., и отличалась своеобразием архитектурного облика. Неподалеку лежали другие города, Саркине — главный центр металлургического производства, Севсамора, Урбиси и др. Жизненно важный центр царства — столица с ее убаи имела хорошо разработанную общую систему укреплений.

Для греческих городов черноморского побережья Кавказа IV и III вв. до н. э. были временем расцвета их экономики и культуры. Еще в течение V—IV вв. до н. э. связи городов по речному пути на участке Рион-Квирила до крепости Сарпань⁶⁴ приобрели регулярный характер. С образованием обширной империи Селевкидов, в начале III в. до н. э., торговля эллинистических городов Эгейского бассейна со странами Средней Азии и Индией приняла особенно широкие размеры. Селевк Никатор, заботившийся о развитии восточной, в частности индийской, торговли, стремился наряду с южным и центральным путями, проходившими через его владения, освоить также и северный путь. Для этого он поручил Патроклу исследовать возможность движения индийских товаров по Оксу и Каспию, по рекам Кир и Фасис в Поинт Евкси-

⁵⁹ Е. С. Такайшвили. Указ. соч., стр. 65; Карлис-Цховреба, стр. 54.

⁶⁰ А. И. Болтунова. Описание Иберии в «Географии» Страбона. БДИ, 1947, № 4, стр. 142—160.

⁶¹ А. И. Болтунова. Возникновение классового общества..., стр. 42.

⁶² И. Н. Цицишвили. Строительное искусство..., стр. 18.

⁶³ Статья в настоящем сборнике, стр. 146.

⁶⁴ S t r a b o, XI, 2, 17. Крепость эта археологически изучена очень слабо и время возникновения ее точно неизвестно.

нский⁶⁵. Естественно, что в развитии этой торговли Фасис играл первостепенную роль. Материалы раскопок древних населенных пунктов в Дабла-Гоми и Вани указывают на их дальнейшее развитие, на усиление ввоза греческих товаров, возрастание имущественного неравенства. Судя по вскрытым раскопками Н. В. Хоштария строительным остаткам, древнее поселение в Вани превратилось в III в. до н. э. в богатый город. В его могильнике погребения IV—III вв. содержат немало драгоценных предметов. Оживленные сношения с греческим миром вел и другой греческий город черноморского побережья — Диоскуриада. К этому же времени относится, как видно, возвышение Питиунта и развитие других приморских поселений — торговых факторий в районе Эшеру близ Сухуми и поселения на территории строительства морского порта Очемчире, которые Б. А. Куфтин склонен отождествлять с Гиеносом⁶⁶.

Наряду с заморской оживленная торговля велась и с внутренними областями страны, в том числе с горными районами через перевалы. Широко развилось денежное обращение. Наряду с серебряными монетами — колхидками (для этого периода известны только мелкие номиналы — триболы), при совершении крупных торговых сделок вошли в обращение золотые статеры Александра и Лисимаха, имевшие международное значение⁶⁷, и статеры, битые от имени не известного по письменным источникам царя Аки⁶⁸.

Кризис греко-македонских эллинистических государств и связанные с ним войны в Малой Азии во II в. до н. э. повлекли за собой нарушение торговых связей и ослабление торговой активности городов Кавказского побережья. Торговые связи Фасиса ограничились в это время главным образом расположенными в его тылу городами Колхиды, не выходя за ее восточные пределы. Это ослабление деятельности богатого торгового города выразилось сначала в резком ухудшении состава серебра колхидок, а затем и в прекращении их выпуска. Сократился, а затем и прекратился приток статеров Александра и Лисимаха.

Все это, однако, не могло приостановить быстрого социально-экономического развития внутренних областей Колхиды, развития торговых связей внутри страны, роста и развития городов со своеобразной этнической культурой. Прекращение ввоза статеров Александра и Лисимаха компенсировалось широким выпуском так называемых варварских подражаний, распространенных не только в Западной Грузии, но и за ее пределами⁶⁹.

Кратковременное включение Колхиды в состав владений Митридата Евпатора повлекло за собой новое оживление торговых связей городов Колхиды с городами северного и южного Причерноморья. Колхида служила главной базой снабжения военного флота Митридата⁷⁰. Из Колхиды через Фасис Митридат получал лесной материал для кораблестроения, холст, пеньку, воск. Благодаря союзу Митридата с правителями Иберии и Албании, вновь оживился торгово-транзитный путь на восток через Кавказ и Каспий, что имело большое значение для греческих городов, находившихся под властью Митридата. В эксплуатации этого торгового пути проявили заинтересованность и римляне, ведшие войну против Митридата и стремившиеся к распространению своего влияния на страны Закавказья. Еще Помпей во время

⁶⁵ Strabo, XI, 7, 3.

⁶⁶ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. I, стр. 21—55.

⁶⁷ А. Н. Зограф. О распространении находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, Л., 1945, стр. 40—44; его же. Античные золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 178—191.

⁶⁸ Д. Г. Капанадзе. Новые материалы к изучению статеров царя Аки. ВДИ, 1948, № 1, стр. 150—155; его же. Грузинская нумизматика, стр. 36, табл. I, 10.

⁶⁹ А. Н. Зограф. О распространении..., стр. 29—50; его же. Античные монеты Кавказа, стр. 178—192; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 37—40, табл. I, 11—19.

⁷⁰ Strabo, XI, 2, 18.

своего похода против союзных Митридату иберов и албан интересовался движением товаров по этому пути ⁷¹.

Вторая половина I в. до н. э. была тяжелым временем для городов Колхиды. Страна переходила из рук в руки. Вначале Помпей передал Колхиду какому-то династу Аристарху ⁷². От него сохранились и монеты (драхмы), помеченные двенадцатым годом его правления (51 г. до н. э.) ⁷³. Затем страна дважды подвергалась нападению со стороны преемников Митридата на Боспоре, сына его Фарнака и претендента на боспорский престол Митридата Пергамского ⁷⁴. Наконец триумвир Марк Антоний включил Колхиду в состав так называемого Полемоновского Понта. Вдова Полемона Пифодорида, правившая после смерти мужа, была современницей Страбона ⁷⁵.

В то время Колхида была уже высоко развитой страной с густой сетью дорог, многочисленными мостами через реки. Через один только Фасис, по словам Страбона (XI, 3, 4), было построено 120 мостов.

I и особенно II в. н. э. в Западной Грузии являются временем значительных этнических и социальных сдвигов. Происходят передвижения племен, возвышение мелких княжеств, правители которых упоминаются в сочинениях античных писателей, как «цари» тех или иных племен. Наблюдается развитие ряда городских центров во внутренних областях страны, как Археополис (Нокалакеви — к северу от города Муха Цхакая на правом берегу р. Риона), Родополис (Вард-Цихе), дальнейший рост Вани, города-крепости Сараланы. Все они были укреплены стенами. Продолжали существовать и древние приморские города: Питиунт, Диоскуриада, Фасис.

Со времени включения Колхиды в состав римской провинции в Апсаре (устье Чороха), Фасисе и Диоскуриаде, переименованной в Себастополис, стояли римские гарнизоны и были построены мощные укрепления. Согласно Арриану (Рег., 12), крепостной гарнизон в Фасисе состоял из четырехсот человек. Назначение крепости — охрана безопасности судоходства и защита от нападений «варваров». Стены и башни были построены из обожженного кирпича и окружены широким двойным рвом. На стенах стояли военные машины. К крепости примыкал поселок, где жили окончившие военную службу ветераны и торговый люд. Поселок этот заботами Арриана также был защищен рвом, окружавшим и поселок и гавань до реки.

Города внутренних областей Западной Грузии в археологическом отношении совершенно не изучены, за исключением Вани, где в настоящее время ведутся планомерные исследования. За последние годы начато и планомерное исследование Питиунта. Материалы могильников в Тагелони ⁷⁶, Бори ⁷⁷, Клдети ⁷⁸, Уреки ⁷⁹ и других свидетельствуют о резком социальном расслоении, богатстве местной рабовладельческой знати. Среди могильного инвентаря — античные металлические сосуды из различных центров Римской империи, бронзовые ойнохой, серебряные ковши и кубки чеканной работы, чаши, кувшины, ложки, золотые украшения и геммы. При раскопках в Питиунте и Вани в культурных напластованиях этого времени большое

⁷¹ P l i n., N. H., VI, 52; ср.: О. Д. Л о р д к и п а н и д з е. О торгово-транзитном пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. «САН Груз. ССР», т. XIX, № 3, 1957, стр. 377—384.

⁷² A r r i a n., M i t h., 114.

⁷³ О. Р е т о в с к и й. Драхма Аристарха Колхидского. ТМНО, т. III, 1905; Д. Г. К а п а я д з е. Грузинская нумизматика, стр. 42, табл. I, 20.

⁷⁴ S t r a b o, XI, 2, 17.

⁷⁵ S t r a b o, XI, 2, 18; XII, 8, 16.

⁷⁶ А. И. А м и р а н а ш в и л и. Новая находка в низовьях реки Ингура. Тифлис, 1935.

⁷⁷ Е. М. П р и д и к. Новые кавказские клады. МАР, № 34, 1914; А. М. А п а к и д з е. Новые археологические материалы из сел. Бори. «Вестник Государственного музея Грузии», XII-B, Тбилиси, 1944, стр. 441—448.

⁷⁸ Г. А. Л о м т а т и д з е. Некрополь II века н. э. в Клдети (на грузинском яз.). Тбилиси, 1957.

⁷⁹ А. М. А п а к и д з е. Археологические памятники позднеантичного времени из Уреки. «Вестник Государственного музея Грузии», XIV-B, Тбилиси, 1947, стр. 89—111 — на груз. яз.; стр. 111—125 — на русск. яз.

количество привозной краснолаковой керамики. Наряду с привозными вещами изделия местных мастеров, серебряные чаши и ювелирные изделия, выполненные в глубоко своеобразном местном стиле.

На развитое денежное обращение указывают многочисленные находки монет, главным образом римских, чеканки Кесарии Каппадокийской, трапезунтских городских монет. Археологические материалы первых веков нашей эры из Западной Грузии свидетельствуют о высоком развитии в городах того времени ремесла и торговли.

В то же время превращение Полемоновского Понта в римскую провинцию и размещение римских гарнизонов в прибрежных городах тяжело отразилось на населении этих городов. Развитие рабовладельческих отношений в городах, тяготы, ложившиеся на население в связи с римским господством, рост богатств знатных аристократических родов создавали почву для острых социальных конфликтов. Упоминание Арриана при описании крепости Фасиса о необходимости защиты мореплавателей и жителей города от нападений «варваров» отражает беспокойную обстановку и постоянную угрозу нападений пиратов и местных племен. О пиратском образе жизни племен ахейцев, зигов и эвioxов рассказывает Страбон (XI, 2, 12). О разграблении Питиунта эвioxами упоминает Плиний (N. H., VI, 16). Восстание в Трапезунте в 69 г. н. э., возглавленное Аникетом, приняло широкие размеры и на суше и на море благодаря участию городской бедноты и аборигенов и закончилось захватом главаря восстания на территории Колхиды ⁸⁰.

Во II—III вв. н. э. господство римлян в Колхиде было чисто номинальным, и власть в стране принадлежала фактически мелким племенным князьям, право на власть которых лишь формально утверждалось римлянами. Из них самым значительным было княжество лазов. Центр их господства, Рионская низменность известна в грузинских источниках, как Самокалако (страна городов). Из числа этих городов наиболее значительными были Родополис и древний Фасис. В городах того времени, особенно в прибрежных, еще в полной силе были рабовладельческие отношения. Однако рабовладельческий строй общества уже вступил в стадию своего распада, так как в среде населения внутренних районов страны постепенно зарождались новые формы общественных отношений — феодальные.

⁸⁰ Tacit. Hist., III, 47—48.

АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩА ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ ПАРФИИ

В настоящей статье делается попытка проследить характер изменений в архитектуре жилища греческих городов Парфии. Рассмотрение этого частного вопроса должно послужить целям выяснения основных черт парфянской культуры, при изучении которой, как и при исследовании культуры других стран эллинистического Востока, важнейшей задачей является выявление характера взаимодействия, взаимной борьбы и взаимного влияния эллинских и восточных элементов. Изучение культуры греческих городов Парфии усложняется тем, что здесь сталкиваются три этно-культурных элемента: коренное местное семитское население, греки и македоняне и иранцы — персы и парфяне.

Так как более или менее систематическим раскопкам подвергались только два города: Дура — Европос и Селевкия, мы поневоле должны будем ограничиться ими. Раскопки на территории Селевкии, проведенные в конце 20-х — начале 30-х годов текущего столетия американской экспедицией под руководством Л. Ватермана, привели к вскрытию на холме Телль Умар городского квартала. При раскопках его было обнаружено четыре последовательных слоя, отражающих четыре большие этапа жизни города. Датировка слоев следующая¹: первый слой — 312 г. до н. э. (время основания города)² — приблизительно 141 г. до н. э. (время захвата города парфянами); второй слой — 141 г. до н. э. — 43 г. н. э. (подавление «великого восстания» и утрата городом автономии)³; третий слой — 43 г. н. э. — 110—116 г. н. э. (время войн Траяна с парфянами, взятие города римлянами и частичное разрушение его):

¹ N. E. Manasseh. Architectural Features of Block B. «Second Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar, Iraq», Ann Arbor, 1933, p. 4; N. C. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1933, p. 9. Мы изменили нумерацию слоев, поскольку в работах советских археологов принято вести нумерацию слоев хронологически, снизу вверх.

² О дате основания города см.: M. C. Dowell. The Excavations at Seleucia. «Papers of Michigan Academy of Science, Arts and Letters», XVIII, Chicago, 1932, p. 108—110.

³ Мнение Манасса (указ. соч., стр. 4), что здания слоя II были выстроены как раз во время восстания, нам представляется крайне мало вероятным. Селевкия со времени захвата Месопотамии парфянами была постоянно враждебна им. Об этом единодушно свидетельствуют античные авторы (Dio Cass., XL, 13; Plut., Crass., 17; Just. XXXVI, 4, 3, XXXVIII, 10, 5, XXXVIII, 10, 6). Аршакидское правительство упорно стремилось ослабить город (Plin., N. H., VI, XXX. 122). Селевкия многократно являлась базой, на которую опирались римские ставленники на аршакидский престол. Поэтому во время «великого восстания» напряжение борьбы должно было быть так велико, что совершенно невозможно представить себе, чтобы горожане в столь трудный для себя момент занимались кардинальной перестройкой города. Кроме того, характер архитектуры этих слоев настолько различен, что вероятнее всего связать эти различия с теми большими изменениями в жизни города, которые произошли в результате подавления восстания и утраты городом автономии. Все это заставляет полагать, что конец слоя III приходится не на 36—43 гг., а на последующее время.

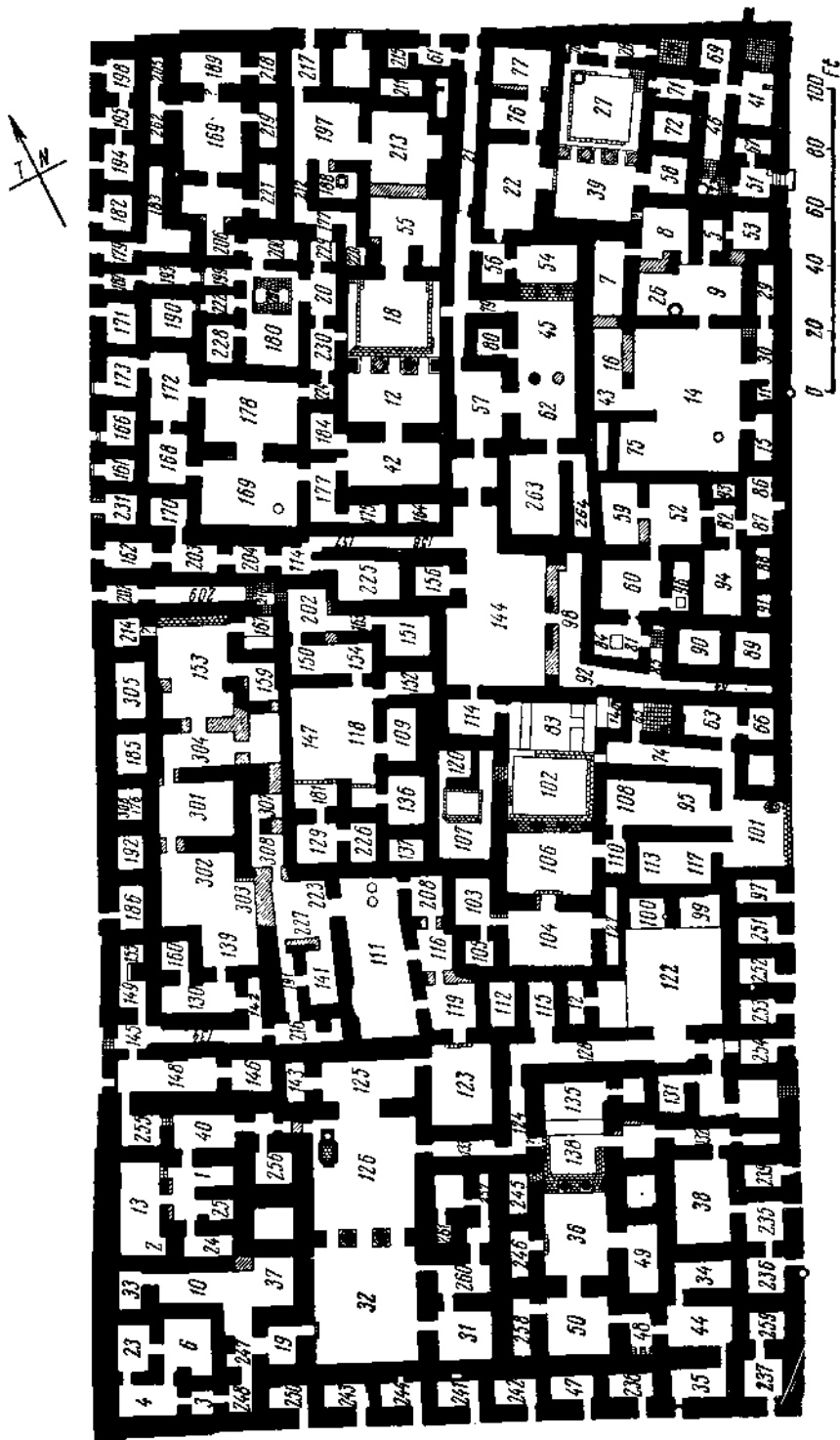

Рис. 1. Селевкия, Блок «Б» 141 г. до н. э.—43 г. н. э.

слой четвертый — 116 г. н. э. — III — начало IV в. н. э. (четвертый период был временем медленного угасания города). Приведенная датировка слоев сейчас является общепринятой ⁴.

Первый слой вскрыт на очень небольшой площади, кроме того, он очень сильно поврежден в результате последующих перестроек. Сказать что-либо определенное об архитектуре домов этого времени трудно. Однако, необходимо учесть, что город был расплаширован по гипподамовой системе (для суждения о системе городской планировки решающими оказались данные аэрофотосъемки ⁵). Кроме того, чисто античный характер вещевых находок ⁶ заставляет предполагать, что дома Селевкии в это время повторяли какой-либо из типов греческих домов, вероятнее всего пастадный ⁷.

Второй слой известен гораздо лучше. На территории раскопа раскрыт прямоугольный квартал (рис. 1). Размеры его первоначально были 136,69 × 70,45 м. Затем квартал несколько расширился и, захватив часть улицы, достиг размеров 140,3 × 73,2 м. Во внешней части блока находились лавки. Каждая лавка занимала одну-две комнаты, имеющие выход только на улицу и не соединяющиеся с основной частью блоков. Сейчас трудно сказать, был ли этот квартал единым жилым комплексом или целым рядом отдельных домов ⁸. Второй вариант нам кажется более вероятным. Видимо, данный блок во втором слое является кварталом, в состав которого входят семь домов. Центром каждого дома служит дворик (обычно мощеный), окруженный со всех сторон жилыми и хозяйственными помещениями, для которых он был источником света и воздуха. С одной стороны к дворику примыкает портик, за которым находится обычно самое большое и самое важное в данном комплексе помещение. Иногда в портик выходят двери двух, трех и более комнат. Портик чаще всего двухколонный, иногда он оформлен только антами ⁹. Такой основной принцип планировки очень близок домам позднеклассического времени, в частности домам Олинфа ¹⁰,

⁴ Попытка Вильгельмины Ван Инген (W. Van Ingen. *Figurines from Seleucia on the Tigris*. *Ann Arbor*, 1939, p. 6) пересмотреть датировку слоев вряд ли может считаться удачной, поскольку она базируется в основном на стилистических особенностях вещевых находок.

⁵ S. Yeivin. *Architectural Notes, Season 1929—1930*. «Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar, Iraq», *Ann Arbor*, 1931, p. 19. Аэрофотосъемка, правда, отражает городскую планировку только в самом позднем слое, но это доказывает, что при всех кардинальных изменениях, которые произошли в жизни города, планировка его со времени основания осталась неизменной.

⁶ N. E. Manasseh. Указ. соч., стр. 1.

⁷ В статье не исследуется специально архитектура дворцов, но несомненно, что в развитии и рядового жилого дома и дворца действовали одни и те же принципы (тем более, что в эллинистическую эпоху дворцы, например, в Пергаме, были очень похожи на рядовые жилые дома, отличаясь от них большими размерами и пышностью отделки). С этой точки зрения интересно, что дворец в Ниппуре, построенный около 250 г. до н. э. (H. Hilprecht. *Exploration in Bible Lands*. New York, 1903, p. 337; C. S. Fisher. *The Mucnaeon Palace at Nippur*. *AJA*, v. 8, № 4, 1906, p. 403; A. Marquardt. *The Palace at Nippur not Mucnaen but Hellenistic*. *AJA*, v. 9, № 1, 1907, p. 7), был перистильным, т. е. по принципам планировки чисто греческим. Может быть, это является еще одним аргументом для того, чтобы считать архитектуру IV слоя Селевкии чисто греческой.

⁸ N. E. Manasseh. Указ. соч., p. 7.

⁹ В западной части северо-западного комплекса центром является мощеный двор 18, с примыкающим двухколонным между антами портиком 12. В глубине портика находится комната 42, самая большая в данном комплексе. В нее выходят двери других комнат. В северо-восточном комплексе два дворика — 27 и 45, к ним соответственно примыкают портики 39 и 62, с которыми в свою очередь связаны остальные комнаты. В восточном комплексе роль центра выполняет двор 102 с примыкающим к нему портиком и большим, расположенным за ним помещением 104, в которое выходят двери других комнат. В срединном западном комплексе к дворику 153 примыкает портик в антах без колоннады. В остальном планировка та же, что и в других комплексах квартала. Этот принцип проведен в жизнь и в устройстве юго-западного комплекса, где с обширным двориком 126 связан очень глубокий портик 32 с рядом выходящих в него комнат. То же самое и в юго-восточном комплексе (двор 138 и портик 36).

¹⁰ D. M. Robinson, I. W. Graham. *The Hellenic House*. Baltimore, 1938 («Excavations at Olynthus», part VIII), p. 142—143.

характерной чертой которых является внутренний дворик, с примыкающей к нему с одной стороны пастадой (рис. 2). Сходны с ними и так называемые простадные дома Приены ¹¹ (рис. 3). Характерно, что архитектура жилого дома Селевкии эллинистического времени остановилась на пастадном типе и не дала следующего типа — перистильного, столь широко распространенного в архитектуре эллинистической эпохи.

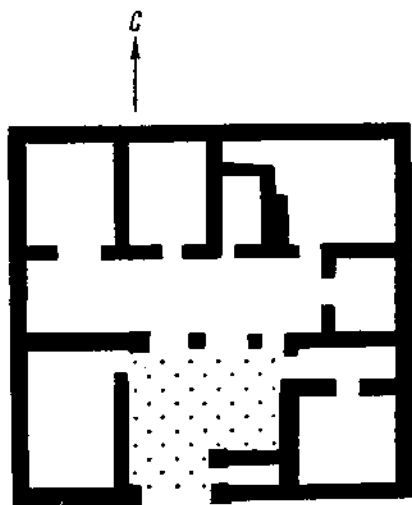

Рис. 2. План типичного олинфского дома

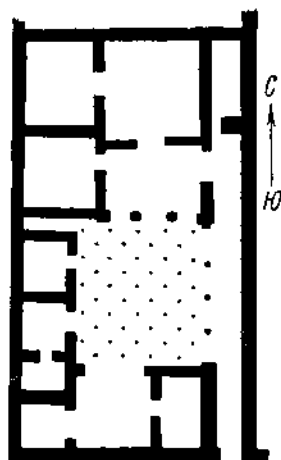

Рис. 3. Приена. План дома

Но если основное архитектурно-планировочное решение дома является античным по своим исходным принципам, то в отдельных частностях можно заметить следы местных влияний. Самый яркий пример этих явлений можно видеть в ином, нежели обычно в Греции, расположении портика. Портик в домах Олинфа помещался обязательно вдоль северной стороны двора ¹². То же самое видно и в простадных домах Приены. Даже в перистильных домах северный портик зачастую делается более высоким и нарядным, чем остальные (так называемый родосский портик). Дома такого типа широко распространены по всему античному миру. Они обнаружены при раскопках на Делосе, в Приене, в Пальмире и т. д. ¹³ О том, что такое расположение портика было не случайностью, а результатом сознательного приспособления к климатическим условиям Греции, свидетельствуют античные авторы ¹⁴. В слое II Селевкии все портики расположены с южной стороны двора. В этом нельзя не видеть влияния древнемесопотамской архитектуры, приспособившейся к условиям более жаркого климата ¹⁵. В древнемесопотамских домах жилые покои обычно располагаются на южной стороне внутреннего дворика ¹⁶. Это можно заметить и в Уре и в Вавилоне, начиная во всяком случае, с эпохи нововавилонского царства ¹⁷.

¹¹ Th. Wiegand, H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, S. 291—298, дома XXV, XXVI, XXXIII.

¹² D. M. Robinson, J. W. Graham. Указ. соч., стр. 143.

¹³ R. Vallois. L'architecture hellénique et hellénistique à Delos. Paris, 1944, p. 212; Th. Wiegand, H. Schrader. Указ. соч., стр. 297, рис. 316; A. Gabriel. Recherches archéologiques à Palmyre. «Syria», t. VII, f. I, Paris, 1926, p. 86.

¹⁴ Vitruv. VI, 7, 1; Xenoph., Oec. 9, 2—5; Xenoph., Memorab. III, 8, 9.

¹⁵ N. E. Marnasch. Указ. соч., стр. 30.

¹⁶ ВИА, т. I, М., 1944, стр. 133.

¹⁷ R. Koldewey. The Excavations at Babylon. London, 1935, p. 258.

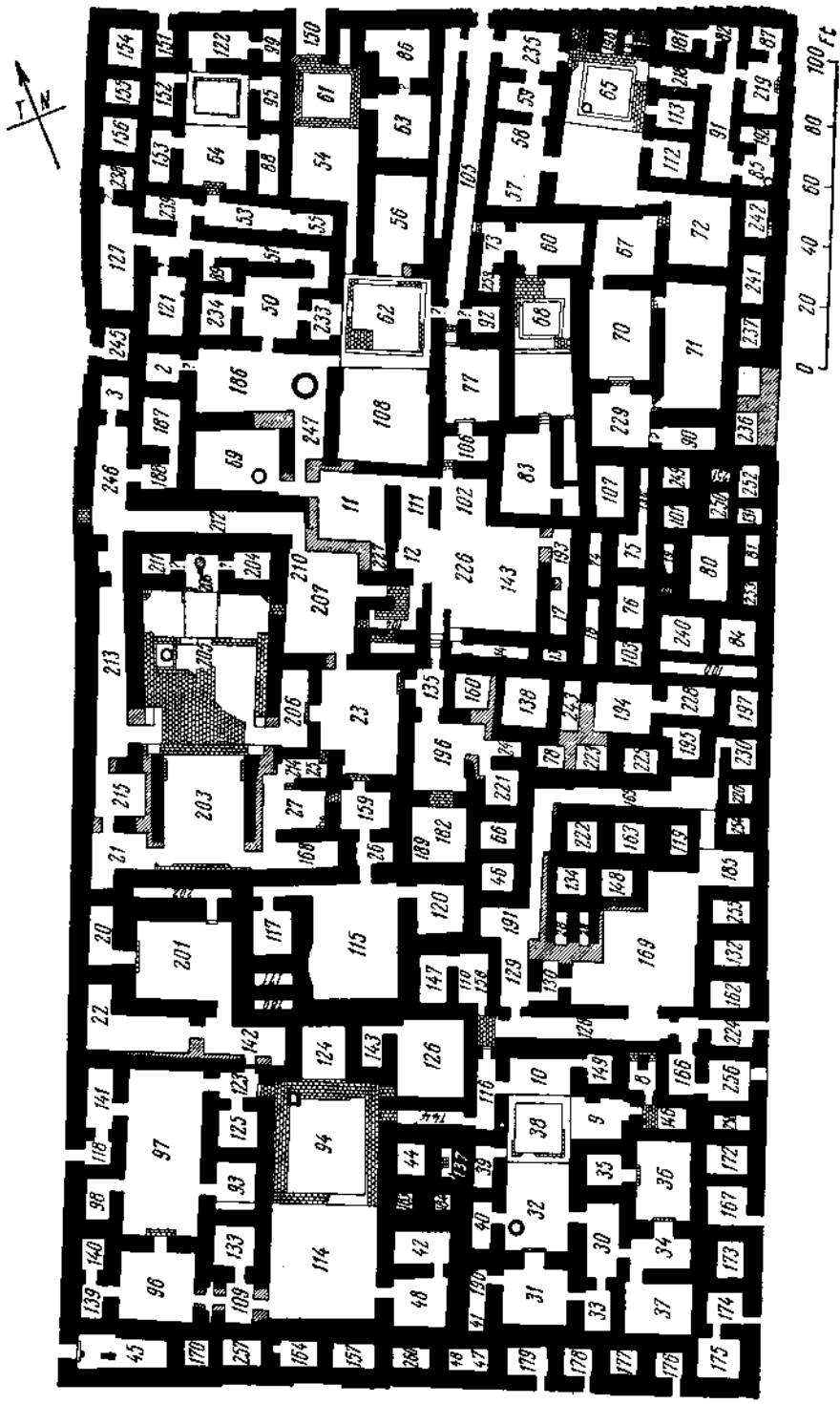

Рис. 4. Селевкия. Блок «Б», 43 — 116 гг. н. э.

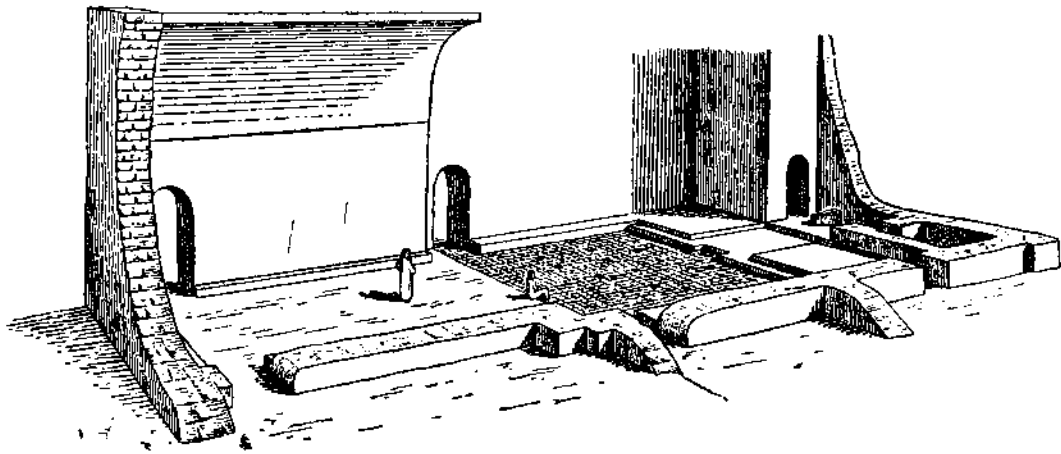

Рис. 5. Блок «Б». Двор 205 с примыкающим айваном 203. Реконструкция

Интересно, что этот метод расположения главных жилых комнат на южной стороне двора дожил в Ираке до настоящего времени¹⁸; техника строительства — сырцовая кладка с промазкой из битума — также более близка древнемесопотамской, чем античной. Характерно, что внешняя сторона стен домов Селевкии во втором слое украшена небольшими выступами, которые встречаются также в домах древней Месопотамии.

Несмотря на перенесение портика на южную сторону двора, что, как уже говорилось, диктовалось климатическими условиями Месопотамии, все-таки подчеркивалось былое значение северной стороны. В большинстве случаев с севера к дворику примыкали большие комнаты с очень широкими входами (например, комнаты 54, 83, 125, 135 и т. д.), в то время как западная и восточная стороны двора оставались почти всегда глухими.

Таким образом, до 43 г. н. э. несмотря на отдельные сравнительно небольшие изменения, диктуемые непривычными для греков климатическими условиями, жилые дома в Селевкии оставались в своих основных чертах эллинскими, близкими по своим архитектурно-планировочным принципам домам Олифа и ранней Приены. Характер вещей находок Селевкии II слоя также целиком эллинский. Резкое изменение происходит после 43 г. н. э. Слой III, начинающийся с этого времени, имеет уже чисто восточный облик. Архитектура этого слоя очень близка сасанидской и раннемусульманской архитектуре переднего Востока. Место портика занимает айван — большая сводчатая комната без передней стены, выходящая на внутренний дворик (рис. 4).

Ясно видно, как в некоторых местах при перестройке здания колоннадные портики были разрушены¹⁹. Здания, так же как и в слое II, четко делятся на несколько комплексов²⁰. Центром каждого такого жилого комплекса является открытый двор с примыкающим к нему с юга большим айваном. Иногда в таком комплексе два-три двора²¹ (рис. 5).

¹⁸ T. V a q i r. *Babylon and Borsippa*. Baghdad, 1959, p. 11.

¹⁹ N. E. M a n a s s e h. Указ. соч., стр. 31.

²⁰ Там же, стр. 19, рис. 5.

²¹ В северо-западном комплексе три двора с тремя соответственно примыкающими к ним айванами 54, 64 и 108, северо-восточный комплекс имеет два двора (65 и 68) с айванами, срединный западный комплекс группируется вокруг двора 205 с огромным южным айваном, центром юго-западного комплекса был двор 94 с двумя айванами 124 и 114 (северным и южным), юго-восточный комплекс имел двор 38 и айван 32.

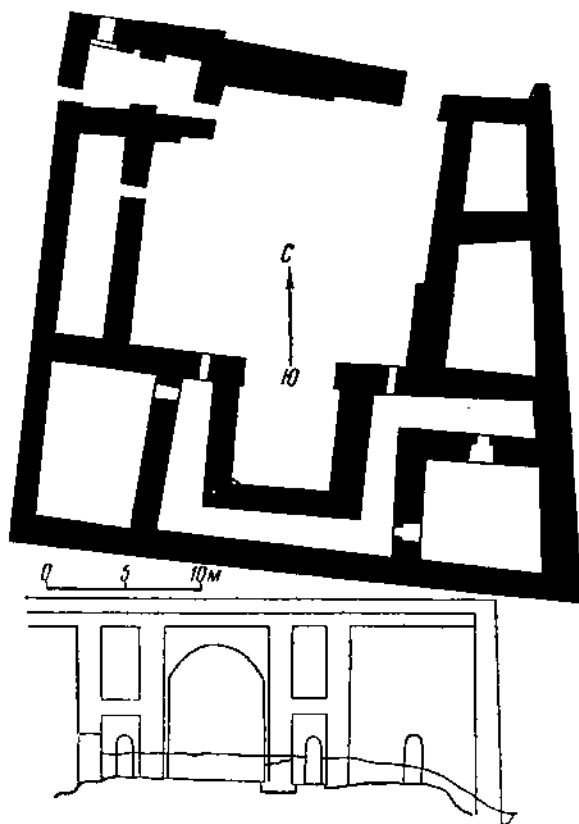

Рис. 6. Ашшур. План и разрез (реконструкция) дома парфянского времени

Кроме того, в слое II впервые появляются суфы — лавки из глины или кирпича. Они довольно широки и идут вдоль двух или трех сторон двора. Иногда они служат своеобразными ступенями к айвану, уровень пола которого выше, нежели уровень пола двора (рис. 5). Эта черта также сильно отличает дворики этих домов от обычных, рядовых эллинских домов. Интересно, что в этом слое количество лавок на территории блока резко уменьшается (примерно на $\frac{3}{4}$).

Таким образом 43 г. н. э. является очень резким и четким рубежом, после которого внезапно и резко меняются основные принципы планировки жилого дома. Как выше уже отмечалось, невозможно себе представить, чтобы здания этого нового для Селевкии типа появились здесь ранее 43 г. н. э.

Резкое изменение характера архитектуры жилища, как нам кажется, являлось показателем того, что после подавления восстания в городе несколько изменился состав населения. Это изменение, может быть, было вызвано карательной политикой Аршовакид.

Колошнадные портики полностью исчезают в слое III, колонны в архитектуре последующего времени в Селевкии совершенно лишены всякого конструктивного значения и используются только как декоративный элемент (они иногда делают стену в комнате на отдельные орнаментальные панели). Ближайшую параллель такому устройству представляет большой жилой дом в Ашшуре парфянского времени²². (рис. 6). В нем центром также является внутренний дворик с большим южным айваном²³. Айванное решение имеют все известные нам дворцовые комплексы Месопотамии парфянского времени (дворцы Хатры, Ашшура). В тех же дворцовых комплексах, в которых даже и встречаются перистильные дворы, они постепенно занимают заднюю, не парадную, часть дворца. Передняя, наиболее официальная часть решена постоянно в айванном принципе (так, например, построен раннепарфянский дворец цитадели в Дуре — Европос).

В одном случае в слое II мы имеем даже чисто сасанидское решение — к двору 94 примыкают два айвана, один с севера, другой с юга, что характерно для сасанидской архитектуры²⁴.

²² W. Andrae, H. Lenzon. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933.

²³ Интересно, что схема вертикального членения дома в Ашшуре — одному этажу главного помещения соответствуют два этажа в остальных помещениях — находит очень близкие параллели в архитектуре жилых домов римского и византийского времени в Сирии.

²⁴ S. Yeivin. Architectural Notes..., p. 19.

Это позволяет отказаться от предположения Манассэ, что айван является закономерным развитием и прямой модификацией греческого дома «мегаронного типа»²⁵. Не углубляясь в дискуссию о происхождении айвана²⁶, следует отметить, что мегарон и айван — два совершенно различных типа жилища, порожденных различными природно-климатическими условиями, связанных с совершенно различными фазами развития общества и в силу этого имеющих различные функции. Поэтому смена эллинистического дома восточным связана в Селевкии не с естественным развитием типа жилища, а с политической Аршакидов, приведшей, видимо, к изменению состава населения Селевкии.

Более сложная картина наблюдается в Дуре — Европос. Сложность ее заключается в том, что слои эллинистического времени в Дуре — Европос сохранились далеко недостаточно. Единственный дом, который мы

можем со значительной долей вероятности отнести к эллинистическому времени — это богатый дом в центре города, раскопанный экспедицией Кюмона²⁷ (рис. 7). Он состоит из пяти комнат, сгруппированных вокруг дворика, имеет два входа (с разных улиц) и полуподвальный этаж (исследованный не полностью). Кюмон считает, что этот дом воспроизводит план греческого дома IV в. до н.э.²⁸ С известными оговорками это положение можно принять. Действительно, трудно представить, чтобы в греческой военной колонии, построенной около 300 г. до н.э.²⁹ по всем правилам античного градостроительства³⁰, жилой дом воспроизводил бы иной тип, нежели греческий. Вопрос заключается в том, насколько этот дом, построенный в эллинистическую эпоху, отражает местные, восточные влияния. Сама планировка вокруг центрального дворика не является определяющей, поскольку древневавилонские дома планировались таким же образом, по крайней мере с нововавилонского времени. Показательным для определения характера дома является, что на северной стороне двора расположена большая комната, с очень широким входом в нее. Этот вход настолько широк, что вряд ли его можно назвать дверью (ширина его — немного более 4 м). Это скорее портик (пастада). Правда, здесь отсутствуют колонны, и за пастадой нет никаких жилых помещений; жилые помещения сдвинуты несколько в сторону (рис. 8). Но подобное расположение комнат встречается и в Приене³¹ и на Делосе³². Расположение пастады на севере целиком отвечает принципам античной архитектуры³³ и прямо противоположно старой вавилонской традиции расположения важнейших жилых помещений на южной стороне двора³⁴. Очень близко приенским домам

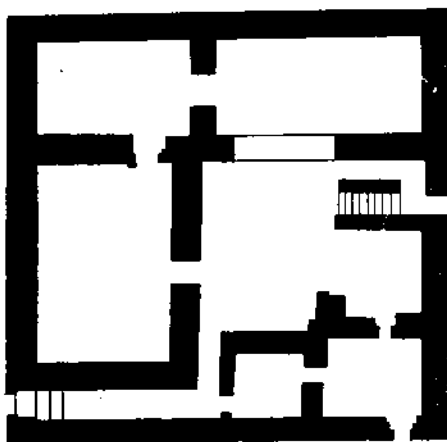

Рис. 7. Дуре — Европос. Богатый дом

²⁵ N. E. Manassch. Указ. соч., стр. 31.

²⁶ См. например, O. Reuther. Parthian Architecture. SPA, t. 1. London — New York, 1938, p. 428; F. Oelmann. Hilani und Liwan-Haus. «Bonner Jahrbücher», H. 127 (1922), S. 189, 217—236.

²⁷ F. Cumont. Fouilles de Doura — Europos (1922—1923). Paris, 1926, p. 241 сл.

²⁸ F. Cumont. Указ. соч., стр. 245.

²⁹ О дате основания города см.: M. Rostovtzeff. Dura — Europos and its Art. Oxford, 1938.

³⁰ M. Rostovtzeff. Dura — Europos..., стр. 37.

³¹ Th. Wiegand, H. Schrader. Указ. соч., стр. 294, дом XXVI.

³² J. Chamonard. Exploration archéologique de Delos, v. VIII, part. I. Paris, 1922, p. 118, 176.

³³ Vitruv., VI, 7, 1; Xenoph., Oec., 9, 2—5; Xenoph., Memorab., III, 8, 9.

³⁴ R. Koldeweiy. Указ. соч., стр. 258 сл.; ВИА, т. I, стр. 433.

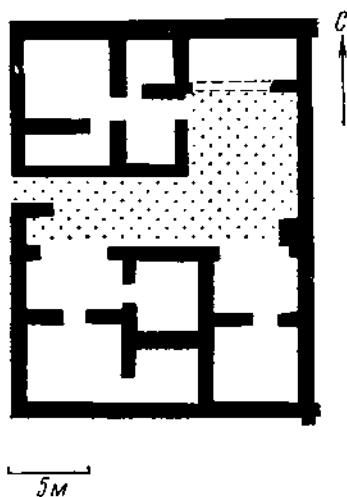

Рис. 8. Приена. План дома

устройство входа, когда главная дверь в дом выходит не на главную улицу, а в боковой переулочек, в то время как длинный и узкий коридор ведет от входа к дворику, делая зачастую при этом изгиб. Отделка дома также выдержана, в основном, в традициях греческой архитектуры, но с некоторыми сирийскими элементами³⁵.

Восточное влияние сказывается в устройстве глубоких полуподвальных помещений. В них жители проводили наиболее жаркую часть дня³⁶. Дома с таким устройством известны в Беграме кушанского времени³⁷, встречены в Самарре³⁸ и довольно широко распространены в современном Иране³⁹.

От этого, эллинистического по своим основным принципам дома, хотя уже и с частично-переработанной в соответствии с местными архитектурными традициями пастадой, резко отличаются дома последующего времени в Дуре — Европос (рис. 9). Все эти дома чисто восточные по характеру⁴⁰ и очень сходны с вавилонскими домами предшествующих эпох⁴¹.

Общий тип дома Дуре — Европос этого времени характеризуется большой ролью внутреннего дворика, в который ведет довольно длинный проход (иногда с поворотом). Такие повороты обычны в домах Ура⁴² и в домах Ашшурца парфянского времени. Комнаты располагаются вокруг

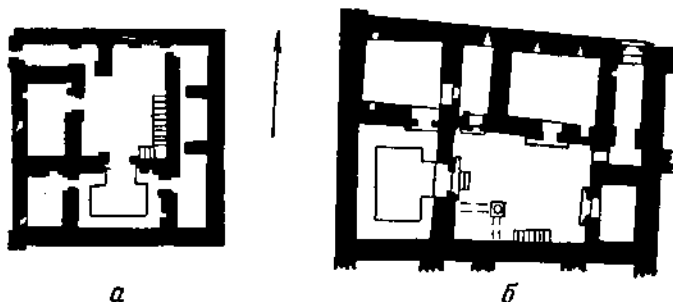

Рис. 9. (а, б) — планы так называемых типичных домов

двора. Главная комната — «диван», — обычно находится на южной стороне двора. В наиболее богатых домах она является центром для целого ряда комнат, выходящих в нее⁴³. В громадном большинстве случаев вдоль трех или четырех стен «дивана» идут низкие (примерно 20 см) и широкие (до метра) скамьи-суфы, сделанные из сырца или мелких камней. По мнению работавших

³⁵ F. Cumont. Указ. соч., стр. 245.

³⁶ Там же, стр. 246.

³⁷ R. Ghirshman. Begram. Cairo, 1946, p. 23.

³⁸ E. Herzfeld. Bericht über die Ausgrabungen in Samarra. Berlin, 1912, S. 14.

³⁹ «Народы Передней Азии». М., 1957, стр. 525.

⁴⁰ C. Perkin's. Private Houses. The Excavations at Dura — Europos. «Prelim. Report of 5th Season of Work», New Haven, 1934, p. 33.

⁴¹ M. Rostovtzeff. Dura — Europos..., p. 49; е го же. New Material for the History of Dura. «Prelim Report of 5th Season...», p. 311.

⁴² См. L. Woolley. Excavations at Ur 1930—31. «Antiquaries Journal», October, 1931, v. XI, № 4, p. 433 сл., планы на табл. XVII.

⁴³ F. E. Brown. House in Block E. «Prelim. Report of 6th Season...», New Haven, 1936, p. 11.

здесь археологов, отсутствие в «диванах» наиболее богатых домов этих скамей-суф объясняется тем, что в этих домах они были сделаны из более дорогого материала — дерева ⁴⁴ и потому не сохранились. Скамьи, видимо, покрывались коврами или пыновками. Хозяин, сидя или полулежа на них, беседовал с посетителями. Такие комнаты с суфами вдоль стен по устройству и назначению очень близки современным приемным комнатам людей среднего достатка в Ираке ⁴⁵.

В одном из углов двора находится вход в кухню, часто украшенный одной или двумя колоннами ⁴⁶, и лестница, ведущая во второй этаж или, чаще, на плоскую крышу, играющую летом роль спальни. Это также сближает дома Дура с современными домами Ирака ⁴⁷. Такой принцип устройства и назначения крыши этих домов резко отличается от устройства крыши зданий в районе агоры, где больше чем где-нибудь сохранились остатки эллинистической эпохи. Большое количество кровельной черепицы и ряд почти целых антефиксов, относящихся к эллинистическому времени, очень резко контрастируют с полным отсутствием их в вышележащих слоях, что свидетельствует о том, что в раннюю эпоху жизни города для покрытия крыш использовалась черепица, а в более позднее время господствующим, если не единственным типом, являлась плоская крыша ⁴⁸, устроенная, видимо, также, как устраивались плоские крыши домов Селевкии (вдоль накладывались плоские брусья, поперек — тонкие жерди, засыпанные сверху землей и известью и обмазанные слоем извести). Таково же устройство крыш и парфянского Ашшура. Еще одной деталью, сближающей дома Селевкии и Дура — Европос, является устройство скамей во дворе, встречающееся как в Селевкии, так и в Дура — Европос.

На примере ряда домов можно проследить, что в Дура — Европос смена дома восточного типа эллинистическим произошла не столь резко и внезапно, как это произошло в Селевкии. Есть несколько домов, являющихся в той или иной степени переходными ступенями от эллинистического к восточному типу дома. Ясно, что этот переход был медленным и постепенным. Уже в эллинистическом доме, раскопанном Кюмоном, мы отмечаем некоторые восточные черты. Очень интересен дом А в блоке G₇, который при чисто восточном плане сохранил одну черту, сближающую его с домом, раскопанным Кюмоном, — две комнаты, вероятно, женская половина дома, построены отдельно от всех остальных жилых и хозяйственных помещений ⁴⁹. Таково же было устройство и дома, расположенного рядом с маленьким храмом «римских стрелков» ⁵⁰. Характерно, что такая чисто восточная черта, нигде не встречающаяся в эллинистической архитектуре, как скамьи-суфы в приемных комнатах-диванах, широко распространилась в Дура — Европос только начиная со II в. н. э. ⁵¹, а ранее встречается только эпизодически (например, дом Н квартала G₇). Наблюдение подтверждается историей дома К в квартале G₃, где суфа, да фактически и сам «диван», первоначально отсутствовали (I в. н. э.) (рис. 10) и появились только позднее ⁵². Это, видимо, также подтверждает положение о том, что изменение типа жилища в Дура — Европос было процессом медленным, постепенным. Характерно, что в ряде домов позднего периода Дура — Европос пережиточно сохраняются иортики, стоящие в западной или восточной части двора (очень редко на севере). Они перестали играть

⁴⁴ F. E. Brown. House in Block E, p. 11.

⁴⁵ «Народы Передней Азии», стр. 524.

⁴⁶ C. Hopkins. Private Houses, p. 53.

⁴⁷ M. Rostoytzeff. Dura — Europos..., p. 49.

⁴⁸ The Excavations at Dura — Europos. «Prelim. Report of 9th Season...», part. I. The Agora and Bazaar. New Haven, 1944, p. 20—21.

⁴⁹ C. Hopkins. Private Houses, p. 35.

⁵⁰ C. Hopkins. Report on Find. «Prelim. Report of 2nd Season...», New Haven, 1931, p. 57.

⁵¹ The Excavations at Dura — Europos. «Prelim. Report of 9th Season...», part I. New Haven, 1944, p. 78.

⁵² В Беграме «диван» появляется впервые только в Сасанидскую эпоху (R. Chirshman. Указ. соч., стр. 33, рис. 15).

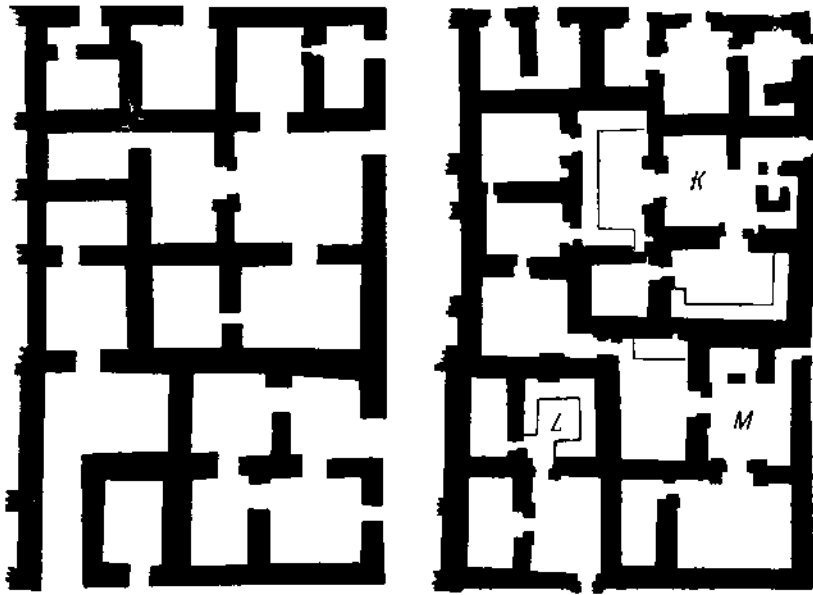

Рис. 10. Дура — Европос. Квартал G₃, дома K, L, M. Два этапа жизни квартала

сколько-нибудь заметную роль в архитектуре дома, поскольку в большинстве случаев площадь, занимаемая ими, очень невелика, комнат за ними нет или, если и есть, то портик представляет собой не более как небольшой навес над входом в кухню⁵³.

Таким образом, в позднеэллинистическое и римское время в Дура — Европос господствующим является восточный тип дома, хотя пережиточно встречаются отдельные черты, свидетельствующие о том, что в прошлом жилая архитектура города была эллинистической. Интересно, что в богатых домах этих черт больше⁵⁴. На основании имеющегося материала трудно сказать, с какого времени мы можем говорить о начавшейся замене эллинского жилого дома восточным. Можно только предполагать, что смена эллинского типа жилого дома восточным происходит тогда же, когда эллинский тип храма в Дура — Европос заменялся восточным, т. е. примерно начиная с середины I в. до н. э.⁵⁵

Таким образом, можно считать установленным, что для архитектуры жилого дома греческих городов Парфии характерным является переход от эллинских принципов планировки к восточным. Процесс этот нельзя сводить только к утрате домов эллинских черт и приобретению им каких-то бесчисленно восточных черт. Картина гораздо более сложная: первоначально, видимо, благодаря завоеванию и повсеместному распространению эллинской культуры, создается местный локальный вариант эллинистического дома. Эту локальную окраску ему придает влияние культуры

⁵³ The Excavations at Dura — Europos. «Prelim. Report of 9th Season...», part I, дома G₄A — стр. 152, рис. 71; G₂B — стр. 149, рис. 69; дом G₂C — стр. 149, рис. 60; дом G₁B — стр. 145, рис. 65 и т. д.

⁵⁴ M. Rostovtzeff. Dura — Europos..., стр. 49.

⁵⁵ M. Rostovtzeff. Dura — Europos..., стр. 38—39. Вряд ли можно считать началом этого процесса вторую половину II в. до н. э. — дату смсны эллинистического дворца в цитадели парфянского. Дело в том, что этот дворец представляет до некоторой степени уникальное явление в Дура. Это единственный пример айванной архитектуры в Дура — Европос, не имеющий сходства с остальными зданиями и стоящий особняком. Можно, видимо, считать, что айванный вариант восточной архитектуры для Дура — Европос остался чуждым.

исконного местного семитского населения, выступающего здесь в качестве глубокого и мощного субстрата. Это можно проследить и в Дура — Европос и в Селевкии. Далее в Дура — Европос развивается тот совершенно новый тип дома, который обычно называется диванным. При этом надо подчеркнуть, что данный тип дома отнюдь не представляет собой возрождения какого-либо из типов древнемесопотамских домов. Это совершенно новый тип дома, хотя генетически и связанный больше всего с домами древней Месопотамии. В Селевкии же создается другой тип дома — айванный. По своему происхождению этот тип является, вероятно, результатом творческой деятельности не семитского субстрата, а другого этнокультурного элемента — иранцев. Насколько мы можем проследить, изменение архитектуры жилого дома Дура — Европос и Селевкии было только одной из черт, характеризующих сложный процесс ориентализации их культуры.

Меняются религиозные воззрения и соответственно резко меняется характер дворцовых и храмовых зданий, росписи, характер отделки, скульптуры.

Выше уже отмечалось, что изменения характера жилого дома в различных городах Парфии происходили различно. Это различие, как нам представляется, связано с различными судьбами греческих городов, оказавшихся под властью Парфии. Лишение мелких греческих городов типа Дура — Европос их привилегий, являвшееся результатом парфянского завоевания, привело к тому, что право гражданства перестало быть тем **серьезным барьером**, который отделял местное население от греков. Коренное местное население нахлынуло в греческие города⁵⁶. В условиях тесных контактов между местным и греческим населением происходит взаимовлияние и взаимопроникновение культур; восточная культура громадного большинства населения, имеющая глубокие местные корни, родившаяся и выросшая в этих условиях, оказывается более жизнестойкой и одерживает решительную победу над греческой. Этот процесс протекает довольно медленно и плавно, без резких скачков и взрывов.

Иное положение сложилось в Селевкии. Селевкия и при парфиях сохраняла свою автономию, вела долгую и упорную борьбу с центральным правительством. Это обстоятельство привело к тому, что греческое население города сохранило свою культуру, свои обычаи, свои нравы. Только поражение Селевкии в «великом» восстании привело к резкому изменению культуры города, что, видимо, связано с вселением в город значительного числа пегреческого населения.

⁵⁶ Г. А. Кошелевко. Городской строй греческих полисов Западной Парфии. ВДИ, 1960, № 4, стр. 74.

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Античные основы раннесредневековой культуры или, иными словами, эллинистические истоки культуры ранней Византии — тема очень старая. Достаточно напомнить классическую работу Д. В. Айналова «Эллинистические основы византийского искусства», вышедшую 60 лет назад и открывшую целый ряд последующих исследований. Но тема эта неиссякаема, ибо почти каждый новый памятник открывает новые грани в богатом античном наследии. Да и вообще трудно разграничить античность и раннее средневековье, являвшееся ее прямым и органически слитным продолжением: ни отделение Восточной Римской империи от Западной (476 г.) ни основание Константинополя, ни победа христианства (Миланский эдикт, 313 г. или Никейский собор, 325 г.), ни какая-либо другая условная дата начала средних веков не была рубежом, сколько-нибудь разделявшим эти две великие культуры, ибо наступление новой формации, феодальной на смену рабовладельческой, было сложным и длительным процессом, растянувшимся на несколько столетий. В такой же мере и формирование ранневизантийской культуры, отнюдь не являвшейся повторением пройденного, было сложным и не менее длительным процессом, шедшим к тому же в различных местах по разному и с различной степенью интенсивности. То еле ощутимый и скрытый, то обострившийся и бурный, то, казалось, возвращавшийся к античным истокам, процесс этот привел к созданию новой, византийской культуры, в которой, однако, античные традиции никогда не исчезали: они проходят красной нитью через всю ее историю. Это проявляется и в технической и в художественной культуре: античность воспитала не одно поколение средневековых зодчих и художников.

Наша задача — лишь несколько конкретизировать этот общий и очевидный тезис на материале Северного Причерноморья и на том вещественном материале, который дают раннесредневековые города Таврики — Херсонес и отчасти Боспор.

Однако в кратком изложении, конечно, невозможно сколько-нибудь полно охватить и этот материал. Поэтому остановимся лишь на некоторых проявлениях античных традиций, преимущественно в сфере художественной культуры.

В IV—V вв. некогда могущественное Боспорское царство, разгромленное гуннами, пало. Его название (Боспор) стали теперь относить лишь к самому городу (Пантикапею), навсегда утратившему свое былое значение. Экономическим и политическим центром и наиболее крупным городом Таврики стал Херсон (так называли в средние века Херсонес).

Это был один из тех сравнительно немногих римских городов, которые уцелели в раннее средневековье. В то время, в V—VI вв. он, конечно, уже утратил характер,

позднеантичного полиса как центра рабовладельческой организации, утратил связь с крупной земельной собственностью, перестал быть и средоточием крупного товарного производства, хотя и оставался центром сельскохозяйственной округи, в которой основная роль перешла, по-видимому, к общине с ее натуральным хозяйством¹. Вместе с тем Херсон продолжал быть оживленным городом, прежде всего благодаря тому политическому значению, которое он приобрел в системе византийских владений в качестве форпоста империи в Северном Причерноморье. В дальнейшем Херсон разделил судьбу большинства других византийских городов, захиревших в результате окончательного падения всей рабовладельческой системы и ослабления централизованного государства, каким была раиня Византия. Процесс этот в VII—VIII вв. привел к обнищанию и аграризации городов². История Херсона наглядно иллюстрирует этот процесс: V—VI вв. отмечены ликвидацией крупного товарного производства (множество больших рыбозасолочных цистерн было заброшено именно в это время), в конце VI — начале VII в. резко сократилось денежное обращение (прекратился выпуск собственной монеты), что указывает на натурализацию хозяйства; приблизительно тогда же прекратилось монументальное строительство, столь интенсивное в конце V и в VI в. А в VIII в. город заустел.

Обратимся к материальной культуре раннесредневекового Херсона. Наиболее характерной чертой всего его облика в те времена была геометрически правильная планировка (прямые улицы, прямоугольные кварталы), т. е. планировка еще классического времени, связанная с именем Гипподама милетского и унаследованная от античности. Эта классическая планировка удержалась здесь на протяжении всего средневековья, правда лишь в своей основе, ибо последующие столетия внесли в нее не мало изменений.

Сколь ни мало мы знаем о жилых домах раннесредневекового Херсона, все же и в этом отношении нетрудно установить непосредственную преемственность от античности: в тех немногих случаях, когда в той или иной степени можно уловить планировку дома V—VI вв., она оказывается близка к планировке дома позднеантичного времени.

В V—VI вв. Византия настойчиво насаждала в Таврике христианство, как и везде, где устанавливалось господство империи, особенно в областях окраинных — языческих и «варварских». В Херсоне строилось множество храмов в виде вместительных базилик и целые храмовые комплексы. При строительстве их, по крайней мере наиболее крупных из них, придерживались старых античных языческих культовых мест — мест античных храмов, освященных временем³. Античная традиция проявлялась и в этом отношении.

Но в меньшей степени античные истоки ощущаются в самой ранней средневековой монументальной архитектуре Херсона, начиная с архитектурной композиции и кончая строительной техникой.

Наиболее показательны в этом отношении культовые здания — базилики и центрические здания, которые по примеру других византийских городов в не малом количестве возводились в Херсоне⁴. Хорошо известно, что христианская базилика, являвшаяся наиболее типичной формой культового здания раннего средневековья, представляла собой приспособление трех- или пятинефного светского парадного зала

¹ Общинный строй следует скорее всего подразумевать в рассказе Прокопия о свободном земледельческом населении в области Дорис, т. е. в юго-западном нагорье Крыма (De aedificiis, III, 7).

² А. П. К а ж д а н. Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 187.

³ Базилика Уваровская, Восточная, базилика в центре города (на его агоре).

⁴ О монументальной светской архитектуре раннесредневекового Херсона (дворцах, термах и пр.) мы лишены возможности судить, ибо таких памятников до нас не дошло. Единственное крупное здание, может быть дворец, которое, возможно, относится к V—VI вв., настолько плохо зафиксировано, что молучить о нем представление невозможно, а сами остатки, открытые раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича (Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. ИАК, в. 16, 1905, стр. 47), были застроены монастырем (ныне здание Античного отдела Херсонесского музея).

эллинистического типа (отсюда и название базилика — царский зал) к потребностям нового культа⁵. Популярность базилик определялась тем, что, благодаря своей большой вместительности, эта архитектурная форма полнее всего удовлетворяла новым задачам массовой пропаганды христианства, особенно в провинции, где эта задача имела большое политическое значение⁶.

Применительно к Херсону речь должна идти, конечно, не о грандиозных базиликах типа базилика Петра в Риме или базилика в Вифлееме и не о больших базиликах с трибуналом, превращенным в трансепт для развертывания литургического действия, а о сокращенном варианте трехнефных базилик с нартексом, нередко с атриумом и с деревянным стропильным перекрытием. Именно такая базилика была обычна в IV—VII вв. на эллинистическом Востоке, в частности в Малой Азии, постоянное и тесное общение с которой вполне объясняет появление этой композиции в городах Таврика, не только в Херсоне, но и в Тиритаке, Партепитях, Доросе, Эски-Кермене.

Наряду с базиликой в Херсоне V—VI вв. была очень популярна композиция мемориальных храмов и мавзолеев в виде чистого креста, представленная целым рядом памятников как отдельно стоящих (храм «с ковчегом», храм на акрополе, загородный храм), так и пристроенных к базиликам (к Восточной и к Западной). И эта форма генетически восходит к античной архитектуре — архитектуре погребального склепа первых веков нашей эры, в котором к центральному квадрату примыкают прямоугольные ниши, образуя в целом крестообразный план. Тип такого склепа был широко распространен на эллинистическом Востоке, как и его наземное воспроизведение, известное в Малой Азии задолго до IV в., примером чего может служить такой памятник, как мавзолей II—III в. в Термесе (в Пизидии)⁷.

И даже такая, казалось бы, своеобразная архитектурная композиция, как триконхиальная купольная крещальня рядом с Уваровской базиликой, включенная в этот большой культовый комплекс, — и та представляет собой в сущности сильно упрощенный вариант центрических композиций римского времени, вошедших в золотой фонд ранневизантийского зодчества. Хорошо известно, насколько был развит в римской архитектуре центрический принцип. Достаточно назвать увенчанные куполами круглые постройки с квадратным основанием, с экседрами в углах и бассейном посередине, обычные для терм (Стабианские термы II в., термы Тита и Траяна, термы Каракаллы и др.), использованные и в богатых виллах и во дворцах, а затем унаследованные раннехристианской архитектурой для баптистериев; назовем и купольные ротонды с прямоугольными и полукруглыми нишами, служившие мавзолеями (Пантеон), и различные октогональные композиции. Именно из этого архитектурного круга исходили ранневизантийские зодчие, создавая свои прославленные творения — собор в Босре (512 г.), храм Сергия и Вакха в Константинополе (527 г.), храм Виталия в Равенне (между 525 и 534 гг.). Именно на этой линии развития находится и скромная херсонская крещальня, композиция которой может быть объяснена архитектурным синтезом римской ротонды и круглого зала римских терм с нишами в углах. Херсонская крещальня — это упрощенное и провинциальное выражение того сложного процесса, который восходит к античной архитектуре.

Да и сама строительная техника, обычная в раннесредневековом Херсоне — полностью следует античной традиции, вернее традиции римского времени. Речь идет

⁵ Мы здесь не будем вдаваться в проблему происхождения базилики. Относительно этого существует не мало теорий, возводящих базилику то к часовне над катакомбами (*cellae trichogae*), то к жилому дому, то к языческому храму, то к городской площади, окаймленной портиками, или к перегороженной улице с портиками по сторонам. Так или иначе, но в период массового строительства древнехристианских базилик, т. е. в IV в., композиционная основа их уже вполне сформировалась.

⁶ Кстати сказать, к этой архитектурной форме обращались и позднее, когда вновь возникала проблема массовой христианизации. Так было в Болгарии, принявшей христианство в 864—865 гг. (базилика в Преславе и Плиске), в то время как в самой Византии базилика уже отошла в прошлое.

⁷ J. S t r z y g o w s k i. Kleinasien. Leipzig, 1903, S. 136.

о технике монументального строительства, как наиболее показательной для нашей темы.

Еще Витрувий (конец I в. до н. э.) описывал⁸ монолитную кладку из больших и хорошо пригнанных блоков камня (квадров) на растворе; из них выкладывали обе стороны стены и только узкий внутрестенный промежуток заполняли бутом. В мощных крепостных стенах эти квадры сложены с чередованием точков и ложков. Этот принцип кладки господствовал в архитектуре эллинистического Востока — в Сирии и Малой Азии (и в Закавказье) как в римский, так и в раннесредневековый период. Именно этой технике следовали строители крепостных стен и монументальных зданий Херсона в VI в., унаследовавшие ее от своих непосредственных предшественников. В раннее средневековье эта античная техника была традиционной. То или иные несущественные отличия, зависящие от характера постройки, не меняют суть дела.

В крепостном строительстве римского времени в ходу был и прием облицовочной кладки из массивных плит, поставленных на ребро и чередующихся с плитами, уходящими вглубь стены и связывающими облицовку с забутовкой стены⁹. Этот прием был также использован херсонскими крепостными строителями, но позднее V в. он здесь не наблюдается.

Интересно, что квадратная кладка в чистом виде не характерна для столичной византийской архитектуры, где обычна смешанная кладка в виде чередования кирпича и камня (*opus mixtum*). Херсонские строители раннего средневековья и в этом отношении следовали традициям эллинистического Востока.

Однако *opus mixtum* применялся и в Херсоне; об этом говорят некоторые монументальные постройки V—VI вв. (Уваровская и Северная базилика, базилика 1935 г., Уваровская крещальня, куртина 13-ая крепостной стены и некоторые другие сооружения). Но и эта техника, как известно, античного происхождения: смешанная кладка известна уже в I в. н. э.¹⁰

Средневековая строительная культура очень медленно перерабатывала античные традиции. Достаточно напомнить, что принцип чередования кирпича и камня дожил в Византии, в Балканских странах и на Руси до конца средневековья, хотя и перерождается постепенно в чисто декоративный прием.

Обратимся, наконец, к мозаичной живописи. Несколько очень интересных мозаичных полов сохранилось и в Херсоне, в наиболее полном виде — в загородном крестообразном храме; значительный фрагмент уцелел в базилике 1889 г.; мозаики бокового нефа сохранились в базиликах 1932 г.; о мозаичном поле южного нефа Уваровской базилики даст представление старый рисунок, фиксирующий их *in situ*, и сама мозаика, перенесенная еще в 1853 г. в Эрмитаж и украшающая, хотя и в перекомпанованном виде, один из залов античного отдела. Мозаики эти относятся преимущественно к VI в. (лишь одна, принадлежащая первоначальной базилике 1935 г., может быть датирована второй половиной или концом V в.). Некоторые из мозаик, особенно в загородном крестовом храме, сложны по композиции и многообразны по своему составу (здесь имеется в виду разнообразие тех декоративных элементов, которые в них использованы). Однако вряд ли можно назвать хотя бы один мотив, орнаментальный или изобразительный, который впервые появился бы именно в раннее средневековье. Наоборот, все они без исключения почерпнуты из сокровищницы римского мозаичного искусства.

Зигзаги, напоминающие паркет, и плетенки — те и другие со светотенью, переданной градацией цвета; звезды, составленные из ромбиков (в первоначальной базилике 1935 г.); пересекающиеся круги (мотив, особенно часто встречающийся на

⁸ M. Vitruv., De architectura, II, VIII, 4—7.

⁹ Его также описывает Витрувий: De architectura, II, VIII, 1.

¹⁰ См.: Архитектура древнего Рима. ВИА, т. II. М., 1948, стр. 215, 216.

херсонских мозаиках в базиликах 1889, 1932 и 1935 гг., Уваровской базилике); ко-
пировый узор из восьмигранников (в Уваровской базилике), как бы отражающих на по-
лу кессоны свода; круги с лучами из треугольников (там же) или большой квадрат
с вплетенным в него кругом с канфаром и итичками внутри его (крестовый храм);
ромбы, вписанные в квадраты, с мелкими квадратиками в углах (там же); ромбы с
кругами, вписанные в прямоугольники, с изображением птиц внутри них (базилика
1889 г.); вьющийся стебель плюща или виноградная лоза с ответвляющимися листь-
ями, произрастающая из канфаров (этот орнамент служит обрамлением всех мозаик),
сплетенные круги, как бы заключающие в себе все многообразие мира — изобра-
жение зверей, птиц, рыб, плодов и пр.; павлины по сторонам канфара, как и сами
канфары — все эти декоративные мотивы хорошо известны по многочисленным рим-
ским мозаикам богатых вилл в Италии и Греции, Малой Азии и Антиохии (давшей
особенно богатый материал), Северной Африки и Галлии.

Раннесредневековый мозаичист, работавший в Херсоне, как видно хорошо знал
мозаичное искусство своих предшественников, и по всей вероятности не только непо-
средственных, и следовал им.

Велика была сила античных традиций в культуре раннесредневекового Херсона.
Город удерживал облик позднеимперского полиса. Даже античные статуи, возможно,
долгое время продолжали украшать Херсон, пока некоторые из них в 989 г. не были
вывезены Владимиром в Киев¹¹.

Однако все, о чем была речь, характеризует только одну сторону дела, скорее
внешнюю сторону раннесредневековой культуры Херсона. Внутренним ее содер-
жанием являлся интенсивный процесс переосмысления и переработки античного
наследия. Процесс этот не был, конечно, локальным явлением: в той или иной мере он
шел во всех областях обширной византийской империи. Но мы, держась рамок на-
шей темы, ограничимся памятниками Херсона, дающими в этом отношении доста-
точно выразительный материал.

Как и везде, процесс этот происходил здесь на фоне глубоких изменений во всей
жизни города и прежде всего в его экономике. Крупное товарное производство в
V—VI вв. резко сократилось, ремесло пришло, видимо, в упадок. Оживление города
в значительной степени было обязано очень большому по тем временам строительству
крепости и храмов, предпринятому Византией в политическом центре Таврики, ка-
ким стал Херсон. Строительство это привлекало сюда массу рабочего люда. С другой
стороны росло влияние церкви, особенно в эпоху Юстиниана, усиливалась христи-
анизация местного населения, часто насильственная, требовавшая обширного
строительства храмов¹². Все эти явления в той или иной мере, непосредственно
или опосредствованно, не могли не отразиться на судьбе античного наследия.

Под влиянием новой экономической и социальной обстановки начала меняться
планировка города. Небольшие кварталы Херсона, как это показали раскопки на
северном берегу города, стали сливаться. Началось это, собственно, в позднеим-
перский период, но в раннее средневековье усилилось. Вместе с тем существенно менялся
характер внутренней планировки кварталов: если в эллинистическое время целый
квартал могло занимать одно здание, а в первые века нашей эры — два-три боль-
ших дома¹³, то в средние века число усадеб в квартале все увеличивалось, хотя раз-

¹¹ «Взя же и медяне две капищи и 4 коии медянь». ПСРЛ, I, 1926, стбц. 116.

¹² Епископ становится настоящим хозяином города. К нему переходят функции курии (E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI Internationalen Bysantinisten-Kongress, V, 3. M ü n c h e n, 1958, S. 7; Г. Л. К у р б а т о в. Некоторые проблемы разложения античного полис-
ного строя в восточных провинциях Римской Империи IV в. «Вестник ЛГУ», 1960, № 2, стр. 59, 60.

¹³ Например, большое здание в XV квартале. Ср.: Г. Д. Б е л о в и С. Ф. С т р ж е л с к и й. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.). МИА, № 34, табл. II, (к стр. 106).

мер их уменьшался. Иначе говоря, перемены связаны были с изменением характера городских усадеб, т. е. изменениями социальными: немногие богатые жилые дома уступали место небольшим домам горожан¹⁴.

Менялась и монументальная архитектура. Здесь, конечно, не место обсуждать эту большую тему. Мы ограничимся лишь тем, что можно наблюдать на памятниках самого Херсона.

Прежде всего позднееримская христианская базилика была крайне упрощена. Упрощена была сама архитектурная композиция, которая свелась к простому массиву с немного возвышающейся над центральным нефом средней частью и с выступающей граненой или полукруглой апсидой; трансепт исчез, атрий был только в одной базилике. Очень немногое осталось от богатства внутренней отделки римских базилик — лишь резные мраморы проконнесского производства (капители, илты амвона и предалтарной преграды) и мозаики на полу боковых нефов¹⁵. От разработки фасадов здания, от его украшения херсонские зодчие отказались полностью. Господствовала гладь стены, прорезанная лишь редкими удлиненными окнами; ее оживляли только пояса кирпичной кладки. Отказ от какой-либо декоративной разработки фасадов базилик был, конечно, не столько следствием экономии средств, сколько проявлением определенной тенденции — стремлением к суровой простоте, своего рода архитектурному аскетизму. Явление это было отнюдь не местным, херсонским; оно сказывалось уже в древнехристианских базиликах IV в., но в ранневизантийском зодчестве эта черта получила дальнейшее развитие, особенно в провинции. Что это была определенная художественная тенденция, показывают памятники монументальной пластики — мраморные капители V—VI вв. Правда, они привозились в Херсон в готовом виде; но здесь они широко использовались, и потому неотделимы от его архитектуры.

И в данном случае в нашу задачу, конечно, не входит излагать историю византийских капителей и их зависимость от античных, ибо это общеизвестно. Нам важно уловить процесс изменения и его направленность. Это наглядно показывает сравнение позднееримских и раннесредневековых капителей. Но мы ограничимся сопоставлением только двух мраморных капителей. Одна из них — это греко-восточный вариант коринфской капители середины V в. — так называемая феодосианская, окруженная двумя ярусами зубчатого аканфа (рис. 1, 1); такие капители украшали некоторые базилики Херсона. Другая капитель — с двухярусной лиственной также зубчатого аканфа, причем каждый лист окаймлен стрельчатым валиком; судя по датированным аналогиям, капитель относится приблизительно к середине VI в. (рис. 1, 2). Обе они мастерски выполнены из проконнесского мрамора. В феодосианской капители аканфовая листва, как бы вырастающая из корзины, передана резчиком очень реалистично и еще близка эллинистическому прототипу; сильно свешивающиеся листья еще более способствуют этому ощущению. В резьбе капители VI в. реализм, наоборот, утрачен полностью, словно изгнан: листьям придана геометрическая форма, они трактованы не как растительный мотив, а как отвлеченный орнаментальный узор. Реалистическая листва превратилась в орнамент. Это был резкий отход от традиций античного реализма в сторону геометризации и отвлеченности.

Еще рельефнее и полнее те же явления отражены в раннесредневековых мозаичных полах Херсона, о которых уже шла речь выше. Насколько бесспорно античное происхождение всех изобразительных и орнаментальных элементов этих мозаик (точнее, их римские истоки), их набор и общая композиционная основа (там, где она

¹⁴ Размеры домов еще больше сокращались, возможно, вследствие дороговизны земельных участков, как следствие податного гнета, увеличившегося в пору усиления зависимости Херсона от Византии.

¹⁵ Центральный неф покрывался большей частью мраморными плитами, нередко вторичного использования (базилика 1935 г.).

1
 Рис. 1. Византийские мраморные капители из Херсонеса:
 1 — феодосианская середины V в., 2 — капитель VI в.

прослеживается), настолько же бесспорно, что в руках ранневизантийского мозаичиста эти элементы приобрели новые качества и новое звучание.

Особенно показательны в интересующем нас аспекте мозаики загородного крестообразного храма. Не только отдельные мотивы, но и весь стиль античных мозаик здесь выглядят существенно переработанными. Очень характерны в этом отношении сплошные сплетенные круги на мозаиках западной ветви креста; в круги включены самые различные изображения — животных, птиц, рыб, плодов, сосудов и пр. Многочисленные античные мозаики убеждают, что композиция эта восходит к изображению цветущего сада, переосмысленного, однако, согласно христианской традиции как библейский райский сад (кн. Исайи, XI, 6, 7). Но если на позднеантичных и даже на раннесредневековых мозаиках византийского Востока (рис. 2, 1) этот сад со сценами охоты представлен в живой реалистической манере в виде широко и свободно выющихся спиралью лоз, произрастающих из канфаров, с густо растущими виноградными гроздьями и листьями, с эронтами среди листвы и птичками, сидящими на лозах и клюющими виноград¹⁶, то на раннесредневековой мозаике этот разросшийся античный сад и пейзажи со сценами охоты превращен в условный сад — библейский рай. Все изображения заключены в разобщенные и изолированные ячейки — сплетенные круги (рис. 2, 2) Канфары (на другой херсонской мозаике, в базилике 1935 г.), изображавшиеся раньше среди живых растительных побегов, теперь стали помещать на отвлеченном белом фоне, они выглядят оторванными от реальной обстановки. Такой переработке подверглись, можно сказать, и все другие орнаментальные и образительные элементы позднеантичных мозаик.

Эти перемены могут найти себе объяснение только в тех новых идейных задачах, которые были поставлены перед искусством ранней Византии. Эти новые задачи исходили от церкви и устами некоторых ее деятелей были выражены достаточно определенно. В своем письме к епарху Олимпиодору св. Нил (начало V в.) «убеждал

¹⁶ Примерами могут служить мозаичные полы в Тунисе. Здесь мы приводим на рис. 2, 1 раннесредневековую мозаику из Иерусалима (храм на Елеонской горе), еще недалеко ушедшую от своих позднеантичных образцов (см. J. S t r z y g o w s k i. L'ancien art chrétien de Syrie. Paris, 1936, p. 182, fig. 105; P. G a u c k l e r. Inventaire des mosaïques de la Gaule et de l'Afrique. 1913, Planches, t. I, fasc. 1, № 139).

Рис. 2. Мозаичные полы:

1 — пол храма на Елеонской (Масличной) горе в Иерусалиме, 2 — часть пола загородного крестообразного храма в Херсонесе

и призывал» отказаться от изображения в храмах, например, сцен охоты, рыбной ловли, фигур зверей, требуя «наполнить святой храм рассказами из Ветхого и Нового Завета»; эти изображения, выполненные «рукою лучшего художника», должны были быть понятны неграмотным и тем самым как бы заменить им Библию. Нил настаивал на таких изображениях в храме, которые способствовали бы отрешению молящихся от всего земного, иначе говоря призывал к аскетизму в живописи¹⁷. Это требование церкви вело прежде всего к изменению самого содержания мозаик: античные светские сюжеты начали уступать место по преимуществу таким мотивам, которым христианство придало символическое значение: таковы рыба, агнец, каффар со священным вином, которым причащаются павлины, выступающие не просто в виде украшения, а в качестве символа бессмертия, и др.

Изменение смыслового содержания неизбежно сопровождалось формированием нового стиля раннесредневековых мозаик: с течением времени исчезла прежняя живописность и все более и более характерными становились геометричность формы, графичность рисунка (очень выразительны в этом отношении фигуры павлинов в центральном квадрате), статичность композиции, ее аскетичность. Реалистические картины позднеантичной мозаичной живописи сменились условным рисунком, отвлеченной схемой. Это относится не только к мозаикам пола, но и к настенной живописи, и к монументальной пластике. Это относится, можно сказать, ко всей ранневизантийской художественной культуре.

Было бы глубоко ошибочным сводить дело к утрате средневековыми художниками мастерства (это было бы не историческим подходом к явлению); суть — в новых идейных задачах, поставленных средневековьем. Но воплощались эти новые задачи художественными средствами, завещанными античностью.

Разумеется, процесс переработки античного наследия и формирования нового стиля шел далеко не везде одинаково: интенсивнее там, где сильнее проявлялось влияние церкви (в центрально-византийских областях, в Греции, на островах Эгейского моря, в западной части Малой Азии), и значительно слабее там, где это влияние сказывалось слабее (в Сирии, Палестине; это доказывают памятники Антиохии, Иерусалима, Герасы, Мадебы и др.).

Эти новые художественные явления отчетливо отразились и в Херсоне, который в средние века отнюдь не был оторван от окружающего культурного мира. Свообразный отклик те же явления получили и в восточной Таврике — на Боспоре.

Боспор в эпоху раннего средневековья находился, как говорилось, в упадке. Может быть, этим объясняется ничтожность числа дошедших до нас памятников того времени. Все же позволим себе обратить внимание на одно явление.

Речь идет о судьбе того замечательного ювелирного искусства, которое сложилось в греко-сарматской среде Боспора в III в., процветало в IV в. н. э. и распространилось затем на обширной территории Предкавказья и Закавказья, с одной стороны, и Северного Причерноморья и придунайских стран, с другой. Здесь имеются в виду хорошо известные и разнообразные изделия из благородных металлов — предметы украшения, сосуды, оружие, инкрустированное цветными полудрагоценными камнями, или только цветными стеклами, или стекловидной массой. В этих изделиях достижения и традиции эллинистического искусства получили приложение к собственно сарматскому творчеству, которым была наполнена жизнь Боспора во II—III вв.

Искусство это пережило несколько этапов. Последний из них характеризуется фибулами и пряжками из Боспорского некрополя на Госпитальной улице, относящимися к рубежу IV—V вв.¹⁸ Эти фибулы украшены головками змей и птиц с крупным глазом из вставного камня и изогнутым клювом, а также штампованным орна-

¹⁷ Migne. PG, t. 79, col. 577 и 580.

¹⁸ Л. А. Мадулевич. Погребение варварского князя в восточной Европе. ИГАИМК, в 112, 1934, стр. 108—115.

ментом в виде расходящихся завитков. На больших пряжках язычок обработан в виде головки змеи, к другой стороне примыкает головка птицы; пряжки также украшены вставными камнями ¹⁹.

В этих богатых украшениях полихромия уже утратила основное значение; на первый план выступила сама форма предмета, выработанная еще в III—IV вв. и, особенно, изображения зверей, которые придали новый облик этим украшениям — облик средневековый. Эти изображения также были унаследованы от античности, но античности «варварской», сарматской. Именно в сарматском искусстве еще задолго до V в. мы находим изображения птиц и змей, являющихся старыми местными мотивами. Изображения зверей на фибулах и пряжках олицетворяли языческие представления, уходящие своими корнями в глубокую древность скифо-сарматского мира ²⁰. Птица как бы олицетворяла стихию неба, змея была олицетворением стихии земли.

В виде пережитков и смутно осознаваемых образов, еще не утративших значение оберегов, отвращавших нечистую силу от человека, эти изображения дошли до ранне-средневековья и оставались обычными и излюбленными мотивами прикладного искусства коренного населения Таврики.

Не угасло это своеобразное позднеантичное искусство и в следующем столетии: после падения Боспора оно продолжало жить, но уже за его пределами — в городках юго-восточного и юго-западного Крыма (могильник Суук-су и могильник близ Чуфут-Кале). Однако это искусство существенно изменилось — опять-таки на основе тех же античных традиций. Средневековые мастера, сохранив старую форму фибул, сильно упростили и переработали ее: от цветных инкрустаций остался лишь намек в виде небольших выступов; змеиная головка была заменена утолщением, а головка птицы превратилась в ажурный орнамент; античный по своему характеру мотив штампованных завитков превратился в гравированные кружочки. Таким же изменениям подверглись и пряжки.

Упрощение это могло быть, конечно, вызвано относительной массовостью производства таких изделий в связи с ростом поселений в южной и юго-западной Таврике и стремлением удешевить продукцию. Но дело не только в этом. Надо иметь в виду, что переработка античных образцов происходила в стороне от старых эллинистических центров (такого рода фибулы и пряжки VI в. почти не встречаются ни на Боспоре, ни в Херсоне), т. е. в иной среде, где господствовали иные представления и иные художественные вкусы; однако античные традиции и здесь не замерли. Хотя и в слабой степени, они еще долгое время продолжали сказываться.

В кратком изложении, конечно, невозможно сколько-нибудь полно охватить поставленную перед нами тему. Ничего не было сказано об античных традициях в раннесредневековой технике и ремесленном производстве: в этом отношении раннее средневековье развивало, и притом довольно медленно, то, что оставила античность (это особенно наглядно показывает керамика). Ничего не говорилось и о прямой преемственности погребального обряда (типы погребальных сооружений V—VI вв. — типы античные), что также хорошо известно ²¹.

Пришлось ограничиться характеристикой лишь некоторых проявлений античных традиций, преимущественно в художественной культуре раннесредневековой Таврики — культуре, можно сказать, пронизанной античным наследием. Однако мы старались показать, что наследие это воспринималось отнюдь не пассивно; наоборот, оно постоянно находилось в процессе переоценки и изменения. Но вместе с тем это и были те основные камни, из которых складывалась средневековая культура городов Таврики.

¹⁹ Подобные фибулы и пряжки, помимо Боспора, в очень небольшом количестве известны в Суук-су, Херсоне и могильнике близ Чуфут-Кале (раскопки В. В. Кропоткина).

²⁰ Л. А. М а д у л е в и ч. Указ. соч., стр. 108.

²¹ В. В. К р о п о т к и н. Могильник Суук-су. СА, 1959, № 1, стр. 182 сл.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ — Античная декоративная живопись на юге России
АИБ — Археология и история Веспора, т. I, Симферополь, 1952
Архив ОГИМ — Архив Одесского государственного исторического музея
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ГНМП — Годишник на Народен музей Пловдив
Дело ИАК — Дело Императорской археологической комиссии
ДСИФ МГУ — Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета
ЗООА — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИБАИ — Известия на Българския Археологически Институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. Арм. ФАН — Известия Армянского филиала Академии наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИНМЕ — Известия на Народен музей Бургас
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории археологии и этнографии
КСБА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МАПШ — Материалы з археології Північного Причорномор'я
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РП — Разкопки и проучвания
СА — Советская археология
САН Груз. ССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СМОМПК — Сборник материалов для изучения местностей и племен Кавказа
Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
ТОНТЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ТСРАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ХС — Херсонесский сборник
AM — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts Athenische Abteilung
AJA — American Journal of archaeology
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
IPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — The Journal of Hellenic Studies
PG — Patrologia Graeca
REG — Revue des Etudes Grecques
ER — Realencyclopädie der Klassischen Altertumwissenschaft Pauly — Wissowa — Kroll
SC — Scythica et Caucasica
SPA — Survey of Persian art
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
<i>В. Д. Блаватский.</i> Античный город	7
<i>В. В. Лапин.</i> Экономическая характеристика Березанского поселения	31
<i>А. И. Фурманская.</i> Античный город Тира	40
<i>К. Э. Гриневич.</i> К вопросу об экономике архаической Ольвии	51
<i>М. А. Наливкина.</i> Керкинигида и Калос Лямен	55
<i>Г. Д. Белов.</i> Из истории экономической жизни Херсонеса во II — IV вв. н. э.	61
<i>И. Т. Кругликова.</i> Города Боспора в III в. н. э.	69
<i>М. М. Кобылина.</i> Культура Фанагории досарматского периода	84
<i>Н. И. Сокольский.</i> Кены	97
<i>Д. Б. Шелов.</i> Экономическая жизнь Тананса	115
<i>И. Б. Вршинский.</i> Экономические связи Синопы в IV — II вв. до н. э.	132
<i>А. М. Апакидзе.</i> Результаты археологического изучения античных городов Грузии	146
<i>А. И. Болтунова.</i> Античные города Грузии и Армении	153
<i>Г. А. Кошеленко.</i> Архитектура жилища греческих городов Парфии	170
<i>А. Л. Якобсон.</i> Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья	182
Список сокращений	191

Античный город

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Ф. Дубовикова. Художник Н. А. Седельников. Технический редактор Т. В. Полякова

РИСО АН СССР № 33—11Р. Сдано в набор 20/VIII 1962 г. Подписано к печати 29/XI 1962 г.

Формат 84×108³/₁₆. Печ. л. 12 + 4 вкл. = 20,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17,9 (17,5 + 4 вкл.)

Тираж: 2000 экз. Изд. № 1110. Тип. зан. № 1067. Т-14703.

Цена 1р. 24к.

Издательство Академии наук СССР, Москва Б-62, Подосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10